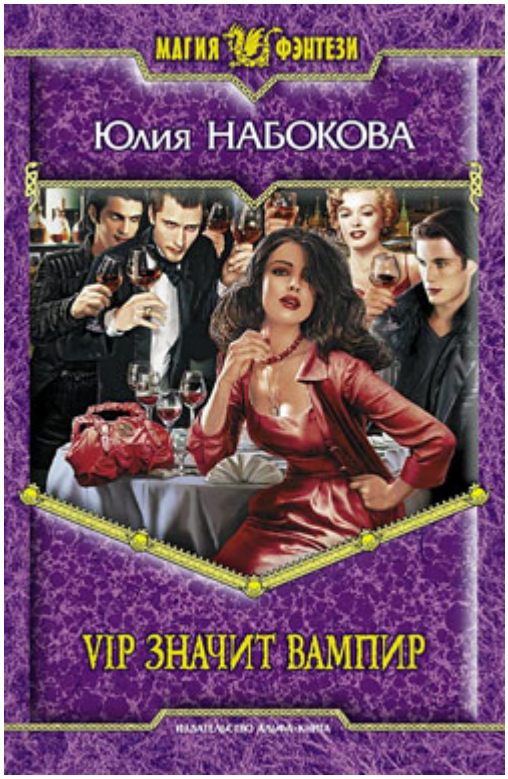
Юлия Набокова
VIP значит вампир



://www.litres.ru
«Набокова Ю. В. VIP значит вампир»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2008
ISBN 978-5-9922-0232-8

Аннотация

Бессмертие по клубной карте, кровь по талонам, йога в полночь, вечеринки до рассвета, шопинг вне очереди, любовь с первого укуса. Добро пожаловать в элитарный Клуб вампиров! Людям вход строго воспрещен.

Юлия Набокова
VIP значит вампир

КРАТКИЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАЖСКОГО ДОГОВОРА 1956 ГОДА

I. Порядок вступления в Клуб

1. Инициация новых членов Клуба осуществляется ТОЛЬКО с их согласия.
2. Вопрос о вступлении в Клуб рассматривается городским Советом старейшин.
3. Предпочтение отдается кандидатам, обладающим выдающимися талантами в одной из областей искусства, культуры, науки, а также тем, кто является ведущим специалистом в своей профессии.
4. Наиболее предпочтительный возраст для вступления в Клуб – 25–40 лет.
5. Запрещена инициация лиц моложе 18 лет, лиц, имеющих судимости или склонных к агрессии и насилию.
6. Каждый кандидат в обязательном порядке проходит психологические тесты,

результат которых оглашается публично.

7. Решение о вступлении в Клуб принимается всеобщим голосованием и утверждается Советом старейшин.

8. Совет старейшин имеет право вето.

9. Решение старейшин не обсуждается и обжалованию не подлежит.

10. Инициация кандидата проводится старейшинами. В исключительных случаях, с разрешения старейшин, – другими членами Клуба.

II. Права и обязанности членов Клуба

1. Члены Клуба обязуются хранить тайну о существовании организации.

2. Первые два года после вступления в Клуб новички получают ежемесячную материальную помощь в размере, установленном городским Советом старейшин.

3. Члены Клуба, опыт которых превышает два года, ежемесячно выплачивают в бюджет организации взносы, установленные городским Советом старейшин. Взносы идут на поддержание новичков, развитие специализированных учреждений, покупку жилья и транспортных средств для городского фонда и финансирование научных исследований.

4. В случае материальных затруднений выплата взносов может быть заменена общественными работами.

5. В целях секретности существования организации члены Клуба периодически (не реже одного раза в десять лет) обязаны сменить город пребывания, имя и идентификационные документы.

6. При переезде член Клуба оставляет в фонд городского филиала принадлежащую ему недвижимость и транспортные средства и получает по прибытии в новый город равноценные им жилье и транспортные средства из фонда города.

Глава 1
ВАМПИР НОСИТ «АРМАНИ»

Я начитанная. Все время читаю. Все журналы – от корки до корки.

Кэндес Бушнелл. Секс в большом городе

Смерть – это что-то вроде болезни, к которой у существ, нам подобных, имеется частичный иммунитет.

Челси Куин Ярбро. Хроники Сен-Жермена

Счастье – это когда стоишь босыми ногами на нежном золотистом бархате песка, вдыхаешь упоительный морской воздух и жмуришься на ярком южном солнышке. Волна накатывает на берег, обдавая колени прохладными брызгами. Где-то кричат чайки; отзываясь на прикосновения ветра, вздыхают пальмы. Смуглый до черноты мачо в красных плавках не сводит с тебя восхищенного взгляда. А у бассейна тебя уже ждет прохладный, с кубиками льда, арбузный сок, и единственная неприятность, которая может случиться в этот сказочный день, – это обгоревшие плечи… Если взять эту картинку за максимальную оценку счастья по десятибалльной шкале, в данный момент я находилась на отметке минус пять. Потому что вместо золотого песка под ногами был серый вытершийся паркет, вместо морского воздуха – прокуренный кабинет, вместо солнышка – суровый, как грозовая туча, взгляд босса. А вот и он сам – вместо загорелого мачо в плавках. Недоразумение в нелепом костюме, именуемое Борисом Семеновичем Однорогом. Он же – директор риелторского агентства «Милый дом», в котором я пашу уже четыре года. Если в кабинете и бушевали волны, то это были исключительно волны гнева и презрения, в которых я барахталась уже

добрых десять минут, крепко увязла по самую макушку и устала поглядывать на дверь в ожидании спасателя. Единственное, что роднило разнос в кабинете босса с курортной идиллией, так это визгливый голос Бориса Семеновича, который с успехом заменял крики чаек…

– Бессонова! Бессонова! – бесновался Борис Семенович, пока я грезила о море, куда мы с моей подругой и коллегой Сашкой должны были отправиться через восемь дней. Отпуск был заслуженным, давно оговоренным, и я не сильно волновалась, что он может сорваться из-за острого недовольства шефа моей последней сделкой. Точнее – ее провалом. – Бессонова! Ты меня вообще слышишь?! Такое чувство, что я говорю с роботом!

– Да, Борис Семенович, – скорбно отозвалась я.

– Бессонова, ну это ни в какие ворота! – Шеф подпрыгнул на месте на полметра, удивив меня своей физической подготовкой.

Кто бы мог подумать, что низенькому и упитанному Однорогу доступны такие акробатические номера. Жаль, что он у нас не звезда, а то можно было бы его в шоу про цирк пристроить. Глядишь, вздохнули бы спокойно, пока Однорог на манеже кульбиты разучивал и тигров дрессировал. А при удачном стечении обстоятельств один из тигров его и схомячил бы. Желательно в прямом эфире, чтобы весь наш офис успел насладиться зрелищем.

– Ну ты, Бессонова!..

От моего безучастного вида шеф сдулся, как воздушный шарик, и даже костюм, казалось, стал ему велик. Хорошо еще Однорог мысли читать не умеет, а то я как раз примеряла ему на голову колпак клоуна и пришла к выводу, что Борис Семенович просто создан для роли Тарапуньки. Или Штепселя. Да и псевдоним ему придумывать не надо, одна фамилия чего стоит!

– Знаешь что, Бессонова!.. – Не дождавшись от меня искреннего раскаяния и приступа самоуничижения, босс устало махнул рукой. – А иди ты, Бессонова!..

Я хотела было невинно уточнить: «В бухгалтерию, за премией?», но решила не доводить Однорога до инфаркта, а себя – до увольнения. Зарплата мне была очень нужна ввиду начинающихся распродаж, тем более что я уже присмотрела парочку лакомых вещичек. Поэтому я только развернулась на шпильках и шагнула к двери, ухватившись за ручку, как за спасательный круг, который вынесет меня на берег.

– Ты куда, Бессонова? – поразился Однорог у меня за спиной.

– Так вы же меня сами… послали, – с вежливой улыбочкой обернулась я.

– Но я еще не уточнил, КУДА именно! – Однорог мстительно сверкнул глазами и зашуршал бумагами, выискивая среди множества факсов нужный.

Если бы за четыре года работы под его началом я не убедилась в категорическом отсутствии у шефа чувства юмора, я бы поклялась, что в его словах явственно прозвучал сарказм.

Однорог тем временем хмурил брови, быстро перебирая бумаги. Потом отложил их в сторону, недовольно скосил глаза, изобразил напряженную умственную деятельность и с радостной ухмылкой провалился под стол, вернувшись через секунду с мятой бумагой в руке. Он удовлетворенно разгладил ее и протянул мне, лучась от сознания собственной подлости.

– Вот!

Я с опаской взяла факс, выуженный из мусорной корзины, настороженно впилась в него глазами и мысленно застонала. Так далеко меня еще не посылали! Полуаварийное здание бывшей фабрики в районе Котловки, которое владельцы наивно мечтали продать под торговый центр или офисное здание. В такой-то глуши?! В первую минуту я дрогнула и хотела просить у Однорога пощады, но потом расправила плечи и с достоинством приняла свою участь. Не дождется!

– Надеюсь, ты понимаешь, Бессонова, что это твой единственный шанс реабилитироваться после потери такого ценного клиента, как госпожа Горячкина? – нервно поинтересовался Однорог, недовольный моим безучастным отношением к его подлянке.

– Разумеется, Борис Семенович! – смиренно отозвалась я. – Я займусь этим объектом завтра же с утра.

– Нет, Бессонова, ты меня не поняла, – злорадно ухмыльнулся Однорог. – Ты поедешь туда сейчас же.

– Но, Борис Семенович… – начала было я, покосившись на часы.

Начало шестого. В лучшем случае я попаду туда к семи. Пока осмотрю эту развалину и окрестности да домой доберусь, будет уже одиннадцатый час. Но это еще не самое худшее! Сегодня я вырядилась в нарядное кремовое пальто и сапожки на тонких шпильках – и это ради того, чтобы месить дорогущими сапожками грязь в Котловке? Заехать домой переодеться я никак не успеваю – это в противоположной стороне города. Вот шеф удружил!

– Сегодня же, – злорадно повторил Однорог. – Иначе придется отложить твой отпуск до лучших времен.

Ах вот ты как!

– Чтобы завтра же у меня были фотографии здания, а до твоего отъезда – план по его продаже, – наслаждаясь собственной подлостью, велел Однорог.

– Не беспокойтесь, Борис Семенович, сделаю в лучшем виде! – с медовой улыбкой заверила я, мысленно втыкая в ботинок Однорога острую шпильку сапожка.

– Ну иди, – с сомнением отпустил меня шеф. – Не подведи, Бессонова!

Здание оказалось сущим кошмаром. На фото в факсе оно выглядело куда более перспективным, чем при ближайшем рассмотрении. Внутрь заглянуть я даже не решилась – заброшенный дом облюбовали бомжи. Обойдя его снаружи, я мрачно подумала, что есть только два способа всучить эту развалюху покупателям: убедить руководство «Мосфильма», что здание идеально подходит для съемок фильмов ужасов и эпизодов о блокаде Ленинграда, или подговорить бомжей изобразить призраков фабрики и продать развалину какому-нибудь эксцентричному иностранному миллионеру в качестве дома с привидениями. О торговом комплексе или офисном центре и речи быть не могло. Оставалось надеяться, что Однорог сменит гнев на милость и забудет о своей дикой затее.

Начал накрапывать дождь, и я поспешно достала зонтик и зашагала к метро – прочь от кошмарного здания. Как хорошо, что я поддалась на уговоры своей подруги Саши и взяла из офиса зонт. Правда, Сашка вручила мне его с другой целью: отбиваться от маньяков, которые водятся в этой неблагополучной части города в темное время суток. Подружка очень корила себя, что не может составить мне компанию: у ее папы этим вечером случился юбилей, к которому семья готовилась всю последнюю неделю, и она никак не могла откосить от праздничного застолья. Поэтому, вручив мне зонт как средство самообороны и взяв обещание позвонить ей по возвращении домой, Сашка выпроводила меня из офиса и понеслась забирать торт для юбиляра. Благодаря ее заботе я спасла пальто от бесславной гибели под бушующим ливнем и теперь по дороге к метро безуспешно боролась с порывами ветра, бездарно изображая Мэри Поппинс, готовящуюся взлететь к облакам.

Да, определенно девушке со страниц «Космо» совершенно нечего делать на московских улицах. Особенно в такой промозглый день, как этот. И зачем я только вырядилась с утра в высокие замшевые сапожки, короткую юбку и легкий топ, скопировав образ со сто семнадцатой страницы октябрьского номера журнала?

Я не миновала и половины пути к станции, как хляби небесные разверзлись, превратив улицы в венецианские каналы. Мои сапожки – моя гордость, моя прелесть и мое сокровище, за которые я выложила половину долгожданной премии и которым радовалась не меньше, чем Золушка хрустальным туфелькам, – превратились в уныло чавкающие калоши. Дождь горошинами бил по обтянутым капроном коленкам, которые я безуспешно пыталась спрятать под полами короткого пальто. Игривое колье, обвивавшее шею толстыми звеньями, из модной бижутерии превратилось в орудие пытки, холодя кожу льдом металла.

К счастью, за час дороги, проведенный под землей, ливень устал рвать облака и смирился с невозможностью обратить Москву в Венецию. Так что из перехода «Беляево» я

вынырнула уже без опасений быть смытой с лица земли и бодрой походкой принцессы на горошине зашагала к дому. За свой внешний вид я могла не опасаться: дождь всегда был для меня лучшим стилистом и закручивал тщательно выпрямленные волосы в восхитительные спиральки – на зависть всем офисным кокеткам. Вот только сейчас мне эта красота ни к чему: время позднее, уже стемнело, не хватало еще какого маньяка на свою голову соблазнить. Я прибавила шаг и уже собиралась свернуть на дорогу, ведущую к дому, как путь мне преградило неожиданное препятствие.

– Раскинулась лужа широко, – мрачно прокомментировала я, глядя на безобразие, отрезавшее короткий путь к дому.

Перейти его вброд я бы не решилась: моя замшевая прелесть такого купания уж точно бы не пережила.

Пришлось вернуться назад и нырнуть в зловещий сумрак дворика, окруженного с одной стороны складами магазинов, с другой – гаражами, с третьей – заброшенным павильоном, некогда бывшим пунктом приема стеклотары. Отличная декорация для фильма ужасов и мечта маньяка. Сквозной проход через арку редко прельщал припозднившихся прохожих, и, несмотря на то, что через дворик можно было значительно срезать путь до ближайших домов, осторожные граждане всегда предпочитали идти в обход. Вот только в моем случае обход, а точнее, переход лужи вброд, завершился бы трагической гибелью сапожек, об обладании которыми я мечтала долгих два месяца. Оставалось надеяться, что в такую погоду приличный маньяк и собаку на улицу не выгонит, не говоря уж о себе самом.

Подбадривая себя таким образом, я быстро прошмыгнула половину пути и замешкалась, обходя лужу, коварно подкараулившую меня и здесь. Где-то слева мелькнула тень. Я ускорила шаг и ступила под арку.

Прямо на меня неслась женская фигурка, на тонкой шейке которой развевался алый шарф, а ее длинные ноги покачивались на высоченных шпильках. Еще одна жертва «Космо», чтоб его и весь глянец заодно!

– Жа-а-н! – протяжно провыла дева, протягивая руки.

Я едва увернулась от острых когтей, один из которых целился прямиком мне в глаз.

– Мы знакомы? – удивилась я, снизу вверх глядя то ли на девочку, то ли на ожившую картинку из журнала мод, назвавшую меня по имени. Я уродилась малявкой и со своим ростом могла претендовать только на место солистки в «Блестящих», тогда как длинноногая могла бы стать украшением любого подиума.

Дева тем временем бросила на меня недоумевающий взгляд и завертела головой по сторонам, отчего шарф на ее шее заколыхался шелковым цветком.

– Где он?! – визгливо воскликнула она, обращаясь ко мне. – Ты его видела? Куда он делся?

– Он улетел, но обещал вернуться, – хмыкнула я, бочком обходя сумасшедшую.

– Улетел?! – взвизгнула девица и схватила меня за локоть. – Ты видела это? Вот гад! – зло выругалась она, расцепив пальцы. – А врал, что не умеет!

Девица нервно одернула шарф на лебединой шейке и опустила руки с идеальным маникюром.

– Сигаретки не будет? – устало поинтересовалась она.

– Не курю, – огорчила я, отрываясь от созерцания ее алых ногтей, разрисованных золотыми рыбками.

– Жаль, – протянула незнакомка, – а то я бы ему отомстила. «Данхил» он, видите ли, не любит, никотин отравляет кровь! Скотина! – зло выругалась она. – Я ради него сижу на кремлевской диете как проклятая, а он убегает.

– Ни один мужчина не стоит того, чтобы ради него сидеть на диете, – сочувствующе поддакнула я. – Особенно на кремлевской. Вот если бы на шоколадной, как Ума Турман, или на клубничной, как Виктория Бэкхем, это еще куда ни шло.

– У него аллергия на шоколад, – грустно молвила дева. – А у меня – на клубнику.

– Не повезло, – пожалела я.

– Пойду напьюсь. Водки. И пусть *у него* потом голова болит! – решительно сказала она и, развернувшись, зашагала прочь, исчезнув за углом.

– Вот чего с нормальными девками диета делает, – буркнула я себе под нос, подивившись странной логике незнакомки, и шагнула из-под свода арки.

Но далеко не ушла, так как меня мягко подхватили под локоток и увлекли обратно, в полумрак арки. Я обернулась, ожидая увидеть чокнутую манекенщицу, но уткнулась в темные глаза неизвестного красавца. Я смущенно опустила ресницы, и моим вниманием целиком завладело его пальто. Кажется, я видела такое на Олеге Меньшикове в модном разделе какого-то журнала. И там было написано, что это новая модель от Армани! Но что делает мужчина в божественном пальто от знаменитого модельера в нашей подворотне?

Воспользовавшись моим оцепенением, красавец коснулся пальцами моего подбородка и приподнял его, а потом повернул вправо и влево, внимательно рассматривая мое лицо.

– Хорошенькая, – оценил он, обращаясь скорее к себе, нежели ко мне.

– Это потому, что промокла, – огрызнулась я. – Обычно я ослепительная, неотразимая и божественная.

– С характером, – удовлетворенно произнес красавец и мягко уточнил: – Все сказала или мне нужно знать о тебе что-то еще?

– Я буду кричать, – предупредила я.

– Кричи, – легко согласился он.

Я открыла рот, демонстрируя серьезность своих намерений. А этот нахал закрыл мне его поцелуем! Долгим, волнующим, со вкусом кофе со сливками…

– Что вы делаете? – ошарашенно пробормотала я, чтобы хоть что-то сказать, когда его губы отклеились от моих, предварительно впустив внутрь меня стайку бабочек и выбив почву из-под ног.

– Выражаю тебе свою симпатию, – мягко улыбнулся наглец.

«Отпустите!» – хотела возмутиться я и бежать со всех ног. Но вместо этого с вызовом спросила:

– Что же вы остановились? – и продолжила таять в его руках, властно обнимавших меня.

«Мужчина моей мечты!» – пищала от восторга Золушка внутри меня.

«Опомнись, дура! Это же маньяк!» – возражал ей голос разума.

«Принц!» – не унималась Золушка.

«Извращенец!» – констатировал голос.

«А если это судьба?» – не верила глупышка.

«Лох – это судьба, – невозмутимо признал разум и возопил: – Спасайся, дурища! Если не хочешь попасть в завтрашние новости под видом расчлененки».

– Забавно, – пробормотал то ли принц, то ли маньяк, гипнотизируя меня глубокими карими очами, и, притянув меня за колье, как за поводок, одарил еще одним поцелуем.

«Принц! Дура! Мужчина мечты! Маньяк! Судьба! Извращенец!» – кричали голоса в моей голове.

– Как тебя зовут? – оторвавшись от меня, спросил он.

– Жанна, – хрипло выдавила я.

– Тезка? – удивился он. – А я – Жан.

– Ты что, француз? – Я уловила мурлыкающий акцент в его речи.

– Что ты сегодня ела? – проигнорировав мой вопрос, неожиданно поинтересовался незнакомец.

– В каком смысле? – хихикнула было я, но запнулась о его серьезный взгляд и уточнила: – На завтрак или на обед?

– Вообще.

– Творожок, какао, овощной салат, куриный суп, плов, – послушно перечислила я, гадая, с чего бы вдруг такой интерес. И, кажется, догадалась! – Кстати, я сегодня еще не ужинала, – намекнула я, ожидая приглашения в ресторан.

А что, и одета я соответственно! Не зря все-таки вырядилась по указке «Космо». Жалко, сапоги намокли, нуда их и под стол спрятать можно. Я уже обдумывала, как эффектно будет смотреться топ, расшитый стразами, в мерцании свечей, как принц протянул:

– А плов был свежий?

– Плов как плов. – Я пожала плечами, не понимая, куда он клонит и почему тянет с приглашением.

– А чеснока, – он с негодованием потянул носом, – чеснока там случайно не было?

– Я обязательно спрошу завтра у нашей буфетчицы, – пообещала я. – И возьму подробный рецепт, – неожиданно добавила я, тут же себя отругав. Ага, еще скажи давай, что готова варить ему борщи и приносить газету и тапочки. Вот так сразу, в первые пять минут знакомства.

Да что на меня такое нашло-то? Да, он красавец, но у меня еще не такие среди клиентов были. Между прочим, я подбирала квартиры даже телеведущему Ястребову и актеру Скрипкину, попавшим в сотню красивейших людей Москвы, и не терялась рядом с ними. От страстного Скрипкина даже отбиваться пришлось. Такая стойкость далась мне непросто, но у меня принцип – с женатиками не связываюсь. И даже ради секс-символа, которого читательницы журнала «Гламур» записали на третью строчку самых желанных мужчин России и плакатами с фотографиями которого было обклеено полгорода, я исключение не сделала. Почему же рядом с этим безвестным и дерзким ловеласом из подворотни я чувствую себя беспомощным котенком, готовым на все?

– А куриный суп? – не унимался мужчина мечты. – Он из наших кур или из американских? Или, – у него аж дыхание перехватило, и он с содроганием озвучил свою догадку, – из этого дурацкого кубика?

– Меня что, снимает скрытая камера? – расхохоталась я и дурашливо спросила, поглаживая живот: – Эй, уважаемая кура, будьте так любезны, ответьте: чье гражданство вы имели до того, как попасть в суп? – Я подняла смеющиеся глаза на принца. – Молчит, зараза!

– Такая девушка, как ты, должна следить за здоровым питанием, – гнул свою линию он.

– Какая – такая? – Я простодушно купилась на комплимент.

– Ослепительная, неотразимая и божественная, – усмехнулся он, передразнивая меня.

Я вспыхнула, но он тут же погасил мой гнев своими словами:

– Красивая, модная, стильная. – Он оценивающе скользнул взглядом по одежде, выглядывающей из-под распахнутого (когда только успел?) пальто. – Гламурная, – добавил он, удовлетворенно оглядев мои прелестные сапожки, и, я готова поспорить, в его глазах сверкнул блеск узнавания.

«А ведь правда – извращенец!» – успела подумать я, когда губы принца накрыли мои в третий раз. «Но ведь красавец!» – млела Золушка, закидывая руки ему на шею. «Да посмотри на него – он же гей! Он узнал марку сапог!» – взывал голос разума. «Геи не целуют девушкам руки!» – с ликованием возразила Золушка, когда ладонь подозреваемого во всех грехах крепко обхватила мое запястье и по коже скользнул холодок губ, а затем ее обожгло мокрым теплом. Я отрешенно смотрела на то, как под губами принца, припавшего к моей руке, расползается темное пятно, а тишина наполняется вкрадчивым лаканием. Но только до тех пор, пока струйка крови не сбежала с запястья и не пролилась цепочкой бордовых брызг на мое безупречное кремовое, расшитое бисером пальто «Поллини». В это ультрамодное и супергламурное пальто я влюбилась с первого взгляда на витрину магазина и была близка к самоубийству при виде ценника. Три дня я занимала деньги по всем знакомым, уже две зарплаты выплачивала долги и еще до конца не расплатилась. Осталось рассчитаться с Сашей и с соседкой Настей, которые любезно согласились подождать. И вот теперь какой-то маньяк его погубил! Да одной капельки крови на моем нежно любимом пальто было бы вполне достаточно для того, чтобы разбудить во мне зверя. А уж при виде десятка ужасных пятнышек во мне и вовсе проснулся Терминатор.

– Черт! – взревела я, вырвав руку, и с силой оттолкнула от себя принца, в одно

мгновение потерявшего корону и превратившегося в маньяка – убийцу роскошного пальто. – Вот урод! – негодовала я, зажав другой рукой рану на запястье, и оглядывала пальто, прикидывая причиненный ущерб. – Бедненькое мое, любименькое, только не покидай меня! Обещаю, я тебя реанимирую в химчистке, будешь как новенькое, будто только из рук кутюрье! Завтра же!

Маньяк, судя по ошалевшему виду, такого отпора не ожидал. Он вытер окровавленные губы рукой, эротично облизал пальцы и с интересом уставился на меня.

– Хотя нет, какое завтра? – осадила себя я. – Такие пятна надо выводить немедленно! Эй, Чикатило, – неприязненно покосилась я, – в Москве есть круглосуточные химчистки?

Тот неопределенно булькнул, завороженно глядя на кровь, хлещущую из-под моих пальцев, и подался вперед.

– Эй, даже не думай! – предупредила я, отшатнувшись, и едва устояла на ногах. Потеря крови давала о себе знать головокружением и подступающей к горлу тошнотой.

Но маньяк оказался быстрее: одним прыжком он преодолел расстояние между нами и с жадностью вгрызся в мое многострадальное запястье.

– Да кем ты себя возомнил, Дракула недоделанный? – проскулила я и, собрав все силы, вырвалась из его хватки, а потом, вложив в удар всю свою ненависть, врезала ему промеж очей. Правой раненой рукой.

Даже я недооценила Терминатора в себе, чего уж говорить о маньяке, не ожидавшем подобной прыти от субтильной девицы. В какой-то момент мне даже показалось, что его голова слетит с шеи. Но ничего такого не произошло: маньяк сдавленно охнул, схватился за лицо и принялся торопливо оттирать мою кровь со своих щек. Надо же, с удовлетворением отметила я, я не только запачкала его своей кровью, но и умудрилась разбить ему нос и губу. До маньяка доходило долго, но наконец дошло.

– Бешеная, – сдавленно охнул он, глядя на свои запачканные красным ладони, – что ты натворила?

– Я всего лишь спасала свое пальто, – оскорбилась я. – Ну и девичью честь заодно.

– Наша кровь смешалась, – в панике прошептал он, продолжая таращиться на свои руки.

Я перевела взгляд на свою руку, которая все еще была сжата в кулак, и успела заметить, как капля черной крови, скатившись с костяшек пальцев, добралась до раны на запястье и смешалась с моей алой кровью. К горлу подкатила волна тошноты, как будто с этой черной каплей в меня проникла смерть.

– Моя кровь теперь в тебе, – обреченно выдохнул маньяк.

И тон, которым это было сказано, мне совсем не понравился.

– Эй, только не говори, что ты болен СПИДом! – Я ужаснулась от внезапной догадки.

– Я болен на голову, раз связался с тобой, – прорычал он, обрушив кулак на стену арки. – Но разве я мог знать, что ты такая бешеная?

– Нечего было кусаться, – передернула плечами я, чувствуя, как перед глазами все плывет и больше нет сил сдерживать тошноту. «Прости меня, мое пальто», – успела подумать я, прежде чем окончательно погубить кремовый кашемир позорными пятнами и врезаться лбом в асфальт.

Музыкальный центр включился в семь двадцать утра, возвращая в реальность и напоминая о необходимости топать на работу вне зависимости от моего желания, хотения и катаклизмов за окном. В это утро «Русское радио» одарило меня песней Валерия Меладзе:

Но ярко-красный огненный цветок
Ты сорвать однажды захотела
И опять, как белый мотылек,
На его сиянье полетела.
Только сложится нелегко

Дружба пламени с мотыльком.

Гороскопам я не верила, а вот в случайной песне, с которой начинался мой день, всегда искала тайный смысл. Если композиция была нежной и лиричной, скорее всего и день ожидается спокойным, безмятежным и сулит романтику. Если музыка попадется быстрая и веселая, то и денек ждет суетный и придется вертеться как белка в колесе. Впрочем, тому было вполне логичное объяснение: когда тебя будят ласковые завывания Валерии, просыпаешься спокойной и умиротворенной и весь день паришь, «словно нежное перышко на двух крылышках у судьбы». А когда из сна тебя вырывают громогласные вопли «Фабрики», обещающие романтику в самолетах и автомобилях, то все – покоя не жди. Как скатишься кубарем с постели, так весь день и будешь нервно ерзать на офисном стуле, предвкушая «карусель звонков и эсэмэсок».

На этот раз песня попалась надрывная и пронзительная, и, пока я собирала постель, из динамиков повторялось:

Самба белого мотылька
У открытого огонька.
Как бы тонкие крылышки
Не опалить!
Лучше мало, да без тоски
Жить, как белые мотыльки,
И летать себе недалёко
От земли.

Нечасто меня будят такие песни, но уж если будят, то жди сюрпризов и перемен. И не факт, что приятных! Прикидывая, какую пакость мне готовит день грядущий, я на автопилоте протопала в ванную, включила зубную щетку, две минуты промаялась перед зеркалом, скаля зубки и изо всех сил тараща глаза, которые так и норовили сузиться в щелки.

– Поднимите мне веки, – простонала я, запрыгивая в тапки, прошлепала в кухню и включила чайник. Из комнаты теперь голосил Дима Билан, позиционируя себя как ночного хулигана:

Ну и что, ну и что
Сильный-смелый зато,
Загорелый зато
И хожу в пальто.

Я замерла, осененная внезапной догадкой, развернулась и понеслась в коридор.

Пальто, все покрытое подсохшими кровавыми, серыми и зеленоватыми пятнами, печально висело на вешалке. Сапоги, уныло свесив голенища, аккуратно стояли рядом. Это меня убило больше всего. Скукожившиеся и все еще влажные сапоги, которым я никогда не позволила бы провести целую ночь в столь плачевном состоянии, были аккуратно прислонены к стене. Я сама никогда бы не стала выравнивать их носки по линеечке и уж тем более не позволила своей драгоценной обновке киснуть в коридоре бесформенной кучей. Значит… Я быстро схватила сумку, вытащила кошелек, документы, кредитки. Все было на месте. Меня не обокрали. Но надо мной жестоко надругались! Повесили пальто, на которое без слез не взглянешь, на видное место в прихожей. Бросили мои прелестные сапожки на мокрую погибель… Но прежде забрались в мою квартиру!

Словно в насмешку надо мной, из комнаты неслось:

Ты попала в капкан,
А ключи у маман.

У меня есть наган
И хороший план.

Ключи, висевшие на крючке в прихожей, подтверждали мою версию о вторжении извне. Я всегда оставляла их в замочной скважине и еще щеколду на ночь задвигала. На этот раз щеколда была открыта. Значит, дверь открывала не я и уж тем более не я ее закрывала. Ну, извращенец, погоди!

Я закипела одновременно с чайником, влетела на кухню, бросила в чашку две ложки кофе и сделала пару осторожных глотков, пытаясь привести в порядок мысли.

Мысль первая, неутешительная: все, что произошло вчера в подворотне, не кошмарный сон. На меня напали, меня целовали, меня укусили и меня заразили чем-то неприятным. Как вспомню перекошенное лицо брюнета – так вздрогну. Причем реакция у него была такой, как будто это не он меня заразил какой-то гадостью, а я его – целым венерическим букетом и импотенцией в придачу. Впрочем, насчет последнего я не так уж сильно и ошибаюсь: после моей вчерашней оплеухи у этого фрукта надолго пропадет охота кусать незнакомок в подворотнях.

Мысль вторая, ошеломляющая: и все-таки, после того как я постыдно шлепнулась в обморок, маньяк не сделал ноги, а почему-то проявил неожиданную заботу и приволок меня домой…

Будем вместе всегда —
Дни, недели, года,
Не умрем никогда,
Да, да, да, да, да!

– не унималось радио.

Стоп, а откуда он узнал, где я живу?

Глоточек кофе живо прояснил ситуацию и подбросил правдоподобную версию. В сумочке он обнаружил паспорт и ключи от дома, адрес которого указан в прописке. Что ж, маньяку повезло, что я в отличие от многих и в самом деле живу там, где прописана. А еще ему повезло, что у нас в доме нет консьержки, а кодовый замок открывается с помощью магнитного ключа, прилагающегося к связке. Так, с этим понятно. Он доставил мое бесчувственное тело домой, открыл дверь моим ключом. После чего ключ повесил на крючок, стянул с меня пальто и сапоги, а дальше… Я отставила в сторону чашку и ошалело перевела взгляд себе на грудь. А дальше этот извращенец зачем-то раздел меня до нижнего белья, умыл (потому как следов косметики и пребывания лицом в луже я во время чистки зубов не обнаружила) и уложил спать.

Интересное кино получается! Я с опаской огляделась по сторонам: кто этого маньяка знает, может, после праведных трудов по доставке моего тела по месту жительства он так притомился, что и сам решил отлежаться до утра в укромном местечке и отдохнуть? Но беглый осмотр квартиры эту версию не подтвердил – я была одна.

Вернувшись на кухню, чтобы допить остатки кофе, я устало опустилась на табуретку и только сейчас заметила листок голубой бумаги, пришпиленный к холодильнику магнитом-апельсином. Неровным, остроугольным почерком на нем было написано: «Никуда не выходи. Задвинь шторы. Жди гостей. Тебе все объяснят. Извини, Ж.»

– Нашел дуру! – возмутилась я, скомкала писульку и бросила ее в мусор.

Так-так, значит, прежде чем покинуть квартиру и аккуратно прикрыть за собой дверь, маньяк нацарапал мне записку. Да какую! Сиди дома и жди, пока к тебе придут и по башке настучат.

И все-таки что-то не складывается. Если он собирается вернуться, да еще не один, а с подельниками, зачем ему сообщать мне о своих намерениях? Ведь убедился же, что я не похожа на затюканную клушу, которая будет послушно ждать своей участи. Или надеялся,

что я к его приходу пирожки испеку? А то и лягушачьи лапки потушу (или что там с ними делают), памятуя о его французском происхождении? А что, если он и впрямь меня заразил каким-нибудь жутко прилипчивым вирусом и смысл записки в том, чтобы посадить меня на карантин до приезда эпидемиологов? Ну нет, больше смахивает на голливудский триллер, нежели на реальные будни. Будни, будни… Блин! Я же на работу опаздываю! А уж если опоздаю, тогда будет мне психологический триллер с вызовом к начальству на ковер (второй день подряд я этого не переживу!) и фильм-катастрофа в виде лишения долгожданного отпуска в одном флаконе.

Через десять минут, развив космическую скорость и установив свой личный рекорд по сборам на работу, я уже мчалась к лифту. В офис я прибыла паинькой – за две минуты до начала рабочего дня, без капли макияжа, с благопристойным пучком, в кожаном плаще, не соответствующем промозглой погоде (но другого не было!), и в ладно сидящем по фигуре, но очень неброском джинсовом платье с глухим воротником и длиной юбки, целомудренно прикрывающей колени. Это платье было самым скучным в моем гардеробе и вынималось только в случае форс-мажорных обстоятельств, когда не было времени тщательно подбирать одежду. Сегодня был как раз такой случай. И судя по удивленно-ликующему взгляду секретарши, привыкшей к моим далеким от делового однообразия нарядам, мне удалось поднять ей настроение. Ангелина аж расцвела, поняв, что сегодня я ей не конкурент.

– Доброе утро, Жанночка! – пропела она, проплывая мне навстречу по коридору, и с нескрываемым злорадством посочувствовала: – Ты что, заболела? Какая-то ты бледная.

Ангелину следовало бы назвать Дьяволиной – от козней этой длинноногой стервы страдала половина офиса.

– Доброе утро, Поганкина! – в тон ей радостно отозвалась я, не удостоив ответом на вторую часть тирады, и удовлетворенно отметила, как вытянулось ее смазливое личико. А нечего меня бледной обзывать, когда сама с такой фамилией уродилась.

Секретарша злобно зыркнула на меня и сердито застучала каблучками, сворачивая в приемную.

Ангелина с царской гордостью носила свое редкое имя и страшно комплексовала из-за фамилии. Сдается мне, именно по этой причине секретарша была одержима идеей выйти замуж – чтобы скорее вписать в паспорт фамилию, более подходящую ангельскому имечку. Своими откровенными домогательствами она донимала всех перспективных (выше сторожа) кандидатов, не делая различий между холостыми и женатыми. В данный момент Ангелина вела охоту на начальника службы безопасности Алексея, и весь офис горячо сочувствовал бывшему военному, не обремененному семейными узами. Такого счастья, как Дьяволина, добродушному Алексею не пожелала бы и отвергнутая, а оттого страшно злая на него усатая менеджер Карина. А всех сбежавших женихов секретарши ждала одинаковая участь: верные супруги записывались ею в слабаки и подкаблучники, а холостяки – в геи и импотенты. После чего Ангелина недели две со скорбью в лице и с наслаждением в голосе трепалась в курилке о постыдных тайнах ее несостоявшегося супруга, находя в совершенно невинных поступках несчастного кандидата все новые доказательства его вины. В начале третьей недели секретарше надоедало гнобить бракованного жениха, и она с энтузиазмом переключалась на другого бедолагу.

Я юркнула в свой отдел, избавилась от плаща и расслабленно плюхнулась в рабочее кресло. Мне пришлось преодолеть такой марафон, чтобы успеть на работу за минуту до часа Х, что ноги на каблуках нещадно ныли.

– Наконец-то! – бросилась мне навстречу Саша. – Ты почему вчера не позвонила? Мобильный отключен, домашний не отвечает. Я уже не знала, что и думать!

– Извини, Саш, я вчера так устала. – Я блаженно растеклась в кресле.

– Жан, – осторожно поинтересовалась Саша, – что это с тобой?

Нет, ну почему обязательно нужно обратить внимание на то, что я не накрашена? А я еще считаю ее своей подругой! Я обиженно отвернулась к стене, вытащила косметичку и быстренько нарисовала себе губки оттенка «Вишневые сливки» и пару раз провела щеточкой

с тушью по ресницам. Потом удовлетворенно взглянула в зеркальце – и все-таки макияж всему голова!

– Так лучше?

– Классный блеск, – оценила Саша, – дашь в обед накраситься? И все-таки – что у тебя с рукой?

– С рукой? – удивилась я и, опустив глаза, закусила губу, мгновенно подпортив глянцевую гладкость свеженанесенного блеска. Из-под тугого манжета платья выбился бинт, стягивающий запястье. Так получилось, что повязку я обнаружила только в тот момент, когда в спешке надевала платье. Подивилась неожиданной заботе маньяка, перевязавшего мне рану, но времени снять бинт у меня уже не было. Поэтому, спрятав его под манжету, я решила проверить состояние раны, улучив минутку на работе. Вот уж не ожидала, что рукав задерется по дороге в офис, а Сашка окажется такой глазастой! – Собака укусила, – брякнула я, застигнутая врасплох вопросом, и уставилась немигающим взглядом в монитор, давая понять, что не настроена на комментарии.

Но Саша не собиралась униматься. Наши столы стояли вдоль одной линии, и она просто развернула кресло, повернувшись ко мне, и уставилась на меня с выражением молчаливой скорби.

– Ну что? – не выдержала я, оторвавшись от чистки почтового ящика от спама.

– Жан, я ведь твоя подруга, – напомнила Сашка, укоризненно глядя на меня из-под длинной золотисто-русой челки. – Ты можешь доверять мне.

Я запнулась о ее взгляд и мысленно выругалась. Нет, ну не рассказывать же ей, как я опозорилась в подворотне, сперва обомлев в объятиях маньяка, а потом облевав роскошное пальто и упав лицом в лужу. Тогда моя репутация будет безнадежно подмочена. А ведь репутация как девственность. Однажды потеряешь – уже не вернешь. Сашка, конечно, никому не расскажет, но и я не хочу, чтобы у моего позора были другие свидетели, кроме меня и маньяка на букву «Ж». Саша истолковала мое молчание на свой лад и осторожно сказала:

– Жан, я ведь обо всем догадываюсь.

– Да ну? – насторожилась я. – О чем это, интересно?

– О твоей руке… которую собака покусала.

Я машинально спрятала запястье с повязкой под стол.

– Вот видишь! – укоризненно заметила Саша. – Не было никакой собаки. А если бы и была, ты бы сейчас вовсю размахивала руками и ругала почем зря и собаку вплоть до ее предков в десятом колене, и ее безмозглого хозяина, и ныла бы у меня на груди, что ты не хочешь делать уколы от бешенства.

Это точно, я такая. Если меня разозлить – злость моя будет громкой, да и поныть я люблю – с чувством, с надрывом, в полный голос.

Я промолчала, признавая правоту Сашкиных домыслов и мучительно соображая, что бы такое придумать, лишь бы не говорить правду.

– А сейчас ты отчаянно думаешь, что бы мне такое правдоподобное наврать, чтобы я от тебя отвязалась, да? – печально вздохнула Саша.

Я сконфуженно отвела глаза.

– Жан, он что, тебя бил? – обеспокоенно вглядываясь в мое лицо, спросила подружка.

– Кто? – дрогнула я.

– Ну этот твой, ради которого ты вчера так расфуфырилась, – неопределенно пожала плечами Саша.

Ах вот оно что! Сашка меня еще вчера весь день пытала, куда это я так вырядилась, и не желала верить в то, что модное пальто и замшевые сапожки вытащены из шкафа ради заурядного похода на работу. В течение дня Саша выдвигала различные версии моего вечернего досуга: от романтического ужина до вручения премии «Гламур года», которая, по иронии судьбы, проходила вчера. Как бы мне хотелось, чтобы ее последнее предположение оказалось верным! Но вчера, вместо того чтобы блистать перед вспышками фотокамер в

пафосном клубе, я, как какая-нибудь горемычная Золушка, месила глину в районе Котловки. Моими любимыми сапожками! Которые я с таким трудом отхватила на распродаже и которые теперь безнадежно погибли, как и пальто. А все подлый Однорог!

– Вот гад! – воскликнула тем временем Сашка.

– Ага! – поддакнула я, имея в виду зловредного Однорога. До вчерашнего дня он и не планировал браться за этот безнадежный заказ и даже выбросил заявку в мусорную корзину. А вчера ему захотелось меня унизить, и вот вам пожалуйста – дизайнерские шмотки безнадежно испорчены, а маньяк-кровопийца знает, где я живу.

– Он издевался над тобой? – Голос Саши дрогнул. Можно ли считать издевательством его вчерашнее задание?

– Еще как! – горячо подтвердила я. – Видела бы ты, какое удовольствие это ему доставляет!

– И как ты это только терпишь?! – дрожа от возмущения, выкрикнула Саша.

– Сама себе поражаюсь, – призналась я. – Наверное, все дело в том, что на носу распродажи.

– Жанна, – с ужасом протянула Саша, – и ты ради своих шмоток готова терпеть любые издевательства?!

– Ради того волшебного изумрудного топа от Фенди и шикарных джинсов от Дольче я готова на все, – твердо сказала я.

– Ну уж нет! – Сашка вдарила кулаком по столу. – Я как твоя подруга просто обязана вмешаться и спасти тебя!

– Ты хочешь одолжить мне денег? – оживилась я.

– Я поговорю с этим отморозком! – решительно заявила Саша.

– Не надо, Саш, – испугалась я. Не хватало, чтобы еще подружка навлекла на себя немилость Однорога и тот сослал бы ее в наш бобруйский филиал продавать какую-нибудь забытую богом свиноферму. А что, с него станется!

– Нет, я это так не оставлю, – горячилась Саша. – Он за все ответит!

– Не переживай, Саш, я сама найду повод с ним поквитаться, – мстительно пообещала я.

Со стороны Однорога было крайне неосмотрительно так унизительно наказать меня за потерю клиента. Разведенная рублевская дамочка Илона Горячкина, доверившая нам поиск нового жилища, была особой капризной, непостоянной и сама не знала, чего хотела. К несчастью, мучиться с мадам Горячкиной выпало именно мне. За последний месяц я подыскала для нее двадцать вариантов квартир и загородных домов. Горячкина не одобрила ни один! В первую встречу она не смогла четко сформулировать свои желания, и я предложила ей возможные варианты. Горячкина категорически отказалась от загородного дома и возжелала шикарные апартаменты в центре города с видом на Кремль. Когда таковые нашлись и я привезла мадам на место, Горячкина скептически оглядела башни Кремля, прошлась по балкону, вдохнув загазованного столичного воздуха, поразилась обилию машин под окнами и изрекла, что это совсем не то, чего она хочет. Илону осенило, что ей нужен домик в деревне! Точнее, не домик, а дворец, и не в деревне, а в элитном поселке, и чтобы под окнами – непременно пруд с лебедями, и чтобы воздух чистейший, как на курорте. Один из предложенных мною «дворцов» она отбрила, едва услышав название поселка: «Девушка, и как вы себе представляете, что я скажу друзьям, что живу в Жабкино?!» После такого заявления предложить ей дома в поселке Голубой залив и у горы Кудыкино, на осмотр которых я потратила два рабочих дня, я не решилась. В Царской Горке Горячкиной не понравился дом, в Ангелово слишком громко квакали лягушки. При звуках их пения Илону осенило снова: в деревне она жить не может, ей нужна только городская квартира. Сашка к тому моменту успела провернуть три сделки и получить хороший процент, а я все мучилась с Горячкиной. Словом, после того как Илона забраковала двадцатый вариант, я не выдержала и высказала мадам все, что думаю о ее деловом подходе. Горячкина, в соответствии со своей фамилией, разобиделась насмерть, отказалась от услуг нашего агентства и ушла изводить

конкурентов. А Однорог, на которого Илона напоследок излила весь запас своего яда, в свою очередь обозлился на меня и устроил выволочку за потерю особо ценного клиента!

– Лучше бы тебе забыть о нем раз и навсегда, – посоветовала Саша. – Мужчина, способный на такое, не достоин твоего внимания!

– Я бы и рада забыть, – усмехнулась я, – да не могу.

– Жанна, – Саша даже поперхнулась от возмущения, – только не говори, что ты его любишь!

– Да я его терпеть не могу! – поспешно открестилась я.

– Что же тебя связывает с этим негодяем? – поразилась Саша. – Ну, кроме денег, которыми он тебя спонсирует?

– Спонсирует?! – рассердилась я. – Да он за эти жалкие гроши из меня всю душу выматывает!

– Ну и разве это того стоит? – справедливо заметила Саша.

– А ты как думаешь? – риторически вздохнула я. Сашке ли не знать, какая тут зарплата! Чтобы заработать на божественную сумочку «Мэрилин» от Луи Виттон, нужно неделю горбатиться, как папа Карло.

– Я думаю, тебе стоит порвать с ним немедленно! – безапелляционно заявила подруга.

– Что, прямо вот так вот пойти и написать заявление об увольнении? – оживилась я.

– При чем тут увольнение? – поумерила пыл Саша.

– Ты же только что посоветовала мне порвать с Однорогом. А для этого есть только один способ – уволиться из «Милого дома».

Сашка изменилась в лице и гневно проскрежетала:

– Жанна, так это он? Это Однорог? Он с тобой сделал это? Старый извращенец!

– Сашка, ты чего? – заволновалась я. – Ты о чем?

– Это он тебя избивает? Это его рук дело? – Она указала на мое забинтованное запястье и смятенно проскулила: – Жанна, так ты с ним…

– Саш, перестань молоть чепуху! – вскипела я. – Как тебе такое только в голову могло прийти?! А еще подруга называется.

– Но ты же только что сама говорила… – растерялась Саша.

– Я говорила, что Однорог измывается надо мной как мой босс, – внесла ясность я. – Тебе ли об этом не знать? А ты чего себе напридумывала?

– А я думала, ты говоришь о своем любовнике-садисте, – нахохлилась Сашка.

– Ну и фантазия у вас, барышня!

– Тогда кто он? – нахмурилась Саша.

– Кто он? – в замешательстве повторила я, думая, что бы такое соврать, чтобы не говорить правду о маньяке. – Он хороший парень. И никакой не садист!

– Блондин или брюнет? – прищурилась Саша.

– Брюнет, – машинально ответила я и прикусила язык. А впрочем, что такого? Хочет Сашка найти виновного в моей травме, флаг ей в руки и помело в придачу. Навру, что попали с ним в легкую аварию, и дело с концом.

– Он что, знаменитость какая, раз ты его так скрываешь даже от меня? – продолжила раскалывать меня подруга.

Тут в голове у меня что-то перемкнуло, и перед глазами побежали кадры черно-белого французского фильма с темноволосым красавцем в роли бесстрашного мушкетера… Так вот кого мне напомнил мой маньяк – актера из любимого фильма моей мамы! Но этого не может быть. Фильм снимали полвека назад, а маньяку – от силы лет тридцать. Столько же, сколько было актеру на момент съемок фильма… И этот укус его странный, и эти прикосновения его, с ума сводящие… Да нет, ну не может же этого быть! Ой мамочки…

– Ну точно! – воскликнула Саша, расценив мое потрясенное молчание как знак согласия. – Он какой-нибудь чокнутый суперстар, который не слезает со страниц желтухи, и ты боишься, что слухи о вашем романе просочатся в прессу, и даже мне словечка не говоришь!

– Ой, Сашка, не придумывай! – слабо возразила я, чувствуя себя невестой Дракулы. – Что-то мне нехорошо, сделаешь кофейку?

Заботливая подружка мигом сорвалась с места, схватила чайник и унеслась за водой. Убедившись, что осталась в комнате одна, я быстро расстегнула манжету и размотала бинт.

Бурые пятна на марле свидетельствовали о том, что рана была и укус мне не приснился. На запястье остался ровный разрез, как от хирургического скальпеля, на его краях запеклась кровь, но рана уже медленно затягивалась. Уф, значит, вампиром я не стала, иначе бы под бинтами обнаружилась целая кожа безо всяких повреждений. Я в облегчении откинулась на спинку кресла и уставилась в ставшие блюдцами глаза Сашки, с ужасом замершей у стола. Видно, я слишком долго медитировала над порезом, а Саша слишком торопилась сделать мне чашечку кофе.

– Жан, – ее голос дрогнул, – ты что, Жан… Ты это из-за него? Из-за этого придурка?

– Сашка, ты что говоришь?! – Я почуяла неладное.

– Жан, ты из-за этого урода себе вены резала? – Саша сдавленно всхлипнула. – Он тебе что, изменил, Жан? Он тебя бросил, Жан? Лучше бы он тебя побил… А ты, Жан… Сама!.. Жан…

Когда подруга начинает вставлять мое имя через каждое словечко, значит, вот-вот разразится буря и слезопад.

– Александра, перестань пороть чушь! – возмущенно прикрикнула я, и готовая разрыдаться Сашка умолкла. Александрой я называла ее только в минуты гнева, и полное имя из моих уст обычно действовало на нее отрезвляюще.

Чувствуя себя героиней какого-то дурацкого фарса, я малодушно соврала:

– Мы попали в аварию.

Не говорить же подруге, что на меня напал маньяк с повадками вампира?

– Мы ехали на машине, и я поранилась о стекло, – отводя глаза, уточнила я.

– Жанна, ну что ты врешь! – в сердцах воскликнула Саша.

– Что у вас тут происходит? – В дверь заглянула Анфиска из соседней комнаты. – Личная драма? – с надеждой спросила она, оглядев наши растерянные лица.

– Настоящая трагедия! – всхлипнула Сашка.

С ума она, что ли, сошла? Не хватало ей еще поведать версию о моем неудачном самоубийстве первой сплетнице офиса и лучшей подружке Дьяволины. Я сделала большие глаза и исподтишка показала Сашке кулак.

– Жанка отхватила новую сумку от Гуччи, а мне не говорит где! – плаксиво сообщила Саша.

– Ну и стерва же ты, Бессонова, – довольно осклабилась Анфиса, исчезая за дверью.

– А что? – зашипела на меня Саша, когда мы остались вдвоем. – Что я должна была ей сказать? Правду?

– Александра, я не знаю, что ты там себе напридумывала, но это чудовищная ложь! – взбеленилась я. – Я не такая дура, чтобы резать себе вены из-за каких-то там тупых блондинов!

– Брюнетов, – поправила меня подруга.

– Тем более – брюнетов, – ледяным тоном подчеркнула я.

– А что же тогда произошло? – обеспокоенно спросила Саша.

А ведь ее не остановишь, уныло подумала я и трагическим тоном поведала:

– На меня напал маньяк…

Версия про маньяка, который черной тенью возник из-за утла и полоснул меня по запястью острой бритвой, Сашку вполне устроила. Она охала, ахала, тактично не стала выспрашивать подробности и не выказывала недоверия, будучи убежденной в том, что такими вещами не шутят.

– Что ж ты мне сразу не сказала, дурында? – мягко пожурила она меня.

– Не хотела тебя расстраивать. – Я отвела глаза.

– Ну ладно, все хорошо, что хорошо кончается, – приободрила подруга и поспешила

перевести разговор в рабочее русло, дабы отвлечь меня от мрачных мыслей.

Я и рада была.

Вот только сосредоточиться на рекламном описании заброшенной фабрики для базы данных я не могла. Перед глазами стоял неотразимый Жан в своем эксклюзивном пальто, и я не могла сочинить ни строчки. Я выпила две больших чашки кофе, но в голове так и не прояснилось. Зато наконец-то стало светлее за окном, и я порадовалась началу дня, предвкушая, как возрастет моя трудоспособность с появлением солнышка. Впрочем, в это время года рассчитывать на солнце было бы наивно, но даже при тусклом естественном освещении моя голова соображает существенно лучше, чем при свете мощнейших офисных ламп. Я хмыкнула, вспоминая записку, оставленную мне маньяком, и набрала первые строчки объявления…

Целый час я просидела за клавиатурой не разгибаясь, увлеченная процессом и вдохновленная мечтой о премии, на которую можно будет купить новые сапожки взамен безвременно почивших, а потом меня отвлек какой-то странный бряцающий звук. Я в недоумении оглянулась на Сашку (в нашем кабинете на двоих она могла быть единственным источником шума) и обнаружила, что она в изумлении таращится на меня своими неприлично синими глазами-блюдцами.

– Жан, тебе холодно? – обеспокоенно спросила она, аж раскрасневшись от волнения.

И только тогда я поняла, что странный бряцающий звук издают мои зубы, а пальцы, переставшие быстро стучать по клавишам, мгновенно заледенели.

– Жан, я заметила, что ты стучишь зубами, и включила кондиционер на обогрев, – растерянно поведала Сашка, обмахиваясь пластиковой папкой. – Ты немного согрелась, но потом опять дрожать стала. Я еще жару добавила. Потом еще, и еще… А ты все зубами стучишь и ежишься.

Стараясь унять дрожь и перестать выстукивать зубами траурный марш, я ошарашенно смотрела на Сашу, сбросившую жакет и оставшуюся в легкой кофточке с короткими рукавами, на ее раскрасневшееся от тепла лицо, на папку-веер в ее руках и понимала, что в кабинете стоит просто курортная жара – градусов тридцать, не меньше. Закусив губу, я подняла глаза на кондиционер.

– Я поставила его на максимум, – тут же отозвалась Саша. – Жан, ты не заболела?

Я обхватила себя за плечи, стараясь согреться.

– Жан, да тебя знобит не по-детски, – сочувствующе пробормотала Саша, вскакивая со своего места. Через мгновение ее обжигающе-горячая рука уже щупала мой лоб. – Да ты ледяная, как покойник, – вконец обеспокоилась подруга.

– Наверное, простыла вчера, когда домой возвращалась, – глухо сказала я.

– Да нет, подруга, у тебя не простуда, иначе бы ты сейчас температурила, – озабоченно ответила Сашка, – а озноб. Наверняка вирус какой-то подхватила.

Я вздрогнула и, наверное, еще больше посерела лицом, отчего Саша разволновалась еще сильнее.

– Вот что, – решительно объявила она, – давай-ка быстро собирайся домой, а я пойду кого-нибудь из наших водителей найду.

Вообще-то личный шофер полагался только высшему руководящему составу, но у меня уже не было ни сил, ни желания возражать. На метро я в таком состоянии точно не доеду. Сашка умчалась: отпрашивать меня у Однорога и договариваться о транспортировке моего холодного тела к родным пенатам.

Через несколько минут в кабинет ворвалась недоверчивая Ангелина.

– А, Геля, ты, – радостно приветствовала ее я, зная, как секретарша ненавидит, когда сокращают ее роскошное имя.

– Да уж, покойники и то лучше выглядят, – довольно хмыкнула вредина и отбыла восвояси, с притворным сочувствием пожелав мне скорейшего выздоровления.

Меня по-прежнему бил озноб, но к щекам прилила кровь, и они отчего-то заполыхали – не иначе как температура в кабинете достигла тропической. Я, покачиваясь, добрела до

кондиционера (возле окна меня ощутимо обдало волной жара, и я даже зажмурилась и закрыла лицо руками) и отключила обогрев. Доползти до кресла я не успела – по мою душу явились Сашка и водитель Артем.

– Вот это да, – протянул Тема.

– Я же говорила – инфекция! – чуть не плача, всплеснула руками Саша. – Жан, ты краснухой в детстве болела?

– Не помню, – прохрипела я и попыталась пошутить: – А что, морда прекрасная? Дьяволина пять минут назад радовалась, что зеленее моей рожи только баксы.

– Надеюсь, ты на нее дыхнула как следует и горячо облобызала на прощание? – проворчала Саша, втряхивая меня в плащ.

– Не догадалась… – расстроенно протянула я, стараясь не дышать в сторону Саши.

– Ты чего это от меня нос воротишь, а? – хмыкнула она. – Я краснухой в школе болела. У меня иммунитет. Так что чихай смело.

– А на него? – Я покосилась на Тему, разглядывавшего меня, как кенгуру в зоопарке.

– Зараза к заразе не пристает, – ухмыльнулся тот, принимая меня из заботливых Сашкиных рук и умудряясь при этом стоить глазки моей блондинистой подружке. – Но на всякий случай сзади поедешь, – уточнил он уже в машине, усаживая меня сзади, по диагонали от своего кресла.

Всю дорогу я исподлобья таращилась на его шею, как назло не прикрытую даже воротником или шарфом, и рассеянно думала о том, что действие всех фильмов про вампиров приходится всегда на летнее время, когда дамы стремятся выставить на всеобщее обозрение максимум обнаженного тела, да и кавалеры ограничиваются минимумом одежды. А вот попробуй доберись до шеи или запястья зимой – сколько одежек сперва следует снять, сколько шарфов размотать, сколько перчаток сорвать…

– Теперь куда? – оторвал меня от кровожадных мыслей веселый голос ничего не подозревающего Темы.

– Направо, – клацнула зубами я.

– Держись, старушка. Сейчас уже прибудем! – приободрил меня он.

Видимо, видок у меня и впрямь был аховый, потому что остряк Тема даже не вздумал подтрунивать над моим состоянием. Приду домой – первым делом рвану к зеркалу, а то аж любопытно, чего моя рожа так всем покоя не дает.

Тема проводил меня до самой квартиры, и я с облегчением отметила, что ни вчерашнего маньяка, ни его подозрительных сотоварищей у моего порога не наблюдается. Артем, пожелав мне скорейшей поправки, отбыл восвояси, а я на заплетающихся ногах доковыляла до зеркала и от изумления даже икнула.

Было отчего начать заикаться. Из зеркала на меня таращилась опухшая красная рожа совершенно кошмарного вида, весьма анекдотически смотревшаяся в сочетании со строгим джинсовым платьишком. Любоваться подобной образиной было бы с моей стороны сущим мазохизмом, так что я поспешила доползти до спальни, сбросить платье и напялить на себя просторную хлопковую пижаму, которая вынималась из шкафа только на время болезни.

В процессе переодевания я обнаружила, что краснуха, если она и имеет место быть, ограничилась моим лицом, шеей и ладонями, совершенно не коснувшись тех частей тела, которые были спрятаны под одеждой, и дюже засомневалась, верен ли диагноз, поставленный Сашкой. Та была легка на помине – позвонила, чтобы узнать, как я добралась, и я послушно отрапортовала, что занос тела прошел благополучно и без эксцессов.

– Значит, жить будешь, – удовлетворенно заключила подруга, успокоенная моим шутливым тоном, и строго уточнила: – Врача уже вызвала?

– Когда?! – возмутилась я. – Только переодеться успела.

– Не тяни, – педантично изрекла Саша. – А то знаю я тебя…

Тот факт, что поликлиники и больницы наводили на меня смертную тоску и я до последнего старалась увильнуть от их посещения и общения с докторами, Сашка за время знакомства со мной прекрасно уяснила.

– Я бы сама тебе врача вызвала, чтобы наверняка, но номера полиса твоего не знаю, – с сожалением протянула она.

Клятвенно заверив подругу, что по окончании нашего с ней разговора я сразу же наберу номер поликлиники и вызову районного эскулапа на дом, я быстро с ней распрощалась, вынула телефонный шнур из розетки, отключила мобильный, задернула шторы и, едва добравшись до кровати, мгновенно провалилась в сон.

Марио

Шесть недель назад

Сегодня он был бомжем. Сорокалетним дряхлым старцем, изгоем и одиночкой.

Позавчера он остался без дома. Его трехкомнатные апартаменты, во владение которыми он вступил после выселения прежних жильцов, снесли с приговоренной под снос хрущевкой. Он жил в опустевшем доме последние три недели. Дом, отключенный от коммуникаций, нагревался днем и сохранял тепло до глубокой ночи. Казалось, дом был рад ему – единственному жильцу, ведь, пока в доме жил человек, оставался живым и дом. По ночам дом-старик стонал половицами, дребезжал побитыми стеклами, вздыхал сквозняками.

Обойдя все брошенные квартиры, бродяге удалось разыскать сломанный диван, ветхий стол и выцветший ковер. В квартиру, в которой остался умирать диван, он и притащил остальные сокровища. В комнате сразу стало по-домашнему, и дом отозвался одобрительным свистом ветра, заблудившегося в водосточной трубе. Он вытащил из рюкзака свой сегодняшний ужин – полбуханки черствого хлеба, покрывшуюся склизкой пленкой колбасу, початую бутылку самогона. Огненная вода обожгла горло, корка хлеба потревожила больной зуб… Он обвел мутным взглядом свое новое жилище, и на жесткую щетину покатились крупные слезы. Он вспомнил свою прошлую жизнь – сытое детство единственного сына партийного начальника, шальные студенческие компании, залитую солнцем четырехкомнатную квартиру на Малой Бронной…

Марио с недовольством оторвался от бродяги, тряхнул модно стриженными кудрями. Его не интересует, как бездомный докатился до дна жизни и как жил раньше. Ему нужно знать, как он живет сейчас, что значит быть бомжем. Поддерживая безвольное тело бродяги и стараясь не запачкать дорогой костюм, он снова припал к ране на сгибе локтя и слился мыслями со своей жертвой.

Теперь он чувствовал щемящую боль, стоя у развалин хрущевки, ставшей ему родной в последние три недели. Он вытащил бутыль самогона и сделал глоток, оплакивая гибель дома.

– Бывай, старик, – сиплым голосом бродяги прошептали перепачканные кровью губы, и алчущий рот вновь припал к источнику знаний, жадно глотая чужие воспоминания.

Он впитал в себя глумящиеся лица ментов и оплывшие физиономии собутыльников. Резкий запах дешевых духов и синяк под глазом последней любовницы Любаши. Шершавые страницы газет, служившие ему постелью в отсутствие крыши над головой, и кишевшие сокровищами помойные баки, за своевольный доступ к которым он часто бывал бит «полноправными» хозяевами этих сокровищниц, особенно примыкавших к ресторанам и продуктовым магазинам…

Марио машинально схватился за правый бок. Проникновение в шкуру донора было таким полным, что он даже почувствовал боль восьмилетней давности в сломанном ребре. Поморщился, улыбнулся. Кровь бомжа была кислой, как просроченное молоко. Куда приятнее было готовиться к роли Андрея Болконского. Кровь импозантного предпринимателя, психологического двойника князя, напоминала выдержанный коньяк.

Что ж, искусство часто требует жертв, покривился Марио, промокая салфеткой испачканные губы. Хорошо хоть вкус немытого тела пробовать не пришлось. Марио подкараулил бродягу на выходе из благотворительного приюта, где бездомным предоставляли ночлег и баню. Отпустил безвольное тело из цепкой хватки стальных пальцев – бродяга сполз по стене вниз, повалился на пустые коробки, испачкал выданные в приюте

добротные штаны. Завтра бомж и не вспомнит, где их взял, не вспомнит и своего имени, не вспомнит ничего из того, что поселилось в памяти Марио. Полная амнезия и потеря личности. Бродяга очухается минут через пятнадцать, а ему пора. Не хватало еще, чтобы знаменитого актера Марка Шальнова заметили рядом с телом бомжа.

Марио обернулся – подворотня была пустынной. Но нельзя недооценивать пронырливых папарацци. Марио нахмурился и машинально достал из кармана солнцезащитные очки. Конечно, подозрительная маскировка для позднего вечера, но все-таки с ними он себя чувствовал уверенней.

Его слава росла с каждым днем, нахальные журналюги наступали на пятки, пытаясь добыть компрометирующие сведения и скандальные фотографии. Он с удовольствием давал повод для сплетен, заигрывая каждый раз с новыми девицами, шокируя искушенную столичную богему эпатажными поступками. Лишь бы пустить журналистов по ложному следу. Пусть смакуют подробности его несуществующих романов, только бы не копали глубже, только бы не приближались к его тайной жизни.

А тайная жизнь тесно связана с его талантом… Марио бросил удовлетворенный взгляд на неподвижного бродягу. На завтрашней репетиции ему будет чем порадовать требовательного режиссера. Перевоплощение в опустившегося бича будет полным, невероятным, завораживающим, как любят писать высоколобые театральные критики о его актерской работе. После роли аристократа Андрея Болконского перевоплощение в клошара будет особенно эффектным и, вне всяких сомнений, вызовет восторг публики и критиков.

Он не был актером одного амплуа, в репертуаре его масок не было характерных ролей, он все время был разным. По диапазону ролей среди коллег ему не было равных. За шесть театральных сезонов в Москве он сыграл романтического Монте-Кристо и циничного Печорина, обаятельного Фигаро и омерзительного Гобсека, властного Цезаря и жалкого Хлестакова, трепетного Сирано де Бержерака и невозмутимого профессора Хиггинса, трагического Гамлета и смехотворного обманутого мужа из современной пьесы. И всякий раз публика кричала «браво!», а самые злобные критики преклонялись перед его талантом.

Эти удивительные по точности перевоплощения были бы невозможны без его редчайшего дара – дара видеть жизни своих доноров, который помогал ему присваивать их личины, почувствовать себя ими. Редчайший, благословенный дар! Только в романах и кино вампиры повсеместно пили с кровью жертв их мысли, их чувства, их воспоминания, их прошлое. В жизни же Марио встречал только одного сородича, который обладал подобным даром. Араб Ахмет считал его проклятием и предпочел сделаться отшельником, по примеру своего деда уйдя в горы. Поговаривали, что это его и сгубило. Отказавшись от крови людей и перейдя на кровь коз, в какой-то момент он перестал ощущать себя человеком и решил перепрыгнуть глубокое ущелье вслед за понравившейся ему козочкой. Может, это просто нелепая легенда, такая же утка, как те сплетни, которые окружают имя модного актера Марка Шальнова.

Марио араба не понимал. Бывший заурядным актером в свое бытие человеком, он воспринимал эту способность как подарок судьбы. Он тешил себя надеждой, что вирус вампиризма усилил дремлющий в нем талант актера и дал ему раскрыться в полной мере, засиять бриллиантом. Каждый раз, готовясь к новой роли, он искал психологического двойника своего персонажа. Он пускался на поиски подходящего человека с азартом охотника. Он вычислял места его обитания, он погружался в его среду, он искал того единственного, кто даст ответы на все его вопросы, кто впустит его в свою душу, кто поделится с ним своим ценным опытом и уникальными переживаниями. И когда он находил своего персонажа, он выпивал его память досуха – со всеми его радостями и горестями, со всеми мечтами и стремлениями, со всеми победами и разочарованиями, со всем прошлым и настоящим. Он впускал его в себя. Смотрел на мир его глазами. Реагировал на события его эмоциями. Случалось, он даже не узнавал своих знакомых, зато приветливо махал людям из окружения персонажа. Приятели, не знавшие о нем всей правды, посмеивались: вошел в роль – и всё прощали гению. К счастью, полное перевоплощение ограничивалось первыми

сутками, затем он отделял себя от персонажа, но продолжал жить им, играть его роль так, словно сам был им.

Заслышав шаги за спиной, Марио похолодел. Актер внутри него боялся быть застигнутым на месте преступления; бомж, поселившийся рядом, по привычке собрался сигануть от греха подальше. Мгновение бомж изучал приближающегося к нему человека, отмечая дорогую одежду, уверенную походку, выражение хозяина жизни и каким-то особым чутьем ощущая исходящую от него опасность: бежать, бежать! Нырнуть во влажное нутро подвала, уткнуться под бок жалостливой Любаши, зарыться в ворох тряпья… Марио до боли сжал кулаки, заставив жалкого бродягу заткнуться, задвинув его отчаянный скулеж в глубь души. Страх бомжа был ему понятен. Человек был знаком Марио. Он был таким же, как он.

– Готовишься к новой роли?

– Это будет моя лучшая роль, – усмехнулся Марио.

– Ты всегда так говоришь.

– Я всегда так думаю.

– Не забудь пригласить его, – ироничный кивок в сторону бомжа.

– Непременно вышлю приглашение на его адрес. Подворотня Грязная, мусорный бак номер два.

– Смотри-ка, а у бродяги было чувство юмора. У тебя его отродясь не водилось.

– И чем обязан твоему появлению?

– Есть дело… Хороший костюм! Только где ты его так запачкал?

– Где?

Марио с беспокойством оглядывает костюм. Жгучий укол в плечо заставляет охнуть от боли.

– Что ты делаешь?! – картинно возмущается актер.

– Извини, маскарад закончен, – звучит бесстрастный голос.

– Ах ты, пад… – сипит бомж. Ругань застывает на заледеневших губах.

Тело актера Марка Шальнова падает на землю в нескольких шагах от бродяги.

Белый листок бумаги опускается в карман элегантного пиджака.

Через минуту бродяга со стоном поднимает голову и всматривается в темный силуэт, мелькнувший в свете фар проезжающей машины. Наверное, показалось. Кто он? Где он? Бродяга поднимается на ноги, делает шаг, спотыкается о тело элегантного мужчины, лежащее на асфальте. «Бежать!» – шепчет инстинкт. И бродяга со всех ног мчится прочь из пустой подворотни, не замечая, как из свежей раны на локте струится кровь…

Глава 2
КЛУБ ГЛАМУРНЫХ ВАМПИРОВ

Если тебя мучают вопросы, откуда мы взялись, какие у нас цели в жизни, как долго это продлится, не переживай! Только у заключенных с этим полная ясность: знают свое место и цель в жизни, знают, как там очутились, и срок приговора.

Катажина Грохоля. Я вам покажу!

Да, вампиры действительно существуют, только истории о них сильно преувеличены.

Джордж Мартин. Грезы Февра

Проснулась я около семи вечера. За окном было темно, а в голове – на удивление ясно. Взгляд, брошенный в зеркало, не ужаснул, а даже порадовал. Морда лица уже не алела советским флагом, а сделалась трогательно-розовой, словно с утра я умудрилась чуточку обгореть на солнце. Руки и ноги перестали выплясывать дрожь от озноба. Правда, в квартире, которая всегда казалась мне теплой и хорошо натопленной, мне все-таки было

прохладно. Пришлось утеплиться шерстяными носками, которые бабушка Зина с маминой стороны с маниакальным упорством вязала и дарила мне каждый год, не желая понимать, что хуже шерстяных носков для современной модницы только панталоны с начесом. Кстати, рейтузами она тоже умудрилась меня одарить, выудив парочку прелестных розовых штанишек, сделанных еще в советские времена, из своих обширных запасов и презентовав их мне на Восьмое марта два года назад. На новехоньких панталонах гордо красовалась бумажная этикетка с милыми бабулиному сердцу и смешными мне надписями «Сделано в СССР» и «Цена – 3 рубля 20 копеек». Панталоны с тех пор валялись на верхней полке шкафа по соседству с непочатым запасом разноцветных носков, который я как раз и разворошила, отдав предпочтение белым носочкам с розовыми полосками в тон моей пижаме. К счастью, другая моя бабуля, Лиза, была прямой противоположностью бабе Зине и исключительной модницей. Но о ней я расскажу как-нибудь в другой раз.

Вторым делом я отыскала градусник и нырнула под плед на диванчике перед телевизором, лениво щелкая пультом.

– Мерседес, любимая! – заламывая руки и вытаращив глаза в припадке раскаяния, вещал мексиканский актер. – Какая я же я тупая и черствая скотина! Сможешь ли ты простить меня?

Большеносая Мерседес гневно сверкала подведенными очами и ломалась согласно сценарию.

На музыкальном канале вертлявый парень, которому не давали покоя лавры Майкла Джексона и Дэцла, в начале клипа провозглашал себя королем русского рэпа. Мне тут же вспомнилась сценка из известной комедии: «Очень приятно, царь!»

После «царя» я попала на бойкую старушку, рассказывавшую, как приготовить средство для повышения мужской потенции из засушенных верблюжьих лепешек и пчелиного воска. Отчаянно молодящийся ведущий оживился при словах старушки, утверждавшей, что ее восьмидесятилетний супруг может по три раза за ночь, но сразу же поник, когда речь зашла об ингредиентах чудесного зелья.

В русском сериале привычно свистели пули и доблестные сыщики преследовали бандитов с квадратными рожами.

В очередном реалити-шоу помятый паренек стоял перед зеркалом, на котором красной помадой было написано «Кто это?», и таращил глаза, ища ответ на этот экзистенциальный вопрос.

На другом канале юная девица томно признавалась, что верит в любовь с первого взгляда на арабского шейха, а тетушки из зала ее шумно осуждали, наперебой треща, как вышли замуж за нищего трудягу и прожили душа в душу двадцать лет.

На одном из ток-шоу я задержалась, заметив в кадре знакомое лицо. Инесса Раевская, владелица шикарного мультибрендового бутика, единственного на всю Россию, в котором были представлены коллекции двух люксовых марок, была частой гостьей светской хроники и телевизионных шоу. Для меня элегантная и холеная Инесса, способная затмить своей красотой и блеском Николь Кидман и Элизабет Херли, была воплощением гламурной мечты. Вот уж кому не надо было провозглашать себя королевой стиля и элегантности – за нее это сделали журналисты ведущих глянцевых журналов. Инесса и держалась с поистине королевскими грацией и достоинством, а ее появление в телешоу всегда было гвоздем программы. Безупречная модница сверкала бриллиантами и остроумием, демонстрировала новые модные туфли и харизму высшей пробы, проявляла поразительную осведомленность во многих областях знаний, будь то мода начала двадцатого века, живопись импрессионистов или мировая политика. С ее губ, покрытых помадой «Кристиан Диор», лились максимы Ларошфуко, стихотворные строки Шекспира и рифмы Бальмонта и собственные неординарные мысли, яркие метафоры и хлесткие сравнения.

На этот раз речь шла о рынке подделок. Инесса в элегантном красном костюме из свежего номера «Вог» и туфельках из последней коллекции Вичини, которые еще и в продажу в Москве не поступили, выглядела сошедшей со страниц журнала. Изящно

сложенная, прекрасная, с блестящей волной каштановых волос, с безупречным макияжем – я привычно залюбовалась ее кричащим совершенством и чуть не прослушала все, что она говорила. Уловила я только последнюю ее фразу. Инесса заявила, что носить сумку, сделанную китайскими умельцами по образу настоящей Прады, все равно что слушать «Божественную комедию» Данте в вольном пересказе деревенского тракториста.

Ее слова были заключительными в выступлении гостей, после чего инициативу перехватил ведущий и, спешно подведя итоги программы, распрощался со зрителями. Жаль, что я попала на самый конец, интересная была тема!

Я машинально перещелкнула канал и взглянула на градусник. Он показывал тридцать и две десятых – безжалостно констатируя тот факт, что с такой температурой не живут. Люди, по крайней мере. А если сложить вместе укус французского маньяка в запястье и показания термометра, было отчего приуныть.

Я неисправимая оптимистка, живущая под девизом «Все, что ни делается, к лучшему». Поэтому даже в своем внезапном вампиризме я в первую очередь отыскала десять причин порадоваться.

1. Я живая. Относительно.

2. Я доживу до премьеры шестого «Гарри Поттера» и, если повезет, до последнего сезона «Остаться в живых». Если только раньше не помру от любопытства.

3. Я здорово сэкономлю на парикмахерской и эпиляции, так как мои волосы перестали расти.

4. А также на суши, шоколаде и тирамиссу, т. к. потребность в пище у меня отныне отпала.

5. А еще на ботоксе, ретиноле, стволовых клетках и пластической хирургии, т. к. вечная молодость отныне у меня в крови.

6. Не придется изводить себя диетами и фитнесом. Где вы видели толстого, обрюзгшего вампира?

7. С моим магнетизмом я смогу выбивать фантастические скидки в магазинах.

8. И влюблять в себя самых прекрасных мужчин, которые прежде были мне недоступны. Держитесь, Алексей Чадов, Киану Ривз и Рики Мартин!

9. И читать мысли прекрасных мужчин и всех-всех-всех окружающих.

10. Наконец-то я смогу исполнить свою давнюю мечту и заняться фрилансом, а не просиживать целые дни в офисе.

Я посмаковала эти десять причин и так и этак, а уже потом расплакалась. Надо же, улыбнулась я сквозь прозрачную пелену, а слезы у меня есть, и отнюдь не кровавые. А вот жажды и стремления немедленно вонзить зубы кому-нибудь в шею – нет.

Вспомнив еще об одном признаке вампиризма, я галопом проскакала в коридор и с опаской заглянула в зеркало. Фух! Да нет, отражения я своего не лишилась. Вон оно, родимое, красномордое, сперва вытаращилось на меня испуганными глазищами, а теперь вон улыбается преглупой ухмылкой. А если это временно и оно сейчас пропадет? Я опустилась на пол, оперлась руками о трельяж и уронила на них голову, не сводя глаз с зеркала.

Так я просидела целый час, внимательнейшим образом изучая и запоминая каждую черточку, каждую ресничку и этот противный прыщ над губой, будь он трижды неладен, и трепеща при одной мысли о том, что вот-вот отражение развеется на веки вечные и я больше никогда не увижу себя со стороны. Хорошо хоть мое увлечение женскими журналами не прошло зря и я научилась краситься вслепую. Но разве без зеркала возможно воспроизвести сложный макияж, нанести на веки три вида теней и подвести глаза тончайшей стрелкой? Придется обзавестись личным стилистом. Только как ему объяснить, почему меня все зеркала отказываются транслировать? Да, незадача… Придется разориться на самого Зверева: тот и так всегда в шоке, ему не привыкать. У меня окончательно затекли ноги, а желудок начал выводить настойчивые рулады, напоминая о том, что время ужина уже давно наступило, а хавчика все нет, и я поднялась с пола в самых растерянных мыслях.

Может, я все-таки жуткая паникерша и суеверная дура? Нет, ну надо же было и впрямь

поверить в то, что я стала вампиром, да еще придумать десять причин себе в утешение! Принять банальную краснуху за вампиризм – какие глупости!

Приободряя себя таким образом, я быстренько сварила и проглотила десяток пельменей. А это нелепое «Сиди дома, задерни шторы, жди гостей» – просто бред неудавшегося маньяка, возомнившего себя наследником Дракулы. «Как я могла на это купиться?» – радостно думала я, ополаскивая тарелку.

Звонок в дверь прервал мои радужные размышления и заставил насторожиться. Поклявшись себе, что дверь открывать не буду, только в глазок посмотрю, я на цыпочках прокралась в коридор, заглянула в глазок и загремела ключами.

– Привет! Ты новенькая? – На пороге стояла незнакомая девчонка, как две капли воды похожая на Пеппи Длинныйчулок. Курносый нос, золотые точечки веснушек, фантастически голубые глаза и две задорные косички, торчавшие в разные стороны, с резиночками, украшенными подсолнухами. Только волосы у нее были не рыжие, а каштановые. Да и никаких длинных чулок не было и в помине. На гостье были простые голубые джинсы с заниженной талией и белая спортивная куртка, из-под которой выглядывала хлопковая желтая маечка безо всяких двусмысленных надписей вроде «Я девушка приличная, поэтому – дорогая». На ногах – кроссовки, за спиной – спортивный рюкзак.

У меня не было никаких сомнений в отношении того, кто ко мне пожаловал… «Жди гостей», мой искренний порыв открыть ей дверь, как будто ко мне явилась старинная подруга, и это ее «новенькая» исключали возможность, что передо мной стоит чья-то внучатая племянница, которая ошиблась дверью, и подтверждали мои самые худшие опасения…Но это просто невероятно! Вампирша, которая выглядит как пионервожатая (все-таки она постарше Пеппи, хотя ее с первого взгляда и можно было принять за школьницу) и разгуливает по городу в кроссовках и со спортивным ранцем, – это что-то выше моего понимания. А может, она все-таки никакая и не вампирша, а какая-нибудь активистка бойскаутов, ошибившаяся дверью?

– Жанна, так я могу войти? – поторопила меня синеглазка, устав чувствовать себя жертвой фейс-контроля.

Нет, все-таки вампирша, окончательно разочаровалась я и приуныла. Значит, все эти сказки про то, что вампиры не могут войти в дом без приглашения, не сказки вовсе. Это что же, я теперь на веки вечные обречена топтаться у порога и вымаливать официального приглашения у новых приятелей? Учитывая, что этикет нынче не в чести, тяжко же мне придется. В лучшем случае – засмеют, а в худшем… В худшем – мне и в магазины с клубами без персонального приглашения вход заказан. Катастрофа!!!

– А сама войти не можешь? – усмехнулась я, отгоняя невеселые мысли.

– Могу, конечно, – хмыкнула Пеппи, и голубая кроссовка переступила порог, а в синих глазах заиграли смешинки, потешаясь надо мной. – Просто я воспитанная, знаешь ли!

Поскольку я продолжала столбом стоять в дверях, не делая попыток изобразить радушную хозяйку, Пеппи добавила:

– Чего не скажешь о тебе! – И, деликатно подвинув меня плечом, вошла в квартиру, скинула кроссовки, пригладила челку перед зеркалом и мягко осведомилась у ошарашенной меня: – Ну ты как уже, оправилась?

Я неопределенно пожала плечами.

– Не волнуйся, покраснение пройдет – это реакция организма на дневной свет, – внимательно разглядывая меня, успокоила она. – Нет-нет, – предвидев мой вопрос, добавила она, – это не навсегда, только на время, пока твой организм перестраивается. Дня три тебе лучше посидеть дома за закрытыми шторами. Зря ты не послушалась Жана и пошла на работу, – укорила она меня.

Я чуть не сползла по косяку вниз, выслушивая подобные откровения, окончательно подтвердившие мои худшие опасения.

– Так где мы можем поговорить? – поторопила меня гостья.

Пришлось смириться с неизбежным, закрыть входную дверь и пригласить ее в комнату.

– Не пойдет! – возразила она, заглянув в предложенные «апартаменты». – Нам понадобится стол.

– Жертвенный? – мрачно уточнила я, совершенно не зная, как себя вести со странной гостьей.

– Письменный, – ухмыльнулась Пеппи. – Жанна, расслабься, я не кусать тебя пришла, а помочь.

– Ты хочешь обучить меня чистописанию? – ехидно поинтересовалась я.

– Я хочу тебе преподать основы безопасности жизнедеятельности вампиров и введение в вампирологию, – хихикнула та. – Добро пожаловать в наш элитарный Клуб красивых, модных и голодных!

Любопытство пересилило, кроме того, невозможно было ожидать подвоха от девочки с внешностью озорной сказочной героини, и я пригласила ее на кухню. Пеппи тут же вольготно расположилась на лавочке мягкого уголка и, выудив из рюкзака кипу распечаток и несколько брошюр, разложила их на столе. Я опустилась рядом, недоверчиво вглядываясь в названия: «Памятка новообращенного VIP», «Путеводитель по Клубу», «Инструкция по безопасному питанию».

– А «Кулинарной книги вампира» нет? – мрачно пошутила я.

– Все есть, – заверила меня Пеппи. – Но давай обо всем по порядку. – Она кивнула на выложенные брошюры. – Здесь все сведения, которые тебе понадобятся для первоначального ознакомления, и телефоны и адреса для комфортной жизни, – пояснила она, перебирая бумаги. – Вот телефоны кризисного центра, «скорой помощи» и команды спасения. Вот координаты нашего такси и службы занятости…

– Пеппи, ты это серьезно? – вырвалось у меня.

– Как ты меня назвала? – Она даже замерла от удивления.

– Ты похожа на Пеппи Длинныйчулок, – сконфуженно пояснила я. – Эти косички…

– Вообще-то мое настоящее имя Пенелопа, и мама меня в детстве называла Пеппи, – хихикнула вампирша.

Это какой же надо быть оригиналкой, чтобы назвать свою дочь Пенелопой?! Мое изумление не укрылось от внимания гостьи, и она расхохоталась, видимо прочитав мои мысли.

– Я гречанка, – сообщила она. – И это нормальное греческое имя.

– Что-то не похожа ты на гречанку… – Я окинула недоверчивым взором ее голубые глаза и курносый нос. Разве что кожа чуть смугловата для славянского типа… Но ведь даже акцента никакого в речи нет!

– У меня только папа грек, а мама – с Украины, – охотно пояснила вампирша. – Я в нее уродилась, а от отца мне только темные волосы достались. Русскому меня еще мама научила, а от акцента я окончательно избавилась, обжившись здесь.

– Понятно… – протянула я. – И как ты предпочитаешь, чтобы тебя называли, Пенелопой или Пеппи?

– Зови меня Светланой или просто Ланой, я на это имя уже восемь лет откликаюсь, – хихикнула вампирша, с удовлетворением проследив, как окончательно вытянулось мое лицо. – Совсем тебя запутала, да? У нас традиция такая: каждый раз, переезжая в другую страну, для маскировки брать новое имя. Так что родители меня Пенелопой назвали, а за время своих скитаний по миру я уж столько имен поменяла, что родное почти забыла. А еще у здешних новичков мода – в знак начала новой жизни брать новое имя. Сама понимаешь, тут у Маш, Даш и Наташ начинается такой полет фантазии, что в ход идут самые редкие и изысканные имена. Анжелика и Диана из них еще самые простецкие. Так что если тебе свое имя не по душе, можешь тоже переименоваться, – щедро предложила она.

– Спасибо, меня все устраивает, – отказалась я. – Ничего менять я не хочу.

Лана внимательно посмотрела на меня и прозорливо заметила:

– Только хочешь ты того или нет, а жизнь твоя все равно уже изменилась. С того самого вечера, когда Жан тебя встретил. Ты, Жанна, теперь одна из нас. И этого уже ничто

не изменит.

– А меня кто-нибудь спросил, посоветовался, послушал?! – бурно запротестовала я.

– Жанна, ты просто поразительная девушка! – Вампирша аж смехом захлебнулась.

– Да что смешного-то? – обиделась я.

– Да то, что по правилам Пражского договора с тысяча девятьсот пятьдесят шестого года новичков инициируют только с их согласия. Но ты же девушка уникальная – сама за себя все решила, Жан и опомниться не успел, – продолжила веселиться Светлана.

– Ты о чем? – насторожилась я.

– Объясняю: наше состояние – сродни пропуску в элитный тайный клуб. Поэтому обычно добро на инициацию дает Совет старейшин, предварительно проходит общее голосование, а кандидатов избирают из числа талантливых и одаренных людей и тщательно проверяют…

Я вспыхнула: а я, значит, неодаренная и бесталанная выскочка, проникшая в Клуб в обход фейс-контроля?!

– Ты в своем роде исключение, – продолжила Лана, – потому что тебя Жан инициировал без предварительного запроса и, как он утверждает, вопреки своему желанию, совершенно случайно. Перед тем как бежать в Париж, он клялся и божился, что это ты набросилась на него, как фурия, разбила ему нос и сама испачкалась в его крови – он и сделать ничего не успел. Это правда? – Вампирша с любопытством уставилась на меня.

– Так этот трус сбежал? – обрадовалась я, проигнорировав оскорбительный для себя вопрос.

Отличная новость! А то я уж испугалась, что этот мерзкий тип возьмет надо мной шефство и я буду вынуждена терпеть его выходки до конца бессмертия.

– Думаю, он испугался не меньше, что ты настоишь на том, чтобы он стал твоим наставником, и выпьешь из него всю кровь, – засмеялась Светлана, и в ее хрустальном смехе мне послышались фальшивые нотки. Как будто она чего-то недоговаривает.

Я пристально взглянула на вампиршу: она поспешно отвела глаза, еще больше укрепив меня в подозрениях, и торопливо продолжила посвящать меня в курс молодого кровопийцы, выкладывая на стол пособия и распечатки.

– Это ты сама прочитаешь, – в сторону легли «Памятка» и «Инструкция». – А вот и наша кулинарная библия. – Лана протянула мне иллюстрированный томик под названием «Книга о вкусной и здоровой пище. VIP-кухня». – Очень рекомендую, ее составлял шеф-повар из наших – с учетом наших вкусовых пристрастий и потребностей в питательных веществах. Все рецепты сбалансированы с учетом здорового питания, так что за фигуру можешь не беспокоиться.

– Лан, я что-то не понимаю, – смутилась я, листая глянцевые странички с фотографиями готовых деликатесов. – Вампиры же не едят человеческую еду?

– А какую же они едят, собачью? – хмыкнула моя собеседница. – Или, может, хомячью?

– Ну, мы же мертвые, пищеварение у нас не работает, для того чтобы ноги не протянуть, нам нужна только кровь… – протянула я, покосившись на раковину, где лежала недомытая тарелка из-под пельменей.

Офигеть! Я сказала – нам?!

– Дорогая, – Светлана ласково улыбнулась, – кто тебе сказал такую чепуху?

– Что вампирам нужна кровь? – недоуменно переспросила я.

– Что ты мертвая? – уточнила вампирша.

– А я живая?! – опешила я.

– Не хочу тебя расстраивать, – хихикнула Светлана, – но что-то я у тебя не вижу ни трупных пятен, ни трупного окоченения, ни запаха разложения.

– Но как же так? – взволнованно прошептала я. – У меня температура тридцать и две десятых. И у меня сердце не стучит!

– Ты в зеркало смотрелась? – хмыкнула Лана.

– Ага, – коротко ответила я, решив не распространяться о том, как просидела целый час у трельяжа, опасаясь, что мое отражение вот-вот растает.

– Дышать на него не пробовала?

Дышать на него? Да я вздохнуть боялась, чтобы не спугнуть удачу, решившую оставить мне отражение вопреки всем законам бытия вампиров. Без эпилятора я как-нибудь проживу, но без макияжа – ни в жизнь!

– Иди подыши, – со смешком посоветовала вампирша.

Через секунду я уже была в коридоре. Отражение по-прежнему пребывало со мной, и стекло не замедлило покрыться мутной пленкой, стоило мне выполнить совет Светланы. Я дышу – следовательно, существую?!

Растерянная, я вернулась на кухню, где гостья по-хозяйски включила чайник и, разыскав в шкафу вафли, с аппетитом хрустела ими, развеивая очередное мое заблуждение.

– Убедилась? – спросила она, протягивая мне тарелку с вафельками.

– Так я живая? – недоверчиво повторила я. – Но температура, но сердце?

– Сердце у тебя стучит, только очень медленно, – просветила меня Лана. – Если бы ты была человеком, ты бы сейчас лежала в коме.

У меня подкосились ноги. Я всегда была очень впечатлительной девушкой и сейчас во всех подробностях представила реанимационную палату, сальные космы на казенной подушке, серое лицо, впавшие щеки, закрытые глаза, паутину из трубок и капельниц, опутавших мои руки, и до слез горький запах больницы, который не перебьешь никакими духами.

– Но для вампира такое сердцебиение нормально, – успокоила меня Светлана. – И понижение температуры характерно для периода острого заражения. Через несколько дней оклемаешься, и температура поднимется до тридцати четырех градусов, как у всех нас.

– Что-то я не пойму, мы мертвые или как? – напрямик спросила я.

Я опять сказала «мы»? Ужас, так и до вступления в Клуб юных вампиров – рукой подать!

– Мы – други-и-и-и-ие! – дурашливо провыла Светлана, цитируя «Остаться в живых». Из чего я с радостью заключила, что ничто человеческое вампирам не чуждо. – Но если говорить с точки зрения медицины, – посерьезнела она, – то мы – больные. Зараженные вирусом смерти – отсюда и низкая температура тела, и замедленное сердцебиение. Но у нас есть ген, позволяющий нам комфортно существовать при таких условиях, при которых люди уже давно лежали бы живыми трупами в реанимации. И у нас есть особая потребность в питательных веществах, максимальное количество которых содержится в живой крови. Она для нас как витамин, позволяющий поддерживать организм в здоровом состоянии, и как лекарство одновременно. Без нее мы погибнем, а с ней можем жить долгие годы.

– Значит, бессмертие все-таки не миф? – обрадовалась я.

– Я бы не назвала это бессмертием, – возразила Светлана. – Скорее – высокой продолжительностью жизни. Средняя цифра для нас – двести восемьдесят шесть лет, нынешним долгожителям – за четыреста лет.

– Ничего себе! – восхищенно присвистнула я. Всегда мечтала заглянуть в будущее и посмотреть на моду и технологии двадцать второго века. Интересно же, о чем будут печатать статьи в «Космополитене» сто лет спустя, какие модельеры придут на смену Лагерфельду и Гальяно и будет ли «Шанель» по-прежнему в моде! А теперь мои мечты, похоже, обрели реальные перспективы. – А после четырехсот что – старость наступает?

– Хорошая новость: от старости мы не умираем. Программа разрушения клеток у нас остановлена. Так что старение нам и впрямь не грозит. Плохая новость: от несчастных случаев смертность высока в любом возрасте. Так что главный друг долгожителя – осторожность. Ну и, само собой, нужно не забывать правильно питаться и вести ЗОЖ.

– Чего-чего вести? – перепугалась я.

– Здоровый образ жизни, – расшифровала вампирша.

Это она имеет в виду бег за жертвой по ночным улицам, прыжки в высоту и

скалолазание по высоткам без альпинистского снаряжения?

– Ты себя как чувствуешь-то? – проявила заботу Лана.

– Сносно.

– У тебя сейчас как раз период острого заражения, – пояснила вампирша. – В течение трех суток после попадания вируса в кровь происходит перестройка организма. Возможны озноб, тошнота, галлюцинации, покраснение кожи и резь в глазах как реакция на дневной свет.

– А ты точно не галлюцинация? – вымученно улыбнулась я.

– Хочешь, укушу? – игриво предложила вампирша.

Я поспешно открестилась от ее предложения, и она продолжила свою лекцию:

– Послезавтра ты окончательно адаптируешься и сможешь беспрепятственно выходить из дома. Правда, реакция на свет у всех очень индивидуальна. Кому-то достаточно нанести солнцезащитный крем, чтобы без всяких неудобств разгуливать по городу в солнечный день. Но это скорее исключение. Обычно яркий свет нам неприятен, в облачные дни под прикрытием хорошего крема мы можем без проблем выходить из дома, так что осень и зима для нас – просто благодать. А вот летом приходится переходить на ночной образ жизни и маскироваться под заядлых тусовщиков.

– Так, значит, я смогу жить, как всегда, и работать на прежнем месте? – удивилась я.

– Ну, если ты захочешь, – как-то подозрительно саркастично хмыкнула Светлана и продолжила разбор листовок. – Вот здесь указаны все наши заведения. – Она развернула карту, пестревшую пронумерованными флажками, кружками, квадратами и треугольниками. – Флажки – это кафе и рестораны, где собираются наши, там есть специальное меню. Квадраты – это клубы. Треугольники – это служебные квартиры, на которых мы собираемся для решения важных вопросов. Кружки – станции переливания крови, с которыми у нас существует договоренность. Вот держи талоны, – она положила передо мной стопку заполненных квитков, похожих на больничные рецепты, – на первое время тебе хватит. Если станет невмоготу, а использовать человека не решишься, приходи туда.

– Ты это серьезно? – не поверила я, взирая на вампирскую карту Москвы, испещренную значками. Ночной клуб на Тверской, рестораны на Лубянке и Ленинском проспекте, служебная квартира на Арбате, пункт переливания крови на проспекте Мира…

– А ты проверь, – подмигнула Светлана, выкладывая поверх бумаг черную пластиковую карту с большой золотой буквой «V».

На обратной стороне оказалась моя фотография в профиль, сделанная у входа в офис, здесь же были указаны имя, фамилия, отчество, дата рождения и дата «вступления в Клуб» – роковой день встречи с Жаном.

– Это твоя клубная карта, – прокомментировала Лана, – по ней тебя примут и обслужат во всех наших заведениях. Первое время будешь предъявлять, пока тебя не запомнят. А это, – она выложила на стол красную карточку все с той же золотой «V», – твоя накопительная карта. На нее уже зачислены сто пятьдесят тысяч рублей.

Я непонимающе уставилась на вампиршу, исполнявшую роль Снегурочки.

– Вроде не Новый год? С чего вдруг такая щедрость? Или это компенсация за моральный и физический ущерб, причиненный при насильственном обращении в Клуб?

– Жизнь вампира предполагает повышенные расходы, – пояснила добрая девочка Света. – Тебе понадобится дополнительная солнцезащитная косметика, хорошая, качественная пища… Никаких полуфабрикатов, кока-колы и «Макдоналдса», – строго предупредила она, – иначе загнешься раньше, чем наша «скорая» приехать успеет.

Я вспомнила странные расспросы Жана про плов, куриный суп и концентраты и понимающе хмыкнула. Да вампир просто моей кровью потравиться боялся! Понятно теперь, почему та моделька жаловалась, что сидит ради него на кремлевской диете.

– Опять же наряды для вечеринок и званых ужинов потребуются подходящие, – продолжила вампирша. – Вот.

На стол веером легли дисконтные карты магазинов парфюмерии и косметики, модных бутиков и элитных супермаркетов со значком VIP, и в знакомой аббревиатуре мне почудилось новое, зловещее звучание. Никогда раньше не замечала, что между словами «вип» и «вампир» есть что-то общее. А теперь, с учетом откровений Светланы, я уже засомневалась, есть ли среди так называемых випов обычные люди.

– Скидки сократят расходы, но все равно тебе придется тратить больше, чем ты зарабатываешь сейчас. Первые два года тебе будут ежемесячно выплачивать пять тысяч евро на жизнь, а затем ты должна будешь найти собственный источник дохода.

– Пять тысяч евро? – Я так и подпрыгнула на табуретке. Да о такой зарплате я даже не мечтала!

– Пять с копейками, – уточнила Лана. – Всего шестьдесят тысяч в год. Да уж, Жану придется раскошелиться, – хмыкнула она.

– Жану? – не поняла я.

– Ну да, это же он тебя инфицировал, – деловито пояснила Светлана. – У нас так заведено: если кто-то из нас заражает человека, то он должен два года его содержать, обеспечивая ему высокий уровень жизни, как и у других вампиров. Пока новичок сам не встанет на ноги.

Так вот отчего «маньяка» так перекосило, когда он увидел, что наша кровь смешалась! Понял извращенец, что теперь не только два года содержать меня придется, но и регулярно видеть на протяжении двух сотен лет.

– Из-за этого новички у нас появляются редко и почти никогда случайно, – продолжила Света. – В случае, когда инициация одобрена старейшинами, средства перечисляются из нашего фонда. А исключений раньше не было. Ты – уникум в своем роде.

– Так эти сто двадцать тысяч содержания за два года – это что-то вроде откупных? – уточнила я.

– Это что-то вроде подъемных на первое время. Двух лет вполне достаточно, чтобы найти хороший источник дохода. Потом выплаты прекратятся, и ты уже сама станешь платить ежемесячные взносы на содержание наших заведений.

Вот это система!

– Как видишь, у нас все хорошо продумано, – улыбнулась Лана, без труда прочитав мои мысли.

Я сощурила глаза, пытаясь проникнуть в ее сознание, но вынуждена была признать свою полную несостоятельность.

– Двухгодичный курс телепатии, – усмехнулась вампирша.

То-то я ей так легко дверь распахнула!

– И тридцать лет практики. Мне пятьдесят три, – добавила она в ответ на мой немой вопрос.

О, а вампирша не так стара, как можно было бы представить. Всего лишь мне в матери годится. По вампирским меркам это, считай, ровесница. А по человеческим – многие ровесницы Светы душу бы отдали, чтобы так выглядеть в этом возрасте.

– А я думала, телепатия передается вместе с укусом, – разочарованно протянула я.

– Никаких сверхъестественных способностей мы по волшебству, не приобретаем, увы, – разъяснила Светлана. – Все наши необычные умения – результат долгих лет учебы и тренировок. Если бы люди жили так же долго, они тоже обрели бы такие способности.

– И смогли бы читать мысли друг друга? – поразилась я.

– Не все. Так же как и вампиры. Для этого нужно иметь хотя бы минимальные способности к эмпатии. Развить их можно, особенно при помощи особых техник и длительной практики, но приобрести – невозможно.

– А я…

– Это покажут тесты, – оборвала меня Лана. – Но мне кажется, да, – обнадежила она, – в тебе это есть. Что касается остальных мифов – по стенам мы можем передвигаться только при наличии альпинистских навыков и специального снаряжения. Молниеносная быстрота

движений доступна только очень взрослым вампирам, как правило, старше двухсот лет. И никакой магии здесь нет – дело во многих годах обучения восточным единоборствам. То же самое касается нашей необыкновенной силы: мы ненамного превосходим людей по этому показателю, и то лишь за счет хорошей и длительной физической подготовки. Гипнозом владеют только те, кто одарен в этом плане. И опять же, за этим навыком стоят годы, а порой и века обучения и тренировки… Расстроена?

– Все так прозаично, – кисло отозвалась я. – Что, и колдовать вампиры не умеют?

– Только в книжках, – усмехнулась Светлана.

– Никаких чудес и романтики, – вконец приуныла я.

– Будет тебе романтика, – улыбнулась моя собеседница. – Вампирский магнетизм существует.

– И за ним стоят годы, а то и века тренировки? – хмуро уточнила я.

– Быстро схватываешь, – одобрительно кивнула Света. – Но нет, тут дело в другом. Во-первых, мы по-особенному пахнем, очень привлекательно для противоположного пола. Все дело в особом гормоне, который вырабатывается благодаря нашему основному вирусу. Наши генетики так и не выяснили, в чем смысл этой взаимосвязи. Похоже, что природа решила компенсировать нашу болезнь таким образом.

– Как-то странно она решила, – фыркнула я. – Наоборот, должна оберегать здоровые организмы от зараженных и отпугивать их. А она, вместо того чтобы посадить зараженных на карантин и наделить их ароматом, к примеру, тухлых яиц, наделяет их особой притягательностью для здоровых.

– Умница, зришь в корень, – удовлетворенно заметила вампирша. – Природа заботится о нас, чтобы мы не погибли от голода и у нас не было недостатка в донорах. А это значит, что не такие уж мы никчемные и вредные создания и зачем-то нужны этому миру. Отсюда следует – во-вторых. Еще одна причина нашей привлекательности – новая кровь. Поскольку доноров мы обычно выбираем симпатичных и обаятельных, через их кровь нам передается и часть их харизмы и сексуальности. И третье – власть над людьми дает нам чувство уверенности, а уверенность, раскованность и сексуальность – почти синонимы. С годами эти качества лишь усиливаются, поэтому самые привлекательные вампиры – самые старшие из нас.

– А как же вампирская красота? – полюбопытствовала я.

– О, это проще простого, – рассмеялась Лана. – Красивы вампиры потому, что в новичков в основном обращают людей с достаточно привлекательной внешностью. Так что никакой магии. Ну и пластика, само собой.

– Пластика?.. – разочарованно протянула я.

– Нам не нужны операции для сохранения молодости, но для улучшения внешности – почему бы нет? У нас много времени, достаточно денег и высокая заживляемость тканей. Если люди восстанавливаются после операции месяцами, мы снимаем повязки уже через неделю. Не криви нос, – улыбнулась она, – вот надоест он тебе через пятьдесят лет, поймешь тех наших красоток, которые ложатся под нож ради перемен. Знаешь, как они говорят? – Светлана приняла томный вид и жеманно промолвила: – Я же не ношу одни и те же туфли три года подряд, почему же я должна тридцать лет ходить с одним и тем же носом?

Мы обе прыснули со смеху.

– Так, значит, никаких чудес нет? – Отсмеявшись, я вспомнила предмет нашего разговора. – Все выдумка?

– Почему же, кое-что есть, – обнадежила меня Лана и, понизив голос, сообщила: – Мы можем ходить по потолку, летать, превращаться в летучих, мышей и становиться невидимками.

– И я? – подалась вперед я.

– И ты, – обрадовала меня вампирша.

– И когда я смогу попробовать? – загорелась я.

– Да хоть сейчас! – заверила Светлана.

– Прямо сейчас? – недоверчиво переспросила я.

– А почему нет? – Она пожала плечами.

– А что для этого нужно? – уточнила я, нутром чувствуя подвох.

– Ложись спать, – прозвучало в ответ.

– Что? – Я в недоумении наморщила лоб.

– Засыпай, – хихикнула Лана. – Как говорят венгры, во сне и в любви нет ничего невозможного.

Я разочарованно вздохнула.

– А ты купилась, да? – Вампирша довольно хмыкнула, взглянула на маленькие золотые часики на запястье, не вязавшиеся с ее спортивным стилем, и заторопилась: – Ладно, была рада с тобой познакомиться, надеюсь скоро увидеть тебя среди нас. Ты пока осваивайся, а я побежала, а то на йогу уже опаздываю.

– Куда? – опешила я.

Жизнь вампиров представлялась мне чередой балов, светских раутов, вечеринок в закрытых клубах, перемежаемых с охотой за пропитанием, и такое времяпрепровождение, как занятие йогой, туда категорически не вписывалось. Если, конечно, у постоянных посетителей фитнес-клубов не самая вкусная и здоровая кровь в городе.

– На йогу, дорогая, ты не ослышалась, – лукаво улыбнулась Света, став еще больше похожей на ехидную Пеппи. – Стареть мы не стареем, но вот тело, если за ним правильно не ухаживать, может прийти в негодность раньше, чем тебе стукнет шестьдесят. Так что о пластике, как ты правильно рассудила, можно не беспокоиться, а вот о подвижности суставов и гибкости мышц лучше позаботиться заблаговременно.

Получается, даже вампирская грация и нечеловеческая пластика – результат многолетних занятий йогой? Какое разочарование. Двести восемьдесят шесть лет жизни – это, конечно, хорошо, но, учитывая, что из них лет двадцать придется корячиться в фитнес-клубе в позах трупов и треугольников, перспектива долгожительства теряет свою заманчивость.

– По правилам йогой лучше заниматься на рассвете, но в нашем клубе занятия проходят поздно вечером.

– И как инструктор, ничего не подозревает?

– Подозревает? – развеселилась вампирша. – Да он один из нас! Захочешь присоединиться, будем рады тебя видеть. Но в ближайшую пару дней тебе лучше из дома не выходить, а вот на четвертый день… – Лана хлопнула себя по лбу. – Чуть не забыла самое главное! В субботу подъезжай часикам к одиннадцати в клуб «Аперитив». Устроим тебе вечеринку в честь вступления в наши ряды!

– Может, не стоит? – слабо запротестовала я.

– Стоит, стоит! Новички у нас редки, и всем страшно хочется увидеть ту уникальную девушку, которая обратила в бегство самого Жана. И тебе полезно – сразу со всей тусовкой познакомишься.

– А что я надену? – озадачилась я.

– Надень то, что подобает королеве бала, – велела Светлана и убежала раньше, чем я успела ее окликнуть.

Ведь самого главного не рассказала, с досадой вздохнула я. Какой моды придерживаются вампиры? И как в их понимании выглядит королева бала – элегантная леди, гламурная дива, готичная дама или хулиганистая модница? На кого мне ориентироваться – на Николь Кидман, Сару Джессику Паркер, Бейонс или Ксюшу Собчак? Перебрав брошюры, оставленные Светой, и поняв, что ответов на свои вопросы я там не найду, я кинула стопку на подоконник и взяла в руки энциклопедию на все случаи жизни – «Вог».

София

В тот же вечер

За глаза свои называли ее Пиявкой. Общения с ней избегали, точно опасаясь

подхватить смертельную болезнь. Смешно. Все они и так были больны. Больны и паразитировали на здоровье людей. И только ее болезнь была благом для ее доноров.

Родственники безнадежно больных сами приводили своих близких к целительнице Софии. Никто не знал, что происходит за закрытыми дверями. Остаться с пациентом один на один – вот единственное условие, которое она ставила. «У чуда не должно быть свидетелей», – с уважением шептались посетители. Несколько минут наедине с целительницей – и вот уже спустя неделю врачи разводят руками, глядя на результаты нового обследования. Чудо, настоящее чудо! Поток посетителей не иссякал. Люди ее благодарили, свои называли Пиявкой.

Завидовали, не иначе. Ведь только она одна из вампиров способна приносить людям счастье. В то время как другие, словно паразиты, отнимают у здоровых людей влюбленность, успех, сексуальность, веселье, молодость, она одна может без следа выпить самые страшные болезни. Отсосать их, как яд смертельно опасной змеи. Вместе с кровью, разумеется. Для любого другого вампира больная кровь была отравой, только ей все сходило с рук. Относительно сходило.

Того удовольствия от крови живого донора, какое испытывают другие, она не ощущала уже давно. Она уже и забыла вкус крови, пьянящей, как шампанское, и терпкой, как вино. Прошли те времена, когда кровь для нее была лакомством или деликатесом. Если бы ее спросили, на что похожа кровь людей, истерзанных болезнью, она бы сравнила ее с горьким противопростудным бабушкиным отваром, ненавистным с детства, или с горячим молоком, которое вызывало у нее тошноту. Но эта кровь была необходима ей для поддержания жизни, как лекарство, и только сознание того, что ее жажда приносит облегчение людям, позволяло мириться со своим паразитическим образом существования. А та боль, которую она разделяла вместе с ними, хотя бы отчасти искупала грехи ее молодости…

Она и в Москву-то перебралась только для того, чтобы помочь большему числу нуждающихся. Да так и не привыкла за пять лет к городской суете, так и тянулась душой к лесной избушке, затерянной на просторах Румынии, в которой жила отшельницей в юности. Сначала вместе с бабкой, потом одна. Бабка Мария, известная знахарка, целыми днями втолковывала ей свои знания и не могла сдержать досады. Не было в девочке ее таланта врачевать тела и души; даже простые лечебные отвары, приготовленные в точности по ее рецептам, не несли никакого целебного эффекта. «Вот безрукая!» – в сердцах говаривала бабка Мария. Жаль было ей покидать землю, не передав никому своих знаний. Да что толку от знаний, когда самого главного, дара целительства, нет?

Это случилось уже после смерти бабки. Двадцатилетняя София в тоске бродила по ковру из желтых листьев. Как жить дальше? На что жить? Скоро закончатся отвары, наготовленные бабкой Марией впрок, и она останется без дров, мяса и овощей, которые привозили благодарные селяне. Перебираться в деревню, в город? Страшно. Да и на что? Денег бабка никогда не брала, сбережений Софии не оставила. Девушка выросла дикаркой, даже в сельскую школу не ходила – боялась надолго покидать старую бабку. Лес был ее единственным другом. Он, конечно, не оставит. София улыбнулась сквозь слезы, заприметив среди листвы красную шляпку подосиновика. Он, родимый, накормит грибами и ягодами. Летом она не пропадет. Да только лето закончилось, скоро укроет снегом хлебосольные полянки, и что она будет делать зимой? Одна? В лесу? Это при жизни бабки тропинка к их избушке была истоптана валенками и они не сидели без работы. Только и успевали делать отвары от простуды из заготовленных летом травок, тем и жили. Погреб всегда был полон снеди, а сарай – дров. Да только теперь селяне быстро поймут, что София не чета своей искусной бабке. И заметет снегом тропинку, и замерзнет от стужи девушка в холодной избушке…

– Эй, красавица, о чем тоскуешь?

София испуганно обернулась на мужской голос и замерла. Статный красавец гарцевал на рыжем коне и не сводил с нее взгляда. Сколько раз она мечтала об этой встрече! Сколько раз в мечтах представляла, как однажды он приедет за ней и увезет с собой – прочь от

стонущей от старости избушки, от строгой бабки Марии, от ставших ненавистными травок, от едкого дыма отваров, которые постоянно кипели на огне… И он явился именно сейчас, когда был так нужен ей.

София улыбнулась и без страха посмотрела в глаза спешившемуся мужчине, который шел к ней.

Я твоя, забери меня отсюда, люби меня, не нужно лишних слов.

Она доверчиво потянулась ему навстречу, укуталась в тепло его рук, как в уютный шерстяной плед, вдохнула незнакомый мужской запах…

Очнулась она от пробирающего до костей холода. Совсем стемнело, она была одна. София непонимающе поднялась со смятых желтых листьев, отлепила от шеи приклеившийся листок осины, не заметив на нем высохших капелек крови.

Причудилось ей все? Приснилось?

Девушка поежилась от пронизывающего порыва ветра и побежала к избушке. Лес она знала как свои пять пальцев и дорогу домой могла бы найти даже в безлунную ночь, а уж сейчас, в полнолуние, это и вовсе было просто.

Всю ночь она металась в лихорадке. Не спасали даже бабушкины отвары. В короткие минуты забытья она видела бабку Марию. Та неодобрительно качала головой:

«Эх, забрать бы тебя с собой, непутевую, пока бед не натворила, да не могу».

«Что мне делать, бабушка?»

«Уезжай отсюда, горюшко, уезжай, как можно скорей! Пообещай мне».

«Обещаю…»

Жар спал на третий день, София проснулась абсолютно здоровой. Никак подействовал бабушкин отвар! Что там говорила бабка Мария? Уезжай? Легко пообещать в бреду, да как исполнишь? Без денег, без родных, без знакомых, без умений – куда ей податься? А тут дом, тут все родное… Еще половина шкафа бабушкиных отваров осталась – не бросать же их! Вон и плотник Матей в окошко стучит.

– Дай, дочка, мазь для ног.

София отыскала нужную склянку, приняла промасленный куль с сыром. Помедлив, сказала старику:

– Матей, ты передай всем, что теперь за отвары монетами брать буду.

Рябой Матей подивился, недовольно поцокал языком и уковылял восвояси. София с грустью поглядела ему вслед. Знает она: нет у деревенских денег, все своим трудом живут. Тот же Матей головку сыра выменял, починив крыльцо или сараюшку. Но откуда ей еще денег на переезд и на обустройство взять?

А на следующий день София опять заболела. Тело терзала невиданная боль, ломило суставы, в желудке настойчиво скреблась голодная кошка. От вида сыра и вяленого мяса мутило, и непонятно было, чем успокоить эту ненасытную кошку…

Как некстати явилась Йоана. Уже во второй раз за осень за приворотной травой бегает – вот же попрыгунья девка!

София протянула Йоане тряпичный мешочек и вдруг замерла, пораженная видом трепещущей жилки на белой шее девушки.

– Соня, ты не заболела? – встревожилась посетительница.

– Тошно мне, Йоня, скучно. – София отвела глаза. – Побудь со мной немного, давай чаю попьем?

Не хотелось румяной гостье сидеть в душном домике, да побоялась обидеть внучку знахарки. Разве могла она знать, что София в чай сон-траву подбросит?

Как только Йоана заснула, положив чернявую голову на стол, София достала острый нож, которым грибы подсекала, и склонилась над девушкой…

– Соня, я заснула, что ли? Ой, как неудобно. – Йоана сонно терла глаза, глядя на сидящую напротив Софию.

– Поди, полночи прогуляла с дружком? – понимающе улыбнулась внучка знахарки.

На мгновение Йоане показалось: увидела на белых зубах капельку крови. Тряхнула

головой – чего со сна не привидится. А ведь права София – Йоана смущенно отвела глаза. Почти до рассвета с Петером на крылечке сидели. Только Петер какой-то холодный был, чужой. Вот и перепугалось девичье сердце, вот и прибежала Йоана к колдунье за помощью.

– Вот и сморило тебя, – убаюкивающе прозвучал голос Софии.

– И то правда, – заторопилась Йоана. – Благодарствую, Сонь, побегу домой.

София с волнением посмотрела вслед девушке. Кажется, та ни о чем не догадалась. А ранка на шее получилась аккуратная, да и целебный бабушкин сок от порезов помог ей затянуться. Никто ни о чем не узнает. Никто. Никогда…

Не прошло и месяца, как селяне сложили тревожные знаки воедино и пришли к общему мнению: София – ведьма! Все, кто к ней за отваром ходил, вскорости заболевали. И у всех странные ранки – на руках, на запястьях, на шее появились. А на ведьму одна управа – на вилы да на костер.

Всадник на рыжем коне появился тогда, когда София уже разуверилась в его существовании и списала все на сон.

– Что же ты, вампирочка, так неосторожна? Вся деревня галдит, костер для тебя собирают.

– Для меня?! – опешила София.

– Хорошо я случайно бабские разговоры подслушал. Поехали, укрою тебя.

– Это ты меня такой сделал, никуда с тобой не поеду! – заупрямилась София, оттолкнула протянутую руку.

– Не в твоем положении кочевряжиться, сиротка, – нахмурился всадник. – Виноват я перед тобой, помочь хочу. Едем! Собирай свои пожитки.

– Да какие у меня пожитки?

София с тоской посмотрела на ряды полных бутылочек с отварами, с любовью приготовленными бабушкой. Пусть остаются сельчанам. Хоть бы забрали, а не побили и не пожгли. Бабушкины отвары – они во спасение. Может, излечат недуги, в которых она виновата. С собой она взяла только мешочек с приворотной травой и кое-что из одежды.

Так начались ее многолетние скитания. Сперва незнакомец, оказавшийся графским охотником, привез ее в замок, хозяин которого в округе пользовался дурной славой. Но теперь Софии бояться нечего – ее собственная слава не лучше, и с графом они на равных. Это он всю прислугу и домашних заразил, это он охотника Иштвана кровопийцей сделал. В замке София долго не задержалась. Подмешала графу приворотной травы, выпросила дорогие подарки да и сбежала.

Недостатка в донорах у черноглазой девицы, путешествовавшей в одиночку, не было. Мужчины сами слетались к ней, а она использовала их как пищу, а потом обирала. Скитальческая жизнь ей нравилась – сказалась, видимо, цыганская кровь матери, бросившей ее еще крошкой и умчавшейся вслед за своим табором. За несколько лет София исколесила всю Румынию и соседние Болгарию, Венгрию, Югославию. А потом началась война. Мужчины стали солдатами и теряли кровь на полях сражений, а не в страстных объятиях смуглянки Софии. Да и она сама не могла пить кровь тех, кто защищал свободу своего народа. Пресная кровь детей и женщин была ей неинтересна – она не могла сравниться с опьяняющей кровью мужчин. Оставались дряхлые старики, отощавшие подростки и их болезненные отцы, которых не взяли на фронт. Как могла, София сдерживала голод, а потом, ненавидя себя, прильнула к беззащитной шее мужчины, умирающего от рака. Его кровь, уже подписавшая ему смертный приговор, могла стать для нее живительным лекарством. Пять ночей подряд она приходила к нему, а на шестую, едва она царапнула больного острием ножа, тот схватил ее окрепшими руками и задушил бы, если бы она не огрела его бутылью с водой, оставленной на прикроватной тумбочке.

Мужчина отделался крупной шишкой и через пару дней поднялся с постели. Весть о чудесном выздоровлении потрясла село. А больше всех – Софию. Внучка знахарки не могла поверить в то, что это ее заслуга. И тем не менее больной, который находился на краю могилы, так стремительно справился с хворью, что сельский врач только руками разводил.

«Неужели во мне проснулся бабкин дар?» – недоумевала София, покидая селение под покровом ночи и кутаясь в шаль. Она направлялась в небольшой городишко, чтобы убедиться в своих догадках. За следующий месяц она вылечила смертельно раненного солдата, исцелила от безумия старика и спасла молодую женщину, погибавшую от туберкулеза. Только инвалидов вылечить ей было не под силу – один парализованный бедняга чуть от потери крови не умер, пока София пыталась поднять его на ноги. Хорошо вовремя остановилась!

С той весны жизнь Софии изменилась. Она раскаялась в тех бедах, которые принесла людям, и принялась спасать недужных. Уже тогда она стала представляться целительницей и не таясь приходила в дома больных. Вот только на время исцеления велела оставлять ее наедине с немощным. Зимой она оседала в крупных селах или городишках. Летом колесила по дорогам, не останавливаясь нигде дольше чем на неделю.

В дороге она не раз встречала таких же проклятых, как она. Только они несли людям зло, а она – облегчение и отраду. Стая держалась сообща, лишь она гуляла сама по себе и не хотела примыкать ни к одному сообществу.

Так прошло двадцать лет, она объехала почти всю Европу и Россию.

Изменения, постигшие общество вампиров после подписания Пражского договора, прошли мимо Софии. Ей не нужны были талоны на донорскую кровь, не нужен был профсоюз с его подачками, ее не привлекало общение с подобными себе. А закон конспирации она и так выполняла, не задерживаясь подолгу на одном месте.

Только встреча с Глебом заставила ее изменить себе, осесть на долгие три года в Дании, смириться с местным кругом вампиров. Но стать одной из них так и не получилось. Ни тогда, ни сейчас в суетной Москве.

Они звали ее Пиявкой за глаза, она называла их теми, кем они были. Они страшно злились. Вампиры не любили, когда их звали вампирами, кровопийцами, упырями. Они считали себя членами привилегированного Клуба, избранными, элитой, VIP-персонами. Они блистали нарядами и драгоценностями. Они строили закрытые клубы и рестораны. Они мнили себя хозяевами жизни. Глупые, жалкие, тщеславные…

София окинула взглядом собравшихся и незаметно выскользнула из-за общего стола. Зачем она согласилась пойти на очередную попойку? Ловить на себе косые взгляды, слышать шепотки за спиной? Глупо думать, что он заметит ее. Ее лучшее платье в античном стиле кажется ночной сорочкой в сравнении с ослепительными нарядами ее соседок. А ее глаза, в которых Глеб так любил считать звезды, не могут составить конкуренцию блеску бриллиантов его спутницы… Он стал одним из них, и она для него – одно приключение из тысячи. Все звезды сосчитаны там, под небом Копенгагена. В Москве, говоря о звездах, не поднимают головы, а смотрят по сторонам, выискивая в толпе растиражированные лица. И даже горсть приворотной травы, которую давным-давно готовила ее бабка, не сделает их ближе… Смешно, ей почти сто лет, а она мечтает о свидании, как пятнадцатилетняя девчонка.

София накинула пальто и выскользнула из ресторана. Он даже не заметит ее ухода. Как не заметил того, что она пришла…

Тонкий каблук провалился в решетку, не успела она отойти и десятка шагов от ресторана. На глаза навернулись слезы.

– Давай помогу!

Знакомый голос, расплывчатый силуэт. Кто из ее соседей по столу вышел из зала и увидел, как она борется с ненавистной шпилькой?

Рука уверенно поддерживает за локоть, через мгновение в кожу впивается вредный комар. И ведь через пальто прокусил, подлец! Постойте, какие же комары в октябре? По руке разливается расплавленный лед, немеют губы, властная рука увлекает в темноту подворотни между гаражами и оставляет без опоры.

София лежит на сырой земле, как тогда, восемьдесят лет назад. На тусклом московском небе едва просматриваются звезды, складываясь в любимое имя. Рядом валяется раскрытая

сумочка. В ее потайном кармашке – завернутая в салфетку горсточка приворотной травы. Как жаль, что она так и не осмелилась применить ее во второй раз…

Глава третья
ВАМПИР В РОДНОМ ОФИСЕ

Жизнь проще, чем наши фантазии, и сложнее, чем мужская логика.

Арина Ларина. Справочник по мужеводству

Дорога в мир смертных закрыта для тебя навсегда. Ты прозрел. А с новыми глазами ты уже не сможешь вернуться в теплый человеческий мир.

Энн Райс. Интервью с вампиром

Несмотря на предостережения вампирши, на следующее утро я встала спозаранку и засобиралась на работу. Уж очень хотелось проверить на коллегах действие вампирского магнетизма, которое влила в меня кровь Жана. Ради своих опытов я даже будильник на музыкальном центре на полчаса раньше запрограммировала. Во-первых, чтобы до работы по темноте добраться, во-вторых, чтобы времени попрактиковаться было с запасом. В это утро радио одарило меня романтической песней «То ли девочка, а то ли виденье». Эх, кружить мне сегодня головы, как пить дать кружить!

У лифта нетерпеливо постукивала каблучком соседка Настя. Настя, девушка модная и эффектная, к моему безграничному удивлению, работала кассиршей в кинотеатре. И сколько я ни твердила, что она зарывает свой талант в землю, Настасья только посмеивалась и уклонялась от всех моих попыток найти ей более престижную работу. В свой кинотеатр Настя мчалась с утра пораньше, как на праздник, и уверяла, что лучшей работы ей не надо.

– Доброе утро! – приветливо улыбнулась я и осеклась под ледяным взглядом серых глаз.

Настя злится на меня из-за долга? Ну конечно, сейчас во всех магазинах новые коллекции, а Настена та еще модница, с ней всегда можно обсудить последние тенденции и полистать за чашечкой чая модный журнал. Правда, у соседки есть одна дурацкая привычка: она все время пытается меня с кем-то познакомить, чтобы устроить мою личную жизнь, но при этом критикует всех моих бойфрендов, твердя, что они мне не подходят. Больше всего в свое время досталось «кладоискателю» Федору. Впрочем, за Федю мне не попенял только ленивый…

– Настюшка, похоже, я сегодня вечером смогу вернуть тебе долг, – заискивающе улыбнулась я, вспомнив про чудо-карточку, переданную мне Светланой.

Мне показалось, что Настя разозлилась еще больше. Мы вошли в лифт, и соседка повернулась ко мне спиной. Да что такое происходит?

– У тебя новое мелирование? – растерянно сказала я в белокурый затылок. – Тебе очень идет.

– Спасибо, – наконец-то нехотя буркнула Настя.

– Где делала? – обрадовалась я. – Я тоже хочу!

– Извини, я очень тороплюсь, – отрубила Настя и, выскочив в открывающиеся двери лифта, галопом понеслась прочь, словно боясь провести со мной лишнюю минуту.

Может, я так пугающе выгляжу из-за болезни? Я с тревогой заглянула в зеркальце, но тональный крем целиком оправдывал потраченные на него деньги и маскировал бледную кожу, придавая ей персиковый оттенок.

– Наверное, у нее пэмээс, – заключила я и зашагала к остановке.

По дороге в агентство я с интересом ученого-испытателя приглядывалась к попутчикам. Соседи в маршрутке мирно клевали носом, не обращая на меня никакого

внимания, и только водитель-кавказец настойчиво пялился в зеркало заднего вида, не сводя с меня пронзительно-черных глаз. Обычно горячие южане обращают внимание только на блондинок, а тут и мне перепало! Я приободрилась и поправила шоколадную прядку волос.

– Девушка, вы будете глазки строить или за проезд платить? – не выдержал знойный водитель.

Впередисидящая бабулька окатила меня волной презрения, сосед справа очнулся от дремоты, повертел головой и снова провалился в сон, прислонившись к стеклу.

Я стремительно покраснела и полезла в сумочку. Надо же было так увлечься своими наблюдениями, чтобы забыть передать за проезд! Но это же не повод меня так позорить! С мстительной ухмылкой я передала водиле тысячную купюру, чем еще больше настроила его против себя.

– Еще больше не было? – сердито буркнул он.

– В следующий раз захвачу пятитысячную специально для вас, – любезно пообещала я.

– Стерва! – в сердцах выругался водила.

Я оскорбленно вскинула глаза в надежде, что сейчас бабулька поставит наглеца на место. Но старушонка пялилась в окно как ни в чем не бывало и, казалось, не слышала слов водителя. Может быть, она глухая? Но ведь замечание водителя про оплату проезда она прекрасно слышала!

Передавая мне сдачу на остановке у метро, маршрутчик нарочито копошился, дважды пересчитал деньги и с недовольной миной сунул их мне в руки. Я не отказала себе в удовольствии поцарапать его крепкими ногтями, выкрашенными в алый цвет. Водитель дернулся, а у меня заныло под ложечкой при виде выступившей бороздки крови.

– Бешеная! – выругался мужик.

– Сам дикарь, – не осталась в долгу я, пулей вылетая из маршрутки.

Парень с дипломатом, в которого я врезалась на полном ходу, радости от столкновения со мной не испытал, а громко возмутился:

– Смотри, куда прешь, кобыла!

– А ты не тормози, жеребец, – огрызнулась я и нырнула в переход метро.

Вот тебе и хваленый магнетизм! Вместо того чтобы сойти с ума от счастья, этот индюк еще обзывается! Или, может, ранним утром в час пик гормоны не работают? Успокаивая себя таким образом, я спустилась на станцию и зашагала по перрону. Никто из мужчин при виде меня шеи не сворачивал, знакомиться не спешил, взглядами не раздевал. Смирившись с сокрушительным поражением по всем фронтам, я с кислым видом встала у края платформы. Не успела я погоревать по случаю отсутствия результатов, как радом со мной возник симпатичный паренек спортивного вида и певуче произнес:

– Доброе утро!

Юнцу было не больше семнадцати, и он был совершенно не в моем вкусе, но я приободрилась и улыбнулась в ответ:

– Доброе!

– Рад, что оно для вас доброе, – расплылся в улыбке тот и что-то с лукавым видом добавил, но его слова потонули в грохоте приближающегося поезда на соседней платформе.

– Что? – Я сделала невольный шаг к нему.

Тот зашевелил губами, но состав продолжал греметь, и я опять не расслышала обращенного ко мне комплимента. Который был мне просто необходим, чтобы убедиться в моих новообретенных чарах! Наконец-то поезд остановился, и я повторила вопрос:

– Что, не расслышала?

Паренек покосился в сторону стоящего поезда, чуть помедлил, а потом обернулся ко мне и задорно сказал:

– Жаль, что придется его немножко испортить!

Я и опомниться не успела, как он сдернул с моего плеча сумочку, мою любимую малышку «Эскаду», и бросился к стоящему поезду, откуда уже раздавались слова: «Осторожно, двери закрываются!»

Вспоминая дальнейшие события, я сама не могу понять, как мне это удалось. Но мало того что я, проскакав на высоких шпильках, догнала вора, так я еще рывком вытянула его из дверей вагона, выдрала сумочку из его цепких лап, а после со всей злости втолкнула в закрывающиеся двери, мысленно повторяя: «Ненавижу!», а вслух выкрикнув: «Вор!»

Парень пролетел до противоположной двери и ударился головой о стекло так, что оно не выдержало и покрылось трещинами. Пассажиры, ставшие свидетелями этой сцены, со злобой воззрились на вора, и я физически ощутила, как накалилась атмосфера в вагоне. За какие-то доли секунды, пока поезд не сорвался с места и унесся прочь, до меня донеслись возмущенные вопли старушки, которая когда-то в метро лишилась всей пенсии. Одновременно я почувствовала гнев студента, у которого на днях украли деньги, отложенные на подарок любимой девушке, и ярость военного, который уже три месяца расплачивается из своей зарплаты за общественные деньги – их вытащили в переходе метро. Воришка затравленно озирался по сторонам, а к нему уже спешил, сжав кулаки, студент, воинственно помахивала тяжелой авоськой с картошкой бабулька, неумолимо надвигался военный…

Поезд уже давно умчался вдаль, а я потрясенно стояла на платформе, удивляясь силе, с которой я швырнула воришку в вагон. И той злости, которой, казалось, я заразила всех пассажиров. И тем чужим мыслям и воспоминаниям, которые захлестнули меня. Если бы Светлана сказала мне, что теперь я обладаю силой, телепатией и гипнозом, я бы не удивлялась. Но вампирша утверждала обратное!

Зашумел следующий поезд, я опомнилась и, прижимая к себе сумку, торопливо перешла на другую сторону: интересно, как я объясню опоздание Однорогу? Не рассказывать же ему, как я приструнила вора, – поднимет на смех! И все-таки как мне это удалось? Ну, допустим, сил догнать его и вернуть сумочку мне придала любовь к малышке «Эскаде». Но удар такой силы, что разбилось вагонное стекло? Но чужие мысли? Но волна мщения, захлестнувшая пассажиров? Это можно объяснить или сверхъестественными способностями, которых, по словам Светы, у меня быть не может, во всяком случае, в ближайшие лет сто, или мощнейшим глюком, а ими я никогда не страдала… раньше. В голове отчетливо прозвучал голос Светланы: «В течение трех суток после попадания вируса в кровь происходит перестройка организма. Возможны озноб, тошнота, галлюцинации…»

Я с сомнением посмотрела на прибывший поезд, гадая, не стоит ли мне последовать совету вампирши и пересидеть эти глючные три дня дома, но толпа, хлынувшая в раскрытые двери вагона, решила все за меня. Меня внесло в вагон, и я подчинилась неизбежному, пообещав себе не удивляться ничему, что увижу в агентстве.

На работу я приехала за пятнадцать минут до начала трудового дня. С будильником я все-таки перемудрила, могла бы и подольше в кроватке понежиться. Ну ничего, надеюсь, пораньше сбежать удастся, успокоила я себя, входя в двери здания.

Первое, что я там увидела, был угрюмый черный кабан в ослепительно сияющем бриллиантовом ошейнике, перегородивший холл. Кабан жизнерадостно хрюкнул, я подпрыгнула и покосилась на будку охраны. Молодчики, охранявшие офисное здание от нашествия террористов и шустрых разносчиков всякой заразы вроде набора ножей и парфюма с отдушкой из серии «Смерть тараканам» равнодушно листали свежие газеты, не обращая на кабана никакого внимания. Значит, этот хрюндель – мой очередной глюк. Я малодушно бросила взгляд на дверь, борясь с желанием вернуться домой, пока у лифта меня не встретил жираф, а внутри лифта – снежный человек. Кабан с неожиданной для глюка прозорливостью оценил мой маневр, обежал вокруг и встал у дверей, отрезав путь к отступлению.

Я обреченно вздохнула и зашагала к лифту. Вопреки опасениям «изысканный жираф» у лифта в ожидании меня не пританцовывал, и я, немного успокоившись, нажала на кнопку вызова. Медленно, очень медленно тащился лифт. Кабан в это время носился по холлу с заливистым хрюканьем, и я лишний раз убедилась в том, что это глюк. Будь он настоящим,

охрана бы уже давно призвала его к порядку. Наконец кабина была подана, я с опаской в нее заглянула и, никого не обнаружив, быстро заскочила внутрь, опасаясь, как бы кабан не решил составить мне компанию в поездке на седьмой этаж. Я уже ткнула пальцем в нужную кнопку, как до меня донеслись отчаянные вопли человека, опаздывающего на «Титаник»:

– Стойте, стойте! Девушка в лифте, wait!

Я вздрогнула, машинально нажала на кнопку удерживания дверей, и створки лифта распахнулись, явив моему взгляду диковинное существо неопределенного пола в матросской фуражке и в лохматой розовой шубе на голое тело (судя по скудной растительности на груди и отсутствию собственно бюста, существо было мужского пола), держащее на поводке моего знакомого хрюнделя. Я молча посторонилась, пропуская странную парочку. Существо прошаркало в кабину, едва не выпрыгнув из сафьяновых туфель с загнутыми носами, и втащило за собой кабана.

– Какой этаж? – любезно спросила я и ничуть не удивилась, услышав, что глюки едут на седьмой.

– Хуан, – с королевским достоинством представился глюк в розовой шубе, когда лифт поехал вверх.

– Жанна, – вежливо ответила я. Надеюсь, в лифте не установлена камера слежения и охрана не вызовет мне психиатричку?

– Знакомься, Джоанн. Это my best friend Масяня. – Хуан указал на кабана, и тот радостно хрюкнул.

– Очень приятно! – безмятежно отозвалась я.

– Меня радует твоя реакция, Джоанн, – улыбнулся Хуан.

– А что такого?

– Ну, с непривычки people пугается, – признался Хуан. – А вчера, когда мы с Масей заявились in club под утро, какой-то обкурившийся looser принял нас за белую горячку, understand?

– Дикарь! – посочувствовала я, с тоской поглядывая на двери.

– А ты в «Sweet Home» работаешь, honey? – Хуан придвинулся ко мне.

Только заигрывающего англоговорящего глюка мне не хватало для полного счастья! Ну почему мне не примерещились Коко Шанель или Роберто Кавалли! Вот это был бы не глюк, а сплошное счастье.

Хуан по-прежнему пытливо таращился на меня.

– Я там не работаю, я там пашу, – угрюмо молвила я, решив не кривить душой в разговоре с глюком.

– Big woman создана для работы, а хрупкая – for love, – многозначительно изрек тот.

К счастью, двери лифта распахнулись, избавив меня от необходимости отвечать. Хуан галантно пропустил меня вперед и, душевно распрощавшись, повернул направо и зашагал в сторону моего кабинета. Я нерешительно потопталась на месте. Идти за глюками не хотелось: а вдруг Хуан решит заглянуть ко мне да так и останется на весь день? Хороша же я буду в глазах Сашки, если стану все время таращиться в пустоту и время от времени разговаривать сама с собой. Выбора нет, надо идти налево и переждать, пока глюки скроются из поля зрения. А налево у нас только кабинет Однорога, который обитает в одиночестве в отдельном крыле. А, ладно. Все равно отчитываться за позавчерашние развалины! Заодно и доложу, как съездила. Отмучаюсь с утра – и за работу с чистой совестью.

Дверь в приемную начальника была открыта, но Дьяволины, обычно цербером охранявшей личное пространство шефа, по счастью, еще не было. Я покосилась на часы напротив пустого стола секретарши: десять минут до начала рабочего дня, а Однорог уже на службе. Все-таки каким бы вредным он ни был, а в трудолюбии ему не откажешь.

Из кабинета донесся протяжный вздох. Бедняга, как переживает из-за работы, даже через плотно закрытую дверь его стенания слышно. Может, как раз вспоминает потерю особо важной клиентки мадам Горячкиной, а тут я так некстати. Здрасти, шеф, хотела вам

отчитаться, что развалины продать – никаких шансов…

Я нерешительно застыла у двери, прислушиваясь к происходящему в кабинете. Может, сбежать пока не поздно? Не портить человеку настроение с самого утра? И так оно не ахти…

Второй, еще более протяжный вздох был мне лишним подтверждением. Даже жаль Однорога стало. Может, драма у него какая семейная? Да с такой женой, как у него, вся семейная жизнь – драма! Фотография благоверной супруги на видном месте на столе Однорога красуется. Причем – лицом к посетителям. То ли для устрашения сотрудников, то ли чтобы в сравнении с грозной мадам сам Однорог душкой казался, я толком не разобралась. Только вид у мадам Однорожки и впрямь зловещий. В прошлой жизни она не иначе как в гестапо служила. А в нынешней дама трудится стоматологом – и, честное слово, мне не хотелось бы попасть в ее очумелые ручки.

Пока я думала, гадала да сочувствовала шефу, по доброте своей душевной позабыв, как он заслал меня в гадские развалины, в результате чего я ни много ни мало угодила в лапы к вампиру, из кабинета донеслись грохот падающего тела и короткий крик.

Грабители! – осенило меня, и за одно мгновение перед моим взором пронесся калейдоскоп картинок. В самой невинной из них Однорог с кляпом во рту, привязанный к стулу, сидел посреди совершенно пустого кабинета и горестно стенал, взывая о помощи и поимке грабителей, вынесших все, что нажито непосильным трудом. В самой зловещей – отбивался настольной лампой от мускулистого злодея со зверской рожей. Так или иначе я просто обязана прийти ему на помощь!

В порыве человеколюбия я распахнула дверь и с воплем: «Держитесь, Борис Семенович, ОМОН уже на подходе!» – влетела в кабинет.

Да так и остолбенела.

На рабочем столе Однорога, распластавшись, лежала секретарша. Юбка, задравшаяся на бедрах, демонстрировала кружевную резинку черных чулок и игривый треугольник дорогого кружевного белья. Такое не на работу надевают, а на любовное свидание. Сам шеф, стоявший к двери спиной, растерянно обернулся, и на его лице отчетливо отобразилась паника. Я ахнула, заметив голые волосатые ягодицы и приспущенные штаны, из которых выглядывали семейные трусы в клетку, резко контрастирующие с эксклюзивным бельем Дьяволины. Картина была настолько нелепой, что невозможно было поверить в реальность происходящего. Холеная, самолюбивая, одетая с иголочки Ангелина – и нелепый Однорог в семейных трусах. Да Дьяволина начинала с того, что ринулась окучивать самых перспективных женихов офиса – коммерческого директора, начальника отдела новостроек, начальника отдела загородной недвижимости. Секретарша всегда была помешана на поиске мужа, грезила о свадьбе, пару раз я даже застала ее за просмотром журнала «Невеста». А тут – нелепая связь с безнадежно женатым и откровенно непривлекательным Однорогом. Уму непостижимо! Зачем это нашей невесте на выданье? Надо отдать должное смелости Дьяволины – расположиться на том самом столе, на котором стоит фото грозной супруги шефа! Мне даже стало жаль глупую секретаршу: уж если Однорожка узнает о шашнях муженька, то Ангелине можно сразу заказывать закрытый гроб, памятник и оркестр. И на легкую смерть бедняга может не рассчитывать. Сперва кровожадная жена Однорога высверлит ей все зубы, потом вырвет их без наркоза, а уже потом придушит шнуром от бормашины.

Ошеломленно опустив глаза, я заметила, что пол усыпан тяжелыми папками и разлетевшимися договорами и каталогами. Вероятно, любовники сбросили их в порыве страсти. Вон и фотография Однорожки в рамке поверх этого безобразия укоризненно на меня взирает. И почему на меня, интересно? Я-то тут при чем?! Просто мимо проходила. А Однорожка на меня так с фотографии поверх очков и косится: мол, почто напраслину на почтенного мужа наводишь? Краска прилила к моим щекам, и я остолбенела во второй раз за последние две минуты. А что, если и это галлюцинация?

– Бессонова? – потрясенно просипел тем временем Однорог, покачнувшись, и принялся торопливо натягивать штаны. – Киса, ты разве не заперла дверь? – прошипел он секретарше.

– Я закрыла! – нервно взвизгнула та, одергивая юбку и спрыгивая со стола. – Ты разве не видишь, эта ненормальная ее выбила? Она следила за нами!

Я перевела взгляд на дверь, и мне стало не по себе. Я действительно выбила ее, выломав замок. Это что же за глюки такие? Вполне очевидно, что Однорог и Дьяволина, очутившиеся в двусмысленной ситуации, мне просто примерещились. Как примерещился стук тела, из-за которого я, сама не своя, снесла дверь. Скорее всего Однорог сидел себе спокойно в кабинете, пил свой отвратительный дешевый кофе, изучал новый «Коммерсант». Возможно, неосторожно двинув локтем, сбросил со стола тяжелую папку, звук падения которой я приняла за грохот тела. А тут я – выламываю дверь с воплем «ОМОН на подходе!» и застываю, как памятник… с выпученными глазами.

– ОМОН! – подскочил на месте иллюзорный Однорог, суетливо задраивая молнию на брюках. Видимо, неудачно, потому что тоненько пискнул. – Бессонова, какой ОМОН? Почему ОМОН?

Я потрясла головой и попятилась к двери. А что, если в кабинете вообще никого нет? Он же был заперт. Так это подсудное дело получается – взлом кабинета начальника! А если тут сигнализация? Вот ОМОН по мою душу и примчится, накаркаю…

– Бессонова! Отвечай, я еще твой босс! – разъярился глюк в образе Однорога.

Но ведь какой реальный глюк, даже сердится как настоящий! На всякий случай, если Однорог в кабинете все-таки был, кофе пил, а я его покой бесцеремонно нарушила, я пролепетала:

– Извините, Борис Семенович, я, кажется, не вовремя… – И пулей понеслась прочь.

– Бессонова, куда?! – надрывался вслед глючный Однорог. – А ну стой, вернись! Нам надо все обсудить! Мы должны договориться! Это в твоих интересах, Бессонова!

К счастью, в коридоре было пусто. Ни сотрудников, ни Хуана с хрюнделем. Что делать, куда бежать? Домой, на строгий карантин, и носу на улицу не показывать? Я притормозила у лифта и нажала кнопку вызова, краем глаза уловив за спиной движение. В коридор выскочил глюк Однорога.

– Жанна, да стойте же!

На автомате я развернулась и понеслась к своему кабинету. Влетела внутрь, закрыла дверь и поймала изумленный взгляд Саши, убиравшей в шкаф куртку. Я чуть от радости не взвизгнула. Слава богу, это была именно моя подруга, а не синелицая инопланетянка и не Карлсон с пропеллером.

– За тобой что, волки гонятся? – протянула Саша.

– А свинья в бриллиантовом ошейнике тут не пробегала? – нервно спросила я.

– Ну и шуточки у тебя! – фыркнула Саша, закрывая шкаф, и прозорливо прищурилась. – Или у тебя температура и галлюцинации?

– Нет, ничего такого, – соврала я, с опаской поглядывая на дверь.

Но глюк Однорога в кабинет не ломился. Какое счастье! Может, присутствие здравомыслящей подруги убережет меня от глюков? Отсижусь как-нибудь до вечера, спущусь с Сашей на улицу, а там поймаю такси, и домой. А то меня в дрожь бросает при одной мысли о том, чтобы выйти за дверь и наткнуться на глюков Однорога, Ангелины и Хуана со свином.

– А как ты себя чувствуешь? – не унималась беспокойная Саша.

– Нормально, – не стала вдаваться в подробности я.

– Уверена? – недоверчиво спросила Саша, садясь за свой стол. – Какая-то ты… возбужденная!

«Знала бы ты, кто меня возбудил, уже психиатричку бы вызвала», – нервно подумала я, а вслух сказала:

– Так распродажи на носу… Сама понимаешь: и вечный шопинг – покой нам только снится!

– Не Гуччи единым жив человек, – привычно осадила меня подруга.

– Тот, кто с Гуччи по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет! – нашлась я.

Саша критично посмотрела на меня и фыркнула, передразнивая:

– Бренд сивой кобылы! – А затем уткнулась в монитор и пробормотала: – Ох не нравится мне это, подруга! Чего-то ты скрываешь.

– Ну чего ты придумываешь, Саш? – поспешно возразила я.

– А что я? – Сашка растерянно моргнула.

– Чего-чего… – передразнила я. – Не выспалась я. И нечего сразу думать, что я что-то скрываю.

Саша в смятении посмотрела на меня и промолчала. Так, словно она и в самом деле не произносила свою мысль вслух, как я только что отчетливо ее слышала. А я, совершенно сбитая с толку, отвернулась к своему компьютеру и принялась создавать видимость работы.

Час мы просидели в полном молчании, попивая кофе. Потом чайник опустел, Саша отправилась добывать воду, а я с тоской посмотрела ей вслед. Что, если сейчас затаившиеся глюки вылезут из всех щелей? Как накаркала! Из коридора донеслось знакомое хрюканье, и в дверь постучали.

– Входите, – обреченно разрешила я, гадая, остановит ли закрытая дверь Хуана и Масяню или глюки спокойно пройдут сквозь нее.

Глюки меня удивили: отворили дверь обычным способом и ввалились в кабинет, превратив его в дурдом.

– Hi, Джоанн! – радостно проорал Хуан.

– Салют, – проявила осведомленность в языках и я.

Масяня, радостно повизгивая, унесся под Сашкин стол и там угнездился. А Хуан развалился в кресле у стены и уставился на меня взглядом прожженного мачо, который никак не вязался с его распахнутой на груди розовой шубой. Не дождавшись ответной реакции, он подался вперед и с придыханием произнес:

– Ну?

– Что ну? – осторожно уточнила я.

– Нравится тебе моя Маська? Правда cool?

Я покосилась на развалившуюся на полу кабанину и решила не огорчать Хуана, выдавив:

– Милашка!

– Пять штук баксов, Джоанн, – гордо сообщил глюк.

За эту харю? Я мысленно охнула. Это ж два пальто взамен моего погибшего купить можно. Еще и на лодочки «Маноло Бланик» останется!

– За ошейник, – уточнил глюк. – Only.

– Гламурненько, – из вежливости процедила я.

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет протиснулась Саша. Я замерла на месте, ожидая вопроса: «С кем это ты тут разговариваешь?», но Саша вместо этого потрясенно икнула и пролепетала:

– Извините…

– Входи! Don't be shy! – царственно махнул рукой Хуан. – Хочешь autograph?

– Конечно! – радостно пискнула Саша и, схватив с моего стола чистый лист, сунула его в руки глюка, который на моих глазах становился все более реальным. – Подпишите, пожалуйста, Леночке. Моя сестренка – ваша поклонница.

Хуан размашисто вывел свою закорючку на бумаге и протянул ее Саше, которая приняла ее в руки как священную реликвию.

Дверь привычно скрипнула, впустив начальницу отдела элитной недвижимости Бэллу.

– Хуан, куда же вы сбежали? – укоризненно пробасила элегантная и дородная, похожая на директора школы Бэлла Аркадьевна. – Все готово, только вас и ждем.

– Don't worry, be happy, Бэлла. Иду! – скривился Хуан, нехотя поднимаясь с места, и уже с лучезарной улыбкой кивнул нам: – I'll be back!

Сашка, не сводя с него глаз, допятилась до своего стола, присела на краешек кресла и тут же подпрыгнула, когда из-под стола донеслось угрожающее «хрю!». Хуан выудил

сопротивляющегося Масяню за поводок и, пообещав осчастливить нас при случае более продолжительным визитом, удалился вслед за Бэллой.

– Кто это был? – сдавленно спросила я, когда мы остались одни.

– Ну и отсталая же ты, Жанна! – отмерла Саша, убирая лист с закорючкой Хуана в пластиковую папку. – Это Хуан, певец, по нему сейчас вся молодежь с ума сходит. Иногда все-таки читай прессу, помимо «Космополитена».

– А у нас-то он что делает? – недоверчиво спросила я.

– Так Хуан – сын олигарха. – Саша назвала известную фамилию. – Он в Лондоне учился, а как сюда приехал, ему жилье понадобилось. Вот Бэлла с ним и носится, выбирает ему особняк пошикарней.

Что ж, учеба в Лондоне объясняет дикое владение Хуана английским, жуткий акцент и привычку вворачивать иностранные словечки. Но я продолжала сомневаться.

– А чего ж он в нашу контору пришел? Других мало?

– Да сосед этого олигарха – бывший одноклассник Однорога, – охотно пояснила подруга. – У них как раз недавно встреча выпускников была, визитками обменялись. А там зашел разговор по-соседски, он олигарху визитку нашей конторы и вручил. Счастливый случай!

– А почему я его раньше не видела? – напоследок уточнила я, почти поверив в существование Хуана.

– Потому что ты ничего, кроме модных дефиле, не смотришь, – усмехнулась Саша.

– Да нет, почему я его у нас не видела?

– Потому что он в первый раз к нам приехал, до этого Бэлла к нему выезжала. Кстати, Бэлла вчера по всему офису растрезвонила, что сегодня Хуан придет, девки наши на ушах стояли. Но это уже было после того, как ты уехала домой.

Я с облегчением откинулась на спинку кресла. Главное, что я остаюсь в своем уме! Одним глюком меньше – и то счастье. Хотя это что же получается… Если Хуан настоящий, то и Однорог с Ангелиной мне могли не привидеться?! Да нет, не может быть! Иначе мне бы уже давно подписали приказ об увольнении. Без выходного пособия.

– Может, хотя бы автограф Хуана задобрит Ленку и она перестанет дуться из-за того, что мы не берем ее в Египет. Ты купальник-то уже купила? – донесся до меня голос Саши.

– Что? – встрепенулась я.

– Ты ж хотела новый купальник купить, – напомнила мне Саша. – Самолет уже во вторник. Так ты купила?

– Нет пока, – пробормотала я, мучительно соображая, что поездка в Египет, где я собиралась поджариться на солнышке до шоколадного загара, отменяется.

– Хочешь, сегодня сходим? – щедро предложила Саша.

Я знала, каких усилий ей это стоило, ведь я в магазинах могла бродить часами, и они пролетали, как одно мгновение, а Саша начинала скучать уже через двадцать минут. Тем больше мне хотелось закричать: «Хочу!» – и тем сложнее отказать подруге. Я решила начать издалека:

– Саш, что-то мне нехорошо…

– Что такое? – заволновалась Саша. – Говорила же тебе, оставайся дома, лечись. Вызвать Тему?

– Нет, Саш, не надо. Как-нибудь продержусь. Но только, боюсь, в Египет мне сейчас лететь не надо, – собравшись с духом, виновато выпалила я.

Сашка потрясенно замолчала, переваривая новость. На египетские каникулы подружку подбила я. Саша сперва отнекивалась, но потом так загорелась поездкой, что в последние дни только и просиживала на туристических сайтах, качая информацию об экскурсиях и достопримечательностях. Она уже каждый день наперед расписала, причем на восточный рынок мне удалось с трудом выбить два дня, тогда как остальные были плотно забиты экскурсиями и поездками. Для Сашки, прежде покорявшей только Сочи и Крым, это был первый выезд за границу, поэтому с моей стороны отказ от поездки был ударом ниже пояса.

– Жан, а может, ты поправишься? – с надеждой взмолилась она.

– Саш, у меня иммунитет ослаблен. А тут перемена климата, стресс для организма, – насочиняла я.

– Ну конечно, – с досадой пробормотала подруга, – Египет не Милан в сезон распродаж. Уж туда бы ты махнула даже из реанимации.

– Саш, ну прости, – виновато понурилась я.

– Точно не передумаешь? Мне сдавать билеты? – поникла Саша.

– Может, с Леной поедешь? – предложила я.

Саша оскорбленно фыркнула и уставилась немигающим взглядом в монитор.

Офисный телефон зазвонил, заставив меня подпрыгнуть на месте. Ни за что не отвечу! Саша сняла трубку, выслушала звонившего и с сочувствием поглядела на меня. Я похолодела.

– Однорог, – вздохнула подруга. – Тебя срочно вызывает. Чего опять натворила?

– Не знаю, – честно пролепетала я, теряясь в догадках: явился ли по мою душу ОМОН, чтобы арестовать за взлом кабинета начальника, или голая попа Однорога оказалась не миражом и теперь будет мне секир-башка за наглое вторжение в личную жизнь босса и секретарши.

Но идти надо.

При виде Дьяволины, со злобным видом восседавшей на своем законном месте в приемной, мне сделалось не по себе. На секретарше была та же белая блузка в тонкую синюю полоску, что я видела утром. Только сейчас поверх нее был надет и черный корсет, делавший Ангелину похожей на героиню порнофильма «Горячие секретарши». Юбки ее мне видно не было, и я пожалела, что не могу видеть сквозь столешницу, чтобы убедиться, эту ли юбку я лицезрела на ней утром.

Судя по ненавидящему взгляду, которым она планировала убить меня наповал, утренние события мне не примерещились. Но Дьяволина не спешила ни опровергнуть, ни подтвердить произошедшее. Только разлепила сверкающие глянцем красные губы и процедила:

– Заходи.

В кабинете Однорога меня постигло второе потрясение за день. На столе стояла коробка конфет «Моцарт», которая доставалась только для самых важных клиентов, блюдце с нарезанным лимоном, два пузатых бокала для коньяка и непочатая бутыль «Реми Мартен». Однорог, стоявший у окна, улыбнулся мне, как родной дочери Абрамовича, и суетливо предложил присаживаться.

Не зная, что и думать, я опустилась на стул. Пока буду придерживаться версии, что шеф и секретарша в непотребной позе мне привиделись в бреду, а по ходу разговора видно станет, что правда, а что мираж.

– Жанночка, – фальшивым медовым голосом заговорил он, – я бы хотел обсудить с вами текущие дела…

Ах текущие дела? Значит, речь пойдет о моем штрафном задании. Приободрившись при виде конфет и коньяка, я выпалила:

– Борис Семенович, если вы об этих развалинах, которые мне поручили, то продать их нереально…

– Что вы, Жанночка, забудьте о них! – замахал руками Однорог. – Право, не знаю, что на меня нашло, когда я вам их поручил.

– Значит, этот вопрос закрыт? – обрадовалась я.

– Закрыт, еще как закрыт! – закивал босс. – Перед вами сейчас открываются куда более захватывающие перспективы.

Так, получается, рано обрадовалась. Однорог вполне явственно намекает на понижение, а то и на увольнение. Интересно, в чем я провинилась? В неудаче с мадам Горячкиной или в том, что подсмотрела лишнее? А это значит, что глюки вовсе и не глюки…

– Это какие же? – напряженно поинтересовалась я, прикидывая, как далеко и надолго меня зашлет Однорог. Только не в Сибирь! Там же такие морозы, что мои итальянские сапожки, рассчитанные на мягкий климат, мигом дуба дадут. А унты уже пару лет как не в моде. Да и вообще, как я буду жить вдали от ГУМа и «Европейского»?!

– Отдел элитной недвижимости, – торжественно провозгласил Однорог, наливая коньяк в бокалы.

Я в изумлении вытаращила глаза. Он издевается? Это после того, как мне поручили архиважную клиентку Илону Горячкину и я распрощалась с дамочкой со скандалом?

– Вы шутите? – переспросила я.

– Я серьезен как никогда, – подтвердил свои намерения Однорог, протягивая мне бокал с янтарным напитком.

Я замерла от внезапной мысли. Ну конечно! Он меня понижает до девочки на побегушках и переводит в отдел элитной недвижимости. У Верочки уже живот вымахал до седьмого месяца, она того и гляди в декрет уйдет, а место «младшего менеджера» вакантно. Допрыгалась, Жанна!

Однорог, лучась от радости, отсалютовал мне бокалом и пригубил коньяк.

Я залпом опрокинула в себя порцию алкоголя. Теперь мне век «Гуччи» не видать. На Верочкину зарплату я смогу одеваться только на Черкизовском рынке. Лучше сразу под лимузин броситься – чтоб наверняка отмучиться.

– Да, Борис Семенович, не ожидала от вас такого, – протянула я, осмелев под влиянием коньяка. Обычно я ничего крепче вина не пью, поэтому даже сложно представить, как на меня подействует мужской алкоголь.

Однорог как-то весь напрягся, суетливо плеснул в мой бокал еще коньяка и пролепетал:

– Я давно следил за вашими успехами, Жанна, и понял, что лучше человека на это место нам не найти.

Ну конечно, я ради того в институте пять лет мучилась, чтобы вздорной Бэлле кофе готовить и возить к ветеринару ее несносного шпица, пока Бэлла будет подыскивать шикарную хату очередному Хуану!

– Интересно узнать, с чего вы так решили. – Я нашла в себе силы натянуто улыбнуться.

Однорог на мгновение замялся, но быстро нашелся, что соврать:

– Вы так преданны работе, что это заслуживает поощрения.

В виде понижения! Я в восторге от мужской логики. И эти люди еще слагают анекдоты про женскую!

– К тому же на вашу порядочность и на вашу деликатность всегда можно положиться, – присовокупил Однорог и пытливо уставился на меня.

– Конечно, можете не сомневаться, – с сарказмом ответила я.

Однорог расслабленно откинулся в кресле и улыбнулся.

– Вот и чудно, я был уверен, что мы сумеем договориться. Вы сможете приступить к своим обязанностям уже завтра.

– Как завтра? – ахнула я. – Так скоро?

– А чего время тянуть? Бэлла введет вас в курс дела.

– Но погодите, – пролепетала я, – мы не все обсудили. Я… я… я же в отпуск ухожу!

– В самом деле! – встрепенулся Однорог. – Но не вижу в этом проблемы. Тогда заступайте на новое место сразу после возвращения.

– А как же зарплата? – с дрожью в голосе поинтересовалась я.

Конечно, горбатиться за гроши я не намерена, но, пока найду достойную работу, лучше уж перестраховаться и получить свою гарантированную синицу.

– Вы будете получать столько же, сколько ваша предшественница, – заверил меня Однорог с таким благодушным видом, как будто речь шла о зарплате топ-менеджера.

Выпитый коньяк все-таки дал о себе знать. Я гордо распрямилась и оскорбленно воскликнула:

– Да вы смеетесь надо мной! Это же просто копейки!

– Речь идет о трех тысячах, – растерянно проговорил Однорог.

У меня аж слезы на глаза навернулись. Бедная Верочка! Я и не знала, что ее так жестоко эксплуатируют за подобные гроши!

– Да дворники больше получают! – вскипела я.

– Это где ж вы таких дворников видели… – возразил было Однорог, но запнулся под моим тяжелым взглядом. – Хорошо, я думаю, мы договоримся на четыре.

– Издеваетесь?

– 'Вам этого мало? – поразился злодей.

– Да разве модная девушка может прожить в Москве на четыре тысячи в месяц?! – справедливо возмутилась я. – На такие гроши даже приличную пару туфель не купишь.

Однорог аж рот от удивления разинул:

– А разве такие туфли бывают?

– Представьте себе, бывают! Но, естественно, не с такой зарплатой! – гордо парировала я.

– Хорошо, – чуть не плача, проговорил Однорог. – Вас устроит пять тысяч?

Нет, посмотрите, какой жмот!

– Между прочим, я специалист с высшим образованием и четырехлетним опытом работы! – с праведным возмущением напомнила я.

– Пять с половиной, – скорбно согласился Однорог. С таким видом, будто речь идет о миллионах.

– Это просто смешно! – Я передернула плечами.

– Но это больше, чем у Бэллы! – запаниковал Однорог. – И то, только потому, что…

– Почему? – прищурилась я.

– Потому что за вас замолвил слово Хуан, – вывернулся этот скользкий тип.

Вот спасибо, Хуанушка-дурачок, удружил! Ну я тебе подсыплю пургена в кофе и только потом гордо напишу заявление об увольнении. Пусть ищут дурочку на пять с половиной тысяч рублей.

– Еще тринадцатая зарплата, не забывайте, – с умоляющим видом добавил Однорог.

– Ох, не смешите! – вскинулась я.

Да какая может быть у Верочки тринадцатая зарплата? Ее премиальных разве что на флакон недорогих духов из «Арбат Престижа» хватит.

– Пятнадцать тысяч – это мое последнее слово. – Я пошла ва-банк.

Однорог побагровел так, что я испугалась, как бы его удар не хватил.

– Да вы с ума сошли! – охнул он. – Да я сам столько не получаю!

– Хватит врать-то, – укорила я. – Чтобы гендиректор получал пятнадцать тысяч рублей! Или… – Я запнулась. А может, это та самая сумма, которую оставляет ему на карманные расходы супруга, а все остальное забирает себе? Смелая женщина! Я с уважением покосилась на портрет мадам Однорожки, водруженный на свое законное место на столе.

– Какие рубли?! – в сердцах вскричал Однорог, ослабляя галстук. – Речь о долларах!

– О долларах? – удивленно переспросила я.

– Ну конечно!

– То есть вы предлагаете мне зарплату в пять с половиной тысяч долларов? – потрясенно уточнила я.

Однорог усердно закивал плешивой головой.

– За работу Верочки?! – не веря своим ушам, переспросила я.

– Да какой еще Верочки? – с досадой простонал шеф. – Вы займете место Бэллы.

Даже стриптиз в исполнении Однорога не мог бы произвести на меня большее впечатление. Я залпом опрокинула в себя порцию коньяка и замерла. Однорог по ту сторону стола тоже замер, в ожидании поглядывая на меня.

– То есть я буду начальником отдела? Вместо Бэллы? – охрипшим голосом вымолвила я.

– Ну конечно! – воскликнул шеф и с мольбой уставился на меня.

Я окончательно запуталась. Очевидно, что место Бэллы мне могли предложить только в одном случае: Однорог перепугался за свою драгоценную репутацию и таким образом решил обеспечить мое молчание. Но в то же время само это предложение звучало так невероятно, что я не могла отделаться от мысли, что все происходящее со мной – очередная галлюцинация.

– Но почему? – решилась спросить я.

Однорог вспыхнул, замялся, отвел глаза, окончательно убедив меня в том, что происшедшее в кабинете утром мне не привиделось, а имело место быть, и невнятно пробубнил:

– Я же уже говорил, что вы произвели впечатление на Хуана и он хочет иметь дело именно с вами.

– Но для этого не обязательно увольнять Бэллу, – возразила я.

– Не обязательно, – кивнул Однорог. – Но… но ведь мы развивающаяся компания, мы ориентированы на будущее, а будущее – за молодыми кадрами.

Бедняга аж взмок, пока выдумывал это объяснение.

– Ладно, – тряхнула головой я.

– Вы согласны? – радостно встрепенулся Однорог.

– Я подумаю, – обнадежила его я, сгребая в горсть конфеты «Моцарт», и встала со стула, давая понять, что аудиенция окончена.

Даже если это и глюки, отягощенные двойной порцией коньяка, то очень, очень приятные, думала я, выходя из кабинета начальника. Я не лукавила, когда обещала Однорогу подумать. Зарплата, которую он мне предлагал, была весьма заманчивой, и еще пару дней назад я согласилась бы на нее, не медля ни секунды. Но сейчас у меня в кармане лежала карточка с золотой буквой «V», которая, если верить Светлане, делала меня богаче на сто пятьдесят тысяч рублей. И эти деньги достанутся мне безо всяких усилий, без возни с капризными богатыми клиентами, без заискивания перед вздорными клонами Горячкиной, без просиживания в офисе пять дней в неделю. В сравнении с халявными денежками зарплата начальника отдела элитной недвижимости уже казалась не такой заманчивой. Осталось только убедиться, что Светлана меня не обманула. Дьяволина проводила меня взглядом, в который вложила всю свою ненависть ко мне, и фальшиво пожелала «удачного дня». Как бы после ее пожелания шею не свернуть!

Слегка покачиваясь от выпитого коньяка, я дошла до лифта и спустилась на первый этаж к банкомату. По моему запросу железяка выплюнула распечатку, подтверждая слова вампирши. Я чуть не прослезилась от счастья, представляя, себя в новых туфельках «Джимми Чу» и в платье «Эскада», которое мне снилось уже две недели, дразня своей недосягаемостью. Что ж, не так и плохо быть вампиром, когда полагаются такие бонусы!

Лифт, домчавший меня на первый этаж, сейчас намертво встал и категорически отказался возвращаться обратно. Я уныло поковыляла по лестнице, разгоняя облака сизого дыма и натыкаясь на курильщиков. Не понимаю, зачем люди курят? Куда приятнее съесть карамельку! С этой мыслью я вывалилась в коридор родного седьмого этажа. Под ноги мне метнулось какое-то серое, полудохлое существо, которое я сперва приняла за гигантскую крысу и оттого взвизгнула. Существо прижалось к стене, и я с дрожью разглядела белый скелетик не больше полуметра ростом, покрытый сигаретной дымкой. Допилась, мать! Только алкоголикам вроде черти мерещатся, а мне вот скелеты… А что, гламурненько, черепа – хит сезона. У меня даже заколка с черепом, выложенным стразами, имеется. Саша ее, правда, не оценила и скривила нос. Ну да что она понимает в высокой моде!

– Курить! – пробасил скелет низким, прокуренным голосом, с надеждой глядя на меня исподлобья.

Я с опаской огляделась по сторонам. По направлению к лестнице неслась наша самая заядлая курильщица менеджер Карина. Скелет при виде нее несказанно обрадовался и забасил: «Курить, курить!»

– Жан, ты чего там застыла? – хохотнула она. – Привидение, что ли, увидела?

– Так, задумалась, – выдавила я.

– Ну думай, – хмыкнула Карина, на ходу доставая пачку дамских тошнилок. – Хочешь?

Я отшатнулась, увидев, как пустые глазницы скелета при виде сигарет алчно полыхнули желтым огнем. Карина с недоумением покосилась на меня и выскочила в курилку, не в силах больше терпеть никотиновый голод. Скелет, радостно ухая, поволочился следом. Привидится же такое!

Я поспешила по коридору прочь, но вспомнила, что программисты который день обещают переустановить антивирус, да только воз и ныне там, и притормозила у нужного кабинета.

Войдя в обитель компьютерщиков, я едва не перекрестилась. На плечах у каждого из наших парней сидели существа, похожие на недоразвитых Горлумов. Так вот вы какие, черти после второй рюмашки… Синяя кожа, тонкие светящиеся ручки, лысые головы. При виде меня работнички наши даже глазом не моргнули, зато существа, как по команде, свернули шеи и зашипели, словно чувствуя во мне угрозу.

– Илья, – осторожно позвала я.

Существо, сидящее на шее у красавчика программиста, взвизгнуло и заткнуло ему уши ладошками.

– Илья! – громче окликнула я.

Парень было дернулся, но мерзкое создание с силой развернуло его к монитору, который лучился ярким голубым светом.

Я поежилась. Все-таки странные у меня алкогольные галлюцинации! Ни разу про такие не слышала. Нет, на чертей они все-таки не похожи, скорее на духов компьютерной зависимости.

Внезапно один из мужчин поднялся со своего места, я радостно подалась вперед и чуть не споткнулась об уже знакомого скелета (или это был его брат-близнец), который семенил к выходу, бубня: «Курить, курить, курить!» За ним, как зачарованный, спешил молодой программер.

– Потом, все потом, – махнул он рукой при виде меня и выбежал за дверь.

Я едва удержалась от возмущенного вздоха. Что за ерунда – глюки есть, а магнетизм не работает!

Поняв, что помощи ждать неоткуда, я решилась на штурм. Превозмогая отвращение, я подошла к Илье и, отправив в нокаут «Горлума», отчего ладони заволокло дымом, встряхнула парня за плечи. Он отмер и перевел на меня мутный взгляд.

– Жанна? Что-то случилось?

Я решила не рассказывать про монстриков, которыми кишмя кишела комната, и изложила цель своего визита. Илья пообещал навестить нас сегодня же и снова уткнулся в монитор. «Горлум», оправившись от удара, радостно взвизгнул и вскарабкался ему на шею.

– Э нет, друг! – Я повторно нокаутировала глюк компьютерной зависимости и тряхнула Илью. – Сейчас же.

Парень нехотя повиновался, взял нужный диск и поплелся за мной. «Горлум» злобно верещал, прыгая по осиротевшей клавиатуре. Видимо, отлучаться далеко от компьютера он не мог, а посему крайне злобствовал. Значит, это все-таки не чертик, а действительно что-то другое? Да что ж со мной творится такое?

Я в последний раз окинула взглядом кабинет: шестеро здоровых парней, прикованных к мониторам то ли бесами, то ли духами, – и поспешно выскочила за дверь, плотно прикрыв ее за собой, словно боясь, что мерзкие лысые существа разбегутся по всей конторе.

Илья, избавившись от своего персонального «Горлума», значительно оживился и начал выказывать мне знаки внимания. Но я была не в силах поддерживать флирт. Передав неуловимого Илью на руки печальной Сашке и наказав проследить за выполнением его программистских обязанностей, я рванула в туалет, заранее покрываясь липким потом при мысли о том, какие отвратительные глюки могут поджидать меня там. Может, реклама

«Доместос» – это не выдумка?! Но, кроме нашей уборщицы, которая после скелетов и компьютерных задохликов показалась мне милейшей женщиной (и почему я раньше звала ее ведьмой?), там никого не было. Убедившись в том, что добрая фея со шваброй уковыляла восвояси, я заперлась в кабинке и набрала номер Светланы, который она оставила для экстренных случаев. Вампирша спала. Это было ясно и по голосу, и по тому, что трубка отозвалась только с пятнадцатого гудка, когда я уже потеряла всякую надежду добудиться Лану и почти поверила, что днем вампиры спят мертвым сном.

– Да-а?.. – лениво протянула Светлана.

– Лана, это я! – взволнованно пробормотала я и, к своему стыду, громко икнула.

– Жанна? Что-то случилось? – мгновенно всполошилась вампирша.

– Ланочка… ик! Мне везде мерещатся глюки… ик! – жалобно проскулила я, отчаянно икая.

– Да ты никак набралась, звезда наша? – развеселилась Светлана.

– Всего два бокала коньяка… ик! – повинилась я. – Отмечали с шефом… ик… мое повышение.

– С кем отмечали? – напряглась вампирша.

– С Однорогом… ик! Борисом Семеновичем. – Я заложила шефа по полной программе.

– Ты что, на работе?! – рявкнула Лана.

– Ну да… – согласно икнула я.

– А какого черта ты туда поперлась?! – вскипела вампирша. – Сказали же тебе дома сидеть!

– Ланочка, ну извини… ик… так получилось, – виновато разикалась я. – Теперь-то мне… ик… что делать?

– Ты сейчас где? – нервно спросила Светлана.

Надо же, как за меня разволновалась! Кто бы мог подумать.

– В туалете… ик… прячусь! – прошептала я.

– Ты напала на кого-то из коллег? – ужаснулась вампирша.

– Да нет, что ты! – поспешила успокоить ее я. – Просто мне… ик… мерещатся всякие фантастические существа… ик! Я сначала думала… ик… что напилась до чертиков… ик… но на чертей они… ик… не похожи!

– Дверь твоей кабинки штурмует гоблин? – хмыкнула Лана. – «Гарри Поттера» на ночь смотрела?

– Да нет, здесь как раз тихо… ик… а вот там… – Я быстро рассказала о скелете у курилки и о задохликах, поработивших наших доблестных программистов.

Вампирша на удивление серьезно выслушала меня, а потом записала адрес офиса, велела возвращаться в кабинет (предварительно уточнив, что там глюки меня не допекают), никуда не выходить и ждать ее. Отключившись, я закусила губу и отругала себя за беспечность: а что, если у вампиров тоже есть своя психиатричка и Светлана уже названивает туда, заказывая «неотложку» к дверям агентства?

Не зная, что и думать, я вернулась в кабинет, где Илья уже благополучно установил нужные программы и заигрывал с Сашей. У ног его нетерпеливо прыгал скелет, обвитый дымом, призывая Илью курить, но голубые глаза Сашки составляли серьезную конкуренцию никотиновому духу и удерживали парня от похода в курилку. Наконец скелет одержал победу и радостно ускакал в коридор, волоча за собой Илью. А Саша как ни в чем не бывало уставилась в монитор. К счастью, синерожих задохликов в кабинете не было. Видимо, Сашкино сидение за компьютером объяснялось исключительно ответственностью и прилежанием, а не болезненной зависимостью.

Подруга с удивлением посмотрела на деньги, которые я вернула ей в счет долга.

– Что, зарплату уже дали?

– Да нет, – смутилась я, – премию.

– Премию? – поразилась Саша. – Однорог же был зол на тебя из-за Горячкиной?

– Ну, как видишь, все обошлось, – еще больше смутилась я и вернулась за свой стол,

прикинувшись страшно занятой, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Светлана явилась через полчаса, вежливо постучала в кабинет и на глазах удивленной Сашки забрала меня с собой, представившись новой клиенткой. Вампирше было достаточно лишь внимательно посмотреть на Сашу, чтобы у моей бдительной подружки разом отпали все вопросы.

Похоже, Однорогу Света внушила то же самое, потому что при виде нас шеф только молча посторонился и беспрепятственно пропустил к лифту.

Индира

Два месяца назад

Пряный запах благовоний, острый вкус специй, раскаленный воздух, буйство красок, вечное лето – как ей не хватает этого в серой, то душной, то промозглой Москве! Душа рвется домой, в Индию, сердце тоскует по родным… Но нельзя. Ее смуглая кожа сделалась слишком чувствительной к палящему солнцу, ее желудок не воспринимает любимые специи, а требует новой, страшной пищи. А ее братишки и сестренки куда сильнее нуждаются в деньгах, чем в ласке старшей сестры… Сейчас она может помочь им больше, чем находясь рядом.

Ее экзотическая внешность нарасхват, а корона вице-мисс мира делает ее еще более привлекательной для работодателей. Надо успеть заработать побольше денег, чтобы обеспечить родным безбедную жизнь. Ну и что, что ее душа тоскует по солнцу, а ее кожа стонет от его палящих лучей? Что с того, что пряный воздух Индии она променяла на отравленный смог мегаполиса, а воздушное сари на оковы вечерних платьев и плен узких джинсов? Главное, что ее родные смогут есть досыта, что у братишек появятся игрушки, а у сестер – красивая одежда. Главное, что мама, всю жизнь трудившаяся не покладая рук, чтобы поднять их после смерти отца, хотя бы на склоне лет узнает покой и комфорт. Теперь ее пора работать… Работать ли? Любому жителю их деревни работа Индиры показалась бы праздным развлечением. Разве сравнится тяжелый крестьянский труд с выходом на подиум? Разве съемки для модного журнала забирают столько же сил, сколько сбор чая? Изнеженные европейки и избалованные русские только и стонут, что пашут как лошади. После каждого показа демонстративно падают без сил, к концу фотосессии капризничают, что вымотаны до предела. Что они знают о каторжном труде прядильщиц шелка и сборщиц специй? Ничего! Белоручки…

Привыкшие к капризам моделей заказчики поражались ее работоспособности и готовности ухватиться за любую достойную работу. Индира ставила только одно условие: никаких пляжных и натурных съемок в дневное время. Только работа в студии или съемки при лунном свете. Какие бы золотые горы ни сулили заинтригованные заказчики, индианка была непоколебима. Модельерам и фотографам пришлось смириться с необычным условием и удовольствоваться объяснением насчет редкой аллергии на солнечный свет. Жаль! Как волшебно смотрелась бы смуглая кожа Индиры в слепящих лучах солнца!

В остальном заказчики не могли нарадоваться на примерную индианку: скромная, прилежная, пунктуальная, добросовестная, артистичная, одинаково эффектная на фотографиях и на подиуме. Индира старалась. У нее было двести лет жизни впереди и всего несколько лет для работы модели. Потом придется уйти из модельного бизнеса, прятать засвеченное лицо, скрываться от мира, пока тот не забудет ее. Что тогда будет делать деревенская девочка без образования и востребованной профессии? На что жить и чем помогать родным? Вот поэтому сейчас она не жалеет себя, берется за любые стоящие предложения, кроме безнравственных, и считает деньги, экономя на всем. Да ей ведь многого и не надо. К косметике она не приучена, грима ей хватает и на работе. Шикарную одежду она носит на подиуме и перед фотокамерой, зачем ей этот блеск в обычной жизни? Кое-что, бывает, дарят щедрые заказчики. Но Индира никогда не оставляет эту одежду себе – отвозит в знакомую элитную комиссионку. Каждый раз, пересчитывая ворох крупных купюр, она не перестает удивляться: на деньги, вырученные от продажи одной дизайнерской

вещицы, ее семья может безбедно существовать целый месяц. А ведь семья у них не маленькая – одиннадцать человек.

Вот и сегодня, благополучно пристроив новую сумку от Луи Виттон, Индира радовалась, как ребенок. Ее семья обеспечена еще на месяц, а заказчик даже не догадается, как она поступила с его подарком. Еще вчера Индира заказала точную копию дизайнерской сумочки через Интернет, и сегодня любезный паренек из службы доставки привез ее заказ. По внешнему виду сумки и не отличишь, а в подкладку она никому заглядывать не даст. И братишки с сестренками будут сыты, и заказчик при встрече будет польщен, что Индира носит подарок. Девушка спрятала вырученные деньги в потайной кармашек поддельной сумки, надвинула на лоб бейсболку и вышла на улицу.

Сегодня надо было успеть и в магазин элитной косметики. Как ни жаль тратиться на дорогие кремы и тоники, но без вложений в лицо и тело не обойтись – себе дороже станет. Вон промедлила с покупкой закончившегося тоника, купила в продуктовом супермаркете дешевый лосьон, и кожа немедленно забастовала – надулась прыщиками. Нет, никак не обойтись без элитной косметики! Хорошо хоть за квартиру платить не приходится: вместе с клубной картой с золотой буквой «V» она получила ключи от студии в центре города.

Жалела ли Индира, что согласилась на предложение странного европейца, пообещавшего вечную молодость и долгую жизнь? Жалела – глядя на постеры с изображением солнечного берега, вдыхая знакомые ароматы специй, вспоминая лица родных и милые черты соседского сына Эмрана, который так и не успел к ней посвататься. Хотела бы она вернуть тот день, чтобы ответить «нет» в ответ на предложение европейца? Никогда. Только так – продлив молодость, она могла как можно дольше помогать семье. Это был уникальный шанс, и от него нельзя было отказываться. А то, что красоту приходится поддерживать, опустошая запасы донорской крови, не такая уж высокая плата за благополучие близких. О своем собственном Индира привыкла не думать.

В напоенном дорогими духами магазине она побросала в корзинку нужные средства, попросила продавца подыскать эффективное и быстродействующее средство от прыщей, отмахнулась от девушки, предлагавшей попробовать новую пудру в рамках презентации, и расплатилась на кассе, не сделав ни одной лишней покупки. Никакого удовольствия от шопинга Индира не получала. Она с ранних лет знала счет деньгам, и счастье, которое испытывали модницы при покупке новых туфель, было ей непонятно. Зато ее сердце радостно трепетало у кассы банка, когда она получала квитанцию о переводе денег, которые отправила родным. Вот это было настоящее счастье – представлять, как обрадуется мама, как будут крутиться у зеркала сестры, примеряя обновки, как мальчишки будут весело гонять на улице новый мяч… Жаль, сегодня банки уже закрылись. Но завтра, перед съемками, она обязательно заедет, чтобы отправить перевод. Тем более и денег накопилось прилично – три гонорара за показы да вчерашняя выручка за дизайнерскую сумку.

Сумерки опустились на город, ночь дышала свежестью – Индира решила прогуляться. Сама не заметила, как, погрузившись в воспоминания о доме и ласковом солнце, забрела в пустынный сквер. Вздрогнула только от явственного ощущения чужого присутствия и настойчивого взгляда. Неужели опять журналисты выследили? Вот же не дает им покоя ее личная жизнь! А какая тут личная жизнь, когда на уме одна работа? Вот придет пора уйти в тень, тогда и подумает о надежном плече и верном друге. А сейчас не до того.

Фигура приблизилась, и Индира расслабленно улыбнулась.

– Ты? Здесь? Я уже приготовилась отбиваться от папарацци.

– Ходила по магазинам?

– Купила взятку для кожи. Она у меня капризная, устроила прыщавую забастовку «Нивее». А у меня на днях важная съемка.

– Кажется, я знаю, чем умаслить твою кожу.

Индира с удивлением взглянула на ампулу.

– Что это?

– Новейшая разработка, в Москве ее еще нет.

– Она мне поможет?

– Бешеные деньги стоит, а я тебе по доброте душевной дарю.

От бесплатных предложений Индира отказываться не привыкла и смело оголила плечо, подставив кожу игле. Укол был жгучий и болезненный, витамин красоты вошел в вену расплавленным свинцом.

– Больно, – ойкнула Индира и почувствовала, как немеют губы.

– Больно губить такую красоту, – согласился голос. – Но еще больнее смотреть, как она сама губит себя.

– Это не витамин? – с ужасом шепчет Индира, но слышит в ответ только демонический хохот и видит благословенные сады своей родины, которые манят ее к себе. И скромный домик родителей, и ватагу ребятишек, играющих во дворе, и мать, развешивающую белье, и яркое-яркое солнце, которое вдруг ослепляет ее до черноты.

Глава 4
ВАМПИР ВЕДЬМЕ НЕ ТОВАРИЩ

В книгах мужчин всегда описывают загадочными и опасными, и теперь я знаю, что это означает. Мужчина, стоявший передо мной, был настолько хорош, что мне хотелось одновременно дотронуться до него и убежать прочь.

Джулия Кеннер. Код Живанши

Ни одна душа, пусть даже самая невинная, не могла теперь чувствовать себя в безопасности рядом со мной.

Энн Райс. Вампир Лестат

На улице нас ждал черный микроавтобус с бронированными стеклами, при виде которого мне показалось, что сбылись мои худшие опасения.

– Не бойся, – усмехнулась Светлана, – это не психиатричка, это наш отряд специального назначения.

Не успела я удивиться, как дверцы бесшумно растворились, и меня втолкнули внутрь. В салоне сидели пятеро: трое парней (блондин явно скандинавского происхождения, мулат и азиат), девчонка с двумя хвостиками не старше пятнадцати лет и плечистый брюнет лет тридцати с легкой щетиной и с опасным блеском в глазах. Настоящий самец без всякого намека на метросексуальность. Вот уж кто точно не входит в те пятнадцать процентов мужчин, которые регулярно бреют подмышки, по статистике «Космо». В том, что он здесь лидер, не было никаких сомнений.

– Вот вам ведьма для полного комплекта, – хмыкнула вампирша, присаживаясь рядом с вожаком.

Тот коротко глянул на Лану, и ее насмешливая улыбка разом потухла.

– Шутка, – буркнула она, отвернувшись к окну.

– И что это еще за шутки? – рассердилась я.

Хватит с меня и вампира, еще и ведьма – это уже чересчур.

– Выйдите все, – велел вожак своей команде. Голос у него был низкий, вибрирующий, волнующий. – Нам нужно поговорить наедине.

Вампиры послушно вымелись из салона; девочка с хвостиками, вышедшая последней, плотно прикрыла дверь, отрезав все звуки с улицы.

– Меня зовут Вацлав, – прозвучал во внезапно нахлынувшей тишине вкрадчивый голос вампира.

– Меня зовут сам знаешь как, – все еще сердито ответила я, искоса оглядывая собеседника.

Красавец, хищник, настоящий самец. Его красота была какой-то дикой, непокорной и

очень естественной. Его брутальность не портили ни двухдневная щетина, ни тени под глазами, говорящие о бессонной ночи, ни резковатые черты лица, ни белая полоска шрама на правой щеке. На такого стоило бы повесить табличку «Осторожно, очень опасен!». И разбитое сердце – меньшая из бед, которую может принести этот небритый бунтарь с холодным взглядом и встопорщенным ежиком смоляных волос.

– Жанна, я тебе сейчас объясню, кто мы и почему ты здесь, а потом сама решишь, стоит тебе сердиться на меня или нет, – ровно сказал Вацлав.

Противиться его спокойной логике не было сил, и я коротко кивнула.

– Наша команда занимается расследованием преступлений. Сегодня ночью произошло убийство.

– Вампира? – вырвалось у меня.

Вацлав чуть поморщился и поправил:

– Убили одного из нас.

– И вы подозреваете меня? – Я похолодела от страшной догадки.

– Жанна, если ты дашь мне сказать, мы не будем терять время, которое очень дорого сейчас, – с легким раздражением ответил он.

Я обиженно нахохлилась.

– Это убийство уже не первое, почерк один, – сухо сообщил вампир. – У нас нет никаких зацепок, никаких версий. И поэтому я очень прошу тебя помочь нам.

Я молча уставилась на него. С губ рвался вопрос «как, интересно?», но, помня о просьбе не перебивать его, я не проронила ни слова.

Вацлав усмехнулся, словно прочитав мои мысли. Хотя почему – словно? Он их прочитал. И ответил:

– Судя по тому, что ты рассказала Лане, у тебя сейчас всплеск особых способностей и ты можешь видеть то, что другим не под силу.

– Это галлюцинации, – поправила я. – Света говорила, что такое возможно.

– Лана имела в виду другое, – прозвучало в ответ. – Она и представить не могла, что ты окажешься на грани миров.

Я испытующе уставилась на Вацлава, давая понять, что вопроса он от меня не дождется, скорее я лопну от любопытства. Похоже, вампир откровенно забавлялся, наблюдая за мной.

– Грань миров – это состояние между жизнью и смертью, – снизошел до объяснения он. – Когда человек получает возможность видеть параллельную реальность или потусторонний мир – как тебе больше нравится.

– Хочешь сказать, что скелеты и Горлумы настоящие? – поразилась я.

– Может, да, может, и нет. Но для галлюцинаций они очень необычные.

Но почему это происходит со мной? Я не спросила, я лишь подумала, а Вацлав уже отвечал:

– Возможно, это из-за крови Жана. Возможно, у кого-то из твоей родни был дар ведьмовства. А действие вируса и алкоголь дали им проявиться.

Я потрясенно замерла, не зная, радоваться мне или огорчаться.

– Это пройдет очень быстро, – добавил Вацлав. – Какими бы причинами ни было это вызвано, но это закончится, когда твой организм перестроится под вирус. У нас в запасе не больше суток. Потом ты вернешься к нормальной жизни и забудешь про свои, хм, галлюцинации. – Помолчав, он продолжил: – Среди вампиров магов нет. Маги-люди отказываются с нами работать, считая нас исчадиями ада. Мы отчаялись найти убийцу. Поэтому, когда ты позвонила Светлане и она сообразила, что в тебе проснулся дар, она немедленно связалась со мной. Я прошу тебя помочь нам.

– Что вы от меня хотите? – сдалась я.

– Мы отвезем тебя на место преступления. Может быть, ты что-то увидишь.

– Ты думаешь, призрак жертвы назовет имя убийцы? – скептически отозвалась я.

Вацлав запнулся. Видно было, что он сам не верит в эту затею.

– Просто посмотри, ладно?

Я содрогнулась, представив себе труп жертвы в кровожадных традициях Голливуда.

– Убийца работает чисто: он делает инъекцию яда, – поспешил успокоить Вацлав.

– Хорошо, – решилась я, – везите.

– Спасибо, – искренне сказал вампир и велел своим товарищам загружаться в салон.

Через двадцать минут мы были на месте преступления. Один из ребят протянул мне черный плащ с капюшоном.

– Надень это, – велел Вацлав. – От солнца.

Но мне почему-то почудился другой смысл: вампир не хотел, чтобы меня здесь видели.

Я вышла из машины последней, надвинув капюшон на лоб и нервно оглядываясь в поисках призрака невинно убиенного вампира, но увидела только белеющее на земле тело, лежащее между гаражами. Вацлав провел меня через оцепление, не подпускавшее зевак, и остановился поодаль, пока я, превозмогая страх, приблизилась к трупу.

Девушка лежала на спине, с запрокинутым в небо лицом, и в ее застывших карих глазах, которые никто не догадался закрыть, отражалось солнце. Наверное, впервые за многие годы она смотрит на него без страха, подумалось мне. Темно-синий плащ, сбившийся во время падения, распластался за ее спиной, как крылья бабочки. Густые волнистые волосы черной кляксой разметались по земле. Когда-то они были мягкие и блестящие, сейчас напитались грязью и дождевой водой. Красивая девушка, яркая внешность. Даже без макияжа лицо ее кажется выразительным, а глаза лучше всякой подводки очерчивает черное кружево ресниц. Одета с нарочитой небрежностью: дорогое платье, модная сумочка, а вот плащик из магазина для студенток… У Анфиски такой же.

– Что-нибудь есть? – жадно спросил Вацлав, и я подпрыгнула от неожиданности.

– Напугал?

– Ничего. – Я подняла глаза, отвечая на первый вопрос.

– Никаких мыслей, видений, призраков?

– Извини.

Вампир разочарованно выругался, но внезапно замер и впился в меня взглядом, заставившим меня поежиться от холода.

– Ты сегодня питалась?

Ни сегодня, ни вчера, ни разу – мысленно ответила я. Вацлава мой ответ удовлетворил: его взгляд прояснился, губы тронула многозначительная улыбка, которая мне совсем не понравилась.

– Погуляй тут еще несколько минут, а потом подходи к машине. – Он развернулся и зашагал к оцеплению, оставив меня один на один с трупом.

Ничего себе – погуляй! Самое подходящее место. Покрутившись вокруг да около, не обнаружив никаких духов и гаражных (интересно, таковые бывают или в гаражах домовые не обитают?), которые могли бы пролить свет на личность убийцы и мотив преступления, я двинулась к машине. Колоритная троица (скандинав, мулат и азиат) курили поодаль, о чем-то разговаривая со знакомым; девочка с хвостиками и Светлана беседовали с ребятами, которые держали оцепление. Вацлава не было видно. Я растерянно остановилась у дверцы. Не прошло и трех секунд, как она распахнулась и из салона выглянул Вацлав:

– Чего топчешься? Входи!

Он рывком втянул меня в салон, и я замерла при виде незнакомцев – парня и девушки, с безучастным видом сидящих у окна. На мое появление они не отреагировали.

– Что с ними? – охрипшим голосом спросила я.

– А ты не видишь? – зловеще усмехнулся вампир. – Еда в легком трансе.

Я дернулась, собираясь сбежать, но Вацлав схватил меня за шкирку и бросил на сиденье напротив парочки.

– Не будь дурой. Тебе нужна кровь. Я не знал, кого ты предпочитаешь, мальчиков или девочек, поэтому привел обоих. Влюбленные, – с усмешкой пояснил он. – Кровь с легкой придурью, можешь даже потом испытать временную влюбленность… ко мне, например.

– Перебьешься, – с ненавистью прошептала я. – Отпусти их. Я не буду.

– Ах какие мы благородные! – скривился Вацлав. – Не вынуждай меня применять силу.

– Но зачем тебе это надо?

– Кровь даст тебе новые силы, и, возможно, ты сможешь что-то увидеть, – спокойно сообщил вампир. Так, словно речь шла о банке с энергетическим напитком или о чашке кофе.

– Я не буду их убивать, – замотала головой я.

– Конечно нет, – фыркнул Вацлав. – У тебя на это просто не хватит силенок. Ничего им не сделается, тебе нужно не больше половины бокала. Вперед!

– Не буду, – прорычала я.

Вампир притянул меня к себе так близко, словно собирался поцеловать, и прошипел:

– Кто-то убивает наших друзей. На его счету уже семь жизней. Мы не можем понять его мотивов и предупредить преступления. Жертвой может стать кто угодно. Даже ты. Мы обязаны задействовать любые возможности, чтобы остановить его. Поняла? А сейчас ты выпьешь кровь этой девчонки и пойдешь искать любые зацепки.

– Вацлав, я очень хочу вам помочь, – сдавленно прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. – Но я не могу. Я не буду делать то, о чем ты просишь.

– Тогда буду я. – Вампир отшвырнул меня, рывком притянул к себе девушку, наклонил ее шею и оскалил зубы.

– Не надо! – вскрикнула я.

– Или ты, или я, – жестко сказал он. – Решай. Я не спал целую ночь, я безумно голоден и убью ее не задумываясь. Если ее возьмешь ты, она отделается легкой головной болью.

– А ее парень?

– Я отпущу его.

– Ты не понял. Я выбираю парня, а девушку ты не тронешь.

Если уж меня ставят перед таким жестким выбором, я выбираю меньшее из зол. Девушка худенькая и хрупкая, а парень выглядит более выносливым. Ему кровопотеря принесет меньше неудобств.

Вацлав усмехнулся, поняв мои мотивы, но девушку аккуратно усадил на сиденье, а место рядом с парнем оставил свободным.

– Ну? – поторопил вампир.

– Может, ты выйдешь?! – огрызнулась я.

– Не пойдет. Я должен убедиться, что ты меня не обманешь.

Он стремительным движением вытащил нож, резко наклонился к юноше, дернул рукав куртки, обнажая кожу, и полоснул по сгибу локтя. На светлой коже выступила полоса крови. Я ахнула от ужаса, но подалась вперед, чувствуя непреодолимый голод. В последний раз такое со мной случалось во время жесткой диеты. Я тогда почти неделю сидела на воде, а потом ноги сами занесли меня во французскую кондитерскую, и при виде десертов в витрине на меня нашло умопомрачение. Я скупила половину ассортимента и одним махом покончила с диетой.

– Жанна, – напряженно произнес Вацлав, – если ты сейчас же не поторопишься, я наброшусь на него сам.

На ватных ногах я плюхнулась на сиденье рядом с пареньком, подняла его руку, по которой ручейками текла кровь, и, закрыв глаза, прижалась губами к ране…

– Ты чертов извращенец! – заявила я вампиру, с жадностью наблюдавшему за мной все время, и промокнула губы бумажной салфеткой. Макияж был безнадежно испорчен, сияющий отпечаток малинового блеска остался на сгибе локтя паренька. Секунду помедлив, я осторожно вытерла отпечаток губ и смяла салфетку в ладони.

Я ненавидела вампира за то, что он сделал со мной. Но теперь благодаря ему я точно знала, что кровь не приносит мне никакого гурманского наслаждения и не идет ни в какое сравнение с бодрящим сливочным вкусом латте и с пьянящей фруктовой сладостью «Пина

колады». Больше всего кровь напоминает прокисший томатный сок пополам с рыбьим жиром. И это при том, что Вацлав уверял: у парня очень изысканная кровь.

– А ты дрянная девчонка, – довольно улыбнулся вампир.

– Как теперь кровь остановить? – Я кивнула на паренька, откинувшегося на спинку сиденья.

– Это моя забота. Возвращайся и изучи все внимательно.

Я с подозрением посмотрела на Вацлава.

– Я обещал, я их не трону, – усмехнулся он. – Сейчас забинтую рану, верну их туда, где нашел, и сниму транс.

– С ним точно все будет в порядке? – с дрожью уточнила я.

– Ты выпила меньше, чем котенок, – оборвал меня вампир. – Ничего парнишке не сделается.

Когда я вышла из машины, мои щеки пылали. Я украдкой всунула в карман парня тысячную купюру – но разве деньги могли искупить испорченное свидание влюбленных и, если верить Вацлаву, даже малость отнятых у них эмоций?

Охрана молча расступилась, пропуская меня к убитой девушке.

Я обвела взглядом пространство – ничего. Напрасная жертва, пустая трата крови. Ни призраков, ни видений, ни уличной нечисти, которая могла бы не хуже расторопных пенсионерок рассказать о том, что произошло здесь вчера ночью. Я трижды обошла вокруг убитой вампирши, потом присела на карточки и внимательно изучила каждую клеточку тела. Ничего.

Для проформы поводила руками. Пусто.

Девушка лежала на земле, подвернув под себя руку. Я с сомнением повернулась к стоящей поодаль охране: можно ли мне изменить позу убитой? На меня никто не обращал внимания. И я решилась. Осторожно вытащила руку девушки из-под спины и уставилась на свою находку. На тонких пальцах, сжатых в кулак, переливалось дорогое дизайнерское кольцо. «Тиффани». Я не удержалась от восхищенного возгласа и невольно подалась вперед, детально разглядывая украшение. Понятно, почему убийца оставил его – поживиться тут нечем.

– Ты что-то нашла? – Вацлав стремительно подскочил ко мне.

– Фальшивка, – прошептала я.

– Что? – непонимающе уставился на меня вампир.

– Кольцо… поддельное, – проговорила я, чувствуя себя неловко. Разве имеет это значение сейчас, когда его обладательница мертва?

Вацлав окатил меня гневным взглядом.

– Так ты по-прежнему ничего не видишь? Не чувствуешь? – прорычал он.

Я покачала головой.

– Извини.

Вампир в сердцах пнул банку из-под пива и зашагал прочь. Я пошатнулась, сделала несколько шагов, отвернулась к стене гаража и согнулась пополам. Кровь влюбленного мальчика красным пятном растеклась по земле, обрызгала ржавые стены.

Руки Вацлава не дали мне упасть, он подхватил меня и понес к машине. Сил сопротивляться ему у меня не было.

В машине мы ехали вдвоем. Команда Вацлава вместе со Светланой остались еще раз осмотреть место преступления. Всю дорогу вампир не проронил ни слова. Так же молча он помог мне выбраться из машины и довел до подъезда.

– Извини, – неожиданно сказал он.

Я удивленно уставилась на него. Он извиняется? После того что заставил меня сделать?

– Так было надо, – ответил на мой мысленный вопрос он.

Я устало пожала плечами:

– Раз ты считаешь себя правым, к чему извинения?

– Я извиняюсь не за это. А за то, что собираюсь сделать.

Он прижал меня к двери подъезда и приблизил свое лицо так, что я увидела карие крапинки в его ледяных серых глазах. Несмотря на всю мою неприязнь к нему, меня потянуло к вампиру с неимоверной силой. Может быть, давала о себе знать кровь влюбленного мальчика, а может быть, я и в самом деле дрянная девчонка, которой нравятся плохие парни? Моя дрожь не укрылась от внимания Вацлава, и он не разочаровал меня. Ожег щеку щетиной, порывисто поцеловал в губы, вдохнул в меня глоток своего дыхания, от которого почему-то сделалось прохладно, как от мятного холодка. Прежде чем оторваться от меня, он чуть прикусил губу, заставив меня задрожать.

– Это в качестве компенсации, – пробормотал он, после чего сжал мою шею руками, прижался лбом к моему лбу и прошептал: – Тебе ни к чему помнить о нашей встрече.

Не успела я удивиться, как он резко отшатнулся от меня и, продолжая держать за шею и не давая мне пошевелиться, впился в меня пронзительным взглядом. Виски скрутило резкой болью, и перед глазами поплыло…

Виктория

Месяц назад

Вика Виноградова с детства привыкла быть лучшей. Отличница в младших классах – тугие косички, значок октябренка на школьном платье, исписанные крупным почерком прописи, которые ставили в пример всем ученикам. Золотая медалистка в выпускном классе – строгий пучок, идеальная осанка, сочинения и лабораторные на «отлично».

Выпускница мединститута с красным дипломом – практичная стрижка, натуральный макияж, тонкая оправа очков, деловой костюм, застегнутый на все пуговички, десятки сертификатов о прослушанных спецкурсах в ведущих университетах страны, заграничная стажировка, дипломная работа с революционными результатами, ординатура… Виктория Виноградова была лучшей выпускницей своего курса и самой молодой сотрудницей престижного отделения вирусологии московского НИИ. Она всегда была правильной. Правильной и очень амбициозной. Вот только она никогда и представить не могла, что ее перфекционизм станет ее смертельным приговором.

В тот вечер Вика задержалась на работе допоздна. Она так ждала, что Олег пригласит ее на ужин. Их отношения развивались стремительно, и все шло к скорой свадьбе. На днях, глядя на забавного карапуза в желтом комбинезоне, которого они встретили на прогулке в Коломенском, Олег сказал: «Жаль, что он не наш, правда?» У Вики аж слезы на глаза навернулись. А младшая сестра Люба, узнав про это, весело велела выбирать свадебное платье. «Ты правда думаешь, что он хочет на мне жениться?» – с замиранием сердца спросила Вика. «А ты что думаешь, он хочет усыновить того карапуза? – рассмеялась в ответ Люба. – Ты совсем не умеешь читать между строк, сестричка. А еще ученая дама!»

За окном уже сгустились осенние сумерки, а Олег все не звонил… Задумавшись над результатами исследований, Виктория не сразу заметила, что в лабораторию проник посторонний.

Мужчина чуть постарше ее, в элегантном деловом костюме и с модной стрижкой с длинной челкой, не соответствовавшей деловому стилю, стоял у входа в помещение и наблюдал за ней. Похоже, уже довольно долго.

– Что вы здесь делаете? – строго спросила она, смахивая в ящик стола результаты засекреченных исследований.

– Мне нужно поговорить с вами, Виктория Андреевна, – без капли смущения сказал незнакомец.

– Как вы сюда вошли? – Не отрывая взгляда от мужчины, Виктория незаметно закрыла ящик стола на ключ и спрятала его в карман. Результаты не должны попасть в чужие руки! – Сюда посторонним нельзя.

– Я не отниму у вас много времени, – настаивал странный посетитель.

Вика занервничала. При всей внешней доброжелательности мужчины она чувствовала

исходящую от него угрозу.

– Немедленно покиньте помещение! – потребовала она. – Иначе я позову охрану.

– Виктория Андреевна, уверяю вас, я не причиню вам вреда, – мягко произнес незнакомец, и его глаза по-особенному тепло взглянули на нее, а на щеках проступили милые ямочки.

Вике вдруг стало неловко оттого, что она так груба с этим учтивым, хорошо одетым джентльменом. А вдруг это спонсор, который хочет выделить деньги на финансирование их проектов? Их НИИ такая помощь пришлась бы весьма кстати.

– Хотя бы представьтесь для начала, – уже более любезно попросила Вика.

– Алмазов Аристарх Романович, – отрапортовал мужчина и вынул из кармана визитную карточку. – Позволите подойти поближе? Обещаю не кусаться.

Вика кивнула. Последняя фраза гостя отнюдь не показалась ей шуткой. Алмазов, невзирая на все его дружелюбие, был похож на хищника, способного при удобном случае оттяпать полруки. Изучив визитку, она испытала разочарование. Алмазов не был ни гендиректором нефтяной компании, ни акционером любой другой прибыльной отрасли. Надежда на спонсорство разбилась. Но что делает в вирусной лаборатории главный редактор мужского журнала?

– Только не говорите, что вам нужен смертельный вирус, чтобы устранить главу конкурирующего издания, – усмехнулась Вика.

– Ни в коем случае. Эти вопросы решаются куда менее изящными способами, – ответил Алмазов, присаживаясь на стул напротив.

Глядя в его непроницаемые светло-карие глаза, напоминающие стекла солнцезащитных очков, Виктория не могла понять, шутит он или говорит серьезно.

– Виктория Андреевна, вы верите в сверхъестественное? – неожиданно спросил Алмазов.

– Я верю только в чудеса науки, – улыбнулась Вика.

– А что, если я попробую убедить вас в обратном? – Алмазов уставился на нее долгим, пристальным взглядом и голосом, лишенным эмоций, произнес: – Виктория Андреевна, сидите на месте и молчите.

Вика хотела было возмутиться, но почувствовала, что ее тело онемело, а губы словно склеились. Округлив глаза, она следила за тем, как странный гость вытащил из кармана пиджака перочинный нож. «Маньяк!» – тревожно застучало в голове.

Алмазов улыбнулся:

– Не бойтесь, Виктория Андреевна. Я не причиню вам зла.

Вика и сообразить не успела, как Алмазов положил левую ладонь на стол, а правую занес сверху. Она только беззвучно забилась от страха, не в силах сдвинуться с места при виде того, как ненормальный посетитель пригвоздил свою ладонь ножом к столу. Посидев так несколько секунд со скучающим выражением лица, словно боль ему была неведома, Алмазов резким движением выдернул нож и поднес ладонь к лицу Вики. Вика отшатнулась: ей показалось даже, что она увидела просвет в сквозной ране, проходящей через центр руки. В следующие несколько минут произошло и вовсе невероятное. Алмазов поворачивал окровавленную ладонь то тыльной, то внешней стороной, а онемевшая Виктория следила за тем, как рана затягивается на ее глазах. Наконец гость вытащил из кармана белоснежный платок, протер им лезвие ножа и пораненную руку, а затем показал Вике, что рана стремительно зарастает тонкой кожицей.

– Теперь можете двигаться и говорить, – махнул рукой он.

Вика вскочила со своего места, перегнулась через стол, схватила визитера за руку и придирчиво разглядела ее.

– Вы что, иллюзионист? – сдавленно пробормотала она.

– Наверное, понятнее будет сказать «вампир». Со всеми вытекающими отсюда способностями.

В лаборатории повисло молчание. Виктория во все глаза смотрела на странного гостя и

кусала губы, словно решаясь на что-то. Наконец тишину нарушил ее вопрос.

– Вы позволите взять у вас анализ крови? – подрагивающим от волнения голосом спросила Вика.

– Браво, Виктория Андреевна! – рассмеялся Алмазов. – Только вы с вашим увлечением наукой могли предложить подобное вампиру.

– Простите, если обидела.

– Что вы, Виктория Андреевна. Вы меня покорили.

– Так вы согласны? – нетерпеливо спросила Вика. Что там последние вирусные исследования! За открытие существования вампиров она сразу Нобелевку получит!

– Не спешите, Виктория Андреевна, – твердо осадил ее Алмазов. – Сперва я озвучу свое предложение: В случае вашего согласия я готов сдавать вам кровь ежедневно. И других испытуемых приведу в ассортименте.

– Так вас много? – насторожилась Вика.

– А вы думали, я один? – усмехнулся Алмазов.

– До этого вечера я вообще ничего такого не думала, – сердито возразила Виктория.

– По переписи двухтысячного года нас пять тысяч двести девять, – официальным тоном сообщил гость.

– Ого! – охнула Вика.

– По всему миру, Виктория Андреевна, – уточнил Алмазов. – В Москве около четырехсот.

– И что вы хотите от меня? – в недоумении спросила Вика.

– Я хочу сделать вам предложение, от которого трудно отказаться, – с усмешкой Мефистофеля сообщил Алмазов и начал объяснения.

Виктория в изумлении слушала его. Алмазов, выступая от лица своей общины, хотел, чтобы Виктория оставила работу в НИИ, перешла на службу к вампирам, в оборудованный по последнему слову техники исследовательский центр, и занялась разработкой вакцины против вампиризма.

– Но зачем вам это? – не поняла Вика. – Разве вас не устраивают все ваши «вытекающие способности»? Регенерация, гипноз, телепатия, что там еще? Вечная молодость, бессмертие?

– Долголетие и приостановленная программа старения, – поправил Алмазов. – Поверьте мне, не всегда это благо. Порой хочется уйти на покой, стареть, купить домик на берегу моря и без страха подставлять лицо южному солнцу.

Виктория скептически покачала головой. Кто поймет этих вампиров?

– А почему вы выбрали именно меня? Обратитесь к заведующему нашей лабораторией. Он в вирусологии уже сорок три года.

– Виктория Андреевна, поверьте мне, наш выбор не случаен. Вы лучшая из молодых специалистов в области вирусологии. Мы тщательно отсмотрели все кандидатуры и остановились именно на вашей.

Вика промолчала, не зная, как и реагировать на подобный комплимент.

– К вашим услугам будут лучшие лаборатории по всему миру, новейшее оборудование, только сошедшее с конвейера в Европе и Японии, – продолжал заманивать ее Алмазов. – В течение всей работы над этим проектом вы будете получать десять тысяч евро ежемесячно. А в том случае, если справитесь с поставленной задачей, можете рассчитывать на премию в миллион.

У Виктории сердце даже пропустило один удар. Десять тысяч евро, когда она получает чуть больше пяти тысяч рублей! И миллион по окончании проекта. Уж она-то не сомневалась, что рано или поздно у нее все получится. Подумаешь, задачка! Зато с такими деньгами они с Олегом уже совсем скоро могут купить квартиру по ипотеке и обеспечить своих карапузов целым комплектом разноцветных комбинезонов и всем самым-самым лучшим! А уж когда она заработает миллион, они купят дачу… да что там дачу – виллу на берегу моря! Например, на Кипре. И отправят карапузов учиться… а хотя бы и в Гарвард! А

еще…

– Разумеется, мы должны быть уверены в том, что вы не раскроете тайны нашего существования и будете лично заинтересованы в получении вакцины, – колюче улыбнулся Алмазов.

– Что вы имеете в виду? – насторожилась Виктория.

– Вы должны стать одной из нас и получить наш вирус.

Вика оторопело замерла на стуле.

– Мы даем вам время на размышления, – после паузы добавил Алмазов. – Неделю. Думайте, Виктория Андреевна.

Он поднялся с места и направился к двери.

– Постойте! – остановила его Вика. – Я уже решила. Мой ответ – нет.

– Неделю, Виктория Андреевна, – мягко ответил Алмазов, – подумайте еще неделю.

– Это ничего не изменит, – гневно возразила Виктория.

– Потом я вам позвоню, – словно не слыша ее, продолжил гость. – Или, если решитесь раньше, звоните мне – карточка у вас есть.

– А вы не боитесь, Аристарх Романович, что я расскажу о нашей встрече? – с вызовом спросила Виктория.

– Ничуть, – усмехнулся Алмазов. – У вас же нет никаких доказательств моих сверхспособностей. Кто вам поверит? А обратитесь к журналистам – тоже не беда. Вокруг моей персоны ходит столько нелепых слухов, что одним больше, одним меньше… Но все-таки, – лукаво добавил он, – я бы на вашем месте не стал распускать язык даже с самыми близкими. Им будет очень легко предположить, что вы переутомились на работе и нуждаетесь во врачебной помощи.

Олег не звонил три дня. Его телефон молчал, съемная квартира была пустой, у родных он не появлялся, Виктория не знала, что и думать. За этими переживаниями предложение вампира отошло на второй план. А может, и правда примерещилось? Но нет, карточка Аристарха Алмазова на следующее утро лежала там, где она ее оставила, в мусорной корзине, и посверкивала черным глянцем с золотыми тиснеными буквами. Поддавшись минутному порыву, Вика вытащила визитку, провела пальцами по рифленой поверхности, убедилась в том, что она абсолютно реальна, и без всяких сомнений швырнула обратно. Но трещинка на ее столе от удара ножом никуда не делась и настойчиво привлекала взгляд, напоминая о шокирующем визите.

На четвертый день Олег объявился. Когда он, в надвинутой на лоб черной шапке и в дешевой куртке, подкараулил ее в подворотне, Вика перепугалась и приняла его за бандита.

– Тише, Викусь, это я, – сдавленно прозвучал знакомый голос, когда она уже нащупывала газовый баллончик в кармане пальто.

– Олег?! Что с тобой?

То, что ей поведал любимый, казалось ночным кошмаром – невероятным и леденящим душу.

– Вика, я проиграл в казино, – избегая ее взгляда, сообщил Олег.

– В казино? – опешила Вика. – В каком казино? О чем ты говоришь, Олег? Ты же никогда не играл!

– Никогда раньше и никогда впредь, но в среду это случилось, – глухо ответил Олег.

– И что теперь происходит? Почему ты скрываешься?

– Я проиграл очень большую сумму, Вика… – хрипло признался Олег.

– Какую сумму? О чем, черт побери, ты говоришь?!

– Сто тринадцать тысяч, – скорбно выдохнул Олег.

Сто тринадцать тысяч! Да она столько за год не заработает. Но хорошо хоть не миллион, как уже подсказывало ей воображение.

– Ну ничего! – Она бросилась целовать заросшие щетиной любимые щеки и ободряюще затараторила: – Как-нибудь выкрутимся! Займу у Любы, у родителей, у

соседки…

– Вика, – Олег отвел глаза, – это в долларах. Меня теперь убьют, наверное…

Все следующее утро Вика дозванивалась в редакцию журнала, в котором работал Аристарх Алмазов. Хотя карточку она выбросила, но название журнала запомнила и узнать телефон не составило труда. Любезная секретарша начала звереть после десятого звонка.

– Девушка, я же сказала: редактор бывает после обеда!

Алмазов появился на работе только в пять вечера. Звонок Вики его не удивил, но обрадовал. Они встретились через полчаса в кафе напротив НИИ.

– Я соглашусь на ваше предложение при одном условии, – взволнованно сказала Вика. – Мне нужно сто тринадцать тысяч долларов. Как можно быстрее.

Лицо Алмазова осталось непроницаемым.

– Считайте это кредитом, – торопливо добавила она. – Я подсчитала. Если те суммы зарплаты и выплат из фонда, которые вы мне назвали, реальны, я смогу рассчитаться за год.

– Мне надо посоветоваться, – медленно ответил Алмазов, и Вика моментально встревожилась. Заметив ее реакцию, он успокаивающе добавил: – Это формальность. Скорее всего ответ будет положительным. Но нам нужны гарантии.

– Чего вы хотите?

– Виктория Андреевна, – вампир прищурился, – вы знаете условия. Вы получите деньги на правах одной из нас.

– Я согласна, – торопливо ответила Вика, отводя глаза. – Только, пожалуйста, скорее.

Последнюю встречу с Олегом Вика не могла вспоминать без слез. Знал бы кто, чего ей стоило изображать безразличие и холодность, когда сердце разрывалось на части! Накануне, незадолго до полуночи, Алмазов сообщил, что деньги переданы кредиторам, а на следующий вечер ликующий Олег пригласил ее в дорогой ресторан.

Вика только-только адаптировалась после заражения и твердо осознала, что ее привычная жизнь закончилась. Невозможно оставаться с Олегом и скрывать свое новое состояние. Жестоко обманывать его, давать надежду на полноценную семью и детей, когда Алмазов объяснил ей, что для вампирши стать матерью равнозначно чуду. В чудеса она не верила. Сейчас – особенно. Главное, что Олегу ничто не угрожает. Ее любимый еще обязательно будет счастлив…

– Олег, я уезжаю на работу в Штаты, – сухо сказала она, как только вышколенный официант вручил им меню и удалился.

– Вика, надеюсь, ты шутишь? – опешил Олег.

– Ни в коем случае.

– Но ты же знаешь, я не могу бросить работу! – напрягся Олег.

– Я этого и не прошу. К тому же тебе сложно будет получить визу.

– Такты едешь одна? – Олег растерялся. – И это надолго?

– Контракт на пять лет. Самолет завтра, – скупо отчеканила Виктория.

– Вика, скажи мне, что это дурацкий розыгрыш! – Серо-зеленые глаза Олега потемнели, и, заглянув в его мысли, Вика почувствовала, как остановилось сердце.

Перед ее взором пронесся весь прожитый Олегом день. Утро… Безнадежные мысли, стремительно приближающийся срок выплаты, несколько долларовых купюр – всего две тысячи из необходимой сотни. Все, что удалось собрать по крохам у друзей и знакомых. День… Неожиданный звонок от кредиторов – и внезапное помилование. Олег был так счастлив, так хотел разделить эту радость с ней… Вечер. Сверкающие витрины ювелирного магазина. На деньги, взятые в долг, Олег выбирает дорогое кольцо с бриллиантом. Тонкий золотой ободок, бриллиантовый цветок-пятилистник – на счастье. Счастье, которого у них уже не будет. Так же как не будет предложения, произнесенного вслух. Как не будет белого платья и шумной свадьбы, как предрекала хохотушка Люба. Как не будет карапуза в желтом комбинезоне – их сына.

– Прости, Олег, – твердо сказала Вика. – Ты же знаешь, что наука для меня – это все.

– Я думал, что я для тебя – это все, – с горечью возразил Олег.

– Ты ошибался. Прощай.

Следующую неделю Вика почти не выходила из лаборатории вампирского исследовательского центра: вникала в дела, изучала все разработки, сделанные для нее. Даже на вечеринку в честь своего вступления в Клуб идти сперва отказалась. Но Алмазов, оказавшийся одним из старейшин, настоял, что ее присутствие обязательно, и Вика без всякого настроения отсидела положенную официальную часть, невпопад улыбалась шуточкам назойливого Глеба, без особенного удовольствия посмотрела выступление циркачей, балерины и саксофониста. В конце вечера к ней подсел Алмазов, не спускавший с нее глаз весь вечер.

– Виктория Андреевна, вы ведь не наделаете глупостей? – мягко поинтересовался он. – Я знаю, что решение прийти к нам далось вам непросто. Вам пришлось принести себя в жертву ради спасения жениха, и сейчас вам очень трудно. Так трудно, что не хочется жить. Позволю себе напомнить: вы в долгу перед нами. И если по каким-то причинам вы его не отработаете, у вашего жениха вновь возникнут неприятности.

– Вы мне угрожаете? – устало перебила его Вика.

– Я даю вам дружеский совет, – поправил Алмазов. – Надеюсь, со временем вы сможете его оценить. И, возможно, еще поблагодарите меня.

– Это вряд ли, – вырвалось у Вики. – Но можете быть спокойны – я отработаю все свои долги.

– Звучит удручающе, – вздохнул вампир. – Куда же делась ваша страсть к науке, Виктория Андреевна?

Вика закрыла лицо руками и глухо произнесла:

– Аристарх, мне сейчас очень трудно.

– Знаю, Вика, знаю. – Алмазов ободряюще положил руку ей на плечо. – Так или иначе мы все через это прошли. Поверьте мне, время лечит. А у вас впереди двести пятьдесят лет – развлечений, радости, счастья.

– Именно поэтому вы завербовали меня, чтобы сделать антидот? – криво усмехнулась Виктория.

Старейшина отвел глаза.

– Я могу идти? – устало спросила Вика.

– Как пожелаете.

– Что ж, всего доброго. – Виктория поднялась с места и не удержалась от иронии: – И спасибо за *все,* что вы для меня сделали.

Ей показалось, что в глазах Алмазова мелькнула тревога. Но, задержав взгляд чуть дольше, Виктория поняла, что они непроницаемы, как тонированные стекла.

В первые месяцы Вика проводила на работе целые дни. Все помещения центра были лишены окон, так что она могла работать с раннего утра, не меняя привычного распорядка. Иногда, когда не было сил дойти до служебной квартиры в другом крыле, Вика засыпала прямо у себя в кабинете. Не жалея сил, она искала вакцину. Она была нужна ей как пропуск в прежнюю жизнь. Вика надеялась, что ей удастся совершить невероятное: сделать за короткий срок то, чего за десятилетия не добились ее предшественники, и тогда она сможет стать такой, как прежде, вернуться к Олегу, вновь обнять родителей… А пока ей оставались только короткие звонки родным.

Каждый раз, собираясь позвонить домой, Вика внимательно изучала выпуски новостей и сводки погоды. Иногда просто пересказывала американские новости, которые видела по Первому каналу, и мама ахала, торопливо отвечая, что только что смотрела репортаж по телевизору. А потом расспрашивала про ее работу и удивлялась хорошей телефонной связи с далекой Америкой. Чувствуя себя хуже некуда, Вика быстро закругляла разговор, ссылаясь

на дороговизну международной связи, а потом плакала, перебирая старые фотографии, которые забрала с собой из дома.

Разговоров было недостаточно, и время от времени, натянув парик, изменив внешность и дождавшись сумерек, Вика приходила к дому родителей или Олега. Не всегда везло, но несколько раз она видела близких издалека. Так и узнала, что Олег стал ухаживать за Любой. Мама решилась сказать ей об этом только через полгода – во время очередного «международного» сеанса связи. Хотя первое потрясение Вика уже пережила, когда увидела, как Олег целует сестру у подъезда дома, этот разговор выбил ее из колеи. Если раньше Вика успокаивала себя тем, что этот роман недолговечен, теперь надежды разбились окончательно. Если уж мама решилась на неприятный разговор, значит, идо свадьбы недалеко.

Через месяц на ее американский адрес пришло приглашение с двумя кольцами и парой голубков. Вика его не видела, но американская вампирша Джессика подробно описала открытку и, коверкая слова, зачитала текст. Когда-то она жила в России и еще не до конца забыла русский. Вика ответила по электронной почте и выразила сожаление, что не сможет присутствовать на торжестве, сославшись на очень важную конференцию в Австралии, где она должна быть в это время…

Люба и Олег поженились сегодня. Со свадьбой тянуть не стали – округлившийся живот невесты и так вызывал повышенный интерес у гостей. А Виктория впервые в жизни решила напиться и пришла в вампирский ночной клуб в надежде, что грохот музыки заглушит стенания души, а алкоголь поможет забыться.

Она сидела над рюмкой текилы в одиночестве. Прошел почти год с момента вступления в Клуб, а она так и не стала здесь своей, не обзавелась друзьями. Впрочем, сейчас ей были ни к чему сочувствующие взгляды. Она глушила рюмку за рюмкой и все не могла понять, как же произошла та роковая история с проигрышем Олега, после которой все пошло наперекосяк. Олег клялся, что не знает, что на него тогда нашло. В его мыслях Вика прочитала, что накануне он твердо решил сделать ей предложение и весь день думал, как они будут жить после свадьбы, где будут жить. А в тот день проснулся в уверенности, что сорвет джек-пот, разворошил тайник со всеми накоплениями – тридцатью тысячами долларов – и рванул в казино. Сначала ему везло, выигрыш почти дошел до ста тысяч. Потом фортуна повернула колесо вспять, а Олег не мог остановиться, пока не оказался должным казино сто тринадцать тысяч долларов. Бедняга Олег! Что бы с ним стало, если бы к Вике так вовремя не заглянул вампир Аристарх с щедрым предложением?

Так вовремя?! От волнения Вика опрокинула текилу. Так ли вовремя появился в ее жизни Аристарх? Уж не он ли приложил руку к тому наваждению, которое ввергло Олега в чудовищный долг? Не он ли вынудил ее принять его предложение? И как она раньше не сложила все эти факты? Она малодушно гнала от себя все эти мысли, запрещала себе думать об Олеге, анализировать его дикий поступок, нагружала себя работой. А может, Аристарх и тут постарался – внушил ей, что никакой связи между его визитом и проигрышем Олега нет, а сейчас у чар истек срок годности? Вспомнилось, как ей почудилась тревога в глазах старейшины, когда, уходя со своей дебютной вечеринки, она с сарказмом поблагодарила его за все, что он для нее сделал…

Надо немедленно поговорить с Аристархом, все выяснить, иначе она сойдет с ума!

Виктория выскочила из клуба, не посмотрев на часы. На улице было пустынно – ни прохожих, ни машин. Прохладный ночной воздух слегка отрезвил. Вика растерянно остановилась у дороги, повязывая на шею шелковый платок. Где искать Алмазова, она не знала. Как добраться до дома – тоже. Черт ее дернул пойти в ночной клуб, когда она не была на дискотеке уже лет восемь! Вика зябко повела плечами и неуверенно махнула рукой проезжающей машине.

Вот уж кого не ожидала встретить за рулем! Интересно, что делает птица такого полета в окрестностях ночного клуба для молодых вампиров?

– Доброй ночи, – вежливо пробормотала она.

– Садись.

Виктория не медля запрыгнула в теплый салон.

– Решила развеяться?

– Да вот…

– А чего сбежала так рано?

– Нагулялась.

– Это хорошо. Неизвестно, когда еще представится такая возможность. Как идут исследования?

– Как обычно, – солгала Вика и отвернулась к окну, чтобы скрыть свои истинные мысли.

От сенсационного открытия ее отделял всего один шаг. Если она окажется права в своих расчетах, совсем скоро вакцина будет у нее в руках… А если подтвердятся ее подозрения насчет Алмазова, старейшину поджидает большой удар. Она сделает прививку себе и уничтожит все результаты исследований, чтобы никто из вампиров не мог их воспроизвести. Она станет такой, как раньше… Вот только зачем ей жить дальше, если Олег уже женат на ее сестре?

Жгучий, похожий на пчелиный, укус в плечо застал Вику врасплох. Она попыталась сопротивляться, но тело лишь слабо дернулось. Все конечности стремительно немели, словно по венам пустили наркоз.

– Спасибо, – прошептала Вика одними губами, не зная, услышит ли ее убийца или нет.

Она бы на это никогда не решилась. Да и не могла – оставалось погасить еще треть долга и завершить исследования. Теперь она может быть свободной от всего – от обязательств, от сомнений, от тоски, от одиночества. Сегодня в двенадцать, когда Олег надевал на палец ее сестры обручальное кольцо, ее сердце уже умерло. Теперь же оно остановилось окончательно.

Глава 5
ВАМПИРЫ ЗАЖИГАЮТ В ПОЛНОЧЬ

Каждый выход в люди – представление, мини-шоу, причем конкуренция на роль примы еще выше, чем вступительный экзамен во ВГИК.

Маша Царева. Московский бестиарий

Ночь прекрасна, и в ее темной красе мы можем надеяться найти покой и благородство. К сожалению, многие люди без причины боятся тьмы.

Джордж Мартин. Грезы Февра

Два дня я просидела дома, чувствуя слабость, как после гриппа. Голова была пустой, словно ее хорошенько пропылесосили, избавив от лишних мыслей и ненужных терзаний. Сашка звонила справиться о моем самочувствии. Вроде бы мне стало плохо и я отпросилась с работы с середины дня… Еще бы не станет тут плохо! Как вспомню этих скелетов в сигаретной дымке и «Горлумов», поработивших наших программистов (а девки еще удивляются, почему им компьютер милее живой женщины!), так дурно становится. Странно, но я совершенно не помнила, что наврала Однорогу, чтобы меня отпустили, как возвращалась домой и что делала вечером. Видимо, стресс из-за галлюцинаций был чересчур велик. К счастью, дома мне домовые не мерещились, призраки прежних владельцев не подвывали в чулане, зловеще гремя кандалами, и я смогла всласть насладиться тишиной и спокойствием. Приятно, что даже жажда кровушки меня не мучила, и я вполне сносно обходилась вишневым соком, убрав талоны на донорскую кровь подальше с глаз и

успокаивая себя тем, что стану первой вампиршей, которая найдет способ обходиться без непременного крововливания.

К вечеру субботы, на которую был назначен мой первый выход в свет, все признаки болезни исчезли без следа, и я собиралась на вечеринку с отличным самочувствием и в приподнятом настроении. Выбирая наряд, я последовала совету Светланы и выудила из шкафа свое лучшее вечернее платье. У платья сегодня тоже был дебют, потому что, купив его полгода назад, я ни разу не нашла повода его надеть. Все надеялась, что погуляю в нем на чьей-нибудь свадьбе или на элитной вечеринке, но приятельницы замуж не спешили, а работа риелтора не предполагала приглашений на звездные рауты и презентации. И вот наконец настал мой час! Мурлыкая от удовольствия, я нырнула в прохладный лавандовый шелк, гадая, чем вампирская тусовка отличается от обычной. Отсутствие подходящего к платью пальто заставило меня изрядно поломать голову. Единственное соответствующее погодным условиям пальтишко безнадежно устарело с началом нового сезона и появиться в нем на суд стильной публики было никак невозможно. Чтобы меня встречали по вышедшему из моды пальто? Никогда в жизни! Пожертвовав благоразумием, я выудила из гардероба легкий кремовый френч, купленный для прогулок июльским вечером. Ну не заледенею же я, в самом деле! Мне всего-то от машины до порога дойти.

Спустя час я выпорхнула из такси у дверей клуба «Аперитив» и сразу же попала в лужу. Замшевой туфелькой. Тут и начались разочарования.

Мое платье и туфельки были достойны красной ковровой дорожки «Оскара», а пришлось топать по мокрому асфальту, и единственным свидетелем моего торжественного прибытия был невозмутимый шкафоподобный секьюрити, стоящий у входа. Интересно, он тоже вампир? Или парень даже не подозревает о том, что происходит в стенах клуба с говорящим названием «Аперитив»?

К моему бескрайнему удивлению, охранник и не подумал распахнуть передо мной дверь, а, напротив, перегородил вход.

– Ваше приглашение, – вежливо, но бесстрастно произнес он. Так, словно был не мужчиной, а роботом-дворецким.

С видом оскорбленной принцессы я подняла крошечную вечернюю сумочку и щелкнула замочком. Да, найти приглашение в набитой под завязку сумочке будет непросто.

– Держите! – Я с мстительной улыбочкой вывалила в руки охраннику пудреницу, мобильный телефон, пачку бумажных платочков, помаду, флакон туалетной воды, расческу… Наверняка пригласительный упал на самое дно.

Когда в лапы секьюрити перекочевали ключи и прокладка, я нахмурила брови. Ни пригласительного, ни виповской вампирской карточки в сумочке не было. Точно! Я же оставила их дома, в прихожей, решив положить в сумочку в последний момент, чтобы потом долго не искать на дне.

– Кажется, я их забыла, – сконфуженно выпалила я, отбирая у охранника флакончик и прочие мелочи и запихивая их обратно – непростая задача!

– Сожалею, но я не могу вас пропустить, – невозмутимо ответил секьюрити.

– Ну не будьте букой! – Я пустила в ход свою фирменную улыбку, и на щеках расцвели ямочки.

Шкаф даже глазом не моргнул, только повторил равнодушно:

– Таковы инструкции.

Я зябко поежилась, запахивая на груди френч, и беспомощно огляделась по сторонам. Дворик перед клубом словно вымер – и не было ни одного человека, способного провести меня внутрь. Да и кто бы это сделал? К вампирам просто так не попадешь – бдительный охранник тому подтверждение. А из тусовки я знакома только с Жаном и Светланой. Вряд ли француз уже оправился от встречи со мной и специально прилетел из Парижа, чтобы быть свидетелем моего первого выхода в свет. А Светлана – вдруг она уже внутри? Как назло, я еще и визитку с ее телефоном оставила в прихожей, не потрудившись занести номер в память мобильного.

– Черт! – не сдержавшись, выругалась я.

– «Гуччи»? – раздался за спиной знакомый мелодичный голос, и тут же рядом со мной возникла богиня из телевизора – Инесса Раевская собственной персоной.

Когда прошло первое изумление, я с облегчением отметила, что не прогадала с нарядом. Если до последнего момента я сомневалась, что вечернее платье с декольте и открытой спиной – правильный выбор, то наряд Раевской, изысканное изумрудное платье в пол, линии которого не скрывал небрежно накинутый на плечи облегченный норковый полушубок, и блеск бриллиантов в вырезе бескрайнего декольте, убедил меня в обратном. Инесса безошибочно определила марку моих туфель, и я благодарно ей улыбнулась – в кои-то веки встретишь настоящего знатока стиля.

– Прошлая коллекция, – критически добавила светская львица, – но очень, очень мило. Я тоже о таких мечтала, но, к сожалению, не нашлось моего размера. А ты, наверное, та самая Жанна? – Инесса наконец-то оторвала взгляд от моих туфель и подняла на меня жемчужно-серые колдовские очи, красиво подведенные дымчатыми тенями.

– Вы меня знаете? – растерялась я.

– Лапочка, о твоем триумфальном нападении на Жана тусовка судачит уже третьи сутки, – рассмеялась Раевская. – Прежде чем сбежать в Париж, он страстно ругал бешеную брюнетку, чуть не прибившую его на месте за испорченное модное пальто. В свете такой характеристики незнакомой особой в «Гуччи» и в… «Ланвин», если не ошибаюсь? – Она оценивающим взглядом окинула мое платье. – Так вот, этой особой, к тому же забывшей пригласительный, можешь быть только ты.

Инесса только глянула на охранника, и он молча отступил в тень. А законодательница моды, по-свойски взяв меня под локоть, ввела меня в царство вампиров.

Светлана была уже здесь и кинулась нам навстречу. На этот раз на ней было маленькое черное платье в лучших традициях Коко Шанель. Однако с первого взгляда было заметно, что Лана чувствует себя в нем крайне неудобно и с удовольствием сменила бы его на привычные джинсы и майку, а изящные черные лодочки – на растоптанные кроссовки.

– Наконец-то, Жанна! Все наши уже почти собрались. Здравствуй, Инесса!

– Доброй ночи, – царственно кивнула Раевская, сбрасывая полушубок в руки гардеробщика.

– Пойдемте скорей в зал, – засуетилась Светлана, ведя нас по коридору на шум оживленных голосов и женского смеха.

Я поспешно избавилась от френча, взволнованно стиснула сумочку и одернула платье.

– Не волнуйся, лапуля, – подмигнула мне Инесса. – Ты выглядишь, как звезда! Я даже благодарна Жану за то, что он столкнулся с тобой в той подворотне. Ты – настоящее украшение нашей компании.

Мне показалось, что Лана, шедшая рядом, вспыхнула. То ли от слов Инессы, то ли от важности момента ее голос сорвался в тот миг, когда мы вошли в зал:

– Встре…чайте нашу новую подругу – Жанну! – выкрикнула Света, и зал потонул в аплодисментах.

Нарядные девушки и мужчины поднялись с мест за длинным столом, приветствуя меня. «И это все вампиры?» – мысленно ахнула я. Да их здесь не меньше сотни! Я обвела контрольным взглядом толпу. Ба! Знакомые все бюсты!

Модель, фотографии которой были в модной рубрике «Космо» месяц назад. Малоизвестная американская актриса, снявшаяся в нескольких молодежных комедиях и уже несколько лет как пропавшая из виду. Молодящаяся оперная дива, с недавних пор променявшая театральные подмостки на эстрадные площадки. Ведущий того самого ток-шоу, на котором я видела Инессу…

Бросились в глаза и обладатели экзотической внешности: ослепительно-красивая мулатка в кремовом платье; индиец, похожий на Киану Ривза в фильме «Маленький Будда»; знойная турчанка в слепящем глаза золотом наряде с пайетками; восхитительная азиатка в

красном шелковом платье – похоже, японка. Еще черноглазый латиноамериканец, смуглый араб, улыбчивый грек…

Лана поманила меня за собой, и я двинулась мимо вампиров к свободному месту в центре стола, с ужасом заметив, что большинство бокалов наполнены темной рубиновой жидкостью. Пока мы шли, аплодисменты не смолкали, но стоило мне опуститься на стул, на который указала Светлана, как в зале повисла тишина. Настороженная и такая глубокая, что, казалось, ею можно обернуться, как пледом. Именно это мне сейчас и хотелось сделать больше всего на свете. Находиться под обстрелом изучающих глаз было крайне неуютно, к тому же мне вдруг сделалось так холодно, словно я очутилась в средневековом склепе. Да еще и вокруг лица знаменитостей, которые считаются давно погибшими! Только соседство Светы, которая села справа от меня, придавало немного уверенности и спасло от позорного бегства, к которому взывало все мое существо. Слева от меня очутился мужчина лет тридцати, который улыбнулся мне такой широкой улыбкой, словно мы были закадычными друзьями-одноклассниками, все десять лет учебы просидевшими за одной партой, и вот теперь мы встретились после долгой разлуки.

– Владислав, – представился он и по-старомодному прильнул губами к моей руке.

Я сдержанно улыбнулась в ответ и с интересом отметила сходство незнакомца с Арамисом в исполнении Игоря Старыгина. Те же светлые волосы до подбородка, делавшие мужчину похожим на героя рыцарского романа, тот же ласковый взгляд серых глаз. Только ультрамодный пиджак и белая рубашка с серыми символами @ выдавали в нем современника. На столе рядом с ним стоял бокал с янтарным содержимым. Похоже, мой сосед – вегетарианец, с облегчением подумала я, бросив взгляды на алеющие бокалы других вампиров и вскользь рассмотрев соседей по столу.

Прямо напротив лучился сексапильными флюидами холеный красавец-брюнет, при взгляде на стрижку и костюм которого Андрей Малахов испытал бы жгучий комплекс неполноценности. Его лицо показалось мне знакомым, но я никак не могла вспомнить, где могла его видеть. Скорее всего в какой-то рекламе мужского парфюма.

Рядом с красавцем расположилась такая же совершенная блондинка – воплощение Барби, с каскадом перламутровых локонов до пояса и сапфировыми очами в обрамлении длиннющих угольно-черных ресниц. Но это было не самым возмутительным! Блондинка была упакована в платье от Эскада, о котором я грезила последние две недели. И вот сейчас, когда у меня на руках уже есть нужная сумма денег, моя мечта оказывается нахально приватизированной крашеной лахудрой. Не могу же я теперь купить второе такое же!

Красавец представился Аристархом и с насмешливым видом продолжил изучать меня. Блондинка назвалась Нэнси и подчеркнула, что она невеста Аристарха, изрядно развеселив последнего. К счастью для глупышки, она не видела, какую рожу скорчил ее так называемый жених…

Я меж тем чувствовала себя страшно неудобно. Удивительно: еще несколько дней назад я бы любимые туфельки отдала, лишь бы очутиться на закрытой вечеринке вампиров, а сейчас мне больше всего хотелось оказаться подальше отсюда. Желательно на песчаном пляже в районе Сейшел…

– Хотите поговорить об этом? – жадно поинтересовался Арамис, глядя на меня во все глаза. – Не стоит смущаться, все новички проходят период адаптации и испытывают определенные сложности.

– Влад, опять ты за свое! Уймись хоть сегодня, ты не на приеме! – с улыбкой осадила его Светлана и пояснила для меня: – Владислав – наш главный мозгоправ.

– Я предпочитаю термин психоаналитик, – поправил Арамис и обратился ко мне: – Будут проблемы – обращайтесь.

– Я похожа на девушку, которой необходим психиатр? – съязвила я.

– Вы похожи на девушку, которой нужен друг, – участливо улыбнулся Владислав.

– Спасибо, у меня уже есть… Лана, – нашлась я.

Светлана польщенно улыбнулась и с видом превосходства посмотрела на психолога.

Ну что за детский сад? И это – вампиры?

– Итак, дамы и господа! Позвольте торжественную часть нашего собрания считать открытой! – донесся до меня звучный мужской голос, и я с благодарностью подняла глаза на его обладателя – приятного парнишку лет двадцати двух с белозубой улыбкой и короткими светло-русыми кудряшками, который взобрался на подиум у стены и теперь вешал в микрофон: – Добрый вечер, друзья! Сегодня – особенный вечер, один из тех редких вечеров, когда мы принимаем в свои ряды новых членов нашей большой и дружной семьи. Как правило, такое мероприятие предваряет другое важнейшее событие – представление кандидата, Совет старейшин и всеобщее голосование, по результатам которых и принимается решение о вступлении в наш тесный круг. Но сегодня у нас особенный сценарий! Такого не было еще ни разу с момента принятия наших правил… – Кудрявый выдержал эффектную паузу. – Героиня сегодняшнего вечера стала вампиром вопреки правилам, вопреки нашим голосам и вопреки собственному желанию. Дамы и господа, поприветствуем нашу бесстрашную Жанну – вампиршу поневоле.

Ведущий зааплодировал, зал подхватил. На меня воззрились десятки любопытных взглядов, и я физически ощутила, как меня ощупывают, поглаживают, притягивают, отталкивают, ласкают, рассматривают, как диковинный микроб под микроскопом, и пытаются проникнуть в самую душу. Сейчас я для них – занятный зверек, который умудрился пробиться в закрытый клуб в обход системы клубных карт и бдительной охраны.

– Итак, – кашлянул ведущий, требуя внимания, – хотите вы того или нет, а Жанна уже стала одной из нас.

– Ура! – гаркнул какой-то громкоголосый рыжий молодец.

– Аминь, – блаженным тоном отозвался голубоглазый блондин в полупрозрачной белой рубашке, сидящий поодаль.

– Поздравления оставим на потом, – оборвал их ведущий. – А пока познакомимся с досье на нашу героиню. Итак, дамы и господа! Прошу любить и жаловать – Жанна Бессонова. – В его голосе появились торжественные интонации диктора ТВ, сообщающего в прямом эфире страшную государственную тайну. – Любимая муза Люка Бессона, которой создатель «Леона» и «Такси» обязан своим творческим псевдонимом. Прямая наследница Жанны д'Арк, помимо имени унаследовавшая от своей знаменитой прабабки бесстрашие, силу воли и отвагу. Последовательница моды, по вероисповеданию лейбломанка, по призванию – модный обозреватель, по недоразумению – риелтор в агентстве недвижимости. Любимое занятие: шопинг. Любимая подруга: кредитная карта. Настольные книги: «Вог» и «Космополитен». Благодаря им Жанна в совершенстве владеет приемами стрельбы глазками, знает назубок десять правил настоящей женщины и пятнадцать верных способов соблазнить мужчину…

– Покажи их мне, бэби! – с акцентом вскричал горячий турецкий парень, но взгляд Инессы быстро оборвал его дурацкий смех.

– Также наша Жанна сможет с сотни метров отличить «Версачи» от Версаля, «Гуччи» от Гауди, а «Тиффани» от Тимати, – на одном дыхании продолжил кудрявый. – Страдает аллергией на подделки: при виде фейка начинает чихать, кашлять и плеваться. Предыдущая реинкарнация: Одри Хепберн. Сестра по разуму: Пэрис Хилтон. Любимый город: Милан. Любимый телевизионный канал: Fashion-TV. Любимый художник: Пако Рабанн. Любимый фильм: «Дьявол носит „Прада“. Любимый напиток: „Пина колада“.

Удивительно, но, несмотря на то что половина из сказанного была шутливым бредом, остальная половина оказалась сущей правдой. Интересно, у меня на лбу написано, что я читаю «Вог», в свободное время шатаюсь по магазинам и мечтаю побывать в столице мод – Милане?

– Ну вот, теперь вы знаете все об этой прелестной девушке, – выпалил кудрявый красавчик. – Но, уверен, теперь вы еще больше сгораете от любопытства и хотите узнать, каким образом ей удалось отбиться от острых клыков нашего друга Жана. Попросим ее рассказать об этом?

– Просим, просим! – разноголосо, с множеством акцентов проскандировал зал.

– Идите же сюда, Жанночка! – размахивая микрофоном, поманил ведущий, а Лана ткнула меня в локоть, давая понять, что отсидеться не удастся.

Чувствуя себя полной дурой на тонких шпильках, я процокала по залу и взгромоздилась на импровизированный пьедестал.

– Итак, прошу тишины!!! В эфире ток-шоу «Пусть говорят», и у нас в студии девушка, которая подверглась нападению вампира!!! Жанна, мы просто потрясены!!! Расскажите же нам, как все произошло!!! – Копируя манеру Андрея Малахова и нервно выкрикивая реплики, кудрявый подскочил ко мне и сунул под нос микрофон.

Я невольно поморщилась от крика, перевела взгляд с микрофона на бесцеремонного паяца, собираясь высказать все, что я думаю о нем и об этом фарсе, но обидные слова застыли у меня на губах. На меня смотрели мудрые глаза мужчины, уставшего играть роль клоуна, но вынужденного это делать. «Да, я знаю, что смешон и нелеп, – говорили они. – Но это моя работа – развлекать публику. Они требуют зрелищ и веселья, и я им их обеспечиваю. Подыграй мне. Ну пожалуйста!» «Сколько же на самом деле лет этому парнишке? – подумала я. – „Сорок, пятьдесят, восемьдесят?“

Пауза затянулась, и кудрявый поторопил меня, напустив в голос сочувствия, а во взгляд – обаяния Кота в сапогах из «Шрека»:

– Ну же, Жанна, мы все во внимании.

– Я возвращалась домой с работы, – возбужденно зачастила я, подыгрывая ему. – А тут – он! Зубы – во! Клыки – во! Когти – во! Ну я сразу поняла, кто он. Всю жизнь вампира мечтала встретить и бессмертной стать, а тут такое счастье привалило!

Ведущий от удивления поперхнулся заготовленным вопросом, а я продолжила:

– Пальтишко расстегнула, шарфик с шеи сняла, приготовилась, жду…

– Да что вы говорите!!! – Кудрявый овладел собой и теперь таращился на меня с восхищением. Похоже, моя корректива сценария пришлась ему по вкусу. – И что он сделал?!! Набросился на вас?!!

– Какое там! – с возмущением воскликнула я. – Он как давай выспрашивать: что ела на завтрак, что на обед, не было ли в еде концентратов. Просто сдвинутый какой-то! Изучал состав моей крови, как содержание пакетика с чипсами на полке супермаркета!

В зале раздались одобрительные смешки. Похоже, мое определение попало в точку и о взыскательности Жана все были осведомлены.

– И что же вы?!! – сгорая от нетерпения, поторопил меня ведущий.

– А что я? Знаете, как хотелось вампиром стать и быть вечно молодой и красивой? Чтоб никаких пластических операций, алопеции, климакса и болезни Альцгеймера! Чтоб никаких увлечений уринотерапией и пиявками в тщетных попытках вернуть здоровье! – Я взглянула в глаза кудрявому и поняла, что ему с трудом удается не расхохотаться. И все-таки он мальчишка. Какие восемьдесят лет? Ему и тридцати-то нет! – Пришлось поклясться, что веду здоровый образ жизни круглосуточно, даже во сне занимаюсь йогой и кушаю спаржу, – продолжила я. – И вообще признаю только правильное питание и весь день до нашей встречи питалась исключительно диетическими хлебцами и сельдереем.

– Это его подкупило? – с жаром поинтересовался ведущий.

– Увы, да, – горестно вздохнула я. – Только этот упырь, будь он неладен, в шею меня кусать побрезговал, а как присосался к запястью – весь подол пальто кровью залил. Тут уж я озверела и отмолотила его как следует.

– Есть женщины в московских подворотнях! – восхищенно вскричал кудрявый.

– Да здравствует Жанна, победительница Жана! – подхватил знаменитый теннисист. Видимо, с французом у него были давние счеты.

– Предлагаю поднять первый тост за восхитительную жемчужину, пополнившую наши ряды! – выкрикнул ведущий. – За прекрасную Жанну!

Публика одобряюще захлопала, заулюлюкала и подняла бокалы в мою честь. А я, чувствуя себя персонажем театра абсурда, с позволения ведущего вернулась на свое место.

– Жанночка, – проницательно наклонился ко мне Владислав, – надеюсь, вы не обиделись на нас? Никто не хотел выставлять вас на посмешище, просто мы так развлекаемся. Вы молодец, что подыграли Глебу. Ваше боевое крещение надо отметить!

Блондинка скривилась, словно махом осушила ведро лимонного сока, и сплела длинные пальцы с узорным маникюром на ножке своего винного фужера.

– За Жанну! За Жанну! – эхом подхватили присутствовавшие, не сводя с меня любопытных глаз.

Аристарх с лукавой улыбкой наклонил черную бутыль и плеснул ее содержимое в мой бокал. Я с испугом взглянула на напиток, ожидая увидеть, как переливается через край густая пенящаяся кровь, но в фужере всего-навсего золотилось шампанское.

– Или девушка предпочитает вино? – насмешливо спросил он, наблюдая за моей реакцией, и кивнул на бокалы других вампиров. – Красное сухое или полусладкое? Извините, но кровяного не держим.

– Аристарх! – укорила его Лана.

Я вспыхнула, пытаясь найти достойный ответ, и только звон бокалов прервал затянувшуюся паузу. Ко мне протягивали фужеры; словно во сне, я касалась их с легким звоном своим бокалом, отвечала на улыбки, салютовала в ответ тем, кто сидел поодаль. А потом залпом осушила шампанское и впустила в свой желудок стайку пузырьков, от которых сразу сделалось легко и весело.

– Хорошо пошел виноград, который удобряют кровью девственниц? – с невозмутимым видом поинтересовался Аристарх.

Внутри меня взметнулась волна тошноты, но я нашла в себе силы непринужденно ответить:

– Я вижу, вы хорошо осведомлены о процессе производства. Сами участвовали? Удобряли? Проверяли девиц?

В глазах Аристарха зажегся огонек интереса.

– Один – один, – удовлетворенно заметил он. – Кажется, Жан не ошибся с выбором.

Совершенная блонда, заметив это, нервно заерзала и наградила меня убийственным взором. Похоже, одну смертельную врагиню я себе сегодня уже нажила. Но не будем останавливаться на достигнутом!

– А скажите как вампир со стажем, – с придыханием произнесла я, – чья кровь слаще, блондинок или брюнеток? Правду говорят, что у блондинок кровь как вода, а у брюнеток терпкая и пьянящая, как хорошее вино?

Пальцы блондинки вцепились в ножку фужера так, словно душили змею.

– Смотря у какой брюнетки, – насмешливо ответил Аристарх. – У некоторых, вполне вероятно, по жилам течет неразбавленный яд.

– Уже приходилось обжигаться? И теперь предпочитаете газировку? – с вызовом спросила я, входя в азарт. Он хочет интервью с вампиром? Он его получит!

Светлана с интересом прислушивалась к нашей перепалке, но не вмешивалась.

Блондинка нервно опрокинула в себя остатки вина и демонстративно придвинула пустой фужер к своему кавалеру, призывая его переключить внимание и поухаживать за ней наконец. Но Аристарх этого и не заметил, будучи увлеченным словесным поединком со мной.

– А теперь – следующий тост! – провозгласил кудрявый заводила, вскакивая с места. – Давайте выпьем за Жана, который преподнес нашему обществу такой прелестный подарок!

Блондинка настойчиво затеребила Аристарха за локоть, принуждая наполнить ее бокал.

– Я не буду пить за труса, который сбежал, испугавшись своего поступка, – звонко возразила я, поднявшись.

Глеб растерялся. На его челе большими буквами было написано недоумение: за кого же тогда пить?

– Предлагаю почтить память моего пальто, которое погибло в той схватке, защищая честь своей хозяйки! – дерзко провозгласила я. – Оно этого достойно больше.

– За пальто? – растерянно моргнул Глеб.

– Браво, Жанна! – донесся до меня голос Инессы и ее аплодисменты. – Выпьем за пальто, гибель которого – катастрофа для любой модной девушки!

Я подняла бокал, который кто-то уже успел наполнить шампанским, и с улыбкой отсалютовала Раевской. Кто-то протянул ко мне свой бокал.

– Не чокаясь! – строго осадила я и только потом удовлетворенно заметила, как вытянулось лицо Аристарха (а это был его бокал!). Затем со скорбным видом опрокинула в себя шампанское и под шепоток собравшихся опустилась на стул.

Похоже, мое выступление прибавило мне баллов, потому что некоторое напряжение, царившее в зале, ушло без следа. Вампиры с одобрением зашушукались, очевидно радуясь появлению забавной девицы в своих рядах. А может быть, это расположение Инессы повлияло на массы. Надеюсь, за мной не закрепится ярлык клоуна на веки вечные? А и шут с ним! Сегодня я хочу веселиться!

– Вы предпочитаете секс до или после укуса? – подмигнула я Аристарху, заставив блондинку позеленеть от злости.

– Я их разделяю, – многозначительно изрек вампир и невинно поинтересовался: – А вы претендуете на первое или на второе?

– Я претендую на десерт, – обворожительно улыбнулась я. – Но вы к нему не имеете ни малейшего отношения.

Наконец-то я вспомнила, где видела Аристарха. Конечно же в журнале. Только не в рекламе, а на странице с колонкой главного редактора. Время от времени я покупала мужские журналы или листала их во время ожидания в салоне красоты, чтобы быть в курсе планов противника. Аристарх и был создателем одного из них, с претенциозным названием «Мачо». Еще взяв журнал впервые, я несколько минут полюбовалась его породистым лицом и посмеялась над пафосными именем и фамилией – Аристарх Алмазов, решив, что это псевдоним.

Устав препираться с соседом, я стала разглядывать присутствующих, то и дело выхватывая знакомые лица.

Вон модель из рекламы сока, вон актриса, давно пропавшая и с театральных подмостков, и из светской хроники. Вон олимпийский чемпион по фигурному катанию, вон модная писательница.

Вот молоденькая певица, обладательница редкого для эстрады голоса и непристойной татуировки, которую со смаком обсуждала желтая пресса. Рядом с ней – представитель этой самой желтухи, скандальный телерепортер. Напротив них – известная театральная актриса, участвующая в шоу «Звезды на льду». А вот знаменитый чешский теннисист, ушедший из спорта из-за травмы, шепчется о чем-то с продюсером, зажегшим на поп-Олимпе несколько новых звезд. Неужели теннисист тоже собирается запеть?

Встретилось и несколько «антикварных» суперстаров. Из наших – солистка из первого состава процветающей и поныне российской поп-группы, довольно знаменитый в прошлом телеведущий и – подумать только! – актер, гибель которого в середине восьмидесятых оплакивал весь Советский Союз. Как раз на той неделе по Первому каналу шла передача, посвященная его семидесятилетнему юбилею, и мне пришлось посмотреть ее от начала до конца. Тогда ко мне на чай зашла моя бабуля Лиза, бывшая большой поклонницей таланта артиста. Бабушка героически выиграла битву за пульт, а мне пришлось пропустить долгожданную «Двадцатку самых отъявленных шопоголиков» на Муз-ТВ и смотреть историю жизни бабулиного кумира. Нет никаких сомнений – это именно он, хоть и с другой прической, в современном прикиде. Бабуля бы многое отдала, чтобы посидеть с ним за одним столом!

А вот и забытые зарубежные знаменитости – звезда латиноамериканской мыльной оперы, которую я смотрела еще школьницей, и самый симпатичный участник бойз-бенда, гремевшего на весь мир в девяностых. У меня даже их плакат одно время в туалете висел! Однако больше всего потрясло меня присутствие итальянской манекенщицы с мировым

именем, которая ушла с подиума в разгар карьеры, чем повергла в шок общественность. Газетчики пошумели, опубликовали снимки со свадьбы длинноногой красавицы с индийским миллионером, обсудили явную беременность невесты, которую подвенечное платье не скрывало, а только подчеркивало, и забыли о Монике, переключившись на новых звездочек. С тех пор прошло десять лет. Моника не постарела ни на день.

Многие лица были мне незнакомы. В вампирской тусовке нашлось место и рассеянному интеллектуалу, похожему на университетского профессора, и лощеному красавчику, смахивающему на дорогого стриптизера, и мужеподобной дамочке с глубокой складкой между бровями, напомнившей мне учительницу математики, и легкомысленной красотке, весь талант которой на первый взгляд заключался в роскошном бюсте, кокетливо упакованном в тесный топ.

Тем временем Глеб подскочил к доске, висящей на стене, и объявил о начале следующего аттракциона. После чего, закрыв ее спиной, принялся размахивать маркером. Портрет, что ли, рисует, удивилась я. Однако, когда ведущий отпрыгнул в сторону, на доске оказались буквы моего имени, написанные в столбик.

– Итак! Сейчас мы расшифруем имя нашей новой подруги и познакомимся с ней еще ближе! – возвестил Глеб. – Начнем с «Ж»! Итак, Жанна у нас какая?.. В первую очередь – жгучая…

– …как крапива, – приглушенно прокомментировал Аристарх.

– …брюнетка, – закончил ведущий. – Еще варианты?

– Живучая! – схохмил известный продюсер.

– Жизнерадостная! – вступилась за меня Светлана.

– Желанная! – выкрикнул горячий турок, поразив меня богатством своего словарного запаса.

– Жеманная, – процедила сквозь зубы блондинка Нэнси.

– Желчная, – приглушенно, но так, чтобы я услышала, пробормотал в сторону Аристарх.

Черт бы побрал этот конкурс! Чувствую себя как невольница, которую торговец вовсю нахваливает на аукционе, а покупатели сбивают цену, указывая на недостатки товара.

– Жанночка, – подмигнул мне Глеб, – вы не оставили равнодушным никого из наших рядов. Но на правах ведущего я выберу наиболее подходящий вариант. – И размашисто приписал у буквы «Ж» – «жизнерадостная». – Теперь переходим к букве «А», их в имени Жанны сразу две. Кто скажет свою версию?

– Обворожительная, – первым среагировал турок.

– Да, Жанна способна обворожить настолько, что некоторые напрочь забывают правила русского языка, – снисходительно улыбнулся Глеб.

– Азартная! – высказал свою версию теннисист.

– Артистичная! – неожиданно польстил мне бабушкин кумир.

Может, попросить для нее автограф? «Нет, ты все-таки урожденная блондинка, – прорезался внутренний голос. – Получи, бабуля, автограф с того света!»

– Действительно, – кивнул ведущий, – мы все только что имели возможность в этом убедиться. Что еще?

– Аристократичная! – подала голос Инесса.

– В самом деле! – горячо поддержал эту версию Глеб и пытливо поинтересовался: – У вас в роду, Жанна, были князья?

– Моя прабабка была графиней, – неожиданно соврала я, задрав нос.

– Да что вы говорите! – не поверил ведущий. – Должно быть, она передала вам семейные драгоценности?

– К сожалению, все пришлось продать после революции. Осталось только серебряное кольцо, которое прабабушка подарила мне, – уверенно на ходу сочинила я.

Антикварный перстень и в самом деле существовал – его подарил мне один из бывших, уверяя, что украшение носили еще во времена Екатерины, чем поставил окончательную

точку в наших затянувшихся отношениях. Зря я таскала парня перед витринами «Тиффани» – Федор был повернут на старине и поисках кладов. Он уверял, что кольцо раскопал собственноручно и в начале нашего знакомства носил его сам, эпатируя людей длинными патлами, рваными джинсами и громоздким старомодным перстнем, так не сочетавшимися между собой. Кроме того, Федор был худым, сутулым, прыщавым и далеким от моды, как Памела Андерсон – от природы. Он приводил в оторопь мою маму и Сашку: маман звала его Кощеем, Сашка – гоблином. Из всех моих бойфрендов Федор был самым некрасивым, нелепым и несексуальным. Разглядывая наши фотографии после разрыва, я сама поражалась, как могла быть рядом с таким фруктом и еще испытывала к нему самые нежные чувства, млела от его улыбки, таяла от его объятий, выпрашивала каждый поцелуй, как подарок. Подумать только, однажды я, не раздумывая, пожертвовала походом на модный показ ради свидания с Федором, который вернулся с очередных раскопок! Сейчас я недоумеваю, что я в нем могла найти и почему на целый месяц потеряла голову, но в тот момент, когда ободок темного металла сменил владельца и удобно устроился на моем пальце, я прозрела. Вместо ожидаемого модного украшения да поюзанный перстенек! Разочарование было так велико, что свидание стало последним. Как честная девушка, я хотела вернуть подарок, но любитель старины благородно оставил мне его на память. Без всяких зазрений совести я отдала перстень в переплавку…

Глеб тем временем многозначительно скосил глаза на мои пальцы, выискивая старинное кольцо.

– Не люблю колец, – выдержав его взгляд, сообщила я. – К тому же оно было громоздким и не нравилось мне. Я переплавила его на пирсинг.

По рядам пробежал возбужденный шепоток.

– О, какая пикантная подробность! – Глеб жадно воззрился на меня, гадая, в какой части тела может находиться серебро прабабушки.

– Украшение сейчас на мне. – Мне отчего-то захотелось его подразнить.

– Серебро?! – ужаснулся ведущий. – Немедленно избавьтесь от него, Жанна! Иначе оно погубит вас!

Я машинально дотронулась рукой до пупка: серебряное колечко холодило даже через шелк. Непонятно почему, с пирсингом я чувствовала себя уверенно и раскованно. Стоило его надеть, как внимание мужчин было обеспечено. Никакой мистики, конечно, простая психология – кольцо придавало мне уверенности в своих чарах и зажигало в глазах искорки, на которые и клевали кавалеры. На работу я его не носила: хватило двух раз, когда меня по пути к метро просто преследовали своими приставаниями кавказцы на черных иномарках. А потом еще в офисе новый охранник не пропускал на проходной, вымаливая о свидании, а за обедом глубоко женатый менеджер по рекламе настойчиво приглашал к себе в гости в отсутствие жены с детьми. Совпадение, конечно, но с тех пор я окрестила пирсинг любовным талисманом и надевала крайне редко, хотя обожала его страстно. В последний раз я носила его в день роковой встречи с Жаном. Как будто чуя скандал с Горячкиной, я достала талисманчик для придания уверенности в себе. Увы, на Однорога серебряная безделушка не подействовала. Зато вампира как к себе приманила! | Вот и сегодня, в такой важный день моего боевого крещения, мне захотелось его надеть. Я совершенно не подумала о том, что оно из серебра! Как я могла забыть? Вдруг металл способен отравить ослабленный иммунитет? Кажется, я уже чувствую слабость…

– Теперь мы знаем, где вы носите бабушкино серебро, – ухмыльнулся Глеб, проследив за моим жестом. – Ах, как жаль, что в вашем имени нет буквы «Д». Вы такая доверчивая, Жанна!

Чтобы скрыть смущение, я влила в себя глоток шампанского.

– Зато есть буква «Н», – проявила недюжинную сообразительность блондинка.

– Эн? – недоуменно переспросил Глеб.

– Наивная, – с триумфальным видом пояснила спутница Аристарха.

– Тебе, Нэнси, виднее, – улыбнулся ведущий, выделив две «Н» в ее имени и заставив

блондинку вспыхнуть. – У кого-то есть другие варианты с буквой «Н»? Подумайте хорошенько, а я пока заполню пробелы…

Глеб быстро дописал у двух букв «А» – «аристократичная» и «артистичная» и повернулся к публике, которая поспешила продемонстрировать свои познания эпитетов.

– Неотразимая!

– Незабвенная!

– Непредсказуемая!

– В точку! – одобрил Глеб. – Вряд ли наш друг Жан ожидал от Жанночки такой прыти, которая приведет ее прямиком в наш тесный круг.

– Нежная! – жеманно проблеял какой-то юнец.

– Кто-то уже проверил? – подколол ведущий и скорчил уморительную рожицу. – Как жаль, что не я!

– Независимая! – высказал свой вариант теннисист.

– Неискушенная, – четко произнес Аристарх.

– В самом деле, в точку! – восхитился Глеб. – Не обижайтесь, Жанночка, – остановил он мои возражения, которые уже готовы были сорваться с губ, – но в наших делах вы и в самом деле еще неискушенны, как младенец. Вас ждет много открытий и новых впечатлений.

Маркер коснулся доски, и рядом с первой буквой «Н» появился эпитет.

– И я думаю, никто не будет спорить с тем, что наша Жанна просто неотразима! – объявил Глеб и дописал последнее недостающее слово в моей шуточной характеристике. – Итак, – подвел он итог, – Жанна у нас – жизнерадостная, аристократичная, непредсказуемая, неискушенная и артистичная. Вот мы и узнали ее получше. А теперь пора познакомить Жанну с особенностями нашего тесного круга.

Глеб крутанул доску, перевернув ее чистой стороной, и маркер в его руках запорхал, вырисовывая в столбик буквы «В», «А», «М», «П», «И», «Р».

– Итак, «В»! – провозгласил он.

– Вожделенный! – патетично выкрикнула звезда мексиканского мыла.

– Властный, – припечатал популярный продюсер.

– Восхитительный, – проворковала Нэнси.

– Воинственный! – пророкотал турок.

– Влюбчивый! – хихикнула его соседка.

– Веселый! – сверкнул глазами латиноамериканец.

– Вредный, – прыснула модель.

– Врун! – подхватила ее соседка, огненно-рыжая красотка.

– Тогда уж вертихвостка, – оскорбился соседкин кавалер – молодой мужчина, похожий на Тома Круза.

– Ах так? Вертопрах! – не осталась в долгу та.

– Голубки, не ссорьтесь! – вмешался Глеб и быстро вернул обсуждение к эпитетам. – Вампир и вечность – ассоциации, которые живут в веках. Думаю, никто со мной не станет спорить, если я напишу, что вампир – это ВЕЧНО… – Маркер замер у буквы «А».

– Алчный, – насмешливо подсказала я, опередив другие версии.

Глеб с интересом посмотрел на меня и, к удивлению, кивнул:

– Только не алчный, а алчущий. – Он подписал эпитет и прокомментировал: – Алчущий новых впечатлений, открытий, знаний, знакомств. А также молодой… – Маркер запорхал по доске и замер у буквы «П». – Ваши версии?

– Прекрасный! – выкрикнуло сразу несколько голосов. Громче всех вопила Нэнси. Кажется, бэк-вокалом ей служили голоса мексиканской актрисы и модели.

– Не буду спорить, – кокетливо тряхнул кудряшками Глеб, вписывая слово. – Теперь «И».

– Иррациональный, – блеснул интеллектом психолог Владислав.

– Инициативный! – кокетливо выкрикнула соседка горячего араба.

– Игривый! – промурлыкала рыжая девица, уже помирившаяся со своим кавалером-вруном.

– Лан, – шепнула я, – а почему среди гостей так много иностранцев?

Приглядевшись к собравшимся, я заметила, что вампиров с экзотической внешностью еще больше, чем показалось мне на первый взгляд. Почти каждый пятый!

– Это везде так, – охотно пояснила Светлана. – В любой нашей европейской тусовке полно азиатов и африканцев, а в индийской или японской – достаточно европейцев. Мы вынуждены переезжать время от времени, чтобы не вызывать подозрений у людей. По нашим правилам не реже чем раз в десять лет каждый из нас переезжает в другую страну и начинает жизнь заново.

– Значит, и мне придется? Ты мне об этом не говорила, – приуныла я.

– Ничего, это даже интересно! Новые знакомства, новая работа, новый стиль жизни, – подмигнула Лана. – Я, например, уже в пятой стране живу.

– Импульсивный! – выкрикивали тем временем свои версии разгоряченные вином и шампанским вампиры. – Идеальный! Искрометный!

– Изысканный, – веско сказала Инесса, и Глеб послушно вписал это качество в шутливую вампирскую характеристику и провозгласил:

– Итак, мы дошли до финального аккорда. Ваши варианты на букву «Р».

– Рискованный! – выкрикнул смуглый брюнет, в котором я узнала каскадера, пару лет назад часто мелькавшего в телешоу.

– Раскованный, – прогорланил турок.

– Ревнивый! – фыркнула неугомонная рыжая.

– Расточительный, – мигом среагировал ее кавалер.

– Раритетный, – усмехнулась манекенщица Моника, заставив усомниться в своих двадцати трех годах.

К моему удивлению, многие иностранцы говорили почти чисто, с едва уловимым акцентом, как у Светы. Наверное, жили в России уже долго.

– Сколько версий! – подытожил Глеб. – Но мне по душе другая. Мне бы хотелось, чтобы понятие «вампир» в отношении к нашей компании всегда подразумевало в себе значение «рыцарь».

Маркер запорхал по доске, выводя последнее слово.

– Итак, вампир – это вечно алчущий, молодой, прекрасный, изысканный рыцарь, – огласил результат коллективного обсуждения ведущий.

– А как насчет русского варианта вурдалак? – вкрадчиво поинтересовалась я. – Что в нем означает буква «У»?

– Умный, конечно! – убежденно сказала блондинка Нэнси.

Аристарх, не сдержавшись, ухмыльнулся. Блондинка занервничала.

– Конечно, – согласилась я. – Как это я могла усомниться, когда образец этого качества весь вечер радует меня бездной премудрости.

Тут уж и Светлану пробило на смех.

– Извините, мне надо выйти, – хихикнула она и потянула меня за рукав. – Составишь компанию?

– Ты что, запала на Аристарха? – зашептала Лана, стоило нам выйти в коридор.

– Вот еще! – Я с негодованием опровергла ее предположение.

– А чего тогда так на Ниночку взъелась?

– На Ниночку? – удивилась я.

– Да это Нэнси на самом деле так зовут, – хихикнула Светлана, входя в женский туалет. – Я же тебе говорила, у нас мода такая: после вступления в Клуб брать изысканные имена. Вот Нина и представляется всем как Нэнси.

– Ничего я на нее не взъелась, – возразила я, поправляя прическу у зеркала во всю стену. – Просто не люблю таких анекдотических блондинок!

– А вот Аристарх решил, что ты на него запала, – сверкая очами, сообщила Лана и

скрылась за дверью кабинки.

– Пусть помечтает, – милостиво разрешила я.

– Кстати, ты ему понравилась, – доложила вампирша из-за перегородки. – Я такие вещи сразу чую. Он тобой заинтересовался.

– Мне-то что? – Я равнодушно пожала плечами. – Пусть его Барби волнуется.

– Нэнси за него глотку перегрызет, – предупредила Лана. – Будь с ней поосторожней. – Помолчав, она добавила: – Тебя что, совсем не волнует интерес Аристарха?

– А с чего бы он меня должен волновать? – Я самодовольно покрутилась перед зеркалом.

– Ну Аристарх наш местный секс-символ, – в упоении поведала вампирша. – Знала бы ты, сколько на него желающих!

– Слушай, – оборвала я болтушку, – если ты сейчас же не замолчишь, я подумаю, что он тебе заплатил, чтобы ты его в выигрышном свете представила и мне разрекламировала.

– Ну и язва! – не обиделась на меня Лана. – И за что только таких секс-символы любят? Вот и Жан тоже не устоял.

– Я смотрю, у вас каждый второй хмырь в секс-символы норовит заделаться?

– Ты не оценила лоск нашего французского графа? – охнула Светлана, выходя из кабинки.

– Он что, правда граф? – заинтересовалась я.

– И граф, и актер. Не узнала разве?

– Так это правда? То-то мне показалось, что он похож на артиста из одного старого фильма. Только того Анри Мерль звали, я потом в Интернете посмотрела.

– Он это, он. Анри Мерль – его псевдоним, – убежденно заявила Света. – Ему уже сто с лишним лет. Когда его обратили, о правилах и донорской крови еще и речи не было. Поэтому он приверженец старого образа жизни… Ну, ты понимаешь, – запнулась она.

– Еще бы мне не понимать! Из-за его заплесневелых убеждений я лишилась своего пальто, – процедила я, – и нормальной жизни. Я еще удивляюсь, почему он по старинке не укусил меня в шею, а впился в руку.

– Укус вампира в шею – штамп кинематографа, – пояснила Лана. – Картинка очень чувственно на экране смотрится, согласись? Вот и растиражировали ее по всем киношкам. А на деле удобней из руки кровь брать… – Вампирша опустила глаза, признаваясь в том, что не всегда довольствуется донорской кровью. – Извини, тебе, должно быть, неприятно…

– Пустяки, дело-то житейское, – пробормотала я. – Называй уж все своими именами, не брать, а прокусывать.

– Да нет, – усмехнулась Светлана, – именно брать. Клыков-то у нас, как у киношных кровопийц, нет, приходится лезвием орудовать.

Я невольно бросила взгляд на запястье и вспомнила ровный, словно после скальпеля, порез, который уже зажил, оставив лишь едва заметную белую полоску.

– Значит, вы взрезаете вену, а человек потом истекает кровью? – сдавленно спросила я.

– Жанна, ну ты что! – оскорбленно укорила меня вампирша. – Конечно же, утолив голод, мы останавливаем кровь, дезинфицируем ранку и заклеиваем ее пластырем или заматываем бинтом.

Я недоверчиво посмотрела на Светлану и с удивлением поняла: она не шутит. В самом деле, от ранки, оставленной Жаном, наутро пахло дорогим мужским одеколоном, а бинт… Мне казалось, Жан взял его из моей аптечки, но теперь я поняла, что это невозможно. Аптечка хранилась в шкафу у стенки и была завалена кипами «Космо» и модных журналов – благо здоровьем я обладала хорошим, коленки не разбивала со школьной скамьи и ее содержимое мне пригождалось от силы пару раз в год. Человек, впервые попавший в дом, будь он трижды вампир, ни за что бы ее не нашел. Получается, бинт Жан таскал с собой?!

– Я смотрю, ты не читала правила питания? – пожурила меня Лана.

Конечно же, заметив среди оставленных ею брошюр и книжиц вышеозначенные «Правила», я с негодованием отмела их в сторону. Чтобы я пила кровь у живых людей? Да

никогда!

– А ведь там на первой же странице написано, что, собираясь поохотиться, каждый из нас должен взять с собой спецнабор: снотворное или хлороформ для усыпления жертвы. А также кровоостанавливающее, дезинфицирующее и пластырь или бинт для оказания помощи после кровопотери, – сказала Светлана. – Это только в кино вампиры выпивают из жертвы всю кровь и оставляют человека умирать. Нам, чтобы выжить и сохранить инкогнито, необходимо заботиться о здоровье человека… после забора крови.

– Но как же потом?.. – удивилась я.

– Что думают люди после того, как обнаруживают перевязанную ранку? – договорила за меня она. – Некоторые думают, что их похитили, чтобы вырезать почку, но прежде решили взять кровь и поняли, что орган не подходит. Кто-то «вспоминает», как поранился или сдавал кровь – если над ним поработал опытный вампир с навыками гипноза. Только одному из десяти приходит в голову мысль о вампирах, но и он не осмеливается озвучить ее из боязни насмешек…

Светлана насторожилась, обернувшись к двери. Мгновением позже и до меня донесся стук каблучков. Распахнулась дверь, впуская Инессу.

– Секретничаете, девочки? – улыбнулась Раевская, подходя к зеркалу и вытаскивая из ридикюля золотистый тюбик с помадой.

– Мы уже закончили. – Светлана вышла за дверь, я направилась следом.

– Жанна, подожди! – окликнула меня Раевская.

Я в недоумении остановилась.

– Нравится тебе у нас? – промурлыкала Инесса, подкрашивая губы в ярко-алый цвет.

Я пожала плечами:

– Несколько непривычно.

– Привыкнешь, – убежденно сказала Раевская, оценивающе разглядывая меня. – Поначалу все чувствуют себя как инопланетяне. А потом входят во вкус, – двусмысленно добавила она.

– Остальные знали, на что шли, – возразила я. – А меня никто не спрашивал.

– Ты сама решила свою судьбу, – усмехнулась Инесса. – Не стоит ни о чем жалеть – извлекай пользу из своего нового положения.

– Только этим и остается утешаться, – пробормотала я, отворачиваясь к двери.

– Жа-а-нна-а, – растягивая гласные, позвала Раевская.

– Что?

– Если возникнут проблемы, обращайся.

Убежденность в голосе Раевской заставила меня поежиться: светская львица не сомневалась в том, что проблемы непременно возникнут. И я была склонна ей доверять. Ей виднее, каково оно – становиться вампиром.

Светлана поджидала меня в коридоре.

– Все в порядке? – встревоженно спросила она, глядя на мою кислую физиономию.

– Все тип-топ, – кивнула я.

– Что она сказала?

– Сказала, чтобы я обращалась к ней, если будут какие-то проблемы.

– Так и сказала? – удивилась Лана.

– Слово в слово.

– Кто бы мог подумать! – В голосе вампирши послышались обиженные нотки.

– Вы враждуете? – напрямик спросила я.

– Мы? С чего ты взяла? – неуверенно опровергла мою версию Светлана. Перехватив мой взгляд, она вздохнула и призналась: – Инесса меня недолюбливает. Она была против моего вступления в Клуб.

– Почему?

– Она считает меня недостаточно утонченной, – нехотя поведала Лана. – Но большинство вампиров тогда, в Афинах, проголосовали «за», так что ей пришлось смириться

с моим присутствием. Я думала, она и на тебя взъестся за то, что ты в обход правил и голосования к нам проникла, но, похоже, ты ей понравилась.

– Мне все равно, – покривила душой я, хотя внимание Инессы Раевской мне было очень лестно.

Светлана просияла и утащила меня обратно в зал.

– Наконец-то, Жанна! – прогремел со своего возвышения массовик-затейник. – Мы только вас и ждем! Итак, дамы и господа, – обратился он к блуждающим по залу вампирам, – занимаем свои места согласно купленным билетам, не задерживаем начало представления.

– Что еще за представление? – насторожилась я. Быть главной героиней очередного спектакля в театре абсурда не хотелось.

– Сейчас наши знаменитости будут свои таланты показывать! – оживленно пообещала Света, увлекая меня к нашим местам за столом, и ее глаза восторженно засияли, как у ребенка перед началом циркового представления.

– Какие таланты? – Я с тоской покосилась на раскрасневшуюся оперную диву. Надеюсь, она не вздумает проверять силу своего голоса на стакане?

– Я же тебе говорила, что практически все обращенные после Пражского договора – мастера своего дела? Вот сейчас и увидишь, на что они способны. – В голосе Ланы прозвучала настоящая гордость.

Мы сели за стол, и я отметила, что наши соседи где-то гуляют.

– А что, у Нэнси – тоже талант? – с ехидством осведомилась я.

– И еще какой! – хмыкнула Света. – Нина – наше секретное оружие.

– Бактериологическое? – хихикнула я, вспомнив анекдот про Анку.

– Бери выше! Ручная работа, единичный экземпляр.

– Ну не томи!

– Нэнси может с помощью шпильки вскрыть любой замок.

– Любой?

– Кроме цифрового. Так что против технического прогресса и современных сейфов она бессильна. В остальном же Нина – это ключик к любой двери.

– И на что годен ее талант? – удивилась я. – Вы с ее помощью квартиры обчищаете?

– Не обчищаем, но иногда подчищаем следы пребывания наших неразумных сородичей, – поделилась Лана. – А вообще ситуации разные бывают. Вот забудешь ключ от квартиры, где шмотки лежат, дома и захлопнешь дверь, не спеши вызывать спасателей с ломом, лучше звони Нине.

– Лучше как-нибудь обойдусь, – фыркнула я. – И что, Ниночка сегодня тоже выступает?

– Нет, сегодня только артисты, – успокоила меня Лана.

– А где можно на программку взглянуть? – не отставала я.

– Любопытная какая! – хихикнула она. – Ладно, скажу. Сегодня у нас по плану выступления мировых звезд культуры, спорта и шоу-бизнеса. В программе – акробатка из Китая, иллюзионист из Англии, скрипачка из Японии и наша знаменитая оперная примадонна Виолетта.

– Ох, – закручинилась я. – А без нее никак?

– Без нее – никак, – скорбно вздохнула Светлана. – Она у нас выступает при любом удобном случае. И на днях рождения, и на юбилеях…

Я хмыкнула, представив себе празднование двухсотлетнего юбилея с обязательной стенгазетой о самых важных событиях из жизни юбиляра, в данном случае – длиной в несколько метров.

– …и на свадьбах, – закончила Светлана.

– На свадьбах? – потрясенно переспросила я. – И такое бывает?

– Почему нет? – улыбнулась Лана. – Что ж мы, не люди, что ли?

– А здесь, – я обернулась, – присутствуют женатые пары?

– Есть несколько. – Вампирша прищурилась, скользнув взглядом по гостям.

– Кто, например? – Я сгорала от любопытства.

– Да вон – Нелли и Оскар. – Лана указала на знакомую мне парочку – рыжую девушку и ее спутника, которые шутливо переругивались во время подбора эпитетов. Сейчас голубки мило беседовали, не сводя друг с друга влюбленных глаз.

– Наверное, молодожены? – убежденно предположила я.

– Кто, эти? – Вампирша развеселилась. – Да мы недавно их бриллиантовую свадьбу отмечали.

– Бриллиантовую? – Я округлила глаза. – Шутишь?

– Нисколько. Виолетта чуть голос не сорвала на праздничном концерте в их честь. «У любви, как у пташки крылья» три раза на бис исполняла.

– Неужели кто-то просил? – ухмыльнулась я.

– А она нашему горячему Абдуле перед торжеством авансов надавала, вот он ее трижды и вызывал, – зашептала вампирша, кося глазами в сторону турка. – В гордом одиночестве, не найдя поддержки у зала. А Виолетта такого шанса не упустила.

– Бедные гости, – хихикнула я.

– Не то слово! – Лана шутливо закатила глаза. – Я же говорю, чуть голос тогда не сорвала. Была надежда, что сегодня она выступать не будет, но оклемалась, зараза.

– Бриллиантовая свадьба! – Я ошеломленно покачала головой. – Это ж сколько лет? Шестьдесят, что ли?

– Семьдесят пять, – сообщила Светлана. – Самая последняя в традиционной классификации годовщин свадеб, дальше уже нет. Ясное дело, люди столько не живут. Тем более – вместе! Так мы на вечеринке придумали названия для годовщин еще на сто лет вперед. Радужная, звездная, лунная…

– Красиво, – оценила я.

– А я тогда предложил в столетний юбилей списать все супружеские годы за сроком давности и начать отмечать все годовщины заново, – вклинился в наш разговор Аристарх, усаживая свою блондинку на стул и приземляясь напротив меня. – Но мое предложение, увы, не оценили.

– Вот проживешь в браке сто лет, тогда и устанавливай свои правила празднования, – поддела его Света.

– Я столько не проживу, – хмыкнул Аристарх, заставив меня взглянуть на него совсем по-другому.

Неужели ему уже под двести лет, если он не рассчитывает прожить еще сто? Кто бы мог подумать! А ведет себя как тридцатилетний плейбой. Хотя откуда мне знать, как ведут себя двухсотлетние вампиры? Я же пока не имела возможности за ними понаблюдать.

– Наконец-то все в сборе! Тогда мы начинаем, – прозвучал голос Глеба из динамиков. – Встречаем несравненную, уникальную, фантастическую Мэй с ее танцующими тарелочками!

– Это китайская циркачка, – шепотом пояснила Лана.

Зазвучала динамичная мелодия, и все присутствующие обернулись в сторону входа, где показалась артистка. Девушка была невысокой и очень тоненькой. Красный костюм с блестками облегал ее, как вторая кожа. В каждой руке она вертикально держала по четыре тонких палочки, и на их кончиках в быстром темпе вращались блюдца размером с чайные.

– Они что, на чем-то крепятся? – вполголоса спросила я у Светы.

– Ты что! – Она с возмущением опровергла мою версию. – В том-то и суть номера – тарелочки удерживаются за счет вращения.

Продолжая вращать тарелочки, Мэй вышла в центр зала. Она была некрасивой, но сейчас ее лицо сияло каким-то особенным светом. Китаянка наслаждалась каждым мгновением своего номера, и радость от любимого дела красила ее куда больше, чем броский цирковой грим.

Мэй опустилась на колени лицом к зрителям и подняла руки. Танцующие тарелочки взлетели над ее головой, потом плавно ушли вправо, влево, подчиняясь ее ловким,

отточенным движениям. Ритм музыки нарастал, казалось, тарелочки тоже убыстряют темп. Мэй поднялась с колен и, меняя положение рук, то опуская, то поднимая их, стала поворачиваться вокруг своей оси. Тарелочки, как большие белокрылые бабочки, парили вокруг нее. Когда она повернулась спиной, я не смогла сдержать восхищенного вздоха и подалась вперед. В убранных наверх иссиня-черных волосах сверкала красивая заколка. Та самая, из китайской коллекции Картье, которой я с полчаса любовалась на страницах журнала «Elle». С гранатами и бриллиантами. Не заколка, настоящее сокровище!

– Впечатляет, правда? – с восторгом зашептала Светлана.

– Это просто чудо, – в восхищении выдохнула я, подумав о том, что на часть из положенных мне откупных обязательно куплю себе такую же. Раз уж платье «Эскада» помахало мне ручкой. О том, хватит ли этой части на драгоценную заколку, я решила подумать позже.

– Мало удержать тарелочки на весу, не двигаясь с места, она еще умудряется это делать, меняя положение, – продолжила вампирша, и я с досадой поняла, что мы говорим о разных вещах. – Я пробовала, у меня, даже стоя на одном месте, ничего не получается. Тарелочки падают постоянно.

– Если бы у тебя было сто лет практики, в твоих руках они бы тоже затанцевали, – утешила ее я.

– Мэй не такая древняя, – со смешком сообщила Лана, не отрывая глаз от китаянки. – Ей всего двадцать два.

– В смысле, с тех пор как она стала вампиром? – уточнила я.

– Вообще. Она с нами всего два года, но цирковому искусству училась с детства, – охотно пояснила Светлана и ткнула меня в бок. – Смотри, самое интересное!

Я и не заметила, как рядом с циркачкой возник Глеб. Развернувшись лицом к зрителям, он встал в позе «ноги на ширине плеч, руки в боки» и слегка наклонился. Хрупкая китаяночка птичкой взлетела ему на плечи и выпрямилась, продолжая удерживать крутящиеся диски. Обхватив ее за ступни, выпрямился и Глеб. Теперь Мэй одновременно балансировала на плечах Глеба и крутила тарелочки. Зрители зааплодировали, хлопнула в ладоши и я. Зрелище действительно впечатляло.

Не уронив ни одной тарелочки, Мэй спустилась на пол и, продолжая крутить-вертеть, под аплодисменты исчезла в незаметной двери за подиумом.

– И как тебе? – обернулась ко мне раскрасневшаяся от удовольствия Света.

– Потрясающе! Век бы смотрела, – честно призналась я, проводив взглядом заколку в волосах циркачки.

– У Мэй будет еще одно выступление, – обнадежила меня вампирша. – Это так, для разогрева, стандартный номер в китайском цирке. У Мэй еще есть ее особенный номер со свечами, который сделал ее знаменитой на весь Китай. Позже увидишь, вот это просто чудо!

Я изобразила восторг и принялась разглядывать вышедшего в центр зала брюнета в скучном черном смокинге, не поддающемся модной идентификации, и в шляпе-цилиндре.

– А сейчас фокусы будут. – Света радовалась как ребенок. Кто бы мог подумать, что ей пятьдесят три!

Хотя не она одна так ликует – вон не постаревшая ни на день актриса пятидесятых годов, ровесница и любимица бабушки Лизы. На прошлый Новый год я подарила бабушке коллекцию фильмов с любимой актрисой на дивиди, поэтому сейчас я сразу узнала «трагически погибшую в расцвете лет и таланта» в автокатастрофе ретрозвезду. Актрисе сейчас уже хорошо под восемьдесят, а она чуть на стуле от восторга не прыгает. Ну где это видано, чтобы бабушки, приведшие внуков в цирк, вели себя так же, как и малыши? Старушки в этом возрасте уже впадают в маразм, с негодованием покрикивают на сорванцов, обвиняют молодежь в безнравственности, забывая о собственной разгульной юности, и шьют погребальное платье. Неужели все дело в том, что болезни, дряхлость и неумолимо приближающаяся развязка меняют взгляд на мир? В том, что вместо свадеб приходится гулять на похоронах, вместо билетов в цирк с боем добывать талончики к врачам, а вместо

шумных развлечений замаливать в церкви грехи молодости? А сохрани пенсионерки здоровье и молодость, радовались бы, как эта актриса? Или дело в состоянии души? Я вспомнила свою бабушку Лизу, ощущающую себя на семнадцать лет и никогда не обмолвившуюся о своих недугах. Ведь можно быть старой ворчливой кошелкой в двадцать лет, а можно оставаться очаровательной леди и в восемьдесят. Что ж, в ближайшие двести пятьдесят лет у меня будет масса времени, чтобы изучить этот феномен.

Иллюзионист со сценическим именем Бальтазар оказался настоящим магом и чародеем. В начале номера он поприветствовал весь зал и меня особенно и пообещал сделать мне приятный подарок в честь дебюта. В качестве подарка была продемонстрирована пустая цветочная корзина. Мой разочарованный взгляд был ответом.

– Жанна, это только емкость, – со смешком успокоил меня англичанин. – Чем бы вы желали ее заполнить?

Я бы не отказалась забить ее под завязку помадами, тушью, кремами и тониками элитных марок, но постеснялась сказать об этом вслух.

/– Я думаю, что живые цветы в осенний вечер будут кстати? – подсказал иллюзионист.

Ну и зачем тогда было спрашивать мое мнение, если у него уже все спланировано? Я молча кивнула.

– Но сперва убедитесь, что это самая обыкновенная корзина. Без двойного дна и прочих подвохов. – Фокусник с улыбкой протянул мне реквизит.

Я не упустила возможности и оглядела корзину со всех сторон, прощупала дно, потянула за ручку. Обычная корзина! Если в ней появится букет алых роз, я буду очень удивлена. Но Бальтазар удивил меня еще больше. Когда я по его просьбе поставила корзину на низкий столик, фокусник театрально поводил над ней руками – и она стала наполняться живыми цветами. Да какими!

– Неужели, это подснежники?! – ахнула я. – В конце октября?!

Бальтазар с довольной улыбкой протянул мне корзину. Я коснулась пальцами нежных лепестков, вдохнула свежий аромат… Цветы были настоящими. Невероятно!

Публика зааплодировала, я в восхищении поблагодарила иллюзиониста и, держа корзину в руках, вернулась на свое место. Светлана и Нэнси тут же набросились на чудо-букет. Лана, наклонившись, вдохнула цветочный аромат. Несносная блондинка бесцеремонно выдрала пару цветков и закрепила невидимкой на вытравленных платиновых локонах.

Бальтазар продолжал удивлять публику. Из его пустых ладоней, сжатых в кулаки, вылетали яркие тропические бабочки. Рассыпанный в беспорядке по полу черно-белый бисер за несколько мгновений сложился в четкий рисунок шахматной доски. Глядя на подобные чудеса, я засомневалась в том, что волшебников не существует. Потому что один из них как раз и демонстрировал сейчас свое мастерство.

– А на бриллиантовой свадьбе Нелли и Оскара он попросил их снять кольца и положить себе на ладони. Потом поводил руками, и кольца приняли форму сердца, – зачарованно шепнула мне Светлана. – Никто так и не понял, как это ему удалось.

– Что же, они потом новые кольца покупали? – спросила я.

– Зачем? Все подивились на золотые ободки в виде сердца, Нелли подтвердила, что подмены нет и на внутренней поверхности сердца гравировка с датой их свадьбы и с надписью, о которой никто и не знал. А потом Бальтазар сердца обратно в кольца переделал.

В завершение номера иллюзионист объявил, что продемонстрирует трюк, подготовленный специально в честь меня, и пообещал, что он меня удивит. Глеб, прислуживающий в качестве ассистента, вынес на вытянутой руке крупного белого попугая. Бальтазар посадил птицу на спинку стула, медленно провел по ней руками, и оперенье поменяло цвет… на шоколадную расцветку сумочек «Луи Виттон» с фирменными разноцветными логотипами. Я так и ахнула!

– Вижу, сюрприз удался, – победно улыбнулся фокусник.

– Потрясающе! – только и смогла выдохнуть я.

Под гром аплодисментов Бальтазар удалился, в зале приглушили свет, и появилась китаянка, вновь ослепив меня своей роскошной заколкой. В руках девушка несла подсвечник с шестью зажженными свечами. За ней шли четыре вампирши из публики, тоже с подсвечниками. Глеб и Бальтазар вынесли мат и расстелили его на полу в центре зала. В воздухе разлилась нежная мелодия – с перезвонами колокольчиков на ветру, с шепотом весенних цветов, с веселой песней капели. Передав свой подсвечник фокуснику, китаянка сделала стойку на руках и приняла подсвечник… ступней левой ноги. Она прошлась на руках по мату, выгибаясь всем телом и демонстрируя поразительную гибкость. Огоньки свечей оранжевыми светлячками кружили над ней, и ни один из них не погас. Затем циркачка опустилась на спину, и вампирши по очереди установили подсвечники – в обе ее ладони, на правую ступню и даже на лоб, закрепив его с помощью особой конструкции.

– Впечатляет, – шепнула я Свете.

Попробуй удержи все канделябры, не урони и не загаси ни одной свечи. Я бы мигом все пороняла и пожар устроила.

– Ты еще ничего не видела, – довольно хихикнула соседка.

И тут случилось чудо: Мэй начала двигаться. С завораживающей грацией она переворачивалась, выгибалась, вытягивала руки, скрещивала ноги. Казалось, подсвечники вросли в нее, стали продолжением ее рук, ног, головы, распустились фантастическими огненными цветами. Мэй любовалась ими, Мэй играла ими, Мэй наслаждалась этой игрой. Язычки пламени трепетали, пускаясь в пляс, и продолжали цвести оранжевыми цветами, не уронив ни одного сияющего лепестка. Сама Мэй казалась сказочным цветком, прекрасным розовым кустом с ослепительными бутонами, который танцевал под порывами ветра, то вытягивая руки-ветви к небу, то стелясь ими по земле. Нежная мелодия подчеркивала сказочность происходящего, а Мэй с наслаждением купалась в ней, движениями тела повторяя ее ритм, откликаясь на каждый звук. В какой-то момент светлячки, стайками парящие в воздухе, собрались воедино, сложились в ослепительное оранжевое созвездие, а потом разлетелись в стороны – все дальше и дальше.

Я смахнула с себя наваждение и поняла, что номер заканчивается. Девушки забирали у удивительной циркачки подсвечники, отнимая у нее волшебство, и Мэй, на время выступления превратившаяся в фантастическое создание, вновь становилась земной девушкой – с невзрачным лицом и с прекрасной заколкой в волосах, о которой я совершенно забыла, глядя на танец свечей-мотыльков.

Мелодия стихла, зал взорвался аплодисментами. Раскрасневшаяся от похвалы и от выступления Мэй изящно откланялась и скрылась за подиумом.

Вспыхнул свет, Глеб объявил о гастрономическом перерыве, и гости оживились. Кто-то встал со своих мест и покинул зал, кто-то набросился на еду. Зазвенели бокалы, взметнулись вилки, зазвучали голоса. Почти все мои соседи разбежались: Нэнси ускакала припудрить носик, Лана отлучилась поздороваться с кем-то из гостей. Без объяснения причин удалились из-за стола Аристарх и Владислав. Я в гордом одиночестве закусила тарталеткой с красной икрой и принялась украдкой разглядывать разношерстную публику.

Скучала я недолго – деликатно дав мне заморить червячка, ко мне начали подходить те, кого я исподтишка разглядывала. Называли имена, профессии, вампирский стаж, дарили визитки и улыбки… Через несколько минут у меня уже кружилась голова от новых лиц, память уже не фиксировала имена, а рука автоматически сгребала визитки в сумочку. А они милые люди, эти вампиры! Кажется, мы с ними подружимся. Да почему кажется? Обязательно подружимся! Нам же еще общаться ближайшую пару веков.

Я рассеянно улыбнулась смешному худенькому парнишке, вручившему мне очередную визитку, обменялась с ним парой ничего не значащих фраз и чуть не расцеловала Светлану, которая отогнала от меня новых знакомых и заняла свое законное место по правую руку.

– Замучили тебя? – понимающе улыбнулась она.

– Есть немножко. А этот мальчик, – я кивнула на спину удалявшегося парнишки, – он правда мальчик?

Кажется, он так и не назвал своего возраста. Вот я сейчас удивлюсь, когда Светлана скажет, что ему триста лет и он помнит наполеоновские войны!

– Да уж не девочка, – прыснула она.

– Ну, Лан! – сгорая от любопытства, проскулила я. – Лет-то ему сколько?

– Молодая поросль, – улыбнулась вампирша. – Карасик только год с нами, так что считай сама.

– А почему карасик? – удивилась я.

– Фамилия у него такая, а звать Вовчик.

– А чем он талантлив? – заинтересовалась я.

– Как, он разве не сказал? Трепещи, Жанна! Карасик – гроза всего ФБР, ФСБ и всех подобных служб, вместе взятых, – отрекомендовала Светлана.

– Он что, маньяк? – У меня даже лицо вытянулось.

– Как точно ты его охарактеризовала! – ахнула вампирша. – Маньяк он и есть! Целыми ночами напролет маньячит и маньячит.

– Ну, Ланочка! – взмолилась я.

– Да успокойся ты, – хихикнула вампирша. – Он безобидный маньяк. Маньяк компьютерных сетей, повелитель вирусов и властелин спама. Хакер он.

– А наплела-то про ФБР, про ФСБ! – фыркнула я.

– Да я чистую правду тебе выложила, можно сказать, государственную тайну сдала, – укорила меня Светлана. – Карасик в прошлом году на день заморозил работу этих подразделений. Тогда-то на него наши внимание и обратили.

– А зачем вампирам хакер? – удивилась я.

– В хозяйстве пригодится, – туманно ответила Лана, и тут я поняла, что так и не спросила, каким же таким талантом, за который ее решили произвести в вампиры, обладает она сама.

Однако подробностей я выспросить не успела: из динамиков раздался голос Глеба. Ведущий объявил о выступлении скрипачки Мидори и призвал всех занять свои места.

Когда девушка поднялась на подиум, никто не повернул в ее сторону головы. Однако первые аккорды мелодии заворожили зал: все забыли о закусках и выпивке и замерли, наслаждаясь дивной музыкой. Смычок порхал в пальцах Мидори, извлекая из скрипки изумительно нежную песню, ласкавшую слух, и среди публики не осталось ни одного человека, который бы в тот момент не был влюблен в маленькую скрипачку.

Тем резче был контраст со сменившей японку дородной примой, сверкающей бриллиантами, как кремлевская елка мишурой, которая обрушила на публику все три октавы своего звучного голоса. То ли певунья еще не оправилась после выступления на свадьбе Нелли и Оскара, то ли я ничего не смыслю в опере, но ее выступление мне не понравилось совершенно. Несмотря на то что в начале номера Виолетта торжественно объявила, что от всей души посвящает этот номер мне. Впрочем, быть может, именно поэтому она так отчаянно фальшивила? Для меня не была секретом ее откровенная зависть к более молодым вампиршам. Возраст Виолетты застыл в районе сорока лет, и она была одним из самых взрослых на вид вампиров в зале. Так что и мое появление ее отнюдь не порадовало. Шанс понравиться приме у меня был бы только в том случае, если бы мне перевалило хорошо за полтинник. Сейчас же я автоматически попадала в категорию молоденьких выскочек.

После демонстрации талантов Глеб дал отмашку о начале танцев, и вампиры, сорвавшись с мест, ринулись соревноваться в грации и пластике. Девушки самозабвенно крутили бедрами и трясли грудью под восточные танцы, подражая Шакире; мужчины затмили бы самого Рики Мартина, когда звучала латина. Нашлись и поклонники ретро. Нелли с Оскаром и несколько других пар, тоже, похоже, состоявших из самых старших вампиров, красиво станцевали вальс и танго. Потом неугомонный Глеб вытащил меня на рок-н-ролл, и, к моему удивлению, мы изобразили нечто зажигательное, заработав аплодисменты зала.

После танца Глеб настойчиво поволок меня на сцену для следующей экзекуции. Я нехотя покорилась.

– А сейчас – самое главное! – Глеб выдержал эффектную паузу. – Мы узнаем, какое будущее ждет нашу прекрасную Жанну.

Я запустила руку в шляпу, снятую с фокусника, и вытащила сложенный листок.

– Открывай скорее! – запрыгал от нетерпения Глеб, с которым мы после танцев перешли на ты. – Что же там?

Я развернула листок, ожидая прочитать там какую-нибудь приятную чепуху, и побледнела. Листок выскользнул из рук и упал на пол.

– Не томи же, Жанна! Что у тебя там? «Любовь до гроба?» или «Сто лет веселья»? – Глеб наклонился за запиской и изменился в лице. – Какого черта? Этого здесь не было.

– Что там? – проявила нетерпение публика.

Глеб вытащил из шляпы следующую бумажку, развернул и со стоном скомкал.

– Жанна, извини. Произошла ошибка. Мы обязательно во всем разберемся и накажем этих шутников.

Ведущий развернулся и скрылся со шляпой за дверью у сцены. Мог бы ничего и не говорить. И так было понятно: все забавные предсказания кто-то подменил на записку с одним содержанием.

«Ты сдохнешь, тварь».

Именно эти строки я должна была прочесть публично… Едва скрывая дрожь и не слыша окриков из зала, я выбежала в коридор. Ноги сами несли меня к туалету – хотелось плеснуть в лицо воды, побыть в тишине, унять дрожь и попытаться разобраться, кто уже успел меня так возненавидеть. До меня донесся взволнованный голос Светланы, но я никого не хотела видеть. Не оборачиваясь, я прибавила шагу и ввалилась в туалет, словно он был убежищем от того кошмара, в который я попала. Оказалось наоборот. Сначала я наступила на что-то хрупкое и чертыхнулась, убрав ногу. На полу осталась лежать горстка сверкающих осколков. Я наклонилась и ахнула. Не может быть! Я только что раздавила сокровище от Картье – ту самую заколку, так поразившую меня на китаянке. Одним движением туфельки растоптала драгоценные бриллианты и гранаты. Что я наделала! Да я ничуть не лучше Жана, сгубившего мое дизайнерское пальто! Но как же эта разиня Мэй могла потерять свою чудесную заколку? Тут-то я и заметила ноги в мягких балетках, выглядывавшие из-под двери крайней кабинки.

– Эй, тебе плохо?

Дверь была чуть приоткрыта. Обеспокоенная молчанием, я заглянула внутрь и с визгом отпрыгнула назад, чуть не сбив с ног догнавшую меня Светлану. Мгновение мы стояли молча, глядя в застывшие узкие глаза удивительной циркачки Мэй, распростертой на полу туалета, потом хором завопили.

Мэй

Часом ранее

Некрасивая… Мэй бросила короткий взгляд на ненавистное зеркало и повернулась к нему спиной. Ее любимым зеркалом давно стали глаза зрителей. В них она была мечтой, феей, богиней. Только это имело значение. Только это, а не безжалостное отражение в холодном стекле, которому нет дела до ее души и ее таланта.

Пальцы нетерпеливо дернули застежку спортивной сумки. Семь минут до выхода. Даже передохнуть между двумя выступлениями нет времени, даже за столом посидеть не успела. А все московские пробки, будь они неладны. Едва успела добраться до «Аперитива» после выступления на юбилее очередной фирмы, название которой она и не старалась запомнить. Главное – заплатили щедро. Русские не скупятся, когда речь заходит о развлечениях. А уж после ее незабываемого выступления гонорар нередко повышают вдвое, а то и втрое. И не зря: того, что может показать она, даже искушенная московская публика не видела.

Гладкая ткань костюма приятно холодила пальцы. Мэй осторожно разгладила блестки и нырнула в упругий кокон обтягивающего комбинезона, который превратит ее в прелестную бабочку. Ткань соблазнительно обтекла изгибы ее гибкого, натренированного тела. Девушка расправила костюм, освободила волосы из плена бархатной резинки. Обернулась. Ненавистное стекло отразило короткие ноги, тяжеловатые бедра, жидкие черные волосы. Вспомнилась оскорбительная шутка ослепительной блондинки. «Опять по зеркалу фильм ужасов показывают», – хохотнула та, когда Мэй, прибыв на юбилей фирмы, наскоро подкрашивала губы в фойе. Скудных знаний русского было достаточно, чтобы расслышать оскорбление этой клонированной Барби, но Мэй не подала и виду. «Привет», – с намеренным чудовищным акцентом сказала она в ответ. «Здравствуй, чувырла», – с милой улыбкой проворковала блондинка, взбивая перед зеркалом свои выбеленные кудри. Надо будет спросить потом у Мидори, что это значит – чувырла. Но ничего приятного – это точно. Тем слаще будет ее триумф, когда бойфренд блондинки, забыв обо всем на свете, станет неотрывно следить за завораживающей пластикой ее, Мэй, тела. Тут она даст фору целой толпе блондинок…

«Некрасивая», – бесстрастно констатировало зеркало. Мэй закусила губу и собрала волосы в тугой пучок. А она и не модель вовсе, ей с календарей и рекламных баннеров не блистать. Хотя, что скрывать, так хочется… В цирке за ней закрепилась кличка Обезьяна. Мэй успокаивала себя, что так ее прозвали за необычайную гибкость, и отчаянно завидовала самой бездарной гимнастке в труппе по прозвищу Утренняя Роса. Утренняя Роса была так хороша собой, что ее место было в музее, в храме искусств, в художественном альбоме… Но ей вполне хватало сердца Кима. Кима, который искренне восхищался талантом Мэй, но стоило ей закончить свой номер, как его вниманием тут же завладевали бархатные очи Утренней Росы.

Глаза Мэй увлажнились, и она неровно закрепила в волосах красивую заколку, купленную вчера в переходе метро. Попыталась снять – разворошила всю прическу. Пришлось заново распускать волосы и собирать в тугой пучок. Уже два года прошло с тех пор, как она покинула Китай, распрощалась с Кимом и Утренней Росой, а вот опять – вспомнила. Ах, Ким, Ким. Кажется, он так и не понял, какое место занимал в ее сердце. Иначе не присылал бы с таким постоянством фотографические свидетельства своего семейного счастья. Сначала свадебные – с Утренней Росой в красивом красном платье, потом детские – с малышкой Чжан… После каждой порции фотографий Мэй давала себе клятву больше не проверять электронный ящик. Но проходил месяц, два, три, и она в приступе мазохизма вновь вводила пароль – ласковое прозвище, данное ей Кимом. Панда. Однажды после неудачного выступления она рыдала, размазывая черную тушь вокруг глаз, и круги получились точь-в-точь как у забавного зверька. Ким тогда дал ей свой платок и рассмешил. А потом, убедившись, что слезы высохли, увел на свидание Утреннюю Росу. И вот теперь пять букв становились пропуском в счастливый мир Кима и Утренней Росы, в ее персональный кошмар…

– Ты чего копаешься? Публика уже ждет! Эй, ты еще без грима?

Никогда не унывающий Глеб заглянул в комнатку, помог закрепить непослушную заколку, ободряюще приобнял, чувствуя ее грусть.

– Все о'кей, сейчас буду, – вымученно улыбнулась Мэй.

– Десяти минут хватит?

– Спасибо. – Мэй с благодарностью улыбнулась. – Хватит пяти.

Арена – лучшее спасение от хандры. Ее талант – лучшая косметика и приворотное зелье. Разве десятки мужчин не смотрят на нее с восхищением каждый вечер? Разве мало ей поклонников? Разве она одинока? Ну и пусть Ким принадлежит Утренней Росе. У нее есть цирк.

Мэй достала косметичку и стала рисовать свое сценическое лицо – голубые тени, черная подводка, розовые губы. Процесс, доведенный до автоматизма. В голове тем временем мелькали воспоминания прошлых лет…

Из двадцати двух лет Мэй отдала цирку семнадцать. Цирк стал ее жизнью, ее любовью, ее манией, ее счастьем, ее праздником, ее каторгой, ее судьбой. Их знакомство состоялось, когда Мэй только исполнилось пять лет. Мэй, поспорив с друзьями, изобразила мостик прямо на пыльной улице и смущенно вспыхнула, когда увидела, как пристально наблюдает за ней незнакомка, замершая у стены соседнего дома.

Вечером незнакомка в сопровождении двух худых и вертлявых мужчин пришла в дом Мэй, и девочка и ее родители с удивлением узнали, что гостья – известная циркачка Лина. Из-за солидного для цирка возраста (двадцать четыре года!) ей пришлось уйти с арены. В их маленький городок Янсо она и ее коллеги приехали в качестве тренеров, искать талантливых детей, которым они смогут передать свое мастерство. Выбор Лины пал на гибкую и задорную Мэй.

– Конечно, на пару лет я опоздала, – пробормотала тогда циркачка, узнав о возрасте Мэй, и пояснила: – Меня отдали в цирковую школу, когда мне было три. Но еще не все потеряно! Надо попробовать.

Родители, не медля ни мгновения, вручили упирающуюся и плачущую дочь в руки гимнастам, наказав быть послушной и трудолюбивой девочкой. Семья была бедной, у Мэй было пятеро старших братьев и сестер, родившихся еще до введения политики «однодетной семьи», так что родители были рады избавиться от лишнего рта. К тому же цирковая профессия считалась очень престижной и была высокооплачиваемой. Только лучшие и сильнейшие выступали на цирковой арене, а их семьи гордились своими детьми. Невзирая на то что не принимали участия в их воспитании с пяти-, а то и с трехлетнего возраста. Так Мэй попала в цирковой интернат.

Следующие шесть лет остались в памяти нескончаемой чередой уроков – акробатика, ушу, кун-фу. Их учили самым азам и владению телом. Сбитые в кровь колени и локти, ставшая привычной боль в суставах, растяжения, вывихи, тренировки до головокружения, измученное тело, стонущие от напряжения мышцы и первые волнующие выступления в массовке… Чтобы блистать на арене пять минут, нужно пять лет изнурительных тренировок. Мэй не боялась нагрузок, она стремилась быть лучшей и, когда уже все расходились, задерживалась в зале, чтобы в совершенстве отработать сложный прием. Как гласит народная мудрость: учителя открывают дверь, входишь ты сам. И девочка ей во всем следовала.

Как ни была обижена маленькая Мэй на родителей, со временем она полюбила цирк всей душой и не могла представить свою жизнь иной. Дома ее ждала рутинная работа сборщицы риса или фруктов и коровьи лепешки под ногами, в цирке же она купалась в аплодисментах, восхищении публики и блеске софитов.

Знаменитую Лину в это время Мэй почти не видела. Изредка гимнастка приходила в зал, издалека смотрела за упражнениями детей, за все эти годы Мэй не перемолвилась с ней и словом. Ее подружки благоговели перед Линой и мечтали стать ее ученицами, а Мэй уже не знала, помнит ли гимнастка про обещание ее родителям – сделать из нее вторую Лину. В одиннадцать лет, когда настал момент выбрать специализацию на арене, Лина впервые со дня их знакомства окликнула ее. «Ты добилась больших успехов, маленькая Мэй, – улыбнулась она. – Я не ошиблась в тебе». «Вы возьмете меня в ученицы?» – с надеждой прошептала Мэй. «Сочту за честь», – серьезно ответила знаменитая на всю страну гимнастка.

Весь следующий год Лина лепила из нее свою копию – юную, гибкую, талантливую. Другим ученикам оставались лишь крохи ее внимания, Лина была целиком увлечена Мэй. Это стоило девочке двух подруг. Но она об этом не жалела!

В свои двенадцать Мэй уже была зрелой артисткой. Она не только дотянулась до уровня своей знаменитой учительницы, но и вскоре превзошла ее. Начав с участия в групповых акробатических номерах, Мэй довольно быстро перешла к сольным выступлениям. Ее знаменитая балансировка с подсвечниками считалась, лучшим номером программы. Она добилась того, к чему шла все эти годы.

Родители гордились ею, зрители боготворили ее, годы шли, неумолимо приближая к

печальной развязке. Век китайских гимнастов до обидного короток, двадцать лет – уже старость. А как жить без любви публики, Мэй не представляла.

Вирус, остановивший старение, стал для нее подарком судьбы. Получив фантастическое предложение от странного русского, видевшего ее на арене, двадцатилетняя Мэй не стала долго раздумывать. Двенадцатилетние девчонки наступали ей на пятки, да и руководство намекало, что время гимнастки неумолимо истекает. Еще немного, и ее имя исчезнет с цирковых афиш. Зрители о ней забудут, и все, что ей останется, – это стереть яркий грим, сдать костюмерам блестящие сценические наряды, влезть в неброский спортивный костюм и учить новое поколение гимнастов. Мысли о таком будущем Мэй страшили и заставляли ныть сердце. Только она овладела мастерством в совершенстве, только довела до идеала самые сложные детали – и уже пора уходить за кулисы. Мэй в шутку подумывала о том, чтобы поискать применение своим талантам в Голливуде и потеснить Люси Лиу, которая тоже совсем не красавица, как вдруг появился этот русский, Глеб.

Получив ее согласие, чужестранец уехал, чтобы испросить разрешения старейшин. Через месяц состоялся неизбежный разговор с директором цирка, предложившим Мэй устроить прощальную гастроль по всем провинциям Китая и официально перейти в тренеры. На тур Мэй согласилась с воодушевлением, о тренерстве обещала подумать. В тот же вечер позвонил Глеб, сообщив о благополучном решении вопроса. Мэй предупредила о гастролях и пообещала по окончании их приехать в Москву для инициации. Гастроли прошли с успехом и собрали полные залы. Вечерами Мэй блистала на арене, днем учила неимоверно трудный русский с репетитором. Это отвлекало от мыслей о стремительно приближающейся свадьбе Кима…

В Китай на разрешенные десять лет она решила не возвращаться, а сразу остаться в Москве. На родине ее карьера гимнастки завершилась, в Москве она сможет выступать. Пусть не в цирке, пусть на корпоративных вечеринках, которые Глеб и его начальник Филипп организуют для богачей и организаций, но она будет выступать! Танец подсвечников в ее руках будет по-прежнему завораживать публику, а совершенная пластика ее тела – срывать аплодисменты… Мэй несколько страшила плата за цирковое долголетие, но слова Глеба о банке донорской крови успокоили ее.

Московская тусовка встретила ее тепло и с интересом. К удивлению Мэй, она была многонациональной. Соотечественников китаянка здесь не нашла, зато встретила вьетнамца, кореянку и японку. Мэй не стала экзотической пташкой, но быстро сделалась своей. Номер, который она показала на вечеринке в честь своего посвящения, вызвал фурор. Глеб обещал, что отбоя от приглашений на праздники не будет. Мэй сияла от счастья.

Первая жажда настигла ее на третьи сутки. Она была мучительной и неутолимой. Мэй хлестала кровь из пробирок, как воду, но жажда не отступала. Глеб, чья кровь стала для нее пропуском в мир братства, откликнулся на ее поздний звонок и очаровал для нее симпатичного студента, возвращавшегося из ночного клуба… Мэй навсегда запомнила его глаза – большие, голубые, остекленевшие. И вкус крови – хмельной, обжигающий, пряный. И ту бессмысленную улыбку на его устах, когда она, насытившись, оставила его. С той ночи талончики на донорскую кровь стали копиться неиспользованными в ящике стола – ничто не могло сравниться с живой кровью.

Глеб не обманул: номера Мэй пользовались успехом, иногда за одну ночь она выступала на трех площадках. Ее звали на свадьбы и детские праздники, на юбилеи и корпоративные вечеринки. Она демонстрировала свое мастерство искушенным олигархам и непроницаемым бандитам, пьяненьким менеджерам и восторженным детям. И везде срывала аплодисменты. Благодарные заказчики часто платили ей двойные гонорары. Мэй зарабатывала достаточно, чтобы выступать всего раз в неделю, но она с радостью хваталась за все приглашения – она жила своим искусством.

После каждого выступления Мэй чувствовала сильнейшую жажду, но терзаться долго не приходилось. Мужчины, разгоряченные алкоголем и необыкновенным зрелищем, валом

валили по пятам. Мэй не была красавицей даже у себя на родине и не могла составить конкуренцию холеным и белокурым как одна русским девушкам, которые для нее все были на одно лицо. Лицо куклы Барби. Но ее фантастическое владение собственным телом и невероятная пластика делали ее желанной добычей для искушенных сластолюбцев. Кто-то с ходу предлагал провести с ним ночь, кто-то галантно приглашал на ужин. Попадались и такие, кто неуклюже цитировал японские хокку, путая их с китайской поэзией, или вспоминал учение Конфуция, чтобы произвести впечатление на уникальную циркачку. Мэй не пренебрегала ни одним. Бывало, что за одну ночь в ее желудке перемешивался целый коктейль из трех – пяти ингредиентов, и тогда Мэй чувствовала себя опьяневшей от восторга и желания. Эти чувства, вызванные ее талантом, придавали крови зрителей особый вкус и богатство оттенков. Каждый раз, погружая зубы в чужую плоть с ароматом дорогого одеколона и табака, Мэй переживала те же азарт и эйфорию, какие переживала на арене, исполняя особенно сложный трюк под барабанную дробь. Утоление жажды было захватывающим приключением, как и вся ее жизнь в цирке. Опасность была ей по вкусу, и она жадно отпивала ее у красивых, богатых, знаменитых европейских мужчин, которые никогда не взглянули бы в ее сторону, не будь она искусной гимнасткой.

На сегодняшней первой вечеринке она уже успела полакомиться кровью веселого светловолосого исполина по имени Егор. Из-за этого и припозднилась с выездом, а пробки еще больше задержали в дороге. Егор был похож на русского медведя, цитировал Аристотеля, выдавая его за Конфуция, и звал ее в Куршевель, обещая, что она будет бесподобна на горных лыжах. Пожалуй, надо будет и впрямь махнуть. Мэй млела от плечистых и высоких русских мужчин, а кровь Егора к тому же была особенно восхитительной и бодрящей… Быть может, с русским медведем Панде повезет? Разве не заслужила она простое человеческое счастье?

Мэй показала язык вредному зеркалу, спрятала кисти и косметику и поднялась с места. Публика ждет.

Глава 6
ВАМПИР, КОТОРЫЙ МЕНЯ СОБЛАЗНИЛ

Все когда-нибудь должно случиться в первый раз. В том числе и секс, факт которого не установлен по причине пьяной отключки главных фигурантов.

Маша Царева. Московский бестиарий

Нам ведь, если задуматься, нужна вовсе не кровь. Кровь только носитель различного вида энергий. И высшими животворящими силами ее способна наполнить одна лишь любовь.

Челси Куин Ярбро. Хроники Сен-Жермена

– Ну и бледна ты, мать! – радостно заявил наутро массовик-затейник, которого я обнаружила в своей постели.

Натянув на себя простыню и покопавшись в памяти, я извлекла его имя – Глеб, и события прошлой ночи, начиная с танцев и рок-н-ролла и заканчивая… Последние события напрочь стерлись из памяти, как будто кто-то прошелся по ним ластиком.

Определенно, шампанского было много, ибо я попала в те десять процентов девушек из статистики «Космо», которые хоть раз да имели секс на первом свидании. Впрочем, я в эту статистику вписываюсь с трудом: свидания как такового у нас не было, если не считать за оное наш зажигательный рок-н-ролл… Может, с кровью Жана мне передалось и легкомыслие? Хотя меня можно понять.

Я окинула Глеба оценивающим взглядом: даже после бурной ночи и неизбежного похмелья после банкета в мою честь парень выглядит ослепительно. Светлые кудряшки,

пронзительно-голубые глаза с хитрой искоркой, пухлые губы, тонкие черты лица – как тут не потерять голову?

– Знаешь, а ты ничего, – признался Глеб.

– В смысле? – отчего-то смутилась я.

– Ну, нормальная, – улыбнулся он. – А то когда ты произнесла тот тост про почившее пальто, я уж решил, что ты совсем чокнутая. А потом оказалось, что ты Мильтона читала, Уайльда на английском цитируешь…

– Мы еще и поговорить успели? – нахмурилась я, мучительно напрягая память. – Извини, но что-то я не помню этих литературных бесед…

– Неудивительно, – хмыкнул Глеб, – шампанское вчера лилось рекой. Кстати, – он пытливо глянул на меня, – ты за это время ни разу не принимала?

Я сразу поняла, о чем речь, хотя можно было подумать, что парень говорит о витаминах или лекарстве от гриппа.

– Так я и думал! – укорил меня Глеб. – Эх ты, дурында! Уже почти неделя прошла! Ну что с тобой делать? Ведь ноги так протянешь!

Он вскочил с постели и потопал в прихожую, откуда вернулся уже с борсеткой. Сев ко мне спиной, он заскрипел молнией.

– Сейчас оживлять тебя буду! – пообещал он через плечо.

– Не надо, – просипела я, похолодев от ужаса, и широко раскрыла глаза при виде пробирки, которую протягивал мне Глеб.

– Тьфу ты! Ты что, подумала, что я ножичком себе вены взрежу и тебе дам отпить? – восхитился моей наивности он. – Это только в кино и книжках бывает. А тебе с моей крови все равно толку не будет – зараза заразу не лечит. Пей давай!

Он вынул пробку и насильно вложил мне в руку пробирку.

– А чья она? – с дрожью спросила я.

– Какая разница? – удивился он. – Кровь донорская, чистая. Не волнуйся, не подхватишь ничего, в лаборатории сто раз все проверяют.

– Я не могу, – пролепетала я, представив во рту вкус крови. – Противно…

– Это лекарство, Жанна, – строго, как доктор неразумному малышу, сказал Глеб. – Лекарство быть приятным не может. Хочешь жить – пей.

– А если не буду? – заупрямилась я.

– Я тебя покусаю, – пообещал он, и в глазах его заплясали чертики.

Я машинально закрыла одной рукой шею, широко глядя в завораживающей голубизны глаза Глеба.

– Пей… – донесся до меня его голос, и, словно во сне, я коснулась губами стеклянного горлышка…

Когда я пришла в себя, в руках у меня была уже опустевшая пробирка. Я с брезгливостью отбросила ее на пол и помотала головой – вкуса крови я не помнила. Подняла недоумевающий взгляд на сидящего на постели Глеба.

– Извини, пришлось тебе помочь, – мягко сказал он. – В первый раз всегда трудно…

– Ты… – Я набросилась на него с силой волчицы. – Что ты сделал?!!

– Тише, тише. – Он легко скрутил меня и подмял под себя. – Понимаю… Сам таким был… До первой крови кажется, что все это сон, что это игрушки, что ты никакой не вампир, что можешь сопротивляться жажде…

– Ты даже не дал мне попробовать сопротивляться! – разъярилась я.

– Нет никаких мук жажды, – покачал головой Глеб. – Есть только болезнь, которая делает тебя слабой и беспомощной, если ты отвергаешь единственное лекарство.

– Все равно – ты меня заставил!..

– Я вернул тебе силы. Глупо думать, что, если ты не будешь пить кровь, ты не станешь одной из нас. Ты уже с нами, хочешь ты того или нет.

– А меня никто и не спрашивал! – огрызнулась я.

– Меня тоже, – тихо признался Глеб.

– Как? – Я так и обмякла в его руках. – Светлана говорила, что по вашим правилам вампирами становятся только по согласию.

– Когда заразили меня, никаких правил еще в помине не было, – огорошил меня Глеб. – Как ты думаешь, сколько мне лет?

Я взглянула в его безмятежные голубые глаза, провела рукой по мягким юношеским кудрям, по бархатистой коже. Когда его сделали вампиром, ему было не больше двадцати двух.

– Я имею в виду, сколько мне на самом деле, – глухо уточнил Глеб.

– Сорок? – затаив дыхание, предположила я.

– Семьдесят четыре, – усмехнулся он. – И мне было гораздо трудней, чем тебе: в те годы еще не было пунктов переливания и донорской крови по купонам. Добывать кровь приходилось самим. Так что не ной и не хнычь, – жестко добавил ровесник моего деда, – у тебя хотя бы есть выбор, охотиться или нет. У меня его не было.

– Сожалею…

– Ну все? – Его взгляд потеплел. – Прекратили муки совести? Жизнь продолжается?

– Разве ж это жизнь, – угрюмо буркнула я.

– Ой, ну не надо этих трагедий новичков, ладно? – Глеб скорчил уморительную рожицу. – Что сделано, того уже не изменишь. Привыкай жить по-новому.

Он стянул с меня простыню, которой я укрывалась, как щитом, и уткнулся носом в живот.

– Мне нравится твоя штучка, – промурлыкал он, проводя языком у ободка серебряного колечка пирсинга. – Она меня просто с ума сводит.

Из постели нас заставил выбраться только настойчивый звонок в дверь.

– Кого нелегкая принесла? – проворчала я, запрыгивая в тапки и запахивая халат.

Нелегкая принесла Сашку.

– Жива! – всхлипнула подруга, порывисто заключив меня в объятия. – А я-то уж не знала, что думать!

– Да ты что, Саш? – удивилась я.

– Это ты что! – сердито шмыгнула носом она. – На работе не появляешься, домашний отключен, мобильный не берешь. И что я должна думать?!

– Мобильный разрядился, – пробормотала в свое Оправдание я, думая, как бы выпроводить Сашку раньше, чем Глеб высунет нос из спальни. – А домашний… Может, на станции неполадки?

– А вчера ты где гуляла? Я полдня у твоей двери продежурила. И звонила, и стучала!

Я смущенно потупилась. Не признаваться же подруге, что я нагло дрыхла, пока она за меня переживала. Хорошо еще, что к вечеру Сашка поняла тщетность своего ожидания под дверью и ушла. А то представляю себе ее реакцию, когда я бы вышла из квартиры при полном параде!

– Чего-то ты темнишь, Жан, – покачала головой Сашка. – Ну, так и будешь держать меня в коридоре или хоть чаю предложишь? Между прочим, погодка на улице препакостная, я ноги промочила, пока к тебе по лужам допрыгала.

– Конечно, проходи.

Я нехотя посторонилась. И, пока Саша наклонилась за тапками, порысила к спальне, чтобы предупредить Глеба сидеть тихо.

Но Глеб меня опередил.

Видение незнакомца, обнаженного по пояс, в одних джинсах и с такими взъерошенными волосами, что не оставалось никаких сомнений в том, чем мы с ним занимались все это время, потрясло подругу до глубины души.

– Так вот, значит, в чем дело? – протянула она. – Вот, значит, как выглядит тот микроб, который уложил тебя в постель на четыре дня?

Глеб слегка разочарованно повел плечами, признавая свою вину только в одном дне

моих прогулов.

– Это и есть тот брюнет? – Сашка с подозрением оглядела светло-русые кудри Глеба.

– Нет, – вмешался вампир, – я ее новый парень.

Я ошалело вытаращилась на него: это еще что за новости?! Очевидно, изумление большими буквами читалось на моем челе, потому что Саша насмешливо спросила Глеба:

– А она-то об этом знает?

– Ну что ты взъелась, в самом деле, – отмерла я. – У меня что, не может быть личной жизни?

– Только в следующий раз, когда увлечешься личной жизнью, помни, что у тебя есть подруга, которая за тебя переживает! – оскорбленно провозгласила Сашка, направляясь к двери.

– Куда же вы, Саша? – остановил ее чарующий голос Глеба, и я вздрогнула: откуда он знает ее имя, я его вслух не произносила. В мыслях прочитал? – Вы же промокли и замерзли. Давайте хоть чаю вместе попьем, – любезно продолжил вампир.

Я с еще большим удивлением уставилась на него. Он что, решил завоевать симпатию Сашки? Но зачем?

Подруга с сияющим видом обернулась и одарила Глеба одобряющим взором:

– Вот теперь я вижу, что насчет Жанны у вас серьезные намерения.

«С чего это ты взяла?» – хотела поинтересоваться я. Словно услышав мой немой вопрос, Саша добавила:

– Раз уж вы со мной хотите подружиться, то Жанна вас серьезно зацепила.

– Тогда давайте официально познакомимся. Глеб. – Он склонил голову в шутливом поклоне.

– Александра, – прочирикала Сашка и в ответ на его ждущий взгляд, смущаясь, протянула ладошку, на которой Глеб запечатлел целомудренный поцелуй. Подружка зарделась от смущения, а я зашагала на кухню и сердито загремела чайником.

Что за абсурд? Случайный любовник-вампир называет меня своей девушкой и целует руки моей подруге! Может, Глеб покривил душой, называя свой возраст, и на самом деле ему далеко за сотню – это объясняет и старомодные манеры? Может, он еще как честный вампир предложит мне руку, сердце и талоны на донорскую кровушку? Может, он уже и детей со мной планирует завести? Кстати, надо бы поинтересоваться, как у вампиров с этим вопросом. Полное бесплодие, как вещают в книгах, а может, и наоборот? Я запоздало охнула – надеюсь, мы хотя бы предохранялись? А то не хватало мне стать мамой мини-вампирчика и смешивать в бутылочке для кормления кровь с молоком!

– Не волнуйся, я об этом позаботился, – шепнул на ушко Глеб и чмокнул меня в шею, заставив задрожать всем телом от этого многозначительного поцелуя с привкусом опасности.

– Где Саша? – прошипела я.

– Руки моет, – доложил он. – Кстати, я ей понравился.

– Я заметила, – сердито пробурчала я. – Ты мне не говорил, что ты еще и телепат!

– Разве? – простодушно удивился Глеб. – Наверное, некогда было… – хитро добавил он, заставив меня покраснеть. – А дети у вампиров бывают, – предупредил он мой немой вопрос, – только забеременеть и выносить ребенка нашим женщинам намного труднее из-за вируса. Но шансы есть, если тебя этот вопрос так волнует.

Я вспыхнула еще больше и замахнулась на него коробкой с печеньем.

– Вот! Выложи! – Коробка полетела в него, Глеб ее ловко поймал и осторожно вытряхнул курабье на блюдо.

– Нашу кулинарную книгу ты еще не читала? – невинно поинтересовался он. – А то на таком корме я долго не протяну.

– Я тебя кормить не собираюсь, – отрезала я, грохнув на стол чашки.

– Вот те на! Кто ж меня кормить будет, как не жена? – удивленно заметил Глеб, приобняв меня за талию.

– Чья жена? – замерла на пороге подоспевшая Сашка.

Я сердито вырвалась из объятий Глеба. Вот ведь нахал! Прекрасно слышал, что Саша идет, и специально разыграл эту сцену, да еще голос повысил на слове «жена», чтобы подружка, будь даже глухой, расслышала. И лапает меня, расхаживая по квартире с голым торсом, демонстрирует, кто в доме хозяин! Ну, я ему устрою грандиозный спуск с лестницы! Только Сашку выпровожу сперва!

– У меня очень серьезные намерения насчет Жанны, – с серьезным видом признался вампир. – Но Жанночку они почему-то пугают… Надеюсь, вы, Саша, поможете убедить ее принять мое предложение?

Сашка зарделась от важности возложенной на нее миссии.

– А мы вас обязательно в свидетельницы пригласим! – окончательно покорил подружку Глеб.

– Я подумаю, – церемонно кивнула подружка. Но как только Глеб отлучился в комнату за футболкой, горячо зашептала: – Красавец – обалдеть!

– И нахал – очуметь! – пробурчала я, разливая заварку по чашкам.

– По-моему, он просто очаровашка, – восторженно закатила глаза Саша. – Не пойму я тебя, Жанка, ты что, недовольна?

– Потом поговорим, – свернула обсуждение я.

– Ну не знаю, – Сашка пожала плечами, – уж если этот тебе не по вкусу, кого тебе тогда искать? Учти, Дэвид Бэкхем замужем за Викторией и она его держит крепко! А у Глеба, насколько я разглядела, и с маникюром порядок, и со стрижкой, – шепотом присовокупила она, намекая на мой пунктик.

Ну да, я люблю, чтобы мой мужчина был ухожен! Чтобы от него пахло хорошим парфюмом, а не трехдневным потом. Чтобы у него были гладкие щеки, а не колючая щетина. Чтобы волосы были чистыми и аккуратно подстриженными, а не свисали бесформенными сальными сосульками. (Кладоискатель Федор – досадное исключение и помрачение ума!) Чтобы губы были мягкими и необветренными, чтобы он не кривился при слове «гигиеническая помада» и чтобы не считал геями тех, кто подравнивает ногти керамической пилкой, а не портновскими ножницами.

Честно говоря, вампиры, которых я видела вчера, в этом плане – образец для подражания. Конечно, у них есть существенный недостаток в виде попорченной вирусом кровушки и, например, телепатии, но ведь совершенства не бывает, не правда ли? Так чего же я сейчас ворчу и сержусь?

Я нервно схватила печенюшку и запихнула в рот. Глеб – чуткий любовник, душа компании, балагур и весельчак. Наверняка он к тому же и интересный собеседник (в его-то почтенном возрасте!). Он красив, молод внешне, мудр в душе, нежен и горяч. Чего еще мне желать?

– У него что, джинсы поддельные? – не выдержала Саша, косясь в сторону дверного проема, где вот-вот должен был появиться Глеб.

– Чего? – Я поперхнулась крошками.

– У него на кармане лейбл «Дольче и Габбана», – пояснила Саша. – Фальшивый, что ли? Я же знаю, с каким неодобрением ты относишься к тем, кто покупает подделки.

– Какая ты глазастая, – удивилась я. – Я и не заметила.

– Ладно уж, не ври! – одернула меня подружка. – У кого любимая присказка – лучше «Дольче» могут быть только «Габбана»? Я же знаю, что ты первым делом обращаешь внимание на лейбл, а уже потом – на самого человека. Мы и с тобой-то познакомились только благодаря сумочке «Фенди», которую мне дядя из загранки привез.

Сашка напомнила мне события пятилетней давности. Тогда, получив громоздкую и весьма непривлекательную, на ее взгляд, модную торбу, Саша поместила объявление в газету, решив продать дорогую сумку и купить на вырученные деньги пару-тройку подешевле на свой вкус. А я как раз пристраивала котят бабушкиной кошки и просматривала газету объявлений. Изучив рубрику «Живой уголок», из любопытства открыла раздел аксессуаров и наткнулась на Сашкино объявление о продаже фирменной сумочки за

смешные для такой марки деньги. Сначала я решила, что речь о подделке, но хозяйка сумки, когда я шутя набрала номер, клялась, что вещь привезена из-за границы и самая что ни на есть фирма. Не особо веря ее словам, я договорилась о встрече. Так я, без сожалений грохнув всю свою тогдашнюю зарплату промоутера, стала обладательницей фирменной сумочки «Фенди» и лучшей подруги Сашки. Со временем Сашка перетащила меня в свою контору, а мне так и не удалось обратить ее в свою веру – подружка не понимала моего маньячества вокруг модных марок и ГУМу предпочитала Лужники.

На пороге возник Глеб, и, памятуя о словах Саши, я придирчиво оглядела его джинсы. Перехватив мой взгляд, блуждавший ниже пояса, вампир расценил его лестным для себя образом и, приземлившись на стул рядышком, под столом сжал мою коленку, намекая на продолжение прерванного времяпрепровождения. Я не стала брыкаться, а позволила его руке скользнуть под полу халата. Саша, делая вид, что слепа и глуха, цедила чай.

– Саш, ты уже чемодан собрала? – осторожно затронула я больную тему.

– А как же, – угрюмо ответила подруга.

– Так ты все-таки едешь?

Сашка бросила подозрительный взгляд на меня и на Глеба и ответила:

– Не пропадать же путевкам! Твою я, как ты и советовала, на Ленку переоформила.

– Сашк, ну не обижайся… – заскулила я.

– Да ладно уж, – отмахнулась подружка, – все я понимаю. Был бы у меня такой вирус, – она со значением посмотрела на Глеба, – я бы, может, тоже не полетела.

– Как там на работе? – запоздало поинтересовалась я.

Саша пристально посмотрела на меня.

– А ты мне ничего не хочешь рассказать?

– Я? – Я запнулась, гадая, на что она намекает. – Нет, ничего.

– Точно? – проявила настойчивость подруга.

– Точно!

– Ну-ну, – недовольно промычала Саша. – Тогда слушай новость: у Ангелины новая жертва.

Рука Глеба замерла на моем колене и чуть стиснула кожу, но я даже не заметила этого.

– Да ты что? – ахнула я. – И кто же?

– Евгений Михайлович. – Саша назвала имя главного юриста.

Я едва сдержала смешок. Похоже, вся бурная деятельность Дьяволины по завоеванию женихов – не что иное, как отведение стрелок от Однорога. Жалко, что Сашке не скажешь.

– Бедняга! – посочувствовала я. – Даже жена и четверо детей не спасли его от преследований Гели. И что он?

– Держит оборону как может.

– Надолго ли его хватит? – усомнилась я.

– Выйдешь завтра – сама посмотришь, – подмигнула мне Саша.

– Саш, – запнулась я и отвела глаза. – Я ведь увольняюсь…

– Как?! – Сашка аж подпрыгнула на табуретке. – Сейчас?! После того как…

– Мне Глеб работу предложил, – перебила ее я, сочиняя на ходу. – Интересную, перспективную…

– Модным обозревателем! – пришел на помощь вампир. – В Жанне такой талант пропадает.

Саша перевела ошарашенный взгляд с меня на Глеба, как-то мигом скисла и отодвинула чашку с чаем.

– А, понятно… Это твоя стезя. Ну я пойду, а то завтра последний рабочий день, а мне еще до дома добираться, и чемоданы до послезавтра надо успеть собрать.

– Саш, ну побудь еще! – взмолилась я.

Подружка отстранение посмотрела на меня и поднялась из-за стола:

– Нет, пора мне.

Холодно распрощавшись со мной и Глебом, Сашка натянула не успевшую высохнуть

обувь и ушла из моей новой жизни, где ей больше не было места. Я долго смотрела ей вслед из окна, пока зеленая Сашкина куртка не превратилась в мутное пятно. По стеклам бежали дорожки дождя, а по щекам текли слезы.

– Не переживай, помиритесь. – Глеб обнял меня за плечи.

Его пальцы были холодными как лед, и властными, как у скульптора. Я была пластилином в его умелых руках. Захотел – провел со мной ночь, пожелал – и очаровал подругу, а потом вычеркнул ее из моей жизни.

– Ты в это веришь? – усмехнулась я. – Ты что-то сделал с Сашкой, у нее никогда в жизни не было такого взгляда!

– Я лишь намекнул ей, что вы очень разные, – легко сознался вампир. – Тебе следует порвать прежние связи.

– Почему? – разозлилась я.

– Потому что, общаясь со здоровыми людьми, ты всегда будешь чувствовать свою ущербность. Сперва тебе придется объяснять, почему ты не можешь составить ей компанию в поездке в Египет. Потом ты не сможешь забеременеть так легко, как твоя подруга, тебе придется терпеть ее сочувствующие взгляды и выслушивать сотни ее добрых советов, которые тебя будут только раздражать. Со временем, когда у нее появятся морщины, она будет выпытывать телефон твоего несуществующего пластического хирурга и выспрашивать подробности о косметических операциях и процедурах, которых не было.

– Ты так говоришь… – всхлипнула я.

– Все через это проходят, чтобы набить шишек и убедиться: единственные, кто может нас понять, это такие же, как мы, – жестко сказал Глеб, и я обмерла, заглянув в его глаза – глаза семидесятичетырехлетнего старца на лице двадцатидвухлетнего юноши. Из них исчезла вся безмятежность июньского неба, теперь они сделались грозовыми тучами – такими же, которые застилали небо за окном.

Словно испугавшись того, что позволил мне заглянуть в свою душу, Глеб моргнул, и радужка вновь стала светлой и ясной. Он улыбнулся улыбкой детсадовского сорванца:

– У тебя будет много новых друзей, Жанна. Не надо ни о чем жалеть.

– Не хочу новых, – упрямо прошептала я.

По сути Саша и Настя – мои единственные подруги. Со школьными подругами я давно потеряла связь. И хотя мы разыскали друг друга на сайте «Одноклассники» и время от времени перебрасываемся сообщениями, а в этом году пару раз даже встречались, дружбой это уже не назовешь. За годы, прошедшие с выпускного бала, мы стали бесконечно далекими друг от друга. Мои институтские подружки, с которыми мы азартно штудировали модные журналы и безбашенно тратили всю стипендию на полюбившуюся шмотку, дружно повыскакивали замуж и нарожали детей – теперь их интересы ограничены памперсами, а не гриндерсами. Настя, с которой так приятно было скоротать вечерок за чашечкой кофе, теперь за что-то на меня злится. Неужели я и Сашу потеряю?

Перед глазами пронеслись эпизоды нашей с Сашкой дружбы. Знакомство – в фойе метро смущенная Сашка достает из пакета тряпичного уродца (она была уверена, что сумка безобразна), а я чуть не прыгаю от радости, обнаружив внутри фирменный лейбл. Наши походы на курсы английского – Сашке была нужна компания, и совместные занятия фитнесом – компания была нужна мне. Поездка на турбазу, где я зализывала раны после неудачного романа, а Саша утешала меня и героически кормила злющих лесных комаров. Наша общая влюбленность в нового риелтора и великодушный отказ от собственного счастья ради счастья подруги. Мы тогда единогласно дали от ворот поворот пылкому мачо, на поверку оказавшемуся обычным бабником и в ближайшую пару месяцев вскружившему головы всему нашему женскому коллективу. Мечты о поездке в Египет, искреннее волнение Сашки за мое здоровье в последние дни… Разве вампиры способны так дружить?

– Дружба между нами крепче и вернее, чем у людей, – тихо сказал Глеб.

– А любовь? – машинально спросила я.

– А любовь горячее, – улыбнулся Глеб и притянул меня к себе.

Я проснулась вечером и с удивлением посмотрела на тускневшее небо. Обычно в это время я уже торопилась домой после рабочей смены, сейчас же мой понедельник только начинался. Судя по шуму воды, Глеб плескался в ванной. Без меня? Непорядок! Я босиком прошлепала по коридору и уже дотронулась до дверной ручки, когда до меня донесся приглушенный голос Глеба:

– Все идет по плану. Да… Да… Нет, я ничего такого не заметил. Да нормально все! Нет, она ни о чем не догадывается.

Это еще что за интриги за моей спиной? Я толкнула дверь, и моему взору предстала картина «Аполлон в душе, вид сзади». Влага, блестевшая на обнаженном теле Аполлона, не оставляла сомнений в том, что в момент звонка он принимал душ. Сейчас же вода била в стену, а Глеб, отклонившись так, чтобы не замочить мобильный, раздраженно шипел в трубку:

– Да ни о чем она не догадается, если вы не будете трезвонить без конца! Все, пока.

– И о чем я не должна догадаться? – ледяным тоном спросила я.

Глеб от неожиданности вздрогнул, и телефон выскользнул из его рук. Я машинально метнулась вперед и поймала трубку, прежде чем она коснулась шапки пены на дне ванны. Да этот пижон вылил на себя полфлакона дорогущего ванильного геля для душа!

– Спасибо, ты спасла мой сотик от бесславной гибели, – обезоруживающе улыбнулся Глеб.

Я положила мобильный на полочку, рядом с зубной пастой, которой Глеб уже тоже по-хозяйски успел воспользоваться, и, стараясь смотреть не на его вызывающую наготу, а в глаза, повторила:

– Так о чем я не должна догадаться?

– Жан, – с укором протянул Глеб, – это клиент один был. Мы его невесте сюрприз организуем. Свадьба еще через неделю, а он уже всех достал своими звонками.

– А ты всегда берешь мобильный в душ? – не сдавалась я.

– Да он у меня в кармане джинсов был! – оскорбленно ответил Глеб, покосившись на одежду, сваленную на стиральной машине.

Гордо задрав нос и коря себя в душе за чрезмерное любопытство, я вышла из ванной. Надо же так опозориться перед парнем моей мечты!

Но Глеб, явившись к завтраку (правильнее, конечно, сказать – к ужину, учитывая сумерки за окном, но на столе были только бутерброды и чай), ничем не показал своей обиды на меня и не стал напоминать о случившемся, чем еще больше очаровал меня.

Пока Глеб смаковал по глоточку чай, я быстро проглотила бутерброд и схватилась за телефон – надо было разобраться с одним срочным делом, пока еще рабочий день не закончился.

Я сложила фигу от дурного глаза и ядовитого языка, когда Дьяволина прошипела в трубку свое приветствие, и стала ждать соединения с Однорогом.

– Да? – Голос шефа был взволнованным и напуганным.

– Борис Семенович, я увольняюсь, – выпалила я.

– Жанна, – жалобно заблеял Однорог, – я же был уверен, что мы обо всем договорились…

– Не беспокойтесь, Борис Семенович, к вам у меня нет никаких претензий, – милостиво ответила я. – Я просто… я…

Шаловливая рука Глеба скользнула под шелковый халат, совершенно сбив меня с толку.

– Я замуж выхожу! – выпалила я.

Рука замерла, Глеб заинтересованно хмыкнул.

– И жених мне работать запрещает! Ревнивец страшный! – поведала я, стукнув Глеба по рукам. – Так что спасибо за любезное предложение, но, увы, вынуждена отказаться.

Однорог заметно повеселел:

– Значит, Бэллу увольнять не надо?

– Борис Семенович, а как же направленность компании в будущее и поощрение новых кадров? – пожурила его я. – Александра Воронцова – специалист еще более ответственный и опытный, чем я. Под ее руководством отдел элитной недвижимости пойдет в гору семимильными шагами.

Однорог молчал.

– И Хуану она понравилась, – привела решающий аргумент я.

– Понял, – обреченно вздохнул Однорог.

Однако уверенности в том, что Сашке предложат хлебную должность, у меня не было.

– Я после свадьбы загляну к вам, проведаю, – пообещала я. – Жених мне обещает квартирку подарить, с видом на Кремль. А то с Рублевки в центр добираться долго. Хочу, чтобы Саша этим лично занялась.

– Поздравляю, Жанна. Вам повезло с будущим мужем, – сухо отозвался Однорог.

Я едва не ляпнула: «А вам – с секретаршей!» – и поспешно завершила разговор. Уф, гора с плеч!

А теперь – самое приятное. На вечер у меня был запланирован грандиозный шопинг, я горела нетерпением потратить деньги Жана. Насилу удалось отделаться от Глеба – он сперва категорически не хотел выпускать меня из дома, потом настойчиво предлагал свои услуги сопровождающего, консультанта и носильщика в одном лице. Но я осталась непреклонна: мужчина в магазине, что женщина на корабле – к неудаче. Пришлось Глебу покориться и отчалить восвояси, а я, предвкушая пополнение модного гардероба, собралась в центр – компенсировать моральный и физический вред, нанесенный Жаном, покупками. В жизни всегда есть место шопингу. Особенно когда на карточке тысячи рублей, которые только и жаждут превратиться в новые топики, юбочки, сапожки… Однако первым пунктом на повестке дня стояли поиски нового пальто.

У лифта я столкнулась с Настей, возвращавшейся с работы с какой-то подругой. Подруга, высокая и чопорная девица со старушечьим пучком и в джинсах, вышедших из моды лет пять как, сперва бросила на меня равнодушный взгляд, а потом широко раскрыла глаза от изумления. Вот деревня! Похоже, ее шокировал экстравагантный берет, который я надела, не столько чтобы утеплить ушки, сколько покрасоваться во время шопинга. Пусть продавщицы видят, что перед ними не какая-то Люся из Урюпинска, а стильная штучка, которая знает толк в моде, и пусть эти клуши шевелятся и тащат мне лучшие пальто, какие только есть в их забытом богом бутике.

– Привет, Настя! – с достоинством пропела я, расстегивая сумочку. – Вот, держи. – Я отсчитала несколько купюр. – Спасибо, что выручила меня тогда.

Настя, не выказав ни малейшей радости, забрала деньги и, казалось, с жалостью посмотрела на меня. Неужели я все-таки переборщила с беретом?

– Ты куда такая нарядная? – деревянным голосом спросила она.

– На охоту! – игриво ответила я, и Настина подруга отчего-то побледнела. – За пальто!

– Удачи, – сухо пожелала Настя.

– А ты со мной не хочешь? – с надеждой предложила я.

– Боюсь, нам не по пути, – грустно ответила Настя и потянула оцепеневшую подругу за руку. – Идем, Ксюш.

Да, что-то затянулся у нее пмс. Но сегодня никто и ничто не могло испортить моего настроения. Впереди меня ждали волнительные поиски пальто моей мечты, и я собиралась устроить претендентам самый строгий кастинг!

– Девушка, да девушка же! – донесся до меня сиплый голос таксиста, выдергивая меня из сладких грез, в которых я уже примеряла модные френчи и меховую шубку.

– Что, уже приехали?

– Да нет, в пробке стоим, – ухмыльнулся водила. – Девушка, за вами следят?

– За мной? – поразилась я.

– Не знала? – панибратски подмигнул таксист. – От самого дома за нами вон та «девятка» тащится.

Я отыскала в зеркале грязно-белую «девятку», стоявшую через две машины за нами, но сидящих в салоне разглядеть не смогла.

– Глупости! – убежденно возразила я.

Кому может понадобиться следить за мной?

– Ну как знаешь, мое дело предупредить, – мрачно ухмыльнулся водила, трогаясь с места.

Похоже, дядька пересмотрел шпионских фильмов. Я отвернулась к окну и продолжила глазеть на витрины проплывающих мимо магазинов. Мы не можем ждать милостей от моды. Наша задача – купить их!

– Не отстает, – пробухтел через какое-то время таксист.

– Что? – не поняла я.

– Не отстает, говорю, «девятка»-то, – злорадно сообщил мужик. – Хахаль, что ли, за тобой следит?

Переход на «ты» мне совсем не понравился, а мания водилы начинала действовать на нервы. Углядев в одной из витрин симпатичное пальтишко, я вскрикнула:

– Остановите здесь!

– Так еще не доехали же, – недовольно возразил мужик. – Договаривались ведь до ЦУМа, отсюда еще ехать и ехать.

– Я здесь выйду, – настояла я, протягивая ему сумму, на которую договорились.

Мужик просиял и припарковал машину у обочины.

– Правильно решила, – одобрил он. – Здесь народу много, затеряешься быстро. Не фиг этому хмырю у тебя на хвосте висеть.

Я пулей выскочила из салона и понеслась к магазину, словно он был убежищем. Перед входом невольно обернулась: белая «девятка» продолжила тащиться в чреде машин, безнадежно застрявших в пробке. Попадется же такой таксист-параноик, все настроение испортит, зло подумала я, сделав шаг к дверям бутика. Стеклянные створки приветливо раздвинулись. Ну уж нет, не позволю никаким мнительным водилам испортить мне настроение сегодня вечером! Нам шопинг тратить и жить помогает!

Стоило мне ступить в царство моды и одежды, как все мрачные мысли остались позади, а на их место пришла эйфория. Как бабочка, я порхала от стойки к стойке, придирчиво перебирала вешалки, с видом опытной модницы мучила продавцов, и душа моя пела. Сколько раз, блуждая по магазинам раньше, я вздыхала: видит око, да кредит неймет. И утешала себя: будет и на моей улице распродажа прет-а-порте. И вот наконец дождалась! Впервые в жизни я могу позволить себе купить все, что захочу, а не ограничиться ремнем или брелоком, оплакивая в душе роскошное вечернее платье, которое как будто на меня и шили, или восхитительный топ, который стоил пяти моих зарплат.

К примерочной я подошла королевой: за мной следовали три продавщицы с кучей вешалок в руках. Аппетит приходит во время примерки, поэтому в процессе количество вешалок, побывавших в моей кабинке, увеличилось втрое. За следующие полтора часа девушки успели потратить столько калорий, сколько бы сбросили на интенсивной тренировке по степ-аэробике. На их щеках пунцовел румянец, на лбу сияли капельки пота, ноги на высоких каблучках подгибались. Однако страдания их не прошли зря. Сегодня я придерживалась принципа: сказано – сделано, померено – куплено. В итоге мои покупки заняли три больших пакета, а взамен почившего пальто я купила сразу два. С сияющим видом я выудила кредитку и бросила взгляд на витрину: я совсем забыла про то пальто, которое привлекло мое внимание!

Кредитка выскользнула из моих пальцев: у витрины стояло существо непонятного пола в темных очках, закрывающих половину лица, черной бейсболке и черной куртке, которая могла принадлежать как мужчине, так и женщине. Под ее дутыми боками мог скрываться как дохляк, так и чемпион по бодибилдингу. Сердце застучало как бешеное, в ушах зазвучали

слова таксиста: «От самого дома за нами тащится». Я вздрогнула и наклонилась за кредиткой. Когда я выпрямилась, странного наблюдателя за витриной не было. Расплатившись за покупки и выйдя из магазина, я огляделась по сторонам: люди спешили по своим делам, и никто подозрительный с очками в пол-лица меня не ждал. Чего только не примерещится! А все этот таксист-паникер, будь он неладен!

– Девушка, едем домой? – Дверца припаркованной к обочине машины приглашающе приоткрылась, а я чертыхнулась, услышав знакомый сиплый голос. Легок на помине!

– Вы что, следите за мной? – строго спросила я.

– Почему слежу? – ничуть не обиделся таксист. – Пассажира жду, да что-то нет желающих. У тебя, гляжу, пакетов много, поехали?

Действительно, с такими пакетами дальше по магазинам ходить неудобно… И хотя в гостях хорошо, а в бутике лучше, придется возвращаться домой. Я с сожалением рассталась с мыслями о дальнейшем шопинге и закинула покупки на заднее сиденье.

– И где же наш хвост? – нарочито небрежно полюбопытствовала я, когда мы отъехали от магазина.

– «Девятка»-то? Укатила куда-то.

– Так она не останавливалась после того, как вы меня высадили? – уточнила я.

– А шут ее знает, я же парковался – пока место нашел, недосуг мне было на нее глядеть. А потом не видел, все обсмотрел – не было ее.

– Примерещилось, значит! – с облегчением заключила я, списав все на остаточные галлюцинации.

– Может, и примерещилось, – не стал спорить таксист.

– И никаких подозрительных личностей вокруг магазина не ошивалось? – напоследок уточнила я.

– Не видал. А я с него глаз не сводил, все поглядывал, когда вы появитесь.

Я с легким сердцем откинулась в кресле и продолжила разглядывать подсвеченные витрины – самое прекрасное зрелище на свете. У меня и на компьютере на рабочем столе висит картинка с Пятой авеню Нью-Йорка. Вот где рай на земле!

– А что, красавица, ревнивый у тебя хахаль? – игриво спросил водила.

– Ревнивый, – усмехнулась я, – любому за меня кровь выпьет.

– Бандит, что ли? – расстроился таксист.

– Если бы бандит! – усмехнулась я. – Вампир настоящий!

Водила гоготнул себе под нос, оценив шутку, и воззрился на дорогу. До самого дома он меня больше вопросами не донимал, а я все прислушивалась к себе, пытаясь понять, что же не так во всей этой ситуации. И только расплатившись с таксистом и подойдя к подъезду поняла: ни разу за все время поездки у меня не возникло желания попробовать его кровь. Быть может, все не так уж плохо и слухи о кровожадности вампиров сильно преувеличены писателями и кинематографом? Весело мурлыча себе под нос «Люблю я макароны», я впорхнула в лифт и нажала кнопку тринадцатого этажа.

Вышла на площадку и уронила пакеты – у квартиры меня уже ждали.

Беата

Месяц назад

В ее клубе был аншлаг. Как всегда, на протяжении вот уже двухсот ночей со дня открытия. Убедившись, что танцовщицы выкладываются в полную силу, а публика, состоящая преимущественно из мужчин, возбуждена до предела, Беата осталась довольна. Ее отнюдь не чопорная мать пришла бы в ужас, попав на представление «Карнавальной ночи». Современное шоу было слишком дерзким, откровенным и сексуальным для воображения барышни конца позапрошлого века. А ведь девушки Беаты не раздевались. Они соблазняли зрителей языком тела, а не обнаженными прелестями, завораживали пластикой, а не сорванными лифчиками.

В глянцевых журналах о развлечениях столицы адрес ее клуба печатали в разделе

стриптиза, но ее танцовщицам не надо было раздеваться, чтобы свести публику с ума. Никакого интима, никаких голых тел, никаких контактов со зрителями и никаких пошлых кабинетов для уединения. Только искусство танца, только магия женского тела, только волшебство пластики, только очарование чувственности…

Ее девушки были богинями, которые не снисходили до зрителей. Сцена была их Олимпом, и любая, кто хоть раз вопреки правилам спускалась в зал, падала с него навсегда и обратно уже не возвращалась. Недоступность танцовщиц еще больше распаляла публику и обеспечивала заведению постоянных посетителей. Беспроигрышный ход, полный фурор! Бывшая прима Мариинского театра, а ныне постановщик самого популярного в Москве танцевального шоу и владелица одноименного клуба могла собой гордиться.

Но сегодня Беата не могла отделаться от чувства, что она стоит на краю пропасти и вот-вот сорвется вниз. Даже кровь жизнерадостного и опьяненного первым успехом славы смазливого поп-идола Игоря Мерцалова, пришедшего на сегодняшнее представление, не развеяла ее тревоги. Лишь слегка приглушила. Страх затаился, но не исчез, мешал насладиться филигранной работой ее танцовщиц и получить удовольствие от вечера. Казалось, что в толпе затаился кто-то, кто внимательно следит за ней, кто знает о ней все, кто желает ей гибели…

Беата покинула оживленный зал и чуть ли не бегом на высоких шпильках поспешила к своему кабинету. Только там, закрыв дверь на ключ, она смогла успокоиться.

– Нервишки шалят, – укорила она саму себя. И, тряхнув головой, сама же себе возразила в оправдание: – Шутка ли – сто двадцать три года!

Ее отражение в зеркале тоже тряхнуло головой, всем своим видом споря с последним заявлением. Беата усмехнулась, проведя пальцами по гладкой поверхности стекла. В свои невероятные сто двадцать три года она выглядит прекраснее, чем в девятнадцать в бытность человеком. С пожелтевших карточек начала двадцатого века робко улыбалась черно-белая девушка с расплывчатыми чертами лица и пышными темными волосами, уложенными в старомодную прическу. В зеркале напротив отражалась уверенная и дерзкая хищница, икона нового времени. Сияющая волна гладких, ослепительно-золотых волос, дерзкие синие глаза на загорелой коже, высокие скулы, острый подбородок, скульптурное лицо. Беата не прибегала к услугам пластических хирургов, она лишь похудела в соответствии с новыми канонами красоты, распрямила и обесцветила волосы, вставила цветные линзы – и совершенно преобразилась. Теперь она выглядела моложе и красивее себя прежней. Только сердце отчего-то щемило, когда она вглядывалась в старый снимок и видела на нем себя – юную, наивную и ликующе-счастливую. Такой она уже не будет никогда. Слишком много пережила она с тех пор, слишком много падала, слишком много обжигалась. Если бы она не потеряла способность стареть, сейчас по морщинкам на ее лице можно было бы отследить все ее разочарования и все потери. Но ее щеки были по-девичьи гладкими и нежными, в то время как душа неизбежно старела, а мысли все чаще устремлялись к прошлому…

Она родилась в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году в Петербурге. Беатой ее нарекла мать, полька. От отца ей достались артистическая фамилия, выразительные черные глаза и непокорные вьющиеся волосы. От матери – точеная фигура и поразительная воля. Именно благодаря ей Беата в восемнадцать лет стала балериной Мариинского театра, а через год – уже примой. На дворе был тысяча девятьсот четвертый. Старый мир доживал последние дни, а Беата, что стрекоза из басни, танцевала и напевала романсы, не зная, что и сама стремительно несется к пропасти. Выходя на сцену Мариинки, она мечтала попасть в историю, сохранить свое имя в вечности, но даже и представить не могла, что застрянет в этой вечности на десятки лет…

Ее красота, очарование юности, взрывной темперамент, природная грация и талант к перевоплощению стали для нее приговором и одновременно пропуском в новую жизнь. Легендарные дети ночи, о существовании которых она и не подозревала, любили искусство и были завсегдатаями театра. Один из них, красивый брюнет с седыми висками и льдисто-серыми глазами, который, несмотря на свою импозантность, отчего-то внушал ей ужас,

однажды подкараулил ее после постановки морозным зимним вечером…

По иронии судьбы воскресенье 9 января, которое стало роковым для Беаты, вошло в учебники истории как Кровавое воскресенье. Общественный и политический хаос, захлестнувший Россию, совпал с ее личным концом света. Но сначала пролилась кровь Беаты, а уже наутро – кровь четырех сотен рабочих, женщин и детей, шедших под руководством попа Гапона к Зимнему дворцу. В бреду балерина слышала выкрики толпы и отдаленные выстрелы. Пока Беату, метавшуюся на влажной постели, ломало от проникшего в кровь вируса, на улицах Петербурга звучали выстрелы, росли баррикады и водружались красные флаги. Неистовая толпа крушила оружейные лавки и магазины…

Беата вышла из дома на третий день и не узнала привычный мир. Мир изменился, изменилась она. Но жизнь продолжалась. Город зализывал раны и готовился к новым, еще более серьезным потрясениям, Беата училась жить заново и разучивала новую партию. Прежде она танцевала романтичную Раймонду и задорную Китри, дочь хозяина кабачка в «Дон-Кихоте». Сейчас ей доверили Спящую красавицу и Одетту-Одилию. Мертвенно-бледная, болезненно-хрупкая, с лихорадочно горящими глазами, она великолепно вжилась в эти роли, она танцевала со всей страстью, на которую была способна. Времени у нее было еще меньше, чем у других балерин. Пройдет несколько лет, и ей придется подыскивать другой город, другой дом и другое занятие. А пока пасмурный зимний Петербург был заботливым другом для юной вампирши. Тучи, раскинув над городом свой плотный покров, надежно защищали от слабых зимних лучей солнца. Беата продолжала бегать на дневные репетиции и по вечерам блистала на сцене.

У нее не было недостатка в поклонниках и в свежей крови. Беата умела сдерживать свою жажду и никогда не причиняла зла тем трепетным студентам и дородным меценатам, которых влекло за кулисы. Она была осторожна и хранила свою страшную тайну на дне глубоких черных глаз, чем еще больше манила к себе новых и старых поклонников. О ней распускали невероятные сплетни, но ни одна из них в своей фантасмагоричности и чудовищности не могла сравниться с правдой. Ее жизнь была полна событий – балет, артистические вечера в новомодной «Бродячей собаке», съемки в немом кино. Режиссерам полюбились ее манящий взгляд и говорящий язык тела, поэты воспевали ее тонкий стан и черные очи.

На ночных «средах» и «субботах» в «Бродячей собаке» она встретила немало кровных братьев и сестер и перестала чувствовать себя одинокой. Кабаре стало ее приютом, ее отрадой и ее изысканным меню. Здесь собиралась разношерстная публика, основу которой составляли люди искусства. И такое общество было по вкусу Беате и ее сородичам. Кровь поэтов вливалась в ее губы вместе со стихотворными рифмами и завораживающими образами. От мягкой романтики акмеистов кружилась голова, Беата чувствовала себя влюбленной и взбудораженной. От заоблачных миров, в которые уносила кровь символистов, перехватывало дыхание, а их потусторонние откровения и мистические намеки забавляли ее. Возвращаясь от нее с ранкой на локте и с затуманенным взором, они продолжали грезить о мистических событиях и воплощать их в стихах. Слушая очередные стихотворные строки, Беата загадочно улыбалась, думая о том, что была их музой и отчасти соавтором. А вот дерзкие новаторства футуристов тонкая натура Беаты не переваривала. Их «самовитые» словечки, их шокирующие эксперименты над языком, насмешки над классикой и скандальные выходки, кипевшие в крови, становились комом в горле. Отведав крови одного из этих поэтов, всегда сдержанная вне сцены Беата буянила всю ночь и ругалась, как портовый грузчик. Она повторила свой опыт лишь однажды – когда ей хотелось забыться и почувствовать свободу.

Кровь музыкантов и композиторов играла в жилах задорными маршами, лирическими элегиями и звенящими симфониями и переливалась в нее хрустальными звуками флейты и фортепиано. Кровь ученых кипела от мыслей и формул, но наутро от нее болела голова. Кровь живописцев переливалась радугой красок и палитрой образов. Кровь критика Беата вкусила только однажды, и ей показалось, что она глотнула яду. Желудок стерпел, но Беату

еще два дня лихорадило от зависти и злости к своим более удачливым коллегам. Ей казалось, что ее недооценивают, она жадно наблюдала из-за кулис за выступлениями других балерин и со злорадным ликованием отмечала мельчайшую погрешность, о чем непременно сообщала после представления при всей труппе. Три глотка из жил критика Троянского стоили ей хороших отношений с двумя знаменитыми балеринами и скандала с хореографом. Впредь Беата шарахалась от критиков как от чумы, предпочитая им поэтов и музыкантов. Хуже критиков были только меценаты, в крови которых Беате чудился металлический привкус серебра, грохот фабрик и стоны рабочих…

С закрытием артистического кабаре для Беаты закончился золотой век, который позднее назовут Серебряным. Пора было прощаться с Петербургом и с балетом. Беата и так тянула до последнего. Подвыпившие поклонники в «Бродячей собаке» уже не раз прилюдно восхищались, что за прошедшие десять лет балерина не постарела ни на день. Беата принужденно смеялась, благодарила за комплименты и обещала себе уехать как можно скорее. Закрытие ставшего ей родным клуба в тысяча девятьсот пятнадцатом стало решающим. На радость юным амбициозным балеринам Беата взяла расчет в Мариинке и засобиралась в Париж.

Там столичная знаменитость сняла крошечную квартирку неподалеку от Енисейских полей, отрезала свои шикарные косы, тем самым попрощавшись с прошлой жизнью, и, назвавшись полькой и поменяв документы, стала лихо отплясывать в «Мулен Руж». Через пару лет в России прогремела революция, и в Париж потянулся нескончаемый поток эмигрантов. К тому моменту Беата окончательно утвердилась на сцене кабаре в качестве звезды. Время от времени среди публики она видела старых знакомых, но никто из них не узнавал сдержанную молчаливую балерину в дерзкой танцовщице скандального кабаре. Что удивительного? В «Мулен Руж» все внимание было приковано к чулкам и ножкам, а не к глазам и ямочкам.

«Мулен Руж» наполнял ночи Беаты красками и блеском драгоценностей. Ее шкатулки были полны дорогих украшений от поклонников; она не знала недостатка в деньгах и в мужчинах, которые считали за счастье протянуть ей запястье или подставить шею. Но пресная кровь толстосумов, кутил и сладострастников не могла сравниться с изысканным нектаром, которым она наслаждалась в «Бродячей собаке». Беата чувствовала, как с каждым глотком меняется сама. Их похоть и разнузданность одерживают верх над ее утонченностью и консерватизмом. Беата становилась другой, она перерождалась.

Спустя пять лет, когда она покидала «Мулен Руж» дерзкой, раскованной и искушенной соблазнительницей, ее не узнала бы родная мать. К счастью, родители этого видеть не могли. Господь забрал их раньше. Мама угасла от чахотки незадолго до того, как Беата покинула Петербург. Надломленное этой утратой сердце отца не выдержало революционных перемен.

После Парижа была Вена. Стремясь смыть с себя цинизм последнего периода, Беата вернулась к балету. Уже в качестве преподавателя. В эти годы она вела уединенную жизнь, много читала и утоляла жажду чистейшей, как альпийские источники, кровью коренных жителей и бурлящей от свободы и новых впечатлений, похожей на шампанское кровью многочисленных путешественников. Потом были Англия, Финляндия, Чехия, Швеция и Швейцария – Беата скиталась по всей Европе, пробуя себя в разных профессиях, но неизменно возвращаясь к танцам, которые были ее истинным призванием.

В канун миллениума Беата перебирала старые фотографии и подводила итоги. В двадцатом веке она прожила двенадцать жизней в двенадцати городах, каждую – длиной от пяти до десяти лет. Она была дюжиной разных женщин – затворницей и искусительницей, звездой и серой мышью, авантюристкой и примерной налогоплательщицей, et cetera, et cetera… Вот только женой и матерью побыть не пришлось. Хотела, мечтала, надеялась. Но знала: невозможно, не стоит и пытаться.

С началом нового века она вернулась на родину, но уже не в Питер – в Москву. В столичной тусовке нашлось немало знакомых лиц, которых Беата встречала в разные периоды своей жизни в разных странах, и, глядя на них, не постаревших ни на морщинку с

момента их последней встречи лет сорок назад, бывшая балерина чувствовала себя невероятно старой…

У нее был нежный и трогательный роман с Аристархом, который тогда носил другое имя и только-только стал одним из них.

Она дружила с Инессой и была на открытии ее самого первого бутика в Милане. Как давно это было… Тогда в моду только-только вошли бикини, и две вампирши осмелились бросить вызов респектабельной публике Итальянской Ривьеры, появившись на пляже в двух крошечных полосках ткани… Был облачный день, народу на пляже было немного, но слухи об их дефиле по берегу моря разнеслись потом по всему курорту. На следующий день на пляже был аншлаг. Но две прекрасные бесстыдницы больше там не появились – еще несколько дней они лечили солнечные ожоги. Солнцезащитных лосьонов тогда еще не было и в помине… Да и изобрел их, кстати говоря, их кровный брат.

С Эльзой они ходили на концерт «Битлз» в сырой и темный подвальчик. Он был полон народу, хотя ливерпульская четверка тогда была известна только в узких кругах меломанов и от всемирной славы их отделял еще целый год. Эльза тогда провела ночь с Ленноном, Беата – с Маккартни. Наутро подруги делились, что давно не пробовали таких изысканных чувств и таких трепетных эмоций. Ребята были обречены на славу. Они с Эльзой были обречены на вечные скитания, вечную жажду и вечную молодость, которая со временем тоже стала тяжким испытанием.

До семидесяти лет Беата не особенно терзалась этими вопросами. Глядя, как стареют ее сверстницы, как теряют форму и уходят со сцены ее прежние соперницы, Беата лишь самодовольно ухмылялась, радовалась своим неизменным 90-60-90 и с еще большим азартом выходила к публике. Сперва были балет и кино, потом – кабаре «Мулен Руж» и шест на площадке стрип-клуба. Ее пластика, отработанная десятилетиями, завораживала мужчин эффективнее любовных приворотов. Ее грация ошеломляла, влюбляла, сводила с ума. Тайна в ее глазах делала Беату еще более привлекательной и желанной. Она с наслаждением купалась в любви мужчин моложе ее на полвека и благодарила вампира, подарившего ей десятилетия юности, чувственности и удовольствия.

Переворот случился, когда Беата узнала о смерти подруги, с которой они вместе начинали покорять сцену театра. В следующие пять лет знакомые ее юности умирали одна за одной. Беата бродила по кладбищам с охапками красных роз, которые в сумерках казались черными, и оставляла нежные бутоны на холодных серых надгробиях. Ее трясло, она чувствовала себя преступницей, обманувшей смерть. Смертельно старой преступницей.

В одну из таких ночей она встретила на кладбище Вацлава, и ее сердце сжалось от боли. Если ей, восьмидесятилетней, возраст причиняет такие страдания, каково вампиру, который старше ее на сотню лет, на тысячи бессонных ночей, на миллионы минут отчаяния? Они проговорили тогда до рассвета. Говорила в основном она, а Вацлав терпеливо и внимательно слушал. Беата выплеснула на своего собеседника все свои страхи, все свои терзания, все сомнения, и по его потухшим глазам она видела, что смогла выразить словами то, что мучило и его уже долгие годы. С первыми лучами солнца пришло облегчение… и радость. Они покинули тихое кладбище держась за руки и, добравшись до ее квартиры, любили друг друга так неистово, как будто впервые в жизни.

Вацлав возродил ее к жизни, и на двадцать лет она забыла о своих сомнениях, вновь окунулась в водоворот развлечений и удовольствий. Меняла любовников, прически, наряды. С интересом следила за тем, как стремительно меняется жизнь вокруг. Как снимаются запреты, как то, что прежде осуждалось, становится нормой жизни, как моральные устои превращаются в предрассудки, а на смену им приходит свобода – порой шокирующая и ужасающая. Беата переживала эти перемены постепенно и успевала привыкнуть к ним, новые веяния не были для нее потрясением. Впрочем, вспоминая себя девятнадцатилетнюю и глядя в зеркало на себя настоящую, она ощущала себя инопланетянкой.

Но вот настал столетний рубеж, и страхи вернулись. Еще более пугающие, чем раньше. Она по-прежнему принимала любовь молодых мужчин, но ее все чаще мучили ночные

кошмары. Снилось ей одно и то же: широкая постель, смятые простыни, жаркие прикосновения, затуманенное страстью лицо любовника… и вдруг гримаса отвращения и крик ужаса. Ее возлюбленный стремительно вскакивает с кровати, путаясь в простынях и призывая Господа Бога. Недоумевающая Беата тянет к нему руки, зовет вернуться к ней и слышит скрипучие бормотания древней старухи, видит корявые, покрытые пигментными пятнами кисти с узловатыми пальцами, а затем в ужасе поворачивается к зеркалу. На постели сидит омерзительная старая карга с редкими спутанными седыми волосами, а ее дряблое серое тело одето в кокетливый ярко-алый комплект белья. Бюстгальтер с объемными чашечками слишком велик для ее опавших грудей, а открытые трусики выглядят нелепо на ее высохшем, как у мумии, теле. Беата кричит, и зеркало отражает обведенный алой помадой рот, из которого, как карандаши из банки, выглядывают неровные гнилые зубы. Молодой любовник, поспешно натягивая брюки, завороженный ее уродством, не может отвести глаз. Беата рыдает и пытается прикрыться простыней, но дорогой шелк ветшает на глазах, превращаясь в невесомую паутинку. Трещит, рассыпаясь от времени, кровать, рушится потолок, погребая под собой беспомощную рыдающую старуху, пытавшуюся обмануть время, но получившую по заслугам. Любовное ложе становится могилой, и черви жадно набрасываются на ее еще живое тело…

Знакомство с возрастным психологом Владиславом стало для нее тогда спасением от мучительной депрессии, во время которой Беата не раз помышляла о самоубийстве. Влад исцелил ее душу, а потом незаметно поселился в ее сердце… Когда он оставил ее ради юной студентки, наивно верившей, что вампиры существуют только в кино, Беата не могла его осуждать. Девушка была прелестной и такой жизнерадостной, какой можно быть только в восемнадцать лет. Влад так и не решился признаться ей – Беата поняла сама. Своим женским чутьем и натренированной телепатией. Поняла и отпустила. Только с уходом Влада в ее душе опять поселилась гложущая тоска.

Ее перестали радовать еда и одежда. Она, всегда испытывавшая удовольствие от модных обновок, вяло согласилась с доводами своего нового любовника и изменила божественным туфелькам «Маноло Бланик» с кустарными подделками итальянцев. Странно, она даже не ощутила разницы. А ведь когда-то, примерив ради любопытства поддельные босоножки, она сочла их орудием пытки.

Странно, но именно сегодня, когда интуиция вопит о смертельной опасности, ей вдруг страстно захотелось жить. Ходить в театры, читать горы книг, опустошать магазины, учиться новым технологиям и наблюдать, куда катится этот безумный, безумный, безумный мир. Ведь это так интересно!

В последнее десятилетие благодаря Интернету исчезли расстояния, а мобильная связь лишила людей права на уединение. Телевидение нынче выносит на всеобщее рассмотрение то, что во времена ее юности считалось строго личным и интимным. Ее мама, должно быть, умерла бы со стыда, если бы увидела, как одеваются и ведут себя современные девушки, а отца бы хватил удар, посмотри он хотя бы одну серию «Дома-2». А что будет дальше – даже представить трудно!

Нет, ей определенно повезло с судьбой. Она была свидетельницей трех веков. Она хранила томик стихов с автографом Анны Ахматовой и читала новомодные романы Оксаны Робски. Помнила культ поэтов Серебряного века и пришедших им на смену хиппи, битлов, рокеров и металлистов. Имена футуристов и акмеистов, с которыми она когда-то веселилась в «Бродячей собаке», ничего не говорили ее новым знакомым. Она дружила с Эдит Пиаф, она преклонялась перед ее талантом, и как же ей было дико, когда нынешний поп-кумир Мерцалов сегодня спросил: «А кто это?»

Менялись идолы, ценности, мечты, и она менялась тоже, прожив за эти годы множество жизней. Ее долголетие – это бесценный подарок судьбы. Она просто устала и нуждается в отдыхе. Надо будет рвануть с Филиппом куда-нибудь к морю, под пальмы, развеяться, отвлечься, взбодриться…

Деликатный стук в дверь прервал ее воспоминания, и чувство опасности обострилось

до предела. Напрягшись, как пантера перед прыжком, Беата подошла к двери и повернула ключ. Она ожидала увидеть бесстрастное лицо убийцы или маску киношного маньяка, а за дверью оказался старинный друг. Лицо Беаты прояснилось, и она отступила назад, предлагая войти.

– Хорошо, что ты здесь, – обрадовалась она. – Я как раз тебя вспоминала. Выпить хочешь?

– А есть повод?

– Найдем! – пообещала Беата, доставая из бара бутылку выдержанного мерло.

За вином она окончательно расслабилась, посмеялась над своими страхами, высказанными вслух, и поделилась своими планами насчет нового шоу. Нельзя же постоянно кормить публику одним и тем же!

В какой-то момент ей показалось, что в зеркале мелькнула какая-то тень. Беата в недоумении наклонилась через стол, вытянув шею, и почувствовала легкий укол в руку чуть пониже плеча. Повернула голову, в изумлении уставилась на иглу, вонзившуюся в кожу, и шприц в руках своего гостя. Отшатнулась и рухнула в кресло, понимая, что из него уже не поднимется.

– Но как… ты… почему… мы же…

– Ты меня разочаровала, Беата. Смертельно разочаровала.

Значит, не будет пальм, не будет морского ветра, обдувающего лицо, не будет нежных рук Филиппа, поправляющего на ней накидку… Беата бежала по темному тоннелю, в окнах которого вспыхивали картины ее долгой жизни и портреты ее знакомых. Ее волосы были темными и кучерявыми, как в юности, на ногах были пуанты, на теле – балетная пачка. Тоннель заканчивался занавесом, у которого стояли ее родители. Мама с папой улыбнулись, одновременно отдернули портьеры, и в глаза ей хлынул ослепительно белый свет.

Глава 7
ВАМПИР ПРЕДПОЧИТАЕТ МЕРЛО

Я считаю, о сюрпризах всегда надо предупреждать заранее и указывать точное время.

Софи Кинсела. Шопоголик и бэби

Если кто-то хочет откусить от меня кусок, скажи им, чтобы занимали очередь.

Лорел Гамильтон. Смертельный танец

– Жанночка! – бросилась ко мне бабуля Лиза. – Вот беда-то приключилась!

Я перевела ошалевший взгляд на три чемодана, выстроившиеся вдоль стены, и башню из шляпных картонок, стоявшую на коврике. Действительно, беда! Похоже, бабуля ко мне надолго…

– Соседи меня залили! – восклицала тем временем бабушка. – Василий с верхнего этажа задумал ремонт делать, нагнал целую орду таджиков, так они ему там все трубы разворотили, и у меня дома теперь всемирный потоп! Насилу успела шляпки спасти, и то половины не уберегла. – Бабушка горестно вздохнула.

– Так это все, что осталось? – Я кивнула на шляпные картонки в количестве восьми штук и поняла всю степень бабушкиного отчаяния.

Кто-то сходит с ума по туфлям, кто-то тоннами скупает сумочки, а у моей бабули была страсть к шляпкам. Несмотря на то что к своим семидесяти двум годам она сохранила густую шевелюру и ей нет необходимости скрывать поредевшую макушку, бабушка не выходит из дома без головного убора. Даже для прогулки с мусорным мешком до помойки бабуля тщательно подбирает шляпку, соответствующую настроению и костюму. За долгие

годы шляп накопилось не меньше сотни, под них даже пришлось выделить кладовку. Бабушка с несвойственным для ее ровесниц расточительством со спокойной душой вынесла на помойку мои детские санки, школьный велосипед и еще гору вещиц, с которыми бы до смерти не рассталась ни одна из ее подруг. Все для того, чтобы освободить место под шляпные картонки. И я ею искренне горжусь: в своем преклонном возрасте (расценивать его таковым бабушка категорически отказывается, считая себя юной) бабуля остается настоящей женщиной. Кокетливой, ухоженной, модной и привлекательной. Поэтому гибель большей части ее шляпной коллекции – настоящий удар для бабушки.

– Какая трагедия, – сочувствующе кивнула я, открывая дверь и втаскивая в квартиру бабушкины пожитки.

– Да, честно говоря, я и рада, что так случилось! – ошарашила меня бабуля. – Давно пора было избавиться от этой рухляди. Зато теперь появился повод прогуляться по магазинам! На днях я видела совершенно чудную шляпку, расшитую стразами и пайетками, – с мечтательным видом припомнила она.

– Обязательно! Тем более у тебя скоро очередной семнадцатый день рождения, – подхватила я, внося пакеты со своими покупками и закрывая дверь.

– …а девушке в семнадцать лет какая шляпка не пристанет! – с лукавым видом процитировала бабуля свою любимую фразу. – С твоего позволения, я в душ, а потом ты мне покажешь свои обновки!

Я снабдила бабушку полотенцем, дождалась, пока в ванной зажурчит вода, и заметалась по квартире, пряча разбросанные по всему дому брошюры, поваренные книги вампира и правила охоты. Вроде бы ничего не забыла?

Я забрала из прихожей забытые вчера приглашение и клубную карту и взглянула на себя в зеркало. Да нет, я совсем не изменилась. Бабуля не должна ничего заподозрить. К счастью, кровавыми слезами я не плачу, в зеркале отражаюсь, на дневном свете, как свечка, не вспыхиваю, на людей не бросаюсь, так что с моей стороны опасность бабушке угрожать не должна. А привычки копаться в чужих вещах бабуля не имеет, так что можно не бояться, что она отыщет спрятанные брошюры. А если и найдет случайно, придумаю что-нибудь. Придется ей, конечно, соврать что-то насчет работы и нового образа жизни. Что бы такое придумать? Скажу, что устроилась модным обозревателем и освещаю светские тусовки! А в качестве доказательства принесу какую-нибудь желтую газету и скажу, что печатаюсь под псевдонимом. Хорошая идея!

Я спрятала клубную карту в сумку, порвала на мелкие кусочки приглашение на свою первую вампирскую вечеринку и потопала на кухню. Обрывки бумаги полетели в мусорное ведро, а я поставила на плиту чайник – надо же было чем-то угостить любимую бабулю, свалившуюся как снег на голову. Нечего было даже и думать о том, чтобы отправить ее к моим предкам – мама свекровь на дух не переносила. Других родственников, готовых приютить старушку с ее картонками, у нас нет. А уж такие фантастические версии, как гостиница или съемная квартира на время ремонта, отметались сразу. Бабуля у меня старой закалки, у нее в голове не укладывается, как можно платить за жилье чужим людям, когда в городе у тебя есть родственники – даже если это бывший муж троюродной тетки, что уж говорить о единственной и любимой внучке. Придется смириться с мыслью о том, что в ближайшую пару недель мне придется потесниться и быть предельно осторожной.

– Жанночка! – прощебетала бабушка, появляясь на кухне в красивом шелковом кимоно, ослепительная, как кинозвезда. – Наедаться на ночь не будем! Красивым девушкам нужно заботиться о фигуре!

Она с укоризной взглянула на гору пряников, которые я вывалила в вазочку, и решительно убрала их в шкаф.

– Надеюсь, у тебя есть йогурт? – Бабуля открыла холодильник и по пояс исчезла в нем. – Йогурта конечно же нет! – с огорчением констатировала она минутой позже. – Что ж, гранатовый сок тоже подойдет!

Гранатовый сок? Сто лет его не покупала! Не успела я удивиться, как бабушка уже

вынырнула из холодильника с пузатой бутылочкой с темно-алым содержимым.

Я так и похолодела. Ну Глеб! Вот свинью подложил! Он все-таки умудрился тайком сунуть мне порцию крови, несмотря на все мои препирательства. Пока я поражалась коварству вампира, бабуля уже открутила крышечку и поднесла ее к губам.

– Бабушка, немедленно поставь это на место! – заорала я.

Бабуля вздрогнула и с подозрением уставилась на меня, а потом на содержимое бутыли.

– Зачем так кричать, Жанночка? Ты так разволновалась, как будто я за гранату схватилась, – укоризненно сказала она.

– Это тайский соус, – выпалила я, отбирая склянку. – На основе настойки жгучего перца. Он очень острый, тебе не понравится.

– Травишь желудок всякой гадостью, – неодобрительно пробурчала бабуля, – а в холодильнике мышь повесилась. Даже кефирчика нету!

– Я сейчас схожу, – пообещала я. – Ты пока подумай, что нам нужно.

– Лучше я с тобой! – с воодушевлением отозвалась бабушка.

– Да ты только из ванной, а на улице сыро. Не хватало еще простудиться!

– Ну ладно, – нехотя подчинилась бабушка. – Запоминай…

Через пятнадцать минут я уже бродила среди полок супермаркета, наполняя корзинку диетическим содержимым бабушкиного списка. Что ж, повезло хотя бы, что бабуля у меня не любительница пирожков, плюшек и котлет, девиз которой – раскормить внучку в упитанную свинку. А то пришлось бы разругаться вдрызг, отказавшись от ее выпечки и жаркого. Атак, вполне вероятно, удастся подсунуть бабуле несколько вампирских рецептов под видом диетических и избавиться от проблемы готовки.

Я расплатилась за продукты и быстро зашагала к дому, стараясь выбросить из головы мрачные мысли. Всю дорогу мне чудилось, что между лопаток меня сверлит чужой любопытный взгляд.

Две тени перегородили мне дорогу на полпути к дому. Еще две беззвучно возникли сзади, отрезая путь к бегству. Я нервно хихикнула: не успела стать вампиром, а уже охотники по мою душу нашлись. Фигуры приближались, в руках одной блеснуло лезвие стали… Или серебра? Стоп, мы так не договаривались! Могли бы начать со связки чеснока, бутылки святой воды, осиновых кольев и угроз: «Покайся, вампир!» Но нападающие не проронили ни слова, а только все больше сужали круг.

– Ребята, вам чего? – Я крепко сжала ручку пакета с йогуртами, намереваясь при первом удобном случае пустить его в дело.

– Какая цыпа! – ощерился один из нападающих.

И тут мне стало по-настоящему страшно. Можно еще как-то заговорить зубы охотникам на вампиров, но как вырваться от обычных хулиганов, вооруженных ножами? Попробовать взять на понт?

– Мальчики, вы что? – Я обворожительно улыбнулась, впервые в жизни пожалев, что мифы о вампирах оказались чепухой. Сейчас бы мне не повредили удлиненные клыки, способные повергнуть в бегство самых отъявленных рецидивистов, и сверхъестественная сила – с каким бы удовольствием я расшвыряла этих перцев по углам! А еще лучше было бы превратиться в туман или в летучую мышку.

– Пусти, – прошипела я, когда рука одного из парней схватила меня за плечо.

– А то что, киса? – насмешливо гоготнул он.

– А то покусаю! – пригрозила я.

– Пацаны, да она бешеная! – загоготал парень и еще сильнее вцепился мне в плечо.

– Я вампир! – в бессилии прошипела я, долбанув его по ноге пакетом.

Ну почему мне так не повезло с вампиризмом? Помимо потребности пить кровь, регенерации, увеличенной продолжительности жизни и нечеловеческой харизмы, на которую, похоже, и клюнули эти хмыри, никаких привилегий и преимуществ. И как мне теперь защищать мою вампирскую честь? Может, попробовать рвануть этого прыща зубами

за глотку – вдруг свежая кровушка прибавит мне силы? Или хотя бы напугает остальных нападающих? При взгляде на шею, которую я собиралась прокусить, меня тут же передернуло: покрытая щетиной, с выпирающим кадыком – от одного ее вида уже тошнило, к тому же ноздри совершенно отчетливо учуяли запах немытого тела.

– А в авоське у тебя чего? Бутылки с кровью? – зашелся визгливым смехом другой нападавший, одним движением вырвав у меня сумку. По асфальту рассыпались коробочки с йогуртом и разноцветные упаковки творожка.

– Или ты вампирша-вегетарианка?

– Да чего ты с ней цацкаешься, Толян! – прогундосил молчавший до этого рыжий дылда в черной бейсболке. – Тоже мне вампирша! Не врала бы, уже давно бы нас по сторонам разметала, кровушкой закусила и отправилась в свой гроб ночевать.

– В это трудно поверить, но я предпочитаю мирное урегулирование проблемы, – процедила я. – Поэтому я даю вам последний шанс сохранить свои жалкие жизни.

– А что же ты брезгуешь нашей кровью? – усмехнулся главный.

– Да потому что смердит от вас, как от бомжатины! – не выдержала я.

– Вот сука! – Главарь приставил к моей шее лезвие. – И что, теперь ты такая же смелая?

Была не была. Зажмурившись, я подалась вперед, на лезвие. Кожу обожгло чем-то горячим.

– Вот больная! – оторопело воскликнул парень, убирая нож. – Пацаны, я ничего – она сама на нож напоролось.

Превозмогая дурноту, я откинула волосы и поднесла к губам запачканный кровью палец.

– Во чеканутая! – поразился другой хулиган, зачарованно глядя на меня.

Растерев кровь по губам, я медленно провела рукой по шее, стирая кровь. Очевидно, силу удара я рассчитала правильно. Порез был неглубоким и уже начинал затягиваться. Дылда потрясенно таращился на мою шею, потом тоненько взвизгнул и бросился улепетывать со всех ног.

– Кто-то еще не верит, что я вампир? – ласково улыбнулась я.

Остальных хулиганов как ветром сдуло. Я присела на корточки и собрала покупки в разорванный пакет. Надо быть осторожнее с моей харизмой и темными подворотнями!

Движение за спиной я уловила краем глаза.

– Кому еще неймется? – Я зло обернулась и замерла.

Надо мной возвышалась фигура в черном плаще и черной маске. В следующий миг я уже вскочила на ноги и отпрыгнула на пару шагов назад. Черт, вот тебе и сходила за кефирчиком. Что ж их всех разманьячило-то так?!

– Кто вы? – попыталась наладить контакт я.

Но фигура в отличие от хулиганов к разговорам расположена не была. Она просто беззвучно шагнула ко мне, в прорези рукава мелькнула белая тряпица, и к прохладе ночи примешался резкий химический запах.

Инопланетяне хотят забрать меня на опыты, предварительно усыпив, обмерла от догадки я.

– Я вам не подойду, – слабо пролепетала я, пятясь. – Я больна, смертельно больна. И детей рожать не могу!

Фигура продолжала неумолимо наступать. Может, она слышала, что я вампир, и в их коллекции как раз не хватает кровозависимого экземпляра?

– Я все наврала, – поспешно сказала я, прижимая к груди пакет с продуктами. – Я не вампир, и никаких сверхъестественных способностей у меня нет. Это все шутка.

Но фигуру это не остановило.

– Послушай, чего тебе от меня надо? – обозлилась я, продумывая пути к отступлению.

Броситься наутек в надежде, что этот извращенец запутается в своем плаще? Запустить в него упаковкой йогурта? Или… Рука нащупала горлышко бутылки с оливковым маслом и осторожно открутила крышку.

В следующий миг я отскочила назад, плеснув под ноги преследователю дорогого масла (какое расточительство! Этому ханурику и машинного было бы достаточно). Бросившийся было за мной преступник поскользнулся и рухнул на землю. Что-то жалобно тренькнуло, похоже, разбилось стекло мобильного или зеркальце, лежавшее в кармане. В воздухе что-то блеснуло, и к моим ногам упал вылетевший из руки нападавшего… шприц. Наркоман, значит, на дозу не хватает. Наверное, караулит поздних покупателей от самого супермаркета.

Не дожидаясь, пока пацан придет в себя, я припустила к дому. Придется сослаться на забывчивость, когда бабуля не найдет среди покупок бутылки с маслом. Не нервировать же старушку рассказом о своих злоключениях, у меня и корвалола-то в аптечке нет. Главное, что удалось спасти йогурты!

Дома меня ждал сюрприз.

– А у нас гость! – шепнула бабушка, отбирая у меня пакет с йогуртами.

На кухне, улыбаясь, как Чеширский Кот, сидел Глеб, уже успевший очаровать бабулю.

– Ну вы тут чаевничайте, а я пойду в комнатку, – подмигнула мне бабушка, исчезая из кухни с бутылочкой йогурта в руках.

– Ты что тут делаешь? – отмерла я, осознав тот факт, что Глеб – вампир, не гнушавшийся охоты, а бабуля – немощная старушка, которая в случае чего и отпора-то дать не сможет.

– Ты действительно обо мне такого плохого мнения? – расстроился Глеб, без труда прочитав мои мысли. – Я никогда не причиню вреда твоим близким.

– Извини, просто слишком неожиданно видеть тебя в компании своей бабушки, – смутилась я.

– Она у тебя потрясающая женщина! – искренне восхитился Глеб.

– Нашел сверстницу, равную тебе по уму? – поддела я.

– Ревнуешь? – Вампир насмешливо приподнял бровь.

Я рассмеялась, осознав всю глупость ситуации.

– Ты зачем пришел?

– А ты мне не рада? – насупился он.

– Честно говоря, соскучиться по тебе еще не успела.

– Догадываюсь. – Глеб скорчил рожицу. – Елизавета Петровна сказала мне, что ты обчистила сегодня какой-то модный магазин.

– Сплетница! – проворчала я.

– Покажешь обновки? – Глеб рывком усадил меня к себе на колени и прижался губами к шее.

– С ума сошел? – зашипела я. – Бабуля за стенкой!

– Елизавета Петровна – интеллигентная дама, она не будет подглядывать, – промурлыкал Глеб.

– Ты за этим явился?

– Вообще-то за другим. – Он нехотя оторвался от моей шеи.

– Забыл кое-что в холодильнике? – ехидно спросила я.

– Неужели бабушка ее нашла? – охнул Глеб.

– И не только нашла, но еще и чуть не выпила! – Я рассерженно ткнула его кулаком в бок.

– Да, надо быть осторожнее, – скорчил виноватую мордочку Глеб. – Она здесь надолго?

– Недели на две, не меньше. Как думаешь, она ничего не заподозрит?

– Откуда? – обнадежил меня Глеб и со смешком добавил: – В конце концов, если будешь вести себя чересчур подозрительно, подумает, что ты принимаешь наркотики или вступила в секту.

– Вот спасибо, утешил, – проворчала я.

– Не волнуйся, лет десять ты еще сможешь жить со своей семьей.

– А потом? – Я замерла, вспомнив слова Светы о необходимости переездов в целях

конспирации.

– Потом начнутся вопросы – почему ты в тридцать выглядишь на двадцать, никогда не ездишь на море и когда у тебя появятся дети.

– И что тогда?

– Тогда ты пропадешь без вести или погибнешь. Для них, разумеется. А сама переедешь в другой город и начнешь новую жизнь.

– Без семьи…

– Я живу так уже больше пятидесяти лет, – глухо сказал Глеб. – Теперь ты понимаешь, почему вампиры держатся друг друга и живут большой дружной семьей? Надо же нам кого-то любить и кому-то радоваться.

Минуту в кухне висела полная тишина. Были слышны возгласы Андрея Малахова из комнаты: бабушка смотрела «Пусть говорят».

– Ну не кисни. – Глеб чмокнул меня в макушку. – Пошли лучше веселиться. Я же тебя в клуб пригласить пришел.

– Опять? Боюсь, я не привыкла к такому насыщенному графику веселья.

– А как насчет романтического ужина? Надеюсь, ты любишь сказки?

– А как сказки сочетаются с романтическим ужином?

– Поехали, покажу.

Ну как было отказаться от такого заманчивого предложения?

Глеб привел меня в вампирский ресторан «Подземелье», который не значился в столичных справочниках и путеводителях и был надежно спрятан от посторонних глаз стеной невзрачных складских помещений. Даже я, владея картой с указанием вампирских заведений, в жизни бы не нашла его самостоятельно.

Сама дорога до «Подземелья» стала настоящим приключением. Когда Глеб припарковался в безлюдном месте и повел меня мимо темных бараков, я даже поежилась. Не будь это Глеб, которому я доверяла безоговорочно, я бы уже давно бежала отсюда сломя голову.

– Страшно? – подколол меня кавалер.

– Страшно представить, что за ресторан может находиться в такой дыре, – призналась я.

Словно вторя мне, неподалеку тоскливо мяукнула кошка, и я испуганно вцепилась в локоть спутника.

– Так и задумано, – ухмыльнулся Глеб, увлекая меня в темноту между бараками, не освещаемую фонарями. – Случайные посетители и любопытные нам не нужны. Ресторан открывается уже в сумерках, и в это время ни один нормальный человек сюда не забредет. Мы никому не мешаем, нам никто не мешает.

Тьма, сквозь которую мы шли, висела плотным черным бархатом, даже дышать сделалось трудно. Казалось, мы движемся по тоннелю, соединяющему два мира – привычный мне современный мегаполис и пока еще чуждое и странное царство вампиров.

Я чувствовала себя слепым котенком и неуверенно перебирала ногами, боясь подвернуть каблук, но Глеб великолепно ориентировался в пространстве и уверенно вел меня все дальше от уличных фонарей, оставшихся далеко позади. Наконец он нырнул в какую-то темную арку, из которой ощутимо пахнуло мочой, но не успела я возмутиться, как что-то заскрежетало, показалась полоска мягкого света, и я с удивлением увидела, как часть каменной кладки отъехала в сторону. Потайной ход! Как в кино! Воздух мгновенно наполнился отголосками веселых разговоров, звуками музыки и аппетитными ароматами жаркого, а под ноги мне метнулась какая-то черная тень.

Я взвизгнула и вцепилась в Глеба, придерживавшего одной рукой образовавшийся проем.

– Не бойся, это всего лишь Маркиза, – успокоил он.

Черная кошка, гибкая и грациозная, потерлась о ноги Глеба и юркнула в

образовавшийся ход, привычно сбежав по ступеням, ведущим вниз.

– И правда подземелье, – пробормотала я, проводив ее взглядом.

– Готова ли ты сойти под землю и открыть для себя тайны мироздания, сестра моя? – шутливо провозгласил Глеб, поторапливая меня и пропуская вперед.

Я потянула ноздрями воздух. Готова ли я? Да я готова на что угодно, лишь бы отведать жаркое, которое так изумительно пахнет! Я быстро шагнула внутрь. Камни за моей спиной заскрежетали, вновь складываясь в монолитную стену. Глеб убедился, что потайной ход скрыт, и мы стали спускаться по ступеням.

Внизу нас ожидал учтивый седой мужчина с бакенбардами, который принял наши пальто и вновь погрузился в чтение старинной книги с пожелтевшими страницами, лежавшей на стойке.

– А он тоже один из нас? – с любопытством прошептала я, когда мы отошли на несколько шагов.

– Тут других нет.

– А почему тогда мы – посетители, а он нас обслуживает?

– Вот проштрафишься в чем-нибудь, сошлют тебя на место Генри, а его амнистируют.

– Это что, шутка такая? – надулась я.

– Какие уж тут шутки. Ты что, ничего не читала о нашем общественном устройстве и системе наказаний?

Наказаний? Я-то думала, будут только денежные премии и веселые вечеринки. А получается, есть еще штрафы и исправительные работы? Официанты незримыми тенями присутствовали еще на вечеринке в мою честь, но тогда я совсем не задумывалась над вопросом, кто эти люди. И люди ли они?

– Да не дрожи ты. – Глеб приобнял меня за плечи, ведя по узкому коридору к освещенному залу, откуда доносились голоса посетителей. – Уверен, ты у нас законопослушная гражданка и не будешь воровать, грабить, убивать и мошенничать. Или нет? – Он притворно нахмурился.

– Не доводи меня до греха, – приструнила его шуточки я.

– Обязательно доведу, но только не здесь, – многозначительно пообещал Глеб, поглаживая меня по спине.

Мы вошли в зал, который был полон народу. На нас обернулись, зазвучали приветствия с ближайших столиков, я разглядела несколько лиц, знакомых по вечеринке в мою честь. Оперная дива блистала бриллиантами, а звезда мексиканского мыла – глубоким декольте. Почти все дамы были в вечерних платьях. Мог бы и предупредить про дресс-код, рассердилась я на Глеба. А то сам пришел в джинсах и пуловере, и мне сказал с одеждой не заморачиваться и одеться ему под стать. И теперь я в своей юбочке и топе как Золушка на королевском балу. Вот только без платья, наколдованного крестной-феей.

– Доброй ночи! – прозвучало совсем рядом, и перед нами предстал улыбчивый белокурый паренек в старомодном голубом костюме придворного с белоснежной манишкой, подчеркивающей зеленоватый цвет лица.

Я вздрогнула (в гроб и то краше кладут!), но заставила себя вежливо улыбнуться в ответ.

– Идемте за мной, я покажу ваш столик. – Официант повернулся спиной, и я громко взвизгнула и, отпрыгнув назад, спряталась за Глеба, поражаясь невозмутимости своего спутника, который никак не отреагировал на… топор, лезвие которого наполовину застряло в спине официанта. А вокруг, по голубой ткани, расползалось темное кровавое пятно.

– Что-то не так? – Официант встревоженно обернулся на мой визг и укоризненно посмотрел на Глеба. – Ты что же, не предупредил даму?

Предупредить о чем, что нас будет обслуживать живой мертвец?

– Ох, какой же я кретин! – воскликнул Глеб и с искренним раскаянием в голосе протянул: – Жанна, прости, я перепутал дни! Думал, что сегодня вторник, сказочный день, а сегодня понедельник, трупный день.

– Сразу все прояснилось, – пробормотала я, ничего не понимая и продолжая с ужасом таращиться на официанта.

– Да не бойтесь вы. Это бутафория, – парень махнул рукой за спину, – фишка такая. Все официанты по понедельникам загримированы под мертвяков. Вон Алесю вообще сегодня под Офелию загримировали – жуть просто!

При виде официантки, которая двигалась в нашу сторону, мне чуть дурно не стало. Внешне от настоящей утопленницы не отличишь. Простоволосая, в белом балахоне, босоногая, с голубой кожей, с глазами, щедро обведенными серыми тенями. Поравнявшись с нами, девушка мило улыбнулась синими губами и пожелала доброго вечера. А я даже не смогла ответить ей, во все глаза глядя на живые водоросли в ее распущенных волосах. И особенно на креветку, которая намертво вцепилась в одну из прядей.

– Офелия же в реке утонула, – ошеломленно сказала я, когда веселая «утопленница» унеслась отдавать заказ повару. – Там раки, а не креветки.

– Это хорошо, что вы проголодались, – оживился официант, заслышав про еду. – У нас в меню есть и то, и другое. Надеюсь, это досадное недоразумение не испортит вам вечер. Вот ваш столик, присаживайтесь.

Я позволила усадить себя на стул с высокой спинкой, напоминающий трон, и, как только официант, вручив меню, удалился, уставилась на Глеба, требуя объяснений.

– Жан, я дурак, кретин, идиот! – стал горячо корить себя он. – Хотел устроить тебе романтический вечер, думал, ты почувствуешь себя как в сказке…

– Не думала, что бывают такие сказки… ужасов! – возмутилась я.

– Ну прости меня. Не сердись, пожалуйста. – Глеб пустил в ход свой фирменный взгляд Кота в сапогах.

И как на такого сердиться?

– Лучше объясни мне, что здесь происходит и как между собой сочетаются сказки и трупы, – пошла на мировую я.

– У «Подземелья» фишка такая, – с готовностью поведал Глеб. – Официанты здесь всегда в маскарадных костюмах. Среда, например, национальный день, официанты одеты в национальные костюмы.

– Как на конкурсе «Мисс мира»? – хмыкнула я.

– Точно. Только тут еще и мистеры есть – в виде джигитов, испанских тореадоров, шотландцев в юбках, эскимосов. Вторник – сказочный день. Прислуживают Баба-яга, Белоснежка, Кощей, Иван-царевич, Красная Шапочка, Буратино и другие. Я думал, что сегодня так и будет, поэтому тебя и привел, Жан! Не сердишься?

– Дальше рассказывай, про трупный день, – велела я.

– А чего рассказывать, сама видишь: вокруг одни зомби.

Он красноречиво покосился на нового официанта, подошедшего к соседнему столику. Лицо парню разрисовали под Франкенштейна, расчертив на заплатки, да еще и вставной глаз для пущего эффекта прилепили поверх здорового.

– Один раз такой маскарад на Хеллоуин устроили ради прикола, – сообщил Глеб. – А всем так понравилось, что трупный день сделали еженедельным. По понедельникам всегда аншлаг, поэтому свободных столиков нет почти. Ты уж извини, не получится романтичного ужина. В день сказок посетителей мало, удалось бы посидеть почти в одиночестве. И как я только дни перепутал?!

– Вы готовы сделать заказ? – подкатил к нам зеленолицый официант с топором в спине.

– Чуть позже, – отослал его Глеб и обратился ко мне: – Действительно, давай уже выберем поесть.

И как можно есть в такой обстановке? Я с сомнением покосилась на посетителей: вампиры трескали свои порции и не обращали никакого внимания на прислуживавших им зомби.

– Ну хочешь, уйдем? – предложил Глеб, поняв мое состояние.

Желудок предательски булькнул, выдав меня с головой.

– Да уж ладно, – смущенно пробормотала я, – останемся.

Глеб с радостью углубился в свое меню и дал мне возможность спокойно ознакомиться с содержимым моей папки.

Перечень предлагаемых блюд отличался от меню обычного ресторана разве что большим разнообразием, широким выбором деликатесов и пикантными названиями фирменных блюд. Так, рыбное ассорти значилось как «Любовь с первого укуса», салат «Цезарь», вероятно, из-за содержания чесночных сухариков, назвали «Секретное орудие Ван Хельсинга», бифштекс – «Спасением рядового Дракулы», а котлету из индейки – «Реваншем Баффи». Коктейли напоминали об известных вампирских книгах и кинофильмах – «Дракула», «Интервью с вампиром», «Грезы Февра», «От заката до рассвета», «Сумерки», «Ван Хельсинг», «Другой мир». Особняком стояли коктейли «Кровавая Баффи № 1», а также номера 2, 3 и 4.

– Что это? – поинтересовалась я у Глеба.

– Сыворотка, номер означает группу крови, – будничным тоном просветил меня он.

Я поспешно перелистнула страницы, возвращаясь к еде. В итоге я остановила свой выбор на салате из кальмаров «Темный властелин колец» и на семге под яблочной карамелью «Рыжий вамп». Глеб заказал грибной салат «Полночный дозор», медальоны из телятины «Телячья нежность» и бутылку мерло. К рыбе, конечно, больше подошло бы белое, но в меню «Подземелья» присутствовали исключительно красные вина.

Пока официант уточнял заказ, я с любопытством оглядела помещение. Сводчатый потолок, каменная кладка под старину, большая круглая люстра с лампочками в виде свечей. На стенах светильники, которые с первого взгляда можно принять за настоящие факелы, и гобелены с изображение гербов и старинных карт. Столы из темного дерева, посуда по виду напоминает обожженную глину. Из динамиков льется приглушенная музыка в стиле mystic. Той зимой Сашка ею очень увлекалась и часто включала на работе в обеденный перерыв. Теперь наши с ней посиделки в прошлом…

– Ты чего загрустила? – мягко спросил Глеб.

– Ничего. – Я тряхнула головой, отгоняя невеселые мысли.

– Как тебе тут? – поинтересовался он.

– И правда подземелье!

– Тут не очень-то изысканно, зато есть свой стиль, правда? Из всех наших ресторанов этот мой любимый. А наши дамы обычно предпочитают «Шахерезаду» и «Версаль» – они сделаны под дворцы, восточный и французский, соответственно.

– А прислуживают там тоже официанты с топорами в спине? – хмыкнула я. – Или там исключительно гурии и придворные?

– Ты все еще сердишься? – расстроился Глеб.

– Еще бы! Ты ведь так и не рассказал мне, как здесь наряжают официантов с четверга по воскресенье, – намекнула я.

– Четверг – профессиональный день, – охотно пояснил Глеб. – Официанты примеряют форму военных, моряков, полицейских, пожарных, медсестер, горничных.

Я прыснула, представив себе, как один из столиков обслуживает легкомысленная горничная, у другого деловито записывает заказ бравый генерал, а к третьему с заказом спешит космонавт в скафандре.

– Пятница – курортный день, – продолжил рассказывать Глеб.

– Официантки в бикини? – усмехнулась я.

– У нас все целомудренно, – с улыбкой возразил он. – Летние сарафаны, гавайские рубашки, соломенные шляпы. По залу расставляют пальмы в кадках, шезлонги и пляжные зонтики, а музыканты играют только песни про лето и море.

– Да, море теперь только во сне увидишь, – взгрустнула я.

– Почему? – удивился Глеб. – Хочешь, как-нибудь махнем на море?

– Ты серьезно?

– А почему нет?

– Днем будем отлеживаться в бунгало, а ночью все море будет наше. Так что, поедем, русалочка?

– Заманчивая перспектива, – улыбнулась я.

– Я покупаю путевки?

– Куда ты так торопишься?

– Тороплюсь жить!

– Успеем еще. Лучше расскажи, что здесь по субботам происходит.

– Суббота – день кино. Заказы принимают Джеймс Бонд, Красотка, Гарри Поттер, Маска, Человек-Паук, Супермен, Шрек, Остин Пауэрс. Каждую неделю герои меняются. За воскресеньем определенной тематики не закреплено. Это может быть день, посвященный героям греческих мифов, какого-то известного фильма или книги. Например, две недели назад в воскресенье был фантастический день – официанты изображали инопланетян и героев фэнтези.

– Кого, например? – заинтересовалась я.

– Точно были Конан-варвар, Леголас, эльфийская принцесса и пара гоблинов, – припомнил Глеб.

Официант тем временем притащил нарезанный свежий каравай в корзинке, выстеленной белой льняной салфеткой, кувшин вина и два кубка под серебро. Затем наполнил бокалы и деликатно удалился.

– Ну что, – Глеб с виноватой улыбкой поднял кубок, – выпьем за то, чтобы сюрпризы в твоей жизни были исключительно приятными?

– Прекра-а-сный тост. – Я саркастически процитировала Людмилу Прокофьевну из «Служебного романа» и коснулась своим кубком кубка Глеба.

Пока гениальный шеф-повар с полувековым стажем, как пояснил Глеб, колдовал над нашим заказом, я решила расспросить моего спутника о его жизни.

– Что ты хочешь узнать? – не удивился вопросу он.

– Все. Я же о тебе вообще ничего не знаю. Кроме того, что тебе семьдесят четыре года и ты работаешь тамадой на вечеринках.

– Каюсь, на машинке вышивать я не умею, – шутливо повинился Глеб.

– Что ж ты раньше не предупредил? – нахмурилась я. – Ну и на что ты мне тогда сдался?

– Не гони меня, принцесса, я тебе еще пригожусь! – взмолился Глеб. – Я совершенно потрясающе делаю массаж.

– Это тебе благодарные клиентки так грубо польстили? – Я продолжала хмуриться.

– Не только клиентки, но еще и клиенты, – с невинной улыбкой уточнил Глеб.

– Я смотрю, у тебя богатая практика.

– Все, я пас! Мы так с тобой препираться до рассвета можем, это я уже понял.

– Ну так хватит жеманничать, как девица в брачную ночь. Давай лучше рассказывай, как ты до жизни такой докатился.

– Рассказываю, – покорно кивнул Глеб и начал свою историю.

При рождении ему дали имя Миколаш. Он появился на свет в деревеньке неподалеку от Карловых Вар в тысяча девятьсот тридцать четвертом году. Чехия тогда еще была Чехословакией, и многое было по-другому. Где-то в больших городах прогресс уже шагнул вперед, заменив лошадей неповоротливыми машинами и гудящими трамваями, принеся в дома электричество и телефонную связь, потеснив низкие домишки первыми высотками и внеся в прелестные женские головки крамольные суфражистские мысли. Но малой родины Глеба эти веяния еще не коснулись.

Тихая живописная деревушка, утопающая в зелени, словно сказочным лесом была отделена от стремительно меняющегося мира. Здесь царили патриархальность и поклонение матушке-земле, кормилице и заступнице. Мать Глеба, измотанная сельскими работами тихая женщина со следами былой красоты, клялась, что с началом нового века здесь ничего не изменилось. Хоть и стращали деревенские кумушки концом света, хоть и обсуждали

рассказы заезжих туристов, поведавших деревенским о появлении паровозов и автомобилей, но все эти истории казались всего лишь сказками. Где это видано, чтобы груда железа ездила сама по себе, судачили старушки и запрягали в телеги быстроногих лошадок. Первый автомобиль въехал в деревню через несколько дней после рождения третьего сына в семье Вернеров и дал темы для пересудов на месяц вперед. А за ним постепенно потянулись и другие нововведения…

Маленький Миколаш помнил, как в деревню провели электричество и как самый богатый сельчанин первым купил автомобиль, за которым с воплями носилась ватага чумазых мальчишек, среди которых был и он сам. Ему навсегда запомнился день, когда умиротворенную тишину леса прорезал гул самолета, посмотреть на который сбежались все сельчане. Потом грохочущие железные истребители заполонили небо – началась война. С ней закончились детство и сказочный век уединенной деревеньки. Война отняла у Миколаша отца и навесила на мать заботу о троих детях, непосильную заботу. Женщина угасла за два года, а братьев определили в приют.

Произошедшее повлияло на мальчиков по-разному: старший брат, Гануш, вымещал злость на товарищах по приюту, средний, Иржи, погрузился в себя и все свободное время проводил наедине с книгой, а Миколаш кривлялся и паясничал на потеху остальным сиротам. Когда ему было тринадцать, в приют впервые после окончания войны приехала цирковая труппа. Дети хлопали акробатам и жонглерам, радостно приветствовали дрессировщика собак и с нетерпением ждали выступления клоунов. Однако знаменитый клоун Чупа их разочаровал, о чем юные зрители не преминули высказать артисту.

– Наш Миколаш лучше смешить умеет! – с досадой воскликнули малыши.

– Что ж, – выбитый из колеи Чупа спустился со сцены, – пусть выступает Миколаш, а я посижу тут с вами.

Так состоялось судьбоносное выступление мальчика, которое изменило его дальнейшую жизнь. К концу пантомимы, показанной Миколашем, знаменитый клоун, поначалу взиравший на подростка с предубеждением, хохотал до слез, растирая по щекам театральный грим. В тот же вечер Чупа, договорившись с настоятельницей приюта, увез талантливого лицедея с собой. «Легкой жизни не обещаю. Запомни, клоунада – это тяжелый труд, и тебе еще многому предстоит научиться», – предупредил он. Миколаш был готов на все и без сожаления собрал свои нехитрые вещи: в приюте его ничто не держало. Старший брат покинул его стены год назад и ни разу не навестил братьев. Однажды Миколаш слышал, как воспитательницы шептались между собой, что Гануш связался с плохой компанией и скоро угодит в другой приют, куда менее комфортный, нежели сиротский дом. А Иржи в последнее время увлекся Священным Писанием и твердо вознамерился уйти в монастырь после приюта. Паясничанье младшего брата он осуждал и старался обратить непутевого Миколаша в свою веру, читая ему длинные проповеди. Чупа в ярком зеленом костюме в крупный горох, со смешным накладным носом и разрисованным лицом ворвался в серые будни Миколаша, как добрый волшебник. И мальчик не раздумывая ушел за ним…

Официант, принесший салаты, нарушил удивительный рассказ Глеба, и я едва дождалась, пока услужливый паренек расставит тарелки, наполнит опустевшие кубки вином и удалится.

– И что же было потом?

– Потом Чупа учил меня всему, что знал сам, – продолжил Глеб. – Своих детей у него не было, и он относился ко мне, как к родному, стал мне настоящим отцом. Я вышел на арену уже через месяц в качестве его ассистента. Публика полюбила меня, и вскоре мы с Чупой стали полноправными партнерами. Мы с успехом выступали восемь лет, объездили с гастролями всю страну, несколько раз выбирались за рубеж. Из одной такой поездки я и не вернулся. – По лицу Глеба пробежала тень, и он запнулся, подбирая слова. – Это случилось в Будапеште. Мы отработали номер, сорвали свои аплодисменты и ушли за кулисы. Чупа сумел сделать только четыре шага… Сердечный приступ, он умер мгновенно. Счастливый и обласканный публикой. А несколько часов спустя уже я оказался на грани жизни и смерти.

– Это случилось в ту ночь? – поняла я.

– Мне хотелось напиться, – глухо признался Глеб. – Чупу увезли в морг, а я завалился в первый попавшийся бар и потребовал у бармена что-нибудь покрепче. Бармен повернулся, и я удивился: это была женщина. Хрупкая, со смелой по тем временам короткой стрижкой и с вызовом в черных глазах… Больше я ничего не помнил. Очнулся под утро в подворотне недалеко от бара. Добрался до гостиницы, умылся. Меня ломало. Голова раскалывалась, ломило все тело, меня лихорадило. На аккуратную ранку на сгибе локтя я тогда и внимания не обратил. По своей неопытности я списал болезненное состояние на похмелье и завалился спать. Мне снилось, что я горю в пожаре, что языки пламени лижут мое лицо и руки… Догадалась? Кровать стояла у окна, окно выходило на солнечную сторону, а на дворе был июль. Я тогда получил точно такой ожог, как парой лет раньше, когда мы с Чупой впервые поехали на море в Болгарию. Несмотря на его предостережения, я весь день провалялся на пляже, а потом два дня ходить спокойно не мог: солнце прожарило меня до самых мышц. Но в этот раз у меня возможности отлежаться не было.

Надо было везти Чупу на родину, чтобы похоронить. – Глеб опрокинул в себя остатки вина и продолжил: – Конечно же я тогда не понимал, что со мной происходит. Но инстинктивно старался прятаться от солнца, держался тенистой стороны улиц, накинул плащ, который мы использовали в качестве реквизита, потому что выйти на улицу в рубашке было невыносимо. На похоронах Чупы я появился в гриме плачущего клоуна, чтобы как-то скрыть сгоревшее лицо. На меня, конечно, косились и за спиной шептались, что хотя бы в такой день мог не паясничать, но, приди я с красной от ожога кожей, это шокировало бы еще больше. Без грима я был похож на грешника, сбежавшего из ада, прямиком с раскаленной сковородки. В тот же день я предупредил директора цирка, что выступать больше не буду. Он пытался меня отговорить, обещал дать мне отпуска столько, сколько нужно, сказал, что будет ждать моего возвращения. Но я знал, что с цирком покончено. Без Чупы я выступать не буду, да и цирк без него потерял свое волшебство. Я вдруг отчетливо почувствовал запах немытых животных за кулисами, увидел выцветшие портьеры, неискренние улыбки, показную мишуру. Родной дом в одночасье сделался чужим и далеким, а я стал изгоем. На следующий день после похорон я взял все свои сбережения, которых должно было хватить на год жизни, собрал легкий чемодан и вернулся в Будапешт. Я должен был найти барменшу с цыганскими глазами и узнать, что со мной произошло той ночью. Почему солнце причиняет мне невыносимую боль и почему мне так хочется отведать крови окружающих… Жанна, а ты почему ничего не ешь?

Тарелки с салатами стояли нетронутыми, а я не могла отвести взгляда от Глеба, который на моих глазах заново переживал события своей жизни.

– Ну, я утолил твое любопытство? – Глеб нарочито бодро придвинул к себе тарелку и схватился за вилку и нож.

Я нехотя последовала его примеру, но не смогла удержаться от вопроса:

– И ты ее нашел?

– Нашел, – после долгой паузы ответил Глеб.

Я поняла, что подробности выспрашивать не стоит, и с преувеличенным энтузиазмом набросилась на «Темного властелина колец».

Когда мы расправились с салатами, в ожидании горячего Глеб с шутками-прибаутками рассказал мне о своих скитаниях по миру. О том, как жил в Венгрии и Ирландии, в Дании и во Франции, в Англии и даже в Австралии. Как сменил дюжину профессий – от распорядителя свадеб и аниматора до Санта– Клауса и ди-джея на радио.

– Ты работал Сантой? – поразилась я.

– Ну да, когда жил в Лондоне. Прикольная работенка!

– Не очень-то ты похож на дедушку, – со смешком возразила я.

– Парик, накладная борода, накладное пузо – дедушка Санта готов, – пробасил Глеб, заставив меня захлебнуться от смеха.

– Верю-верю!

Через мгновение в наш тет-а-тет вновь вмешался юркий официант. Освободив стол от пустых тарелок, он поставил блюда с жарким:

– «Рыжий вамп» для вас, а вот «Телячья нежность». Приятного аппетита!

– Надо же, какой любезный! – с одобрением сказала я, когда парень удалился.

– Надеется, что за обязательность срок сбавят, – усмехнулся Глеб.

Я проводила взглядом спину официанта, из которой торчал топор, и обратила внимание на женщину в ярком алом платье, которая вошла в зал и остановилась, оглядываясь в поисках свободного места. Все столики к этому времени уже были заняты, о чем ей и сообщил наш официант, оказавшийся ближе всех к входу. Но женщина обвела взглядом собравшихся, решительно отодвинула паренька в сторонку и направилась к нам.

Свет искусственных факелов падал на пол, и за ней стелилась длинная причудливая тень. Я опустила глаза и вздрогнула: тень не соответствовала силуэту женщины. У тени была тонкая талия и высокая грудь, будто ее обладательница была заключена в корсет, по-старомодному пышная юбка и высокая прическа, в то время как женщина в красном была воплощением современного стиля – в узком платье, облегающем, словно перчатка, а волосы падали на плечи свободной волной. Как загипнотизированная, я смотрела на тень, пока она не приблизилась к нашему столику и в поле моего зрения не попали округлые носы современных туфелек с золотистой пряжкой.

– Нравятся? Моя последняя покупка, – донесся до меня знакомый голос.

Я подняла глаза и уткнулась в смеющиеся жемчужные очи Инессы Раевской.

– У вас романтический ужин? Не хотелось бы мешать, но чертовски хочется поужинать. Не приютите? – Инесса повела плечом, указывая на отсутствие свободных мест.

Глеб вопросительно покосился на меня.

– Конечно! – воскликнула я.

На долю секунды на лице Глеба мелькнула тень досады, но потом он широко улыбнулся и вскочил с места, чтобы отодвинуть стул для незваной гостьи.

Пока мой кавалер ухаживал за Раевской, я бросила еще один короткий взгляд на ее тень и с облегчением отметила, что тень изменилась и стала соответствовать облику светской львицы. Похоже, игра света и атмосфера старины сыграли со мной злую шутку.

Официант тут же поднес Инессе меню, но она качнула головой и сразу сделала заказ. Паренек удалился, и за нашим столиком повисла неловкая тишина. Глеб, похоже, злился, что наш тет-а-тет нарушил третий лишний, я робела перед блистательной Инессой, а Инесса, судя по ее сияющему виду, чувствовала себя королевой, почтившей своим присутствием жалкую лачугу придворных.

– Как вам сегодняшний маскарад? – нарушила молчание Раевская.

– Жанна была в шоке, – откликнулся Глеб. – Я забыл предупредить ее о специфике заведения, и она подумала, что попала в логово живых мертвецов.

– Так и есть, – усмехнулась Инесса. – Половине посетителей в этом зале уже давно пора обживать комфортабельные склепы, а не смаковать фуагра и не хвастаться последними моделями мобильных телефонов. А некоторые персоны – и вовсе ровесники самых дорогих коллекционных вин в здешнем погребке, – задумчиво отметила она, глядя на бутылку вина, которое мы пили. Я поняла, что она имеет в виду себя, и вдруг почувствовала жгучую ревность. Уж не намекает ли она Глебу, что он зря теряет со мной время, тогда как она, как вино, с годами стала только лучше? – Да, чего говорить, – не ведая о моих мыслях, заключила Раевская, – задержались мы на свете.

– Даст бог, и дольше задержимся! – весело подмигнул Глеб и наполнил бокалы.

Мы чокнулись. Инесса с видимым удовольствием посмаковала глоточек вина и разрумянилась, как юная девушка.

– О чем вы тут секретничали? – игриво поинтересовалась она.

– Жанна просила меня рассказать о системе наказаний, – нашелся Глеб. – Но раз уж здесь ты, предоставлю это право тебе.

Я настороженно посмотрела на Инессу.

– Жанна, не смотри на меня так, как на инквизитора, – рассмеялась Раевская. – Я всего лишь старейшина. Ужасно звучит, правда? – кокетливо добавила она, убирая за ухо прядку волос. – Но традиции есть традиции. Так что тебя интересует? Уж не собралась ли ты преступить закон? – Она шутливо погрозила мне пальцем. На длинном красном ноготке блеснул стразик в центре изящно нарисованного цветка.

Да, слово «старейшина» меньше всего подходило к этой холеной красавице, законодательнице мод и светской львице.

– От тюрьмы и от сумы не зарекайся, – буркнула я.

– И то верно, – кивнула Инесса, окинув проницательным взглядом официанта, принесшего ей закуску. – Еще сегодня сидишь в смокинге за лучшим столиком, а завтра надеваешь карнавальный костюм и прислуживаешь своим недавним друзьям.

У официанта, несмотря на всю выдержку, дрогнуло лицо, и он поспешил удалиться. «А она может быть жестокой, – с неприятным удивлением подумала я. – Или все светские барышни – отъявленные стервы?»

– Так вот, законы у нас очень простые, – пропела Инесса. – Все как в цивилизованном мире. Не воруй, не убивай, не причиняй вреда другим.

– Только наказание, как в Средние века, – вставил Глеб, и мне показалось, что его глазах мелькнул вызов.

Раевская выдержала его взгляд и с расстановкой сказала:

– Да, снисхождение нам чуждо. Зато и серьезных преступлений в нашей среде почти не случается.

– Как же. Расскажи это Эльзе и остальным, – глухо произнес Глеб и осекся, бросив на меня виноватый взгляд.

– Кто это – Эльза? – нарочито равнодушным тоном спросила я.

– Никто! – хором воскликнули мои собеседники и смущенно уставились в свои тарелки.

– Высоко же вы ее цените, – не удержалась от колкости я.

– Эльза – это одна старая знакомая, – пробормотал Глеб.

Ясно, угрюмо заключила я. Любовница.

– Это неважно. – Инесса поспешила вернуть разговор к изначальной теме. – Так вот, за незначительные проступки нарушителям приходится расплачиваться штрафами и общественными работами. Наказание одинаково и в том случае, если жертвой становится один из нас, и тогда, когда пострадал обычный человек. Уличенный в воровстве должен вернуть украденное в тройной мере. Убийца же разделяет участь своей жертвы даже в том случае, если покушение не увенчалось успехом.

Она произнесла это таким будничным тоном, что я даже поперхнулась.

– То есть смертная казнь? – уточнила я.

– Мы употребляем слово «ликвидация», – поправила меня Инесса. – Человек, показавший себя недостойным, покидает наш Клуб. Навсегда.

– Без суда и следствия? – невесело пошутила я.

– Ну как же! Конечно, его вина должна быть доказанной и не вызывать сомнений, – отчеканила Раевская.

– Так есть и суд, и следователи? – удивилась я.

– Суд у нас старейшины, а роль следователей выполняет особая оперативная группа.

– Гончие, – с умным видом кивнула я.

Если бы у меня во лбу вырос рог, Глеб и Инесса были бы шокированы меньше. Глеб замер на месте, на щеках Инессы как будто поблек румянец. Первой пришла в себя Раевская.

– Ты уже о них слышала? – небрежно поинтересовалась она.

Хороший вопрос! Как ни напрягала память, я так и не могла вспомнить, когда и от кого могла о них узнать.

– Кажется, Лана что-то рассказывала, – неуверенно сказала я.

Взгляд Глеба моментально просветлел, Инесса вновь разрумянилась. Что-то здесь

нечисто…

– Да, наши ребята называют себя именно так.

– А на вечеринке в мою честь они были?

– Гончие и вечеринки – понятия несовместимые, – хмыкнула Инесса. – И хорошо!

– Так выпьем же за то, чтобы наши с ними пути никогда не пересекались! – Глеб уже успел обновить наши с Инессой бокалы и поднял свой.

Мы соединили бокалы со звоном, и взгляды Раевской и Глеба на какой-то миг пересеклись на мне. Как будто бы они вкладывали в этот тост какой-то особенный смысл, как будто бы предостерегали меня… Но от чего?

Я нервно втянула в себя глоток вина и вновь посмотрела на моих соседей. Но Инесса уже как ни в чем не бывало орудовала вилкой и ножом, разделывая ломтики баклажана. А Глеб тепло улыбнулся мне и, глядя на мою опустевшую тарелку, спросил:

– Может, десерт?

Остаток вечера прошел в светской болтовне. Инесса с увлечением рассказывала о недавно прошедшей Неделе мод, я слушала во все уши, Глеб откровенно скучал и требовал к себе внимания. Потом к нашему столику подошел высокий мужчина, в котором я узнала известного модельера Романа Дворцова. Инесса представила нас друг другу, и великий художник, к моему удовольствию, галантно поцеловал мне руку. Я бы с удовольствием проболтала с ним до утра – глядишь, договорилась бы, чтобы сшил мне роскошный наряд. Но тут Глеб вскочил с места, пробубнил, что нам уже пора, и потащил меня к выходу.

– Почему так рано? – закапризничала я.

– Ты что, не видишь, они хотели остаться наедине, – попенял мне он.

Я в последний раз окинула взглядом ресторан: не было ни одного свободного места! Официант с топором в спине вежливо пожелал нам «лунной ночи», гардеробщик, оторвавшись от старинной книги, любезно протянул наши пальто, и мы покинули «Подземелье».

Эльза

Две недели назад

Эльзе исполнилось семьдесят пять, когда ей стали сниться эти странные сны. Во сне у нее были серебряные волосы с голубым отливом, рябые руки и пестрый фартук, за который цеплялся забавный белокурый мальчуган по имени Ганс. Мальчуган был ее внуком, а может быть, и правнуком, и смешно картавил, выпрашивая шоколадный торт, который она пекла. Эльза смеялась и целовала мальчика в лоб.

Просыпалась Эльза от настойчивых поцелуев юного любовника. Их лица менялись, но Ганс, называвший ее бабушкой во сне, оставался. «Кто такой Ганс?» – ревниво спрашивал наутро очередной красавчик, потирая ранку, непонятно как появившуюся на сгибе локтя. Эльза неторопливо расчесывала свои густые белокурые волосы у зеркала, отражавшего красивую двадцатилетнюю девушку с грустными глазами, и молчала. За последние пятьдесят три года у нее не прибавилось ни морщинки.

Она была молода собой и стара душой. Она никогда не оставалась одна, но уже давно была бесконечно одинокой. Ее жизнь неслась чередой балов, вечеринок, свиданий, а ей хотелось покоя. Выпроводив очередного случайного кавалера, поделившегося с ней своей молодостью и своей кровью, Эльза садилась за холст и рисовала щечки-яблочки, мягкие завитки волос, курносый нос и восторженные голубые глаза маленького Ганса.

Еще недавно она любила рисовать портреты своих любовников. За пятьдесят лет их накопилось больше тысячи – натуральная блондинка с тонкой талией и пышным от природы бюстом никогда не знала недостатка в поклонниках.

Последние рисунки были посвящены пухлому белокурому ангелочку. На них Ганс смеялся, грустил, играл со щенком, безмятежно спал, носился с сачком по цветущему лугу. Если листать рисунки быстро, то Ганс словно оживал и, перескакивая с листа на лист, будто бы жил настоящей жизнью. Перебирая страницы жизни мальчика, существующего только в

ее воображении, Эльза то смеялась, то плакала. Своих детей у нее не было – не успела. А ведь мог быть такой милый, розовощекий Ганс… Как она завидовала Пигмалиону, оживившему свою Галатею! Миллион жарких поцелуев своих любовников она не задумываясь поменяла бы на один родственный поцелуй белокурого мальчугана. Пятьдесят лет бурной молодости отдала бы за несколько лет тихой, уютной старости в окружении внуков.

Эльза выглядела девушкой, а мечтала стать бабушкой. Ее даже перестала радовать собственная галерея, к обладанию которой она так стремилась все эти годы, пока была свободной художницей и колесила по миру, меняя страны, имена и манеру живописи. Пару раз даже изменяла ей, оба раза неудачно. Сначала приняла предложение Инес и пробовала себя в дизайне моды. Лица моделей получались живыми и одухотворенными, а вот модели платьев безыскусными и неинтересными. Инес, очарованная ее картинами, тогда не смогла скрыть своего разочарования и признала, что мода не конек Эльзы.

Позже Эльза отложила кисти ради фотоаппарата и попыталась освоить новое искусство, но оно не пришлось ей по душе. Фотоснимки были лишь отпечатком реальности; картины же, пропущенные через сердце, становились отражением и ее внутреннего мира.

Ее галерея пользовалась успехом; выставки, работы для которых Эльза придирчиво отбирала, позволяли молодым художники заявить о себе и найти меценатов. По себе зная о тяготах жизни начинающих Суриковых и Пикассо, Эльза мечтала открыть свою галерею и сделать ее стартовой площадкой для юных талантов. Год пролетел в приятных хлопотах, а потом в ее сны пришел Ганс, и галерея отошла на второй план…

Люди изобретали средства и процедуры для омоложения и неистово жаждали вечной молодости, а Эльза считала ее своим проклятием и упорно рисовала портреты себя сорокалетней, пятидесятилетней, семидесятилетней. Щедро наносила паутинку морщин, с трепетом прорисовывала мешки под глазами и пигментные пятна на лбу, добавляла серебристые нити в волосы, растушевывала четкий овал лица.

– Это твоя бабушка? – спросил как-то ее эпизодический любовник, разглядывая портрет, который Эльза забыла на столе.

Художница взволнованно кивнула.

– Нравится?

Двадцатилетний манекенщик равнодушно пожал плечами:

– Старуха! Хоть бы пластику сделала, совсем себя запустила. Ты же такой никогда не будешь? – Он потянулся к ней, желая обнять за талию, и не понял, как оказался за дверью.

В ту ночь Эльза осталась голодной, но жажды она не чувствовала. В приступе вдохновения она рисовала портрет себя девяностолетней – такой, какой она никогда не будет, такой, какой она больше всего на свете мечтает стать.

В то время как сорокалетние дамы страстно стремились избавиться от морщин и скупали дорогие кремы, Эльза мечтала о креме для морщин, который проявит рисунок прожитых лет на ее гладком лбу, в уголках глаз и рта. Как стареющие женщины были одержимы молодостью, Эльза после семьдесят пятого дня рождения сделалась одержима старостью. Молодость стала для нее затянувшимся карнавалом, набившим оскомину, скучным, надоевшим до смерти и превратившимся в ее персональный ад. Старость казалась недостижимым раем – с тихими семейными радостями, с заботой близких, с заслуженным покоем.

Мало кто из вампиров понимал ее. Большинство из московской общины были еще молоды. Старшие вампиры сочувствующе кивали головой, твердили о неизбежных кризисах и протягивали визитку штатного психолога Владислава, специализировавшегося на возрастной психологии и вопросах долголетия.

Мозгоправ оказался столетним вампиром, заставшим еще публичные лекции Фрейда. Правда, в отличие от именитого учителя он не стал списывать все проблемы на либидо и посоветовал Эльзе неожиданное решение. Вампирша должна была найти свою ровесницу среди людей и на время стать ее тенью. Следить за каждым ее шагом, узнать ее образ жизни.

Как живет, чем дышит, с кем дружит, что покупает на завтрак, какие отношения поддерживает с близкими и особенно с внуками.

– Зачем? – недоуменно возразила Эльза.

– Потому что такой могла бы быть твоя жизнь сейчас, – рассудительно заметил Владислав. – Представь себе, что эта пожилая женщина – это ты сама, только в параллельном измерении, где нет жажды и молодости, зато есть старение и болезни… Изучи ее жизнь, ее радости и горести. Ведь это то самое, что, тебе кажется, ты потеряла. Проанализируй, сравни. Наблюдай сперва на расстоянии, будь осторожна – старушки очень подозрительны и замечают любую мелочь. Потом ты должна с ней познакомиться. Приди к ней под видом… соцработницы, например! Принеси продукты, предложи помощь, расспроси ее о жизни. Прояви внимание – и она сама откроет тебе свою душу, расскажет обо всем. Если после этого разговора у тебя останутся вопросы – приходи.

Выйдя из уютного, напоенного едва уловимым ароматом лимона кабинета психолога на крыльцо, Эльза замерла, заметив в пестрой толпе прохожих черную кляксу, которая неотвратимо приближалась к ней. Старуха – грязная, растрепанная, скверно пахнущая, с перекошенным от злобы лицом, была похожа на ведьму. Отталкивающе безобразная и пугающая, она шагала по улице и громогласно разговаривала сама с собой, ругая власть, погоду, людей. Прохожие, спешащие по своим важным делам по оживленной улице, шарахались от нищенки, как от чумной, словно боялись заразиться от нее несчастьем и безумием. «А ведь она похожа на мою ровесницу, – с дрожью подумала Эльза, не в силах отвести взгляда от неприятной старухи. – Неужели и я могла стать такой?»

Поравнявшись с крыльцом, на котором изваянием застыла вампирша, нищенка привалилась к нему, чтобы перевести дыхание. Ноздри Эльзы затрепетали, почуяв запах давно не мытого тела и старческого пота. Даже два пшика изысканных духов «Герлен», которые она сделала минуту назад, прихорашиваясь у зеркала в фойе, не могли перебить этого отвратительного запаха – старости и безнадежности. Эльзе захотелось сбежать. Но не могло быть и речи о том, чтобы спуститься по ступеням и поравняться со старухой.

Эльза уже нащупала ручку двери, собираясь укрыться в фойе и переждать, пока старая ведьма уйдет, когда та повернулась к ней и так и впилась в нее воспаленными, слезящимися глазами. «На ее месте могла быть я, – застучало в голове у Эльзы. – Старая, больная, дряхлая, выброшенная на улицу, без средств к существованию».

В порыве сочувствия и вины она рванула молнию сумочки и нащупала во внутреннем кармашке пачку купюр, намереваясь откупиться от угрызений совести. Нищенка тем временем с ненавистью обшарила пытливым взглядом ее модное дизайнерское пальто, воздушный шелковый шарф, высокие изящные сапожки.

– Кровопийца! – Хриплое карканье сорвалось с потрескавшихся губ старухи.

Ошеломленная Эльза выронила голубую банкноту, не успев протянуть ее нищенке, и пулей влетела обратно в здание. Несколько прохожих в удивлении повернули головы: грязная старуха в лохмотьях ползала по блестящим ступеням красивого особняка, выкрикивая проклятия и ругательства.

Эльза решилась выйти на улицу только через полчаса и, чтобы не столкнуться с безумной старухой, зашагала в противоположную от метро сторону – туда, откуда явилась нищенка. Она бродила по центру Москвы, потеряв счет времени, и очнулась только тогда, когда прямо перед ней хлынула на улицу возбужденная толпа людей. Эльза замедлила шаг, заметила вывеску театра и огляделась. Ничего себе, какой путь она проделала! Да и времени прошло немало – уже и представление в театре закончилось.

Чувствуя легкий голод, Эльза оглядела толпу, выискивая кавалера на сегодняшний вечер. К ее разочарованию, мужчин среди театралов было немного, да и те с дамами. Эльза так давно не была в театре, предпочитая театральным драмам и комедиям те спектакли, которые регулярно разворачивались на ее глазах в вампирских клубах и ресторанах, что и забыла, что обитель муз обычно посещает совсем не ее контингент. Влюбленные приходят сюда подержаться за руки, согреться от стужи, побыть в волнующей близости друг к другу и

поцеловаться украдкой в закутке фойе. Замужним дамам необходимо выгуливать бриллианты, мужей и детей, вот и приходится отцам семейства время от времени исполнять культурную повинность. Студентки и женщины бальзаковского возраста вместе с театральным билетом покупают виртуальный лотерейный билет – в надежде сорвать джек-пот в лице красивого, умного, культурного и одинокого принца, поклонника Уильяма Шекспира и Теннесси Уильямса. Эльза, посмеиваясь, называла его Призрак Театра. Потому что все о нем мечтают, но никто никогда не встречал. Сейчас она бы и сама не отказалась от встречи с прекрасным умником, в крови которого звенят сонеты и бушуют шекспировские страсти. Но здесь его и искать не стоит – чего зря время терять?

Влившись в толпу, взбудораженную представлением, Эльза позволила ей окутать себя восторженными впечатлениями и увлечь к метро. Толпа текла серо-черной рекой, сотканной из темных пальто и блеклых беретов, и на этом унылом фоне алым маком цвела кокетливая шляпка, маячившая впереди. Шляпка завладела вниманием Эльзы, и она прибавила шаг, стала продвигаться вперед, чтобы взглянуть в лицо модницы, дерзнувшей надеть такой смелый и броский головной убор. Попав в Москву, Эльза с удивлением заметила, что шляпки здесь не в чести. Тем интереснее было посмотреть на, девушку, которая не боится привлечь к себе всеобщее внимание. Шляпка двигалась в окружении двух старомодных беретов, с которыми оживленно переговаривалась. Наверное, внучка решила вывести бабушек в театр, решила Эльза, с еще большим азартом обгоняя впередиидущих.

Опередив шляпку и обернувшись, художница от удивления остолбенела. Перед ней оказались три пожилые женщины лет семидесяти. Только две крайние, в полинявших беретах с нелепыми старомодными брошками, выглядели настоящими старухами – уставшими, изможденными, дряхлыми и сгорбленными. А между ними, в очаровательной красной шляпке шла женщина – юная душой, с блестящими глазами, алыми губами и высоко поднятой головой. Она несла свои семьдесят лет не тяжелым грузом разочарований, потерь, поражений и невзгод, как ее подруги, а легким, струящимся шлейфом радости, удовольствий и побед. Она шагала в будущее, не страшась его, как ее спутницы; она встречала его улыбкой, а не горестным вздохом.

Эльза была настолько потрясена увиденным, что замерла на месте и позволила шляпке обогнать ее. Образ озлобленной нищенки мгновенно затмило ласковое сияние, исходящее от незнакомки. «А ведь я могла бы быть такой», – подумалось Эльзе, и она будто очнулась от чар, наложенных на нее ведьмой в лохмотьях, разбуженная доброй волшебницей в красной шляпке. Эльза вдруг всей душой потянулась к удивительной женщине и вспомнила совет психолога, который впервые показался ей разумным. Ей страстно захотелось стать тенью этой женщины, сделаться ее незримой спутницей, узнать о ней все, а потом прийти к ней в гости и проговорить ночь напролет. Эльза нагнала шляпку и ее спутниц и с жадностью прислушалась к их разговору. Подруги обсуждали спектакль. Шляпка восторгалась игрой актеров, правая беретка жаловалась на дороговизну буфета, левая с надрывом описывала боль в ноге. Судя по беседе, инициатором культпохода была шляпка, и только она одна получила настоящее удовольствие от представления.

– Все тебе, Лизавета, хи-хи да ха-ха! – недовольно прогундосила левая беретка, когда шляпка мягко пошутила насчет ее больной ноги.

Сердце Эльзы застучало сильнее. Шляпку звали Елизавета, Лиза. Именно под таким именем знали Эльзу ее московские знакомые. Это был знак. И с того вечера вампирша стала тенью Лизы.

Она проводила Елизавету до самого дома и, затаившись у подъезда, проследила, в каком из окон зажжется свет. Через несколько дней она знала о ней почти все. Елизавета Петровна жила одна, но не скучала. Она ходила в бассейн, подолгу гуляла в парке, забирала из школы сына работающей соседки и с удовольствием возилась с ним. У нее самой был взрослый сын, прозябавший в каком-то НИИ, и невестка, с которой они друг друга на дух не переносили. Имелась и внучка – легкомысленная девица двадцати трех лет, кипами скупавшая модные журналы и в свободное от работы время часами шатавшаяся по

магазинам. Бабушку она посещала раз в месяц, магазины – пять раз в неделю. Узнав об этом, Эльза испытала острое желание промыть девчонке мозги и убедить быть внимательнее к своей чудесной бабушке. Загипнотизировать ее не составило бы труда, но Эльза не хотела, чтобы интерес внучки был искусственным.

Несмотря на то что Елизавета Петровна страстно любила жизнь, интересовалась культурой и искусством, поддерживала тесные отношения с подругами и категорически уклонялась от публичного обсуждения старческих недугов, Эльза не могла не ощущать ее тихой грусти и ее ностальгии по молодости. Бравурно называя себя семнадцатилетней, Елизавета покупала в аптеке пачки лекарств и гель для зубного протеза. Выбирая новую шляпку, два дня перебивалась на кефире. Кокетливо отказываясь от места, которое уступали ей в автобусе, она валилась с ног, подходя к дому.

Таких, как она, называют мировыми бабушками, ими восхищаются. Если бы Эльза могла стариться, она бы хотела стать такой, как Елизавета. Но глядя на нее сейчас и восторгаясь ее внутренней силой, ее оптимизмом и жизнелюбием, художница с каждой минутой все отчетливее понимала, что не хочет старости – даже такой достойной и неунывающей, как у Елизаветы. Одиночество, дряхлость, невостребованность – не для нее.

Еще недавно Эльза с умилением представляла себе седину в волосах, морщинки под глазами, фартук, перепачканный мукой, внуков, цепляющихся за юбку и уплетающих бабушкины блины. Счастье казалось ей рекламным роликом «Домик в деревне», а бабушка из рекламы с кринкой простокваши – самой счастливой женщиной на свете. Теперь же Эльза поняла: представься Елизавете или рекламной бабушке шанс поменяться с ней судьбами, вернуть молодость и сохранить ее на долгие годы, старушки согласились бы без всяких раздумий. Ей, Эльзе, несказанно повезло, и грешно жаловаться на судьбу.

В свои семьдесят пять она по-прежнему молода и хороша собой. У нее нет недостатка в поклонниках и в средствах. Она здорова и полна сил, ей незнакомы старческие недуги, она не проводит треть времени в больницах и в очереди к врачам, не видит равнодушия внуков и детей, не живет от пенсии до пенсии.

Совет психолога оказался весьма эффектным. Изучив жизнь Елизаветы Петровны, Эльза по-другому взглянула на свою собственную. Заключительный этап, встреча с Елизаветой, окончательно расставил точки над «i».

Набив пакеты колбасой, сыром, печеньем, чаем, йогуртами и фруктами, прихватив баночку красной икры и необыкновенной красоты торт со взбитыми сливками, Эльза направилась к дому Елизаветы. Она страшно волновалась, ведь сегодня ей предстояло взглянуть в лицо своему отражению, своей второй проекции, своей постаревшей двойняшке.

Елизавета Петровна открыла дверь быстро, как будто только ее и ждала, но на лице отразилось разочарование.

– Простите, я вас за внучку приняла, – неловко улыбнулась она, подслеповато щурясь.

Увидев Елизавету, Эльза страшно растерялась, пробубнила свою легенду про соцработника, зачем-то назвалась чужим именем, отчего смешалась еще больше.

– Но я ничего не заказывала, – удивилась Елизавета Петровна. – Да и не нужно мне ничего, у меня сын есть, внучка, есть кому мне помочь. Вы вон лучше к Клавдии Степановне загляните – она совсем одинокая, и положение у нее затруднительное. У нее собачка очень болеет. Хорошая собачка, но недолго ей осталось. Так Клава, добрая душа, ей с пенсии мясо покупает, а сама голыми макаронами питается. Мы ей по-соседски помогаем кто чем может. Так что подарки ваши ей весьма кстати будут.

– Но ведь это вы – вдова ударника труда, – озвучила заготовленную легенду Эльза. – Меня завод к вам направил, я отчитаться должна. Давайте я вам все это передам, а вы уже сами распорядитесь?

– Так вы с Мишиного завода! – обрадовалась Елизавета. – Ну что ж, проходите.

Эльза занесла пакеты в кухню и помогла хозяйке накрыть стол в комнате, с интересом поглядывая по сторонам. Ведь в такой обстановке могла жить она, если бы жила на пенсию!

Квартира хранила остатки былого благополучия: во всю стену в единственной комнате

раскинулся чешский гарнитур с отслоившимся кое-где фасадом, в серванте поблескивала богатая коллекция хрусталя, разбавленная бело-розовыми мазками фарфорового сервиза. Из центра пожелтевшего от времени потолка вырастала люстра с белыми плафонами-лилиями на позолоченных дужках. Потертый паркет был прикрыт распушившимся по краю коричневым ковром.

Переезжая в Россию, Эльза читала об обычаях русских, в том числе и о массовом увлечении коврами, и о стремлении выставить напоказ хрустальную посуду. Но, видимо, информация была устаревшей. В отремонтированных по последнему слову евродизайна квартирах местных вампиров ковров не было и в помине, а хрусталь был надежно спрятан в кухонных шкафчиках.

Квартира Елизаветы Петровны, напротив, была ожившей иллюстрацией к той брошюре. Наверное, интерьер здесь не менялся уже десятки лет. Эльза отметила лежащий на столике у телефона томик «Воскресения» Толстого, на диване – подарочное иллюстрированное издание «100 чудес света» и заставленный горшочками с фиалками подоконник.

В квартире царили чистота и порядок. Чувствительная к запахам Эльза не уловила присущих старым домам затхлости и плесени. В доме Елизаветы Петровны пахло яблочным пирогом, корицей и сладкими духами «Дольче вита» – наверное, подарок сына или внучки.

– Я не вовремя? – тактично поинтересовалась Эльза. – Вы кого-то ждали?

– Внучка обещала заехать, – тепло улыбнулась Елизавета Петровна, и лучики морщинок осветили ее лицо особым сиянием. – Я вот пирог испекла, угощайтесь!

Хозяйка поставила блюдо с выпечкой на стол, покрытый желтой скатертью с клубничками, и пригласила садиться.

– Так вы с Мишиного завода? Расскажите, как там сейчас дела, – мягко попросила она.

Эльза, предусмотрительно изучившая сайт предприятия, пробубнила последние новости о внедрении новых технологий и производстве новой продукции.

– Приятно, что руководство не забывает своих лучших сотрудников. А вы иностранка, Лера? – проницательно спросила Елизавета Петровна. – В вашей речи слышится легкий акцент.

– Я несколько лет стажировалась в Германии, только недавно вернулась, вот и разучилась по-русски говорить, – пояснила художница. Она знала пять языков, побывала в пяти странах, но так и не смогла избавиться от немецкого говора. – Елизавета Петровна, вы расскажите о себе, как вы живете, может быть, испытываете какие-нибудь трудности? Мы могли бы помочь.

– Спасибо, Лера, – тепло улыбнулась пожилая женщина. – Но у меня все хорошо. Дети не забывают, внучка у меня добрая девочка, всегда на их поддержку могу рассчитывать.

– Вы довольны своей жизнью? Как она сложилась? – затаив дыхание, спросила Эльза.

Елизавета Петровна лукаво взглянула на нее:

– Это вам для отчета надо?

Эльза смутилась.

– Ну что вы, Елизавета Петровна! Вы очень интересная женщина, особенная. Вы не похожи на своих ровесниц. И судьба у вас, должно быть, особенная, – взволнованно пробормотала она.

Хозяйка польщенно улыбнулась, но ответить не успела – зазвонил телефон. Елизавета извинилась, вспорхнула со стула и подняла трубку.

– Жанночка! – радостно поприветствовала она. – Здравствуй, милая. Ты скоро? Как, не сможешь? – Сияние, исходящее от Елизаветы Петровны, как-то мигом потускнело, и сердце Эльзы защемило от жалости.

Ведь это она могла быть на месте Елизаветы. Приготовила бы пирог, израсходовала капельку драгоценных духов, чтобы показать, что ценит подарок, прислушивалась бы к шагам за дверью, спешила на звонок, ожидая внучку… или внука. А Ганс, ее милый мальчик, выросший в великовозрастного оболтуса, позвонил бы с извинениями, наплел уважительную

причину, чтобы не видеться с нудной старухой, а сам сбежал бы в паб с друзьями или на свидание со смазливой девчонкой.

– Конечно, Жанночка, ничего страшного… – заверила внучку Елизавета Петровна. – Нет, что ты, не обижаюсь. Может, завтра?.. Не успеешь? Ну что ж, тогда как-нибудь в другой раз. Удачи тебе, моя умница. Целую!

– Что-то случилось? – хрипло спросила Эльза.

– Да на Жанночку свалились срочные дела по работе, – преувеличенно бодро отозвалась хозяйка, отводя глаза. – Никак сегодня не сможет выбраться. Ну что ж, нам же больше пирога достанется!

– Пирог замечательный, – горячо похвалила Эльза.

– Хорошо, что вы пришли, Лерочка. Одна я с ним не справлюсь!

Хозяйка изо всех сил старалась скрыть расстройство от звонка внучки, а у Эльзы на глаза навернулись слезы.

– Что с вами, Лера? – заволновалась Елизавета. – Вы плачете?

– Соринка в глаз попала, – заморгала Эльза, вскакивая с места. – Можно, я в ванной промою?

– Конечно!

Подставив ладони под холодную воду и вытирая катившиеся по ее щекам невыплаканные слезы Елизаветы Петровны, Эльза со злостью подумала, что пустышка Жанна не заслуживает такой чудесной бабушки. Наверное, опять по магазинам побежала, дурочка. Услышала про завоз новой коллекции и забыла про бабушку, воспитавшую ее и посвятившую ей себя.

Если бы только можно было на время поменять телами бабушек и внуков! Даже дня хватило бы, чтобы неблагодарные внуки осознали все отчаяние одинокого, забытого близкими человека и поменяли свое отношение. К сожалению, она не волшебник, а всего лишь вампирша. Заигравшаяся в долголетие, насочинявшая себе кучу проблем, возведшая старость в рант абсолютного счастья. Какой глупой она была! Стыд-то какой!

– Лерочка, все в порядке? – осторожно постучала в дверь хозяйка.

– Уже иду! – наигранно радостно откликнулась Эльза, стирая с пылающих щек дорожки слез.

В комнате Елизавета Петровна разливала по чашкам горячий чай. На столе прибавилась тарелка с бутербродами с колбасой и сыром, которые принесла Лера, и коробочка конфет.

– Вы все еще хотите услышать историю моей жизни? – с улыбкой поинтересовалась она. – Теперь нам торопиться некуда, могу рассказывать хоть всю ночь напролет.

– Конечно, Елизавета Петровна! – закивала Эльза.

– Ну что ж, тогда я начну. А вы уж меня, Лерочка, остановите, как станет скучно, не стесняйтесь.

– Договорились, – согласилась художница, готовая слушать необыкновенную женщину хоть до рассвета.

Елизавета оказалась приятной и искусной рассказчицей. Не зацикливаясь на своей персоне, она увлеченно описывала приметы эпохи, вспоминала комичные истории из жизни знакомых, со смехом говорила о нелепицах цензуры, надзоре партии и гнусных анонимках, с иронией описывала пустые полки в магазинах и длинные очереди – все то, о чем Эльза читала, но чего не застала, живя в Европе.

Живое воображение художницы дорисовывало детали, наполняло истории красками и превращало рассказ Елизаветы то в занятный комикс, то в цикл сменяющих друг друга картин, то в череду злободневных и сатиричных карикатур, то в масштабное эпическое полотно, то в камерную семейную зарисовку.

Перед глазами Эльзы пронеслась звенящая и беспокойная юность, восторженная молодость, полная забот зрелость, предательски подкравшаяся старость. Год за годом, событие за событием переживала она вместе с рассказчицей радости и огорчения,

благополучие и неустроенность, победы и разочарования, взлеты и падения. Вместе с Елизаветой взрослела, становилась невестой, а затем матерью, слышала первые слова ребенка, стирала пеленки, выбирала школу, собирала на выпускной, гуляла на свадьбе, нянчила внучку, без остатка отдавала себя семье…

– Совсем я заболтала вас, Лерочка! – спохватилась хозяйка, взглянув на часы. – Уже десятый час.

– Да это вы меня простите, что время у вас отнимаю, – смутилась Эльза.

– Что вы, Лера, какое у меня время! – всплеснула руками Елизавета. – Мне только в радость провести вечер в такой чудесной компании.

– Елизавета Петровна, – решилась спросить Эльза, – а если бы выпал шанс вернуть молодость, вновь стать двадцатилетней, вы бы им воспользовались?

– Я прожила интересную и непростую жизнь, Лера, – задумчиво ответила хозяйка. – И не жалею о том, что было. Если бы вернуть молодость означало вернуться в прошлое и прожить жизнь заново… Нет, мне этого не хотелось бы. Я слишком привыкла к хорошему кофе на завтрак, отсутствию очередей в магазинах и сериалам по телевизору, – иронично улыбнулась она.

– А если бы вы смогли стать молодой в этом времени?

– Сейчас? – Елизавета озорно улыбнулась. – А что, не отказалась бы! Мне, знаете ли, Лера, всегда нравилось красиво одеваться, но в мои годы возможности были весьма ограниченны. Жанночке в этом плане раздолье – только выбирай! Я мечтала о путешествиях, но только однажды выбралась в Париж. Сейчас границы открыты, да куда уж мне теперь покорять дальние страны! Вон только на картинках и смотрю чудеса света. – Хозяйка кивнула на альбом, лежащий на диване. – Спасибо внучке, подарила. Знали бы вы, Лера, как я завидую нынешней молодежи. Ведь они могут увидеть и Пизанскую башню, и Колизей, и Великую Китайскую стену, и Стоунхендж… Они ездят к морю в Египет, в Турцию, в Испанию, могут увидеть своими глазами роскошные пляжи Мальдивов и Гоа… В мои годы, Лера, море ограничивалось Крымом, Кавказом и Сочи. Я, конечно, очень люблю Крым, но я бы с большим удовольствием поколесила по новым странам, нежели из года в год приезжать в Ялту и Коктебель… А эти удивительные процедуры – обертывания, массажи, маски, которые предлагают нынче в салонах красоты? Советской женщине и маникюр с педикюром были недоступны. Да какой уж там маникюр, когда стиральных машин не было. Все ведь вручную стирали! А в выходные на грядках горбатились – тоже, знаете ли, не благоприятствует красоте ногтей, – усмехнулась Елизавета Петровна. – Сейчас у молодежи жизнь легче, возможностей больше… Цените это, Лера. Цените каждый миг! Вы родились в безумно интересное время.

– Постараюсь, Елизавета Петровна, – хрипло пробормотала Эльза.

– Я ответила на ваш вопрос? – улыбнулась хозяйка и испытующе воззрилась на гостью. – Вы случайно не добрая волшебница, которая может взмахнуть волшебной палочкой и сделать меня ровесницей Жанночки?

Вампирша поперхнулась остывшим чаем.

– К сожалению, нет, – осторожно ответила она.

– Жаль, – театрально вздохнула Елизавета и озорно подмигнула ей. – Уж я бы задала жару на дискотеке!

Женщины рассмеялись, и Эльза, взглянув на часы, засобиралась домой.

– Знаете, Лера, – робко добавила Елизавета, провожая ее в прихожей, – вы заходите, если будет желание.

– Обязательно зайду, – взволнованно пообещала Эльза. – Обязательно-обязательно!

– Мне почему-то кажется, что вы не обманете. Хотя вы ровесница моей внучки, но мне кажется, что вы гораздо взрослее, Лерочка. Я не хочу сказать ничего плохого про Жанну, но она несколько легкомысленна. А вы, Лера, показались мне мудрее некоторых моих ровесниц.

– Вы преувеличиваете, Елизавета Петровна, – поспешно открестилась вампирша.

– Я была очень рада знакомству, Лерочка, – тепло распрощалась с ней хозяйка.

– Я тоже. Я обязательно зайду еще!

Из гостей Эльза отправилась прямиком в студию. Она уничтожила все свои состаренные портреты, которые хранила здесь, и нарисовала угольком портрет Елизаветы Петровны. Поставив последний штрих, Эльза мысленно пообещала, что проживет всю отпущенную ей молодость, радуясь жизни и ценя каждое мгновение. Кипу рисунков Ганса она бережно сложила в коробку и убрала в чулан, попрощавшись с мальчиком. Когда она рисовала его, она не думала, что однажды он может вырасти и стать таким же равнодушным, как Жанна по отношению к своей бабушке. Надо будет проучить глупую девчонку, подкараулить ее в подворотне и…

Стук в дверь застал ее врасплох.

– Это ты? – удивилась Эльза, приглашая войти. – Какими судьбами?

– Разве я не могу зайти проведать старую подругу? Ты что-то совсем отшельницей стала, не радуешь нас своим обществом, игнорируешь вечеринки. Совсем расклеилась, подруга?

– Да нет, просто дела были. Но теперь все в порядке. – Эльза отвернулась, чтобы убрать холст в ящик стола. Ей почему-то не хотелось, чтобы портрет Елизаветы Петровны увидел кто-то еще. – Когда там следующая тусовка? Я обязательно приду!

– Не думаю. – Знакомый голос стал ледяным, как айсберг, который погубил «Титаник».

– Что, вечеринка только для избранных? – усмехнулась Эльза. Ящик оказался заперт, и она принялась ворошить наброски в поисках ключа. – Простым вампирам вход воспрещен?

– Только тебе.

Укол между лопаток заставил Эльзу дернуться, но смертельный холод уже разливался по спине. Эльза пошатнулась и упала на портрет Елизаветы Петровны, который она не успела спрятать. Лицом к лицу.

– Что ты делаешь? – прошептали немеющие губы.

– То, что ты заслуживаешь, – прозвучал безжалостный голос.

Эльзе сделалось так горько, что во рту возник вкус полыни. Горько от предательства человека, которого она считала другом почти полвека. Горько от того, что обещание, данное Елизавете Петровне, так и окажется невыполненным. Она не придет к ней снова, и пожилая женщина, которую она успела полюбить, как родную, посчитает ее такой же пустой и легкомысленной девчонкой, как и внучка Жанна.

Холод уже схватил ее за шею, сковал язык, не давая возможности сглотнуть эту горечь. «Прости», – мысленно прошептала вампирша, глядя в нарисованные углем глаза Елизаветы, вбирая в себя все тоненькие лучики морщинок. И ей показалось, что в глубине угольков-глаз мелькнул огонек, словно прощая и отпуская ее. А потом портрет стал стремительно покрываться черными штрихами, стершими черты лица, которые она так тщательно вырисовывала какой-то час назад, и превратился в «Черный квадрат» Малевича, который всосал ее внутрь.

Глава 8
ВАМПИР ДЕЛАЕТ ГЛЯНЕЦ

Существуют, наверное, на этом свете умные и предусмотрительные люди. Я, во всяком случае, к ним не принадлежу.

Катажина Грохоля. Сердце в гипсе

Существует масса способов отправить вампира на тот свет, помимо традиционного осинового кола в сердце, – кстати говоря, данное средство не менее эффективно действует и на обычных людей, так что оставшиеся без надобности колы никогда не пропадут.

Хватай за горло!
Терри Пратчетт. Carpe Jugulum.

– Жанночка, вставай, на работу опоздаешь! – тормошила меня бабуля на следующее утро.

Я машинально вскочила на постели, скосила глаза на часы в музыкальном центре – половина восьмого. Опаздываю!!! А эта жестянка и не думала меня будить.

Домой я вернулась только в шесть, поэтому сейчас соображала крайне туго. На автопилоте протопала в ванную, почистила зубы, протерла лицо тоником, нанесла на лицо крем со светоотражающими частичками, еле-еле доползла до кухни. И только выпив полчашки какао, заботливо сваренного бабулей, пришла в себя.

– Бабушка, – простонала я, отодвигая кружку и кладя голову на стол. – Я ведь со старого места уволилась!

– Как уволилась? – всполошилась бабуля, чуть не расплескав йогурт из бутылочки. – Когда? Почему?

– Так получилось. Я новую работу нашла, о которой всегда мечтала.

– Это какую ж? Моделью, что ли? – Бабуля взглянула на меня с явным сарказмом.

– Модным обозревателем, – вдохновенно сочинила я. – Я теперь по ночам работаю, светские вечеринки освещаю. Я и сегодня ночью там была, под утро только со смены вернулась.

Бабушка недоверчиво сверлила меня проницательным взглядом.

– А Саша что же? Тоже с тобой?

– Почему? Саша на прежнем месте осталась. Ты же знаешь, она далека от моды.

– Зато у нее сердце золотое, – заметила бабуля. – А у этих светских львиц только одно на уме.

– Это что же? – заинтересовалась я.

– Шмотки, конечно, – усмехнулась бабушка. – А ты что подумала?

– Ну ладно, бабуль, спать хочу – с ног валюсь. Я уж пойду, ладно?

– Иди, оборзеватель ты мой новоявленный, – хмыкнула бабушка. – Набирайся сил перед новой сменой.

Проваливаясь в сон, я успела подумать: а что, если правда устроиться в какой-нибудь модный журнал? Или на худой конец в желтую газетенку. Надо же с чего-то начинать!

Проснулась я в одиночестве. Бабуля, оставив на кухне тарелку с сырниками, умчалась на юбилей к подруге, о чем подробно написала в записке, на всякий случай указав адрес и домашний телефон виновницы торжества.

За плотным завтраком, который по времени больше соответствовал ужину, я посетовала на то, что моя ежеутренняя традиция с песнями-предсказаниями, похоже, канет в Лету. Не заводить же будильник на поздний вечер! Да и спешить мне теперь особенно некуда. А жаль… Что ж мне, все время бездельничать? Хотя что я там сочиняла бабушке про новую работу?

Поспешно покончив с сырниками, я выскочила из дома, добежала под дождем к киоску с печатью и скупила весь ассортимент желтых газет и глянца, освещающего жизнь знаменитостей. Неожиданно в глаза бросилась фотография Ниночки-Нэнси, украшающей обложку модного мужского журнала. Ну точно, это же журнал Аристарха!

– И этот посчитайте, – попросила я.

Дома я первым делом развернула «Мачо» на странице, посвященной Нине. Оказалось, что Ниночка – известная модель и начинающая актриса, приглашенная на съемки нового блокбастера «Команда „Феникс“. Потом я нашла колонку главного редактора: Аристарх дружелюбно улыбался и ненавязчиво источал флюиды привлекательности и уверенности в себе. Редкий случай: девушки выпадут в осадок при виде душки-редактора, а мужчины-

читатели испытают к нему доверие и захотят быть на него похожими.

А что, не пойти ли мне работать под начало Аристарха? И бабушку обманывать не придется, и занятие себе найду на первое время. Я набрала номер редакции и только потом взглянула на часы: начало шестого, не поздновато ли? Но трубка уже откликнулась приятным женским голосом, однако девица заартачилась, когда я потребовала соединить с главным редактором.

– По какому вопросу? По личному! Кто говорит? Жанна. Какая Жанна? И вы еще спрашиваете, какая Жанна?! Вы телевизор-то смотрите?!

Девушка ойкнула, видимо решив, что с ней говорит как минимум Жанна Фриске, и благоговейно пролепетала:

– Соединяю.

В трубке заиграла мелодия из «Эммануэль», но не успела я удивиться ее банальности, как телефон мурлыкнул знакомым голосом:

– Жанночка, душа моя! Ты решилась еще на одну фотосессию? Рад, рад.

– Но только на моих условиях! – решила пошутить я, интимно приглушив голос и добавив в него вкрадчивой сексуальности.

– Для тебя, моя душа, все, что пожелаешь! – расщедрился вампир.

– Хочу слона! – капризно сказала я.

Алмазов на том конце провода потрясенно замолчал.

– Слона? – переспросил он. – Живого?

– Да уж не игрушечного! – обиженно воскликнула я. – За кого ты меня держишь? Звезда я или нет?

– И как ты себе это представляешь? – растерянно протянул Алмазов.

– Я представляю себя на слоне! – азартно поведала я.

– Обнаженной? – В голосе Алмазова послышался профессиональный интерес. Наверное, в его голове уже щелкал калькулятор, подсчитывающий прибыли от экзотической фотосессии, самая эффектная фотография которой пойдет на обложку журнала.

– Обойдешься! – отрезала я. – В костюме Щелкунчика.

– Жанна, – осторожно поинтересовался Алмазов, – ты вчера хорошо отдохнула?

– Намекаешь на то, что я под кайфом? – оскорбилась я. – В тебе нет ни капли креатива!

– Тогда, – Алмазов смущенно кашлянул, – может, объяснишь мне, как сочетаются слон и зубастый уродец?

– Это ты меня уродцем обозвал? – заохала я.

– Жанночка, – взмолился Алмазов, – твои идеи чересчур новаторские, чтобы понять их по телефону. Может, встретимся вечерком и все обсудим? Ты не собираешься сегодня в «Сатурн»?

– Лучше я приеду к тебе в редакцию, пока я их не забыла, – провозгласила я.

– Хорошо, – смирился Алмазов. – Когда тебя ждать?

– Начинай! – царственно велела я. – Буду через час.

У дверей редакции, за которыми сидел хмурый охранник, я немного пожалела о своем розыгрыше. Пропускная система – не шутки, вдруг не пустят? Но, видимо, я правильно рассчитала свой наряд, снабженный черными очками-стрекозами и дизайнерской бабушкиной шляпкой (надеюсь, бабуля на меня не рассердится!). При виде меня охранник молча выдал пропуск и даже сопроводил к лифту.

В кабинет Алмазова я ворвалась, чуть не доведя до обморока секретаршу, и, не спрашивая ее позволения, прошествовала через приемную и распахнула дверь, застав дивную картинку: Нэнси на коленях Аристарха. Нэнси в эйфории, Аристарх в панике. От меня не укрылась его радость от появления посетителя. Вампир поспешно стряхнул Нэнси с колен и только потом, оглядев меня ошалелым взором, спросил:

– Вы кто?

– В гости звал, а сам не помнишь? – плаксиво поинтересовалась я и, сняв очки и шляпу, провозгласила: – Я девушка со слоном и Щелкунчиком!

Нэнси поправила сбившуюся атласную юбчонку от Миу-Миу и заалела от злости.

– Ристик, что она здесь делает?

– Пришла на собеседование насчет устройства на работу, – с милой улыбкой сообщила я.

Аристарх удивленно моргнул, Нэнси еще больше покраснела.

– Ристик, почему ты мне ничего не сказал? – зашипела она. – Эта будет работать под твоим руководством?!

– Ну надо же мне где-то работать, – скромно ввернула я.

В дверь постучали, и на пороге возникла тучная тетка в скучном сером костюме – явная поклонница фабрики «Большевичка». А судя по распространившемуся от нее стойкому табачному запаху – и папирос «Беломор».

– Аристарх Романович, – начала она.

– Антонина Петровна, – строго нахмурился Алмазов. – Я вас еще два часа назад вызывал – где вас носит?

– Так я же у вас вчера отпрашивалась на полденечка, – промычала тетка.

– Насколько я помню, вы отпрашивались до обеда, а не до вечера, – возразил Алмазов.

– Простите, Аристарх Романович, – поникла тетка, – я в санэпидемстанции проторчала…

– Что вы там делали? – удивился Алмазов. – Вы же у нас значитесь в бухгалтерии! Или больше некому этими вопросами заниматься? Кстати, зачем санэпидемстанция?

– Крысы! – с готовностью воскликнула бухгалтерша.

Нэнси при этих словах закатила глаза, и уже через минуту я поняла почему.

Тетка с наслаждением принялась плакаться – на жизнь-злодейку, пославшую ей квартиру на первом этаже, на крыс-мутантов, заполонивших подвал прямо под ее квартирой и шныряющих подкрепиться в ее мусорном ведре. Санэпидемстанция на вызовы не реагировала, и доведенная до отчаяния тетка пошла туда сама, для чего и отпрашивалась у Алмазова на полдня.

Судя по страдальчески скривившемуся лицу Нэнси, она эту душераздирающую историю выслушивала уже не в первый раз. И даже не в десятый. А вот опешивший Аристарх – явно впервые. Похоже, он был единственным в конторе, кого тетка не достала со своими крысами. Потому что даже секретарша, заглянувшая в кабинет, при слове «крысы» дрогнула и спешно удалилась.

– Антонина Петровна, голубушка, – Аристарх уже не знал, как выпроводить тетку, – ну теперь-то гадкие крысы не будут мешать вам приходить на работу вовремя?

Тетка запнулась, вспомнив о своей вине перед начальством, и клятвенно заверила, воинственно потрясая кулаком:

– Уж я им!

– Голыми руками задушите? – не удержалась я.

– Зачем? – Тетка бросила на меня недоумевающий взгляд. – Потравлю гадин. Этим санэпедам, видите ли, некогда, они ко мне только через неделю выехать могут. Так я их начальника к стенке приперла, он мне целую коробочку крысиного яда выдал – и в таблетках, и в ампулках.

– Поздравляю вас, Антонина Петровна! – раздраженно рявкнул Аристарх. – Так, значит, скоро я могу ждать от вас отчет за прошлый месяц?

Бухгалтерша спохватилась и, пообещав все закончить в срок и как можно раньше, удалилась, ко всеобщему облегчению.

– Так ты берешь меня на работу? – напомнила я о цели своего визита.

– А что ты умеешь? – деловито спросил Аристарх.

– Я на многое способна, – многозначительно сообщила я.

– И на какую должность ты претендуешь? – окрысилась Нэнси.

– Главного редактора, – радостно заявила я. – В перспективе. Но пока, так уж и быть, и младшим редактором могу поработать.

Аристарх закатил глаза, Нэнси выпучила васильковые очи, не ожидая от меня такой наглости.

– Поосторожней, – посоветовала я. – А то линзы выпадут.

– Аристарх! – истерично взвизгнула Нэнси. – Я ухожу!

– Нэнси, подбери пока гардероб к следующей съемке, – ласково сказал Аристарх.

Нэнси со всей дури хлопнула дверью, и мы остались наедине.

– Ну и что это за цирк? – устало поинтересовался Аристарх.

– Ты имеешь в виду слона? – невинно уточнила я. – Просто я мыслю масштабно, вот и подумала…

– Ты же можешь год припеваючи жить на деньги Жана, сейчас особой необходимости искать работу у тебя нет.

– А мне скучно, – заявила я.

– Что, Глеб недостаточно развлекает? – В глазах Аристарха зажглись насмешливые огоньки.

– Даже не надейся, – осадила его я. – Просто я всю жизнь мечтала работать в мире моды.

– Конечно же никакого опыта у тебя нет… – утвердительно произнес Аристарх.

– Практического нет, но я хорошо разбираюсь в моде.

Аристарх с сомнением посмотрел на бабушкину шляпку.

– Где ты откопала эту рухлядь?

– Много ты понимаешь, – оскорбилась я. – Это винтаж!

– Значит, в редакции ты никогда не работала…

– Но я прекрасно знаю редакционную кухню, – заверила я.

Аристарх смерил меня удивленным взглядом.

– Смотрела сериал «Вся такая внезапная», – уточнила я.

Вампир громко хмыкнул.

– Значит, не имеешь ни малейшего представления о том, как все тут функционирует, – констатировал он. – Тексты для прессы когда-нибудь писала?

Я вспомнила объявление в газету о раздаче котят. Аристарх не удержался от очередной ухмылки.

– А фотографией увлекалась? Может, в кружок фотолюбителей ходила? – с надеждой поинтересовался он.

Я сердито зыркнула на него": нашел фотолюбительницу! Единственным моим хобби в детстве было пополнять гардероб Барби рукодельными обновками. Аристарх, уже не сдержавшись, расхохотался во весь голос.

– Хватит читать мои мысли! – обиделась я.

Все шло к тому, что меня отправят восвояси, к удовольствию раскрашенной Нэнси.

– Тогда чем бы, по-твоему, ты могла заниматься?

– Ну, я могла бы вести авторскую колонку, – ляпнула я, вспомнив про Кэрри Брэдшоу.

– Да? – удивился Аристарх. – И о чем, интересно?

– О мужской моде, о том, как должен выглядеть настоящий мужчина, – на ходу сочинила я.

– Женский взгляд на мужской прикид? – сыронизировал вампир.

– Хотя бы!

– Что ж, попробуй, – к моему изумлению, разрешил Аристарх.

– Ты это серьезно? – обрадовалась я.

– В противном случае ты же от меня все равно не отстанешь? – уточнил Алмазов.

– Никогда! – подтвердила я.

– Тогда я вынужден быть серьезным, – усмехнулся вампир, поднимаясь из-за стола. – Идем спустимся в архив, Дам тебе парочку журналов, чтобы ты прониклась духом нашего издания.

На глазах у ошарашенной секретарши мы покинули кабинет, зашли в лифт… и

застряли в нем на два часа.

– Похоже, это надолго, – изрек вампир, безуспешно нажимая вызов диспетчера.

Мой мобильный работать отказывался, а свой Аристарх оставил в кабинете.

– Не волнуйся, – съехидничала я. – Скоро Нэнси обнаружит твою пропажу и поднимет на ноги МЧС.

– Почему МЧС? – удивленно моргнул вампир.

– Потому что ее ненаглядный в лифте с неприятной ей девицей – как раз и есть чрезвычайная ситуация, – хмыкнула я.

Аристарх широко улыбнулся, глядя на меня во все глаза.

– Все хотел тебя спросить на вечеринке, да не стал нервировать Нэнси… Мы раньше не встречались? – вкрадчиво осведомился он.

Я смерила его разочарованным взглядом. Как банально! А еще вампир со стажем!

– Нет, правда, – возразил Алмазов. – У меня такое чувство, что я тебя откуда-то знаю.

– Не припомню, чтобы продавала тебе квартиру, – отшутилась я.

– О нет, у меня был куда менее привлекательный агент – вылитая Старуха Шапокляк, – развеселился вампир. – И все-таки такое странное чувство, – он взъерошил волосы и обезоруживающе улыбнулся, – что я тебя давно знаю.

– Не пытайся со мной заигрывать, – приструнила его я. – Бесполезно.

– Куда уж мне тягаться с Глебом, – хмыкнул он, явно намекая на свое превосходство. – Ну, чем займемся?

– Да уж не тем, на что ты рассчитываешь, – фыркнула я.

– Мы застряли капитально, – напомнил Аристарх.

– Вот и отлично. Расскажи мне о себе, как ты стал вампиром, как жил все эти годы, – глядишь, время ожидания как раз и закончится.

Аристарх сделался мрачнее тучи.

– Я не хочу об этом говорить.

– Ты нарушаешь все законы жанра, – укоризненно заметила я. – В книгах и кино вампир при любом удобном случае торопится рассказать о том, как он докатился до жизни такой. Точнее, до не-жизни.

– Моя жизнь не кино, – отрубил Алмазов. – Лучше ты расскажи, как так вышло, что ты встретила Жана. Дурашливую версию событий я уже слышал на вечеринке, теперь интересно ознакомиться с настоящей.

Я с тоской покосилась на двери – к нам помощь никто не торопился – и начала свою печальную повесть со злодейства Однорога.

– Получается, если бы твой начальник не послал тебя на ту фабрику, ничего бы не случилось? – присвистнул Аристарх, когда я закончила.

– Я, знаешь ли, не фаталистка и не верю во все эти басни о «чему быть, того не миновать». Да, если бы я не поперлась на эту треклятую фабрику, жила бы себе по-старому, горя не знала, – убежденно сказала я.

– И меня, – вставил Аристарх.

– Что – и меня? – не поняла я.

– И меня бы не знала, – усмехнулся он.

– Велика потеря!

– А Жан? – Вампир так и впился в меня глазами.

– Что – Жан?

– Ты его раньше точно не встречала? – допытывался он.

– Встретила бы – запомнила. Уж не думаешь ли ты, что он меня специально караулил? Он, между прочим, в тот вечер с девушкой был. – Я вспомнила о длинноногой модели с шарфиком на тонкой шее. – И, кажется, она была в курсе того, что он вампир.

На мое заявление Алмазов отреагировал совершенно спокойно – и бровью не повел.

– Но разве не надо соблюдать тайну? – удивилась я.

– Жан не признает правил. Единственное, чего мы от него добились, это внешнего соблюдения приличий.

– А если эта девица кому-нибудь расскажет?

– Не расскажет, – убежденно возразил Аристарх.

– Он ее убил? – похолодела я.

– Вряд ли, – спокойно отозвался мой собеседник. – Но перед расставанием наверняка стер воспоминания о себе из ее памяти.

Я поежилась.

– Он ведь мог бы и со мной так поступить и бросить на произвол.

– Не мог. Мы бы все равно узнали о твоем существовании, и тогда ему бы было хуже…

– Слушай, а почему он живет в Париже? – спохватилась я. – Он же француз. А Света рассказывала мне о конспирации и необходимости переезжать каждые десять лет. И тут он правила нарушает?

– Да нет, здесь он как раз целиком законопослушный гражданин, – усмехнулся Аристарх и пояснил: – Закон позволяет возвращаться в полюбившиеся города спустя семьдесят лет, когда опасности разоблачения уже не существует.

– А ты ведь не любишь Жана, – смекнула я по его тону.

– Не я один, – не стал кривить душой Аристарх.

– Он в самом деле такой мерзкий тип, каким мне показался?

Алмазов наградил меня долгим взглядом и медленно ответил:

– Жан – бунтарь и садист. Он злой, беспринципный и эгоистичный. Из всех нас он зверь в большей степени.

Я вздрогнула и нервно пошутила:

– Какое счастье, что эти качества не передаются с кровью.

Аристарх как-то странно взглянул на меня.

– Что? – испугалась я. – Или бешенство заразительно?

– Конечно нет, – фыркнул вампир. – Фантазерка!

– Фантазия – признак профессионализма журналиста, – изрекла я, возвращая вампира к делам текущим. – Предлагаю перейти к обсуждению рабочих вопросов.

– Это каких же? Гонораров, что ли?

– Гонорар надо сперва заслужить, – с достоинством ответила я. – Так что раз уж мы с тобой так капитально застряли, я готова выслушать вводную лекцию по теории журналистики и специфике журнала.

Аристарх оживился и следующие полчаса грузил меня основными правилами и понятиями. Когда нас наконец-то вытащили из лифта, я чуть не расцеловала спасителей-слесарей и поспешила распрощаться с Алмазовым и сбежать из редакции.

– Как, уже уходишь? – расстроился он. – Может, продолжим у меня в кабинете?

– Как-нибудь в другой раз, – обнадежила я, пятясь к лестнице и с опаской оглядываясь в поисках Нэнси.

С этой мегеры станется мне волосы выдрать. Кто знает, чего эта блондинка могла себе напридумывать, пока Аристарх добросовестно вводил меня в курс дела. Странно, что она не контролировала работу слесарей, не поторапливала их истеричными визгами и не караулила нас по эту сторону лифта. Авось разминемся…

– Стой! – окликнул меня Аристарх. – Я же так и не выдал тебе журналы.

– Ничего страшного, – отмахнулась я. – Новый номер у меня есть, а старые и в Интернете можно посмотреть.

– Ну как знаешь, – с неохотой согласился Алмазов. – Как сочинишь статьи, приезжай.

– Обязательно! – заверила я и припустила по лестнице вниз.

Из редакции я выпорхнула в приподнятом настроении. Кажется, у меня снова есть работа, к тому же в портмоне лежала карточка с откупными Жана, а на мобильном было три пропущенных звонка от Глеба. Этот факт меня порадовал даже больше остальных. Глеб,

который на вечеринке показался мне паяцем и шутом, оказался веселым и интересным парнем, даром что ему семьдесят четыре. Он искренне обо мне заботился и, кажется, был влюблен. Да и я теряла голову от его горячих поцелуев.

Я улыбнулась и набрала его номер.

– Жанна, ты где? – мигом отозвалась трубка.

– Я? – Я обернулась в поисках указателя и назвала переулок.

– А что ты там делаешь? – с подозрением поинтересовался Глеб.

– Была в гостях у Аристарха.

Глеб молчал.

– Я теперь у него работаю, – раздуваясь от гордости, сообщила я. – Буду вести авторскую колонку.

– Вот это новости! А я думал, ты будешь помогать мне вести вечеринки, – пошутил Глеб.

– Ты и сам отлично валяешь дурака, – польстила ему я.

– Зато какой бы у нас отличный дуэт получился! – размечтался Глеб.

– А у нас разве уже… не дуэт? – затаив дыхание, спросила я.

– Я рад, что ты так считаешь, – откликнулся Глеб, и я почувствовала, что он улыбается. – Пойдем сегодня в клуб? Я мог бы прямо сейчас тебя забрать.

– Для вечеринки мне надо переодеться, – замялась я.

– Тогда я заеду к тебе домой? Когда?

Договорившись о встрече, я радостно зашагала по небольшому переулку к оживленной улице. Это был один из тех столичных тупиков, где почти не бывает случайных прохожих и даже в разгар рабочего дня не видно ни души. А уж сейчас, в стремительно сгущающихся сумерках, здесь было совершенно безлюдно. Задумавшись о том, что надеть на вечеринку, я совсем пропустила тот момент, когда за моей спиной возникла темная фигура…

Неизвестный преследователь с силой швырнул меня в темноту подворотни, и я едва удержалась на ногах.

– Эй, полегче! Пальто испортишь! – возмутилась я вслух, в душе ругая себя за легкомыслие.

Размечталась, дуреха! Конечно, дефилирую тут по темному переулку на шпильках и в модном пальтишке, вся такая стильная фифа. Отличная находка для грабителя! Вот только придется его разочаровать: в кошельке всего пара сотен рублей, а основной мой капитал лежит на карточке, с которой громиле его в жизни не снять. Мысленно я уже рассталась с мобильным и кошельком и особенно не жалела: как раз собиралась поменять их на новые. Так что грабитель подвернулся как раз вовремя. Я даже возмущаться сильно не стану, а с радостью вручу ему это старье. Будем считать это актом вынужденного милосердия. То-то грабитель обрадуется моей покорности!

Рассуждая таким образом, я даже не волновалась, когда развернулась к нападающему лицом. А зря. Я ожидала заглянуть в хмурую физиономию молоденького хулигана, а увидела темноту под капюшоном плаща, в которой двумя углями горели лихорадочно блестящие глаза.

– Кто ты? – сдавленно пробормотала я.

Фигура ничего не ответила, только шагнула ко мне ближе.

Я потрясенно охнула и вжалась в каменную кладку стены.

Просторный рукав опустился в карман плаща, и я не стала дожидаться, пока нападающий вытащит то, что задумал. Метнувшись к нему, я со всей дури вонзила острую шпильку в мысок вражеской кроссовки, выудив из маньяка сдавленный вскрик. Так его, острые каблуки страшнее пистолета!

И тут я совершила роковую ошибку всех героинь фильмов ужасов: вместо того чтобы выскочить из арки и сломя голову нестись в сторону оживленной улицы, я бросилась наутек в прямо противоположную сторону – во двор. Наверное, в тот момент, когда я на подгибающихся шпильках исчезла в темном нутре двора, мой преследователь издал еще

один вскрик, на этот раз – победный. Ибо он был хорошо осведомлен о коварстве московских двориков, а я их недооценила.

Я неслась со всех ног мимо помоек и закрытых дверей, мимо черных окон и пустых подъездов, пока не уткнулась в сырую каменную стену, отрезавшую мне путь. Каблуки со свистом прочертили царапины на асфальте, и я резко затормозила, не веря своим глазам. С ума сойти! Я думала, что такие тупики встречаются только в павильонах Голливуда, отведенных под декорации дурацких молодежных страшилок. Просто в голове не укладывалось, что я могу попасть в подобную ловушку в центре Москвы, в какой-нибудь сотне метров от «Тверского пассажа»!

За спиной уже раздавался топот преследователя. Я беспомощно обернулась: казалось, темная фигура в развевающемся плаще скользит по воздуху и под полами черного плаща нет ног. Может, я каким-то образом потревожила дух заброшенного дома, мимо которого проходила? И он заманил меня в ловушку?

– ПОЖАР! – завопила я, надеясь привлечь внимание хоть какой-нибудь живой души.

На траектории движения фигуры это не сказалось, она продолжала неумолимо подкрадываться ко мне.

Я заметалась вправо-влево, в надежде дезориентировать нападающего, а потом прорваться мимо него, но странная фигура на мои скачки ответила столь стремительными и четкими движениями, что у меня создалось впечатление, будто я имею дело с профессиональным бойцом-ниндзя. Что ж, в таком случае участь моя предрешена и терять мне все равно нечего.

С боевым криком индейцев апачи я подняла руку над головой, бешено закрутила сумкой и бросилась прямиком на злодея. В следующее мгновение он без труда увернулся от меня, освободил меня от сумки и припер спиной к стене. Я неожиданно чихнула от резкого запаха хвои. Такое чувство, что этот ниндзя опрыскался освежителем для туалета, прежде чем ринуться в бой! И я так просто сдамся этому вонючке? Никогда!

Я забилась в его цепких руках и умудрилась сдернуть капюшон, чтобы взглянуть ему в лицо. Меня ожидало разочарование. Извращенец натянул на голову черный чулок! Вот почему мне показалось, что у него нет лица, одни горящие глаза. Нападающий тем временем одной рукой пригвоздил меня к стене, а другой зашарил в кармане. Я еще сильнее забрыкалась, но тщетно – он держал меня крепко. Однако капюшон съехал ниже, обнажив шею нападающего, на котором болталась кружевная резинка чулка. Я в удивлении скосила глаза. Надо же, на чулки в отличие от духов у маньяка хороший вкус, чулок явно не из дешевых. И какое варварство использовать его в качестве маски для лица!

Заглядевшись на чулок, я не сразу заметила появление нового действующего лица в моем персональном фильме ужасов. А когда заметила, было поздно. За спиной моего мучителя мелькнуло что-то темное, раздался громкий глухой звук, злодей охнул, отпустил меня и рухнул на землю. Я кулем свалилась на него, но он даже не дернулся, пребывая в глубокой отключке. Отпрыгнув в сторону, я с удивлением уставилась на белые кроссовки, торчащие из-под задравшейся полы плаща. На подошвах отчетливо просматривался силуэт пантеры. Нет, просто невероятно! Маньяк в чулке носит настоящие «Пума»! Значит, это не какой-то пропащий наркоман и не нищий грабитель. Кто же он такой, черт побери? Больше всего на свете мне хотелось перевернуть его на спину и сорвать чулок с его лица, но тут я вспомнила, что я не одна… Странно, что маньяк номер два еще не ринулся в атаку.

Я медленно подняла глаза и едва подавила крик ужаса. Напротив стояло то самое существо в черной дутой куртке и надвинутой на нос бейсболке, которое позавчера глазело на меня из-за витрины магазина. Лица его в темноте было не разглядеть, но я отчетливо видела, что в руках он держит обломок кирпича, который он разбил о голову маньяка номер один. Ну просто класс! Маньяки угробили друг друга, не поделив прекрасную Жанну!

Злодей номер два молча переминался с ноги на ногу, не делая попыток напасть на меня. Я не стала долго думать, одним рывком подняла свою сумку, откатившуюся к стене, развернулась и понеслась к выходу из этого лабиринта – туда, откуда все началось.

Миновала половину пути, обернулась – меня не преследовали. Крайне подозрительно! Я еще больше ускорилась и, вылетев из зловещей подворотни, бежала по тротуару до самой Тверской. Только влившись в поток людей, спешивших к метро, я почувствовала себя в безопасности и, на негнущихся ногах отойдя к углу сияющей витрины, заглянула себе за спину.

Второе за эти две недели пальто было безнадежно испорчено. Это становится дурной традицией!

Доковыляв до дома и наврав бабуле, вытаращившей глаза при виде растрепанной и грязной меня, про нападение злющей собаки, я заперлась в ванной и дала волю слезам. Оказывается, быть вампиром не так уж приятно. Мало того что привилегий почти никаких, зато нападений уже три за последние девять дней. И это не считая встречи с Жаном! Вряд ли, конечно, мои злоключения связаны с моим новым статусом, ведь меня не обливали святой водой, не били по голове распятием, не угрожали осиновым колом и серебряными пулями в меня не стреляли. На охотников за вампирами хулиганы с ножами, наркоман в плаще и сегодняшний маньяк похожи не были. Разве что маньяка номер два, который уложил первого и дал мне сбежать, записать в мои поклонники? Так вампирам вроде группа поддержки не полагается.

Да нет, что за глупости! То, что я стала вампиром, тут ни при чем! Просто я стала больше шататься ночами по городу и пренебрегла осторожностью, отсюда и все проблемы. В конце концов, кто на меня покусился? Банда хулиганов, наркоман в поисках дозы и какой-то маньяк в чулке, промышляющий в малолюдном переулке. Может, он и убивать-то меня не хотел. Может, бедняга всего-то и собирался, что плащ распахнуть да насладиться моим впечатлением от своего стриптиза? А я так перепуталась, что и реакцию ему молниеносную приписала, и чуть ли не парящим в воздухе его вообразила. Что-что, а воображение у меня всегда было что надо. Впрочем, у меня есть смягчающее обстоятельство: кроссовки «Пума», в таких не просто поплывешь – воспаришь.

Я тихонько фыркнула: лейбломанка, блин! Даже маньяки на меня клюют модные. Жалко, что я его кроссовки раньше не разглядела. Глядишь, разговорились бы на почве моды, может, даже друзьями стали. Я вспомнила одуряющий запах хвои, исходящий от злодея, и покачала головой.

Нет, не стали бы. Освежителя воздуха в качестве духов я бы нипочем не простила.

Мобильный выдернул меня из болота бредовых мыслей, и я с радостью услышала голос Глеба.

– Жанна, я уже внизу.

– Глеб… – взволнованно всхлипнула я.

– Что-то случилось? – мгновенно озадачился он.

– Да… Ты себе даже не представляешь. – Мне хотелось рассказать ему обо всем ужасе, который я пережила, но я не знала, с чего начать.

– Что такое? Ты где? Ты в порядке? – В голосе Глеба' прозвучало неподдельное беспокойство. – Жанна, ответь же. Не пугай меня!

Я отругала себя за свой порыв рассказать ему о нападении. Нельзя быть такой эгоисткой. Глеб с ума от волнения сойдет, а потом меня ни на шаг от себя отпускать не будет. Лучше ему не знать о том, что случилось в подворотне.

– Это ужасно, Глеб, – улыбнулась я, – но я еще в ванной.

В трубке явственно прозвучал вздох облегчения.

– Хулиганка. – Его голос потеплел. – Мне показалось, что-то правда случилось.

– Случилось то, что ты здесь, а я еще не готова, – вывернулась я.

– И сколько тебя еще ждать, русалочка?

– Я уже выбираюсь на сушу, – пообещала я.

– Собирайся, – ответил он и добавил словами моего любимого Уайльда: – Если ты опаздываешь ненадолго, я готов ждать тебя всю жизнь.

Я оценила. И собралась за двадцать восемь минут вместо получаса.

На следующий вечер после тусовки в клубе, которая ничем примечательным, кроме откровенного танца супермодели Моники на стойке бара, не запомнилась, Глеб потащил меня в фитнес-клуб. По дороге он объяснил, что есть три закрытых заведения, которыми владеют члены нашего Клуба и куда людям доступ закрыт. Мы направлялись в одно из них, под названием «Территория VIP».

Внешне здание фитнес-центра не отличалось от обычных, разве что окна его были закрыты щитами с изображением нереально красивых моделей – спортивно озабоченных девиц и мускулистых мачо, да на двери висело объявление для отпугивания зевак: «Прием в клуб осуществляется только при наличии рекомендации наших завсегдатаев». Однако желающие попасть в клуб в обход правил все равно находились.

Когда мы вошли внутрь, какая-то разряженная девица в дизайнерском пальто и со спортивной сумкой в руках как раз горячо спорила с администратором, не желавшей пропускать ее дальше стойки.

– К сожалению, мы не можем принять вас без рекомендации, – твердо говорила администратор – миловидная хрупкая шатенка со стрижкой каре.

– Милочка, у меня рекомендация от самого американского президента! – надменно возразила девица, хлопнув на стойку пачку долларов, и замерла в ожидании должного эффекта.

Однако администратор проигнорировала столь красноречивую демонстрацию платежеспособности потенциальной клиентки и повторила:

– Сожалею. Но наши правила неизменны.

Девица выпучила глаза.

– Вы что, слепая?! Я готова заплатить любые деньги!

– Уверена, вас с радостью примут в любом другом фитнес-клубе, – вежливо ответила администратор и улыбнулась, приветствуя нас. – Добрый вечер! Поторопитесь, занятие начинается через пять минут.

Девица резко развернулась на каблуках и с ненавистью уставилась на меня, а потом, раскрасневшись, набросилась на администраторшу:

– Вы что, издеваетесь надо мной? У этой лохушки куртка из «Коньково» и сумка из прошлогодней коллекции!

Я чуть сквозь землю от стыда не провалилась. После того как мое второе модное пальто пострадало от встречи с маньяком, пришлось залезть в глубь шкафа и выудить из небытия симпатичную курточку, подаренную на прошлый Новый год мамой. Куртка была сшита довольно неплохо, но, разумеется, не могла похвастаться модным происхождением.

– Хотите сказать, что она больше VIP, чем я? – негодовала тем временем девица. – Да у меня пальто стоит столько, сколько тебе за пять лет не заработать!

Администратор дала волю эмоциям и наградила строптивую модницу долгим неприязненным взглядом. Та слегка пошатнулась на шпильках, развернулась и с потерянным видом побрела к двери.

– Катрин, – укорил администратора Глеб, проследив, как девица сперва стукнулась лбом о стеклянную дверь и только со второй попытки вывалилась наружу.

– Простите, не сдержалась, – повинилась та. – Сами же видели: она просто невменяемая! Вбила себе в голову, что наш клуб самый крутой и ей непременно нужно заниматься пилатесом именно здесь, чтобы утереть нос своим подружкам. Я уже до вашего прихода десять минут оборону держала.

– Тяжелый случай, – усмехнулся Глеб и ободряюще подмигнул девушке. – Не волнуйся, мы никому не скажем о твоих способах убеждения.

– Да я никогда, – засмущалась администратор, – вы же меня знаете. Это просто досадное исключение!

Глеб уволок меня в раздевалку и по дороге пояснил, что гипноз в качестве отпора

настырным гостям не приветствуется. Иначе могут поползти слухи о том, что за дверьми «Территории VIP» обретается секта.

– А вы и есть секта, – фыркнула я, глядя на спешащих в спортзал парней и девушек в спортивных костюмах. – Секта здорового образа жизни.

– Тебе направо, – сообщил Глеб, заворачивая в дверь на другой стороне коридора.

Я вошла в раздевалку и замерла при виде зашнуровывающей белые кроссовки девушки с русой косой. Коса была такой длинной, что ее пушистый кончик касался пола, когда девушка наклонялась. Но самое главное, что на подошве кроссовки отчетливо виднелась марка – «Пума».

Красавица-модель с весенней обложки «Космо» выпрямилась и сощурилась, глядя на меня.

– Жанна, да?

Я молча кивнула, не сводя глаз с ее кроссовок.

– Заходи, чего стоишь? Не покусаю! – Девушка звонко рассмеялась, довольная своей шуткой.

Я осторожно ступила внутрь, борясь с желанием пуститься наутек и разыскать Глеба. Какие глупости! Можно подумать, что у маньяка с чулком была одна-единственная на всю Москву пара белых фирменных кроссовок.

– Откуда ты меня знаешь? – с опаской спросила я.

– Ну ты даешь! Я ж на вечеринке была. Ты меня не помнишь, конечно, мы не пообщались ни разу тогда. Я Лиля. – Девушка зашнуровала обувь, подскочила со скамейки, как мячик, и протянула мне руку.

Она оказалась ниже меня на целую голову и никак не могла быть высоким маньяком в чулке. Я расслабилась и осторожно пожала ее холодную ладошку.

– Поторопись давай, скоро уже начнем, – звонко сказала она и вышла из раздевалки.

Я быстро переоделась, чуть не сбила с ног Глеба, дожидавшегося меня в коридоре, и помчалась вслед за ним в тренировочный зал. Войдя туда, я изумленно распахнула глаза: в зале было человек тридцать народу, йога определенно пользовалась успехом в среде вампиров. Второе открытие было не столь приятным. Почти у каждого третьего в зале были белые кроссовки. Даже у Глеба.

Мое сердце пропустило удар. Глеб знал, где я была накануне нападения. Я сама сказала ему название переулка, когда он звонил мне на мобильный. Моя рука выскользнула из его ладони, и я сделала шаг в сторону. Но Глеб не успел удивиться: в зал вошел инструктор, и все присутствующие поспешили выстроиться в шахматном порядке вдоль зеркальной стены.

В следующий час мои соседи закручивались в такие бублики и узлы, что я чувствовала себя старой дряхлой колодой в сравнении с вампирами, которые были старше меня на несколько десятков, а то и сотню-две лет. Права была Светлана, когда внушала мне необходимость физических тренировок для поддержания хорошей формы. Вон она сама гнется, как акробатка, в то время как я, стиснув зубы, безуспешно пытаюсь повторить акробатические подвиги инструктора. Да и Аристарх не отстает – ему бы самому тренером быть. Странно, что Нэнси рядом нет. Как это она отпустила его одного в спортзал, где половина посетительниц в коротких топиках и соблазнительных шортах, открывающих стройные ножки?

К счастью, к середине занятия, когда мы переместились на маты, мне наконец-то удалось рассмотреть подошвы кроссовок Глеба, и я расслабилась. Глеб носил «Адидас». Но его рост, сходный с ростом нападавшего, а также размер ноги, заставили меня порядком поволноваться и напридумывать целый триллер. В расслабленном состоянии мне даже удалось выполнить несколько элементарных упражнений и заслужить одобрение инструктора.

Закончилось занятие в полночь. На негнущихся ногах я доплелась до раздевалки и рухнула на скамью, с ужасом наблюдая за белыми кроссовками, заполонившими пол. К счастью, их владелицы быстро покидали обувь в спортивные сумки, и я смогла спокойно

переодеться, прислушиваясь к щебетанию соседок.

– Я такая голодная! – восклицала одна, залпом вытряхнув в себя половину бутылки с минералкой.

– Как я тебя понимаю! – вторила ей подруга. – Одной водой сыт не будешь.

– И почему в баре перестали продавать кровяные напитки? – сетовала другая. – Завезли какие-то жалкие энергетические коктейли, как для простых людей.

– Ты же сама знаешь, – отвечала первая, – Аким против употребления крови сразу после занятий.

– Поэтому мне больше нравился Эрик, – надула губки третья. – Тот считал, что потраченную энергию нужно восстанавливать сразу.

– И чего мы добились? – вмешалась Лиля. – В клуб трижды приходила с проверкой милиция. Потому что кто-то набрасывался на людей, не отходя далеко от порога, и даже милиции стало подозрительно, почему это так много людей теряет сознание вблизи нашего клуба.

Болтушки заткнулись, неприязненно взглянув на Лилю. И одна из них тихо пробормотала:

– Конечно, кому-то вполне хватает жалких донорских подачек.

Лиля вспыхнула и, подхватив сумку, быстро вышла за дверь.

– Как она с них ноги еще не протянула, не пойму, – ядовито добавила девица уже громче.

– Не понимаю этих отказников, – горячо поддержала ее подруга. – Завернем сегодня в клуб?

Глаза ее соседки плотоядно сверкнули.

– Конечно.

И мне сделалось не по себе оттого, что я отчетливо поняла, зачем они собираются на дискотеку. Впопыхах стянув с себя топик и шорты, я быстро переоделась в джинсы и свитер и выскочила вон.

– За тобой как будто Дракула гонится, – пошутил Глеб, когда я второй раз чуть не прибила его дверью.

– Хуже, – угрюмо ответила я. – Его невесты.

– Девушки проголодались? – понимающе кивнул Глеб. – А ты?

Стыдно признаться, но у меня самой желудок сводило судорогой от жажды.

– Поехали. – Глеб потянул меня к выходу.

– Ни за что! – затрепыхалась я.

– Съездим в «Шахерезаду», – предложил он. – Мне кажется, сейчас ты не откажешься от отбивной с кровью?

Ну разве что от отбивной…

Но только если запивать ее «Пина коладой»!

Филипп

Месяц назад

Невеста была похожа на Беату. Она курила, суетливо размахивала руками, то и дело хихикала, через слово вставляла «как бы». То есть делала все то, чего настоящая Беата не делала никогда. И тем не менее у нее были глаза Беаты, губы Беаты, подбородок Беаты, шея Беаты, ключицы Беаты…

– Вы как бы слушаете или где?! – рассерженно воскликнула она, привлекая его внимание.

– Простите, – профессионально любезно улыбнулся Филипп. – На чем мы остановились?

– Карета! – Невеста с досадой закатила глаза. – Я буду как бы принцесса и мне нужен крутой экипаж, догоняете?

– Прекрасная идея, – рассеянно кивнул Филипп.

Уж кто и был рожден для карет, так это настоящая Беата. Ее современной копии, живой и румяной, сидевшей напротив него, куда больше подошел бы банальный лимузин.

– Какие-то проблемы? – нахмурилась невеста, видя, что мужчина не сводит с нее глаз.

– Нет-нет, что вы! – спохватился Филипп и опустил взгляд на стол. С фотографии в ажурной рамке улыбалась его Беата… Как же ему ее не хватает!

Как он скучает по ее мудрым глазам на юном лице, по ее увлекательным рассказам о Серебряном веке, откуда она родом, по ее правильной петербургской речи, которую она все чаще портила новомодными словечками, из-за чего он постоянно с ней ругался. Слова «прикольно» и «апгрейдить» звучали в ее устах словно базарная ругань, которая так не шла этой утонченной красавице.

Задумавшись, Филипп пропустил половину из того, что говорила клиентка.

– Так вы сможете это организовать? – требовательно спросила девушка.

– Разумеется, – заверил Филипп, теряясь в догадках относительно пожеланий невесты, и назвал баснословную сумму. Если это отпугнет бойкую девицу, он будет только рад. Ему будет невыносимо организовывать свадьбу той, которая как две капли воды похожа на Беату и при этом всем своим поведением так опошляет свой образ.

– Как бы дорого, – замялась невеста, красноречиво кося подведенным глазом в сторону жениха, не принимавшего никакого участия в переговорах об организации собственной свадьбы.

– Ничего, – прорезался жених, – берем!

– Котик, ты зайчик! – взвизгнула невеста и, бросившись на грудь будущему супругу, звонко расцеловала его.

Выпроводив счастливую парочку, Филипп позвал секретаршу и запер дверь.

Спустя несколько минут девушка, пошатываясь, вышла из кабинета босса, доплелась до стола и немигающим взглядом уставилась прямо перед собой. Только телефонный звонок вернул ее к жизни. Девушка в замешательстве взяла трубку и, не в силах сосредоточиться на работе, что-то ответила невпопад, чем вызвала шквал негодования звонившего.

– Да что ж у вас все секретарши такие замороженные! – неслось из трубки. – Даром что меняются каждый месяц, так еще все как одна тормоза.

– Извините, – пролепетала девушка побелевшими губами. – Я сейчас.

Не сообразив, как перевести звонок, секретарша поднялась с места и, качаясь на каждом шагу, дошла до двери босса. Деревянная створка показалась необычайно тяжелой.

– Филипп Александрович, – прошелестела она, возникая на пороге, – вам звонят!

Подняв трубку, Филипп с тревогой посмотрел вслед секретарше. Чертова невеста! Он так разволновался из-за ее сходства с погибшей Беатой, что переусердствовал, утоляя жажду. Так у него и новая секретарша долго не задержится: последние девушки прямо с рабочего места попадали в клинику в состоянии крайнего истощения. Опять неприятностей со старейшинами не оберешься – им только дай повод почитать проповеди и поучить жизни!

– Да! – недовольно рявкнул он в трубку.

– Это как бы я. – Ненавистная невеста настигла его и тут. – Забыла спросить: а можно заказать группу «Звери»?

– И как она будет сочетаться с каретой с лошадьми и с залом, стилизованным под Средневековье? – не скрывая раздражения, спросил Филипп.

– Круто будет сочетаться! Это как бы фьюжн! – с ликованием ответила невеста.

– Любой каприз за ваши деньги, – пересилив себя, подчеркнуто любезно произнес Филипп и распрощался с клиенткой.

Работать дальше было совершенно невозможно. Поручив заму дальнейшее управление праздниками и подбросив бледной секретарше шоколадку для восстановления сил, Филипп сбежал из офиса.

Дорога сама привела его к любимой антикварной лавке. Там, походив вдоль потемневших от времени статуэток, ваз и кофейных сервизов, Филипп выбрал старинные часы. Антиквар уверял, что им не менее двух сотен лет. Но у Филиппа загорелись глаза

совсем по другому поводу, и ему не терпелось проверить свою догадку дома.

Уже направляясь к выходу, Филипп заметил покупательницу, замершую у прилавка с серебряной посудой, и замедлил шаг. Стройная, хорошо одетая, лет сорока, с королевской осанкой – настоящий лакомый кусочек! Кровь таких же поклонников антиквариата, как и он сам, была для Филиппа самым изысканным лакомством. Ах, зря он не сдержался и отведал крови секретарши. Утолил жажду пивом, и теперь не осталось сил на коллекционное вино. Окончательно его покорили ее большие дымчатые глаза, оплетенные едва уловимой сеточка морщин – редкое украшение дамы в эпоху ботокса и рестилайна. Такую добычу упускать нельзя!

Заведя знакомство с ценительницей прекрасного и обменявшись визитками, Филипп в приподнятом настроении покинул лавочку. Определенно, сегодня ему везет! Добавил в коллекцию раритетные часы и нашел восхитительную доноршу.

Подойдя к машине, Филипп выругался. Все четыре колеса были проколоты. Зря он отмахнулся от грязного мальчишки, обещавшего посторожить машину «как бы чего не вышло». Теперь придется расплачиваться за свою жадность, вызывать автосервис, провести часы ожидания в вонючем дворике. А ждать придется долго: на носу час пик. А не прогуляться ли ему по городу?

Оставить драгоценную покупку в машине Филипп не решился. Он достал из салона вместительный кожаный портфель, вытряхнул из него бумаги и бережно уложил часы. Портфель оттянул плечо, но ноша была приятной, и, поставив авто на сигнализацию, Филипп двинулся в сторону улицы. Пришлось поплутать среди домов и дворов, пока вдалеке показались проезжающие машины. В этот момент позади раздался насмешливый голос:

– Что несешь, красавчик?

Погулял, обреченно подумал Филипп. Пижон с сумкой от Армани в московской трущобе – желанная находка для грабителей. И откуда им знать, что сумка – всего лишь точная копия и Филипп на самом деле не так богат, как им хотелось бы. А ему-то что теперь делать?

Драться он никогда не любил и не умел – с детства благополучный мальчик из интеллигентной семьи боялся хулиганов как огня. А больше всего боялся повредить голову и стать дурачком, как Колька из соседнего дома, которого отмутузили футбольные фанаты. С ранних лет Филиппа отличало удивительная способность к эмпатии. Он мог поставить себя на место любого человека, понять его чувства и мысли. Поначалу это было игрой, но после несчастья с Колькой его причудливый дар чуть не стал трагедией. Остро переживавший беду друга Филя и не заметил, насколько сильно погрузился в его помрачневший разум. Зато мать, заставшая своего любимца с бессмысленной улыбкой на лице пускающим слюни, сама чуть с ума от горя не сошла, решив, что сын повредился умом. А Филипп тогда так глубоко нырнул в хаос мыслей Кольки, что пришел в себя только в кабинете психиатра.

Эта история стала для одиннадцатилетнего мальчика хорошим уроком: в дальнейшем он всегда контролировал себя, отделяя от объекта, и старался скрыть свой дар. Но очевидного не утаишь. Стоило открыть свой бизнес, как весть о владельце фирмы «Праздник с тобой», предугадывающем самые сокровенные желания клиентов, разнеслась по городу и достигла ушей тех, о существовании которых он и не подозревал.

Судьба явилась к нему в образе смешливой девчушки в кедах. Занятно, но произошло это в Хеллоуин, на костюмированной вечеринке для солидной компании, за ходом которой Филипп следил сам. Девушка, одетая по-спортивному, белой вороной выделялась в кроваво-черной толпе ряженых вампиров, зомби и ведьм.

– Почему без костюма? – удивился Филипп, когда незнакомка подошла к нему.

– А мне не надо рядиться, для того чтобы быть, – уклончиво ответила та и, посмотрев в глаза долгим, проникающим в самое сердце взглядом, не попросила – потребовала: – Где мы можем поговорить? Наедине.

Уединенное место нашлось в гримерке клуба, где повсюду валялись лишние вставные челюсти, накладные клыки, взлохмаченные парики, остроконечные ведьмины шляпы.

Светлана – так звали девчушку – с усмешкой обвела непригодившиеся атрибуты и начала свой рассказ.

Сначала Филипп расхохотался.

– Я ценю чувство юмора своих сотрудников, которые решили разыграть меня в Хеллоуин. Но, право слово, могли бы придумать что-то пооригинальнее.

Света не обиделась.

– Что ж, поначалу никто не верит. В качестве исключения вас приглашают на закрытую вечеринку, где вы все увидите сами.

– А розыгрыш-то не так прост. Гляжу, мои ребята учатся. Что ж, я обязательно приду оценить их старания.

Однако вечеринка превзошла его ожидания. Филипп очутился среди сотни людей, многие из которых были довольно известными персонами. На розыгрыш с участием звезд у его сотрудников просто не хватило бы бюджета! А потом он увидел Ее. Она была такой юной, такой прекрасной, такой утонченной и такой печальной…

– Как ее зовут? – шепотом спросил он у Светланы, не отходившей от него ни на шаг.

– Кого? – Света отыскала глазами девушку. – А, это наша Беата.

– Она не может быть вампиром, – убежденно сказал Филипп. – Она слишком хороша для этого.

– Еще как может, – усмехнулась Светлана. – Уже сто лет может.

– Сколько?! – ахнул Филипп, пожирая девушку глазами.

Беата, почувствовав его взгляд, подняла глаза и едва заметно улыбнулась. И после этой улыбки Филиппу было уже все равно, кем становиться – вампиром или оборотнем. Да хоть самим чертом, лишь бы только быть рядом с ней.

Судьба была к нему благосклонна – Беата ответила ему взаимностью. Именно она по просьбе Филиппа поделилась с ним своей кровью и подарила ему долголетие и букет других преимуществ. После инициации его дар вопреки опасениям старейшин не претерпел изменений. Он все так же тонко чувствовал эмоции и стремления людей. Благодаря поддержке общины его бизнес пошел в гору, круг клиентов расширился. Время от времени старейшины обращались к нему с просьбой просканировать кого-то из вампиров или людей. Он старался не вникать в смысл их поручений – уж больно разные персоны попадали в сферу интересов старейшин. Но он был рад, что по-своему мог быть полезен обществу, которое так тепло встретило его и которое дало ему шанс познакомиться с Беатой.

А потом на него навалилась депрессия. Беата во время приступов тоски стонала, что она слишком стара, а он чувствовал себя младенцем рядом с ней, прожившей целый век, заставшей правление царя и революции. Антиквариат стал для него отдушиной. Прикасаясь к старинным вещам, он прикасался к вечности. Владея предметами, которые были созданы сотни лет назад, он словно сам погружался в прошлое. Вещи молчали, вещи таили в себе загадки, ответов на которые у него не было. В отличие от людей, души которых были для него открытой книгой. С предметами старины оставалось только гадать, и Филипп мог часами грезить над своими сокровищами, представляя, кому они служили раньше и какую роль играли в их давно закончившейся жизни. Иногда ему казалось, что он прикоснулся к разгадке тайны, и воображение рисовало ему бравого поручика, владельца потемневшей табакерки, или романтичного студента, хозяина пузатой чернильницы. Образы были такими яркими, что он еще долго грезил наяву и начинал сыпать архаизмами, вызывая насмешки других вампиров. Но все равно полного проникновения в души людей прошлого не происходило, и со временем это стало страшно огорчать Филиппа.

Молчание вещей уже казалось ему не благословенной тишиной, а заговором против него, и он поклялся его раскрыть. В ход пошли все методы: он читал книги по истории, разыскивал уцелевшие костюмы, надевал пропитанную нафталином ветхую одежду, из-за чего прослыл еще большим чудаком. Но все тщетно. Вещи молчали. И вот сегодня, стоя в лавке перед старинными часами, Филипп вдруг увидел девушку из ушедшего века, не отрывающую взгляда от циферблата и взволнованную ожиданием тайного свидания, затем

седого лакея, переводившего стрелки часов, а за ним часовщика, склонившегося над сломанным механизмом. Казалось, еще немного, и он сможет не наблюдать за ними со стороны, а проникнуть внутрь них… Как же некстати он столкнулся с хулиганами! Сейчас отберут портфель, понадеявшись на солидный куш, а потом разобьют его сокровище в приступе бешенства. Ведь для них оно только никчемная рухлядь.

– Давайте договоримся, – начал он, оборачиваясь к грабителям, и изумленно замер, увидев за спиной знакомого. – Ты? А я принял тебя за…

– Опять мечтаешь на ходу? – укорил его визави. – Смотри, не доведет тебя это до добра.

– Да у меня машина сломалась, – попытался оправдаться Филипп.

– На ходу в машине мечтать еще опасней.

– А ты что здесь делаешь?

– Гуляю.

– Здесь? – Филипп с недоумением покосился на обшарпанный безлюдный дворик и с трудом подавил в себе желание заглянуть в душу собеседника.

Со столетними вампирами такие шутки чреваты. Ведь именно после того раза, когда он легкомысленно погрузился в сознание Беаты, пытаясь понять бездну ее отчаяния, его придавило грузом прожитых ею лет. А когда он вырвался на свободу из плена ее воспоминаний и мыслей, он и ощутил эту временную пропасть между ними и потерял покой.

Ему показалось, что в глазах вампира мелькнула ненависть, но спустя мгновение тот ровным и спокойным голосом позвал его следовать за собой. Вот и раскрылась великая тайна! Наверняка понадобилось срочно просканировать кого-то, кто живет здесь. Филипп шагнул под козырек подъезда и чуть не налетел на замешкавшегося вампира.

– Сегодня особый случай, – услышал он, и глаза его удивленно распахнулись при виде шприца.

Филипп непроизвольно отшатнулся, что вызвало насмешку вампира.

– Эй, только в обморок падать не надо! Это обычная сыворотка правды. Гарантия того, что ты не утаишь ничего из того, что узнаешь.

Филипп нахмурился:

– Вы мне больше не доверяете?

– Доверие – слишком опасная благодетель, когда живешь среди волков.

Что-то в глазах вампира заставило Филиппа засомневаться. Но вместо того чтобы бежать, как советовал разум, Филипп нырнул. Прямо в темные, почти черные из-за расширившихся зрачков глаза вампира. Показалось – провалился в кипящую лаву. Эта лава прожгла сердце, вливая в него чужую ненависть, и перед глазами пронеслись побелевшее лицо Индиры, запрокинутая голова Марка, широко распахнутые глаза Беаты… Голубой лед любимых глаз протянул мостик, помог выскочить из смертельного омута чужой злобы, но не довел до спасительного выхода – обломился. Одновременно с иглой, вошедшей в плечо.

– Ты… – закашлялся Филипп, прислонившись к двери подъезда. – Это ты их всех…

– Правда неожиданно?

– Но зачем?

– И ты еще спрашиваешь зачем?!

Рука, поддерживавшая его, внезапно исчезла. Оставшись без опоры, Филипп стал сползать по двери вниз. Руки и ноги онемели, язык не слушался его, и только глаза до последнего продолжали смотреть, как неистово крушат его сокровище тяжелые каблуки убийцы, танцуя безумную чечетку на брошенном в грязь портфеле.

Глава 9
МОЙ ДЕД – ВАМПИР!

В нашей культуре слишком много внимания уделяется внешности, возрасту и общественному статусу. А единственное,

что на самом деле имеет значение, – это любовь.
Хелен Филдинг. Дневник Бриджит Джонс

Время отберет у нас семью… Так почему же я должен отказываться от всего этого, пока оно еще у меня есть?
Энн Райс. Вампир Лестат

В следующие четыре дня я заперлась дома, засела за компьютер, игнорировала звонки Глеба и заставила бабулю ходить на цыпочках, чтобы не мешать творческому процессу. В итоге напряженного мозгового штурма на свет родились три статьи – «Мужская щетина: десять причин моей зависти», «Как соблазнить шопоголика» и «Правила настоящего мужского шопинга». Искренне надеясь, что мои сочинения станут не только пропуском в мир модного издания, но и обретут статус шедевров современной журналистики, я отправилась к Аристарху, не предупредив его о своем визите.

Вампира я поймала в дверях кабинета. Он, не глядя, бросил папку с моими статьями на стол и пояснил:

– Тороплюсь на прямой эфир к Малахову. Хочешь с нами?

– С нами? – не поняла я.

За спиной красноречиво кашлянула Нэнси.

– Да нет, – поспешно открестилась я. – Лучше по телевизору посмотрю.

Обратной дороги как раз хватило на то, чтобы поспеть к началу передачи. Я позвала бабулю к телевизору и щелкнула пультом.

– Сегодня по телику будут показывать моего босса. Красавец-мужчина!

– Так-так, интересно посмотреть. – Бабушка придирчиво нацепила очки и закрутила ложечкой в баночке с йогуртом.

На экране пошла заставка ток-шоу, ведущий вкратце очертил тему эфира, и в студию вошел Аристарх. Бабуля, всплеснув руками, прилипла к телевизору. Признаться, такой реакции я не ожидала! Алмазов, конечно, красавец-мужчина. Но и бабуля уже не трепетная школьница, способная потерять голову от рокового мачо.

– Нравится? – с недоумением поинтересовалась я.

– Надо же, как похож! – охнула бабуля, вглядываясь в лицо Аристарха, вальяжно развалившегося в студийном кресле.

– На кого? – удивилась я.

– На твоего дедушку! – огорошила меня она.

– Да ничуть не похож! – убежденно возразила я, вспомнив фотокарточку дедушки в возрасте Аристарха. Крупные черты лица, орлиный нос, волосы, расчесанные на прямой пробор, взгляд трудяги, всю молодость проведшего у станка. Казалось, его самого при помощи этого станка выточили. Ничего общего с лощеным щеголем Аристархом.

– Еще как похож! – взволнованно пробормотала бабушка. – Если только добавить усы и изменить прическу… Ах, боже мой, может, это его сын? Или скорее внук?

– Бабуля, надень очки! – посоветовала я. – Ничего общего с дедушкой Мишей у него нет!

– Конечно нет! – оскорбленно ответила бабушка. – Я говорю о дедушке Александре – твоем настоящем дедушке.

Вот это новости!

– Как – настоящем? – выдавила из себя я.

Бабуля смущенно опустила глаза.

– Да, Жанночка, твоего папу я родила не от дедушки Миши, а от Александра, – раскрыла она семейную тайну. – И он был точной копией этого Аристарха.

Я потрясенно молчала.

– А ты разве никогда не замечала, что твой папа совсем не похож на деда Мишу? – разоткровенничалась бабуля.

Я вспомнила утонченные черты лица отца и лицо деда, словно вырезанное неумелым скульптором из каменной глыбы, и перевела взгляд на экран, где широко улыбался Аристарх.

– Да сама посмотри: вы с ним похожи, как родственники! – добавила бабуля. – Твой начальник – точная копия Александра.

Действительно, как я раньше не замечала: один типаж, похожие черты лица. Мы с Аристархом похожи, наверное, поэтому его и тянуло ко мне так непреодолимо… А ведь он и в самом деле может быть моим дедом!

– Кто такой был этот Александр? – пытливо спросила я.

– Мы с ним в Париже познакомились, – смущаясь, поведала бабушка. – Я с комсомольской делегацией переводчиком ездила, а Александр был в числе дипломатов. Мы с ним украдкой встретились несколько раз. Потом он в Москву приезжал, ну и…

– Ты уже замужем была? – поразилась я.

– Нет, это еще до Мишеньки было, – с негодованием возразила бабуля. – Точнее, Миша за мной давно ухаживал, но я ему отказывала, а потом…

Бабуля запнулась, а я ахнула, поняв истинную причину ее поспешного замужества. А я-то всегда гадала, что изящная, интеллигентная бабушка нашла в неотесанном, угрюмом и впрямь похожем на медведя дедушке Мише. Ну чем мог подкупить студентку-переводчицу работяга-токарь? Да просто бабуля была в положении и выбирать не приходилось.

– А дедушка знал? – прошептала я.

– Конечно, знал, – с достоинством ответила бабушка. – Разве бы я стала его обманывать? Когда он в очередной раз стал звать меня замуж, я ему и ляпнула сгоряча: мол, забудь меня, Миша, не нужна тебе такая жена, я к весне уже рожу. А Миша рассердился, говорит: что ты выдумала? Кто же тогда отец ребенка и почему на тебе не женится? Я ему все и рассказала. Думала, отважу его правдой от себя. Только Миша ушел, а на следующий день с букетом гвоздик меня встретил после работы. Разговор у нас с ним серьезный вышел, он меня убеждал, что все равно любит, и обещал, что ребенка примет и воспитает как родного. И слово свое сдержал.

– Ты его так и не полюбила, – прошептала я.

– Я его любила, по-своему, – призналась бабушка. – Миша всегда был мне заботливым мужем, и я всегда была ему благодарна за то, что не стала матерью-одиночкой и у Вадика был отец.

– А Александра ты больше не видела?

– Никогда, – вздохнула бабуля.

– А фотография его у тебя не сохранилась? – допытывалась я.

– Есть одна, в газете, – припомнила бабушка, – там вся наша делегация изображена, и Александр тоже. А отдельной его карточки у меня нет. Тогда это не распространено было, как сейчас.

– Покажешь? – загорелась я.

Бабушка всплеснула руками.

– Ой, если она сохранилась после потопа-то! Ведь все залил Василий! Хотя погоди, у Дуси должен был номер газеты остаться, она с нами тогда ездила. А ты чего так заинтересовалась? – запоздало спохватилась она.

– Вдруг твой Александр в родстве с Аристархом? Может, статью какую интересную написать удастся, – на ходу сочинила я.

– Только ты уж мое имя в журнале не указывай, – испугалась бабушка. – Мало ли что.

– Не волнуйся, я сохраню твое инкогнито! – пообещала я.

…На следующий вечер пожелтевшая газета со старой фотографией была у меня в руках. С черно-белого фото, запечатлевшего советскую делегацию и французских дипломатов на фоне Лувра, на меня смотрел старомодно одетый и подстриженный Аристарх Алмазов.

– Надо поговорить!

На стол Аристарха легла старая газета.

– Что ты там нашла? – Алмазов подвинул газету ближе, и я увидела, как улыбка на его лице сменяется недоумением. – Где ты ее раскопала?

– Не может быть!.. – простонала я. – Это и в самом деле ты?!

– Да, я, – растерянно молвил Аристарх. – А откуда это у тебя?

– От бабушки!

Аристарх удивился еще больше.

– Ты знаешь ее под именем Лизы Ветровой, – угрюмо поведала я и ткнула пальцем в фотографию молодой кокетки Лизы в шляпке с цветком, ультрамодной в те времена и безнадежно устаревшей в нынешние.

– Лиз? Невероятно! – Аристарх так и впился глазами в газету, потом перевел очумелый взгляд на меня. – Ты… ты ее внучка?

– Я *ваша* с ней внучка, – поправила я. – Поздравляю, дедушка Александр! Можно, я буду звать тебя просто деда Саша?

– О чем ты говоришь? – опешил вампир.

– Ты не знал, что она родила от тебя сына? – укорила я. – Злостный ты алиментщик! Да ты хоть представляешь, как непросто было растить ребенка при коммунизме? Очереди километровые, полки пустые… – От жалости к бабушке я чуть слезу не пустила.

Аристарх, уронив челюсть, смотрел на меня.

– Хотя это вроде было уже позже, – засомневалась я, – когда я родилась… Но все равно, уверена, бабушке Лизе пришлось очень, очень непросто! – тоном прокурора добавила я. – Да ты хоть знаешь, чтобы достать коляску для твоего сына, бабушке пришлось пожертвовать самой красивой своей шляпкой, купленной в Париже!

Я обвиняюще уставилась на блудного деда, который тем временем то краснел, то бледнел на глазах.

– Эй, – осторожно поинтересовалась я, – у вампиров инсульты бывают? А то, может, уже пора вызывать вурдалачью неотложку?

– У меня есть сын? – ошеломленно пробормотал Аристарх, порывисто поднимаясь с места. – Я знал Лиз еще до того, как стал… как меня заразили. Это случилось в тот же год, когда я в последний раз видел твою бабушку. Почти пятьдесят лет назад. Ты уверена?

– У меня информация из первых уст.

– Тебе сказала Лиз? – разволновался Алмазов.

– Для меня она бабушка Лиза, – поправила я.

– Бог мой, я о ней вспоминал, – возбужденно забормотал вампир. – Когда меня позвали в Москву пять лет назад, я вспомнил про Лиз, но не думал, что она жива. Шанс встретить ее был минимальным, в Москве миллионы людей, а Лиз уже в преклонном возрасте… – Он запнулся и поднял на меня глаза, не решаясь спросить.

– Конечно, она постарела, – пресекла его иллюзии я. – Но только телом, а не душой. Она считает себя семнадцатилетней и по-прежнему носит шляпки.

– Ах, моя Лиз… – Глаза Аристарха затуманились. – Когда я стал… таким, я мечтал разыскать Лиз, сделать ее одной из нас и никогда с ней не разлучаться. Но это были только мечты. Я был одним из последних, кого инициировали без согласия. Почти в то же время вступили в силу правила, и все стало очень непросто… А мой сын… Это твой отец? Он жив? – взволнованно спросил он.

– Жив, – кивнула я.

– А ты, ты… – Аристарх вскинул глаза и прожег меня угольно-черным взглядом, в котором не осталось места радужке. – Это просто невероятно! – Он подскочил ко мне, сгреб в охапку, прижался губами к моему виску и восторженно проорал: – Жанна! Дорогая моя! Я, как тебя увидел, сразу почувствовал, что между нами особенная связь!

Как и следовало ожидать, по закону жанра на этой душещипательной сцене нас и застукала Нэнси, без стука ввалившаяся в кабинет. Блондинка так и застыла в дверях,

выпучив глаза от потрясения. Я ей даже посочувствовала: было от чего ошалеть! Ее мужчина на ее глазах обнимает другую девушку и, не скрывая своих чувств, восклицает, как она ему дорога. А что с ней станется, когда Аристарх объявит о том, что я его внучка, предположить нетрудно…

– Надеюсь, не помешала? – ледяным тоном осведомилась Нэнси, выстрелив в меня убийственным взглядом, и я лишний раз порадовалась, что вампирам недоступна магия. Взгляд Нэнси приравнивался к зенитному заряду, и, будь он подкреплен волшебством, от меня бы осталась только сиротливая горстка пепла.

– Вообще-то помешала! – радостно проорал Аристарх, продолжая прижимать меня к себе. – Помешала мне как следует обнять мою внучку.

– Ты что, сбрендил?! – взвизгнула Нэнси. – Ты меня за совсем идиотку принимаешь?!

– Милая, ну ты же блондинка! – не удержался от шпильки мой невыносимый дед, наконец-то отпуская меня.

– Ну это уже слишком! – мигом завелась красотка.

– Я имел в виду, что ты же знаешь цену этим анекдотам про блондинок, – примиряюще добавил Аристарх. – Я вообще считаю, что ты у меня редкая умница. Поэтому перестань изображать соляной столб и статую оскорбленной невинности в одном лице и иди к нам – обнимемся!

– Ты предлагаешь мне шведскую семью?! – возопила Нэнси. – Так меня еще никто не оскорблял!!!

На шум уже подоспела секретарша и взволнованно заглядывала в кабинет из-за спины взбешенной Нэнси, пытаясь знаками выяснить у босса, не пора ли вызывать охрану.

– Адочка, идите и вы к нам! – благодушно махнул рукой Аристарх. – Мы больше не будем скрывать своих близких отношений. Пусть знают все!

– Что? И с секретаршей ты спишь?! – Нэнси аж пошатнулась на шпильках, и мне стало ее по-настоящему жалко. Но только до того момента, как Нэнси развернулась на каблуках и вцепилась в волосы ни в чем не повинной Ады с душераздирающим воплем: «Я давно тебя подозревала, лахудра!»

Тут уж Аристарху стало не до шуток, и он бросился успокаивать взбесившуюся любовницу. Не без труда блондинку удалось скрутить по рукам и ногам и припереть к стенке, но она продолжала вопить, обзывая проститутками меня с Адой и кобелем – Алмазова. Аристарх беспомощно оглянулся на меня.

– А ты ее поцелуй, – посоветовала я.

Доверчивый вампир наклонился к Нэнси и через секунду провыл:

– Она прокусила мне губу!..

– Я вызываю охрану? – засуетилась секретарша. После того как Нэнси изрядно проредила ей шевелюру и расцарапала щеку, Ада жаждала возмездия.

– Отставить! – отмахнулся Аристарх.

– Скажи, что ты ее любишь, – дала новый совет я.

– Я тебя люблю, – послушно просюсюкал вампир.

– Да я погляжу, не меня одну! – еще пуще рассвирепела неистовая блондинка.

– Только тебя! – опрометчиво добавил Аристарх, и Нэнси взметнулась в его руках разъяренной фурией.

– Кобелина! – проорала она, от всей души заехав любовнику в пах.

Бедняга вампир со стоном согнулся пополам и выпустил хулиганку. Нэнси тут же грохнула на пол подвернувшийся под руку дизайнерский светильник, а потом, бешено сверкая глазами, ринулась на меня.

– У тебя тушь потекла! – пролепетала я, уворачиваясь от блондинки.

Та замерла на месте и быстро обернулась в поисках зеркала, потеряв ко мне интерес.

– Ада, вызывай охрану, – прохрипел Аристарх.

– Не надо, – остановила я секретаршу, радостно схватившуюся за телефон. – Буря миновала.

Нэнси сощурила глаза, разглядывая себя в отражении глянцевой дверцы шкафа, и плаксиво сказала:

– Ты наврала.

– Надо же тебя было как-то остановить, – возразила я в свое оправдание, на всякий случай делая еще один безопасный шаг к стене.

– Рис! Тебе очень больно? – Нэнси взволнованно бросилась к Аристарху, скорчившемуся на диване, но тот отмахнулся от нее, как ведьма от хвороста:

– Не подходи!

– Рис, прости меня, – виновато пролепетала блондинка.

– Никогда! – мрачно простонал поверженный вампир.

– Ты даешь мне отставку? Из-за нее? – горестно всхлипнула Нэнси. – Так и скажи! Зачем так чудовищно врать?

Аристарх со стоном соскочил с дивана, подбежал ко мне и прижался щекой к моей щеке.

– Нэнси, ты слепая? Ты не видишь, что мы похожи?

– Я думала, ты любишь блондинок, – всхлипнула вампирша, не слушая его. – Я думала, что притягиваются противоположности. Тебе же никогда брюнетки не нравились!

– Да при чем тут это?! – взвыл Аристарх. – Мы с Жанной похожи, потому что ее отец – мой сын, а ее бабушка – моя старинная возлюбленная.

Я с досадой покосилась на Аристарха: ну кто его тянул за язык?

– Так, значит, я для тебя слишком молода?! – растерянно захлопала глазами Нэнси. – Ты теперь на старух переключился? Ну ничего-ничего, – с маньячным видом забормотала она, – это поправимо. Можно сделать операцию, можно добавить морщин…

– Вот дура-то!.. – протяжно простонал Аристарх.

– Блондинка! – злорадно выкрикнула из приемной Адочка.

– Дедуля, я думаю, вам лучше поговорить наедине, – выпалила я. И, чтобы помешать кровопролитию, поспешно вымелась за дверь и плотно захлопнула ее за собой.

Ада встретила меня укоризненным взглядом:

– Нэнси не такая дурочка, *внученька.*

– Ада, ты, конечно, мне не поверишь, но Аристарх и правда мой дед, – нервно хихикнула я. – Пятьдесят лет назад у него был роман с моей бабушкой. Мой отец – его сын.

– Ничего себе! – вытаращила глаза Адочка. – На моей памяти это первый подобный случай!

– Да я вообще уникум, – скромно ввернула я и распрощалась с секретаршей.

Судя по ее алчно блеснувшим глазам, уже к ночи о моем родстве с Алмазовым будет известно всей тусовке. Звонок Аристарха застал меня у подъезда дома.

– Все живы? – вместо приветствия спросила я.

– Да, мы помирились, – томно сообщил вампир. – Нэнси приносит тебе свои извинения.

– Я на нее зла не держу, – вежливо ответила я.

– Жанна, я хочу видеть Лиз, – приглушенно зашептал Аристарх, шифруясь от Нэнси, которая, судя по отдаленному шуму воды, принимала душ. – И твоего отца тоже.

– Я скажу тебе адрес, можешь понаблюдать за ними из-за угла, – великодушно предложила я.

– Жанна, я хочу с ними пообщаться, – твердо сказал Аристарх. – Пригласи меня к ним на ужин!

– Тебя на ужин к ним или их в качестве ужина к тебе, *дедуля?* – невинно поинтересовалась я.

– Вот теперь я точно знаю, *внученька,* в кого ты такая язва уродилась, – довольно ухмыльнулся Аристарх. – Так я могу прийти к вам на семейный ужин?

– В качестве кого, интересно? – уточнила я.

– Я вижу только один правдоподобный вариант, – усмехнулся Аристарх, – в качестве твоего бойфренда.

– Только через мой труп! – твердо сказала я.

– Ну, если ты будешь так настаивать… – промурлыкал вампир.

– Когда? – со вздохом сдалась я.

– Как можно скорее.

– Бабуля, – отводя глаза, сообщила я. – Мы с Глебом расстались.

– Да что ты, Жанночка! Почему? – всплеснула руками бабушка.

– Неважно, – отмахнулась я и огорошила ее следующей новостью: – Теперь я встречаюсь со своим боссом.

– С тем самым? – в изумлении пролепетала бабушка.

– Наверное, это гены… – смущенно потупилась я. – Ты на меня не сердишься?

– Сержусь? – Бабуля удивленно хлопнула ресницами.

– В смысле, не будешь ревновать?

– Ревновать? – Бабушка довольно рассмеялась. – Ну ты и скажешь, Жанна! Да я только счастлива буду, что тебе такой красавец достался и ты своего не упустила в отличие от меня. Только, – она осторожно подняла глаза, – уж больно мне Глебушка нравился. Хороший мальчик был.

– Бабушка, с Глебом все кончено, – нахмурилась я.

– Конечно-конечно, тебе виднее, Жанночка.

– Бабуль, я хочу познакомить Аристарха с родителями. И с тобой.

– Ты хочешь пригласить его на семейный ужин? – Бабуля испытующе уставилась на меня. – А ты не очень торопишься, внучка?

– Надо торопиться, пока какая-нибудь более шустрая девица не увела такое сокровище, – многоопытно заметила я.

– Как скажешь, – признала мою правоту бабушка. – И когда ты планируешь его позвать?

– Послезавтра, в пятницу.

– А куда? Сюда или к родителям? – осторожно спросила бабушка.

От семейных посиделок в доме родителей, где она не чувствовала себя хозяйкой, бабуля стойко уклонялась на протяжении последних нескольких лет. А учитывая, что встреча с Аристархом планировалась в основном ради нее, я решила, что лучше будет устроить ужин у меня.

– Лучше сюда, – успокоила ее я. – А ты как считаешь?

– И я так думаю! – с облегчением сказала бабуля. – Я тебе на стол помогу накрыть, а он пусть оценит, какая ты славная хозяйка.

– Сейчас, бабуля, в женщинах ценится не это, – улыбнулась я.

– …А кожа, кости и силикон, упакованные в модный бренд, – укоризненно вздохнула бабушка.

– Уж кто бы говорил! – шутливо возмутилась я. – Ты за красивую шляпку готова душу продать!

– Зато эта шляпка станет лишь продолжением меня, а на некоторых посмотришь, так им одежда всю личность, всю индивидуальность заменяет. Сними ее – и что увидишь? Ничего, человека-невидимку, – философски заметила бабушка.

– Надеюсь, это ты не про меня? – опешила я.

– Ну что ты, Жанна! – воскликнула бабуля. – Конечно нет!

Созвонившись с родителями и сообщив им о цели посиделок (мама сначала поохала, но, когда узнала, кто мой избранник, чуть не упала в обморок от счастья и, готова поклясться, в уме уже стала перебирать свой гардероб на предстоящий ужин), мы назначили торжественный сбор на восемь вечера в пятницу.

– Нам надо продумать меню праздничного стола! – деловито заявила бабуля, когда я повесила трубку.

– Это я беру на себя. – Надо будет отксерить бабушке несколько рецептов из книжки

правильного вампирского питания и подсунуть под видом диетической кухни. – А тебе нужно хорошенько продумать свой гардероб!

– Мне-то зачем? – кокетливо заалела бабушка.

– Потому что по твоему виду Аристарх станет судить, как я буду выглядеть в свои семьдесят!

– Не волнуйся, – озорно подмигнула бабушка. – Он будет покорен!

– Надеюсь, не до такой степени, что предпочтет тебя мне? – шутливо нахмурилась я.

– Если я переборщу, ты только намекни, и я сразу начну брюзжать, чтобы он не забывался, – подхватила мой тон бабуля.

– А ты умеешь? – удивленно вскинула брови я.

– Увидишь!

Бабушка была великолепна: в элегантном кремовом платье, освежающем цвет лица, с ниткой жемчуга, который подчеркивал белизну ее зубов, с легким макияжем и волосами, уложенными благородными волнами, она составила бы достойную конкуренцию английской королеве. И все же мое сердце защемило от грусти, когда я представила чувства Аристарха. Вампир помнил ее двадцатилетней девушкой, и разница в полвека была слишком ощутимой, чтобы не отразиться на облике Лизы Ветровой.

– Что-то не так? – Уловив мое настроение, бабушка отвернулась от зеркала и вопросительно взглянула на меня.

– Ты выглядишь как королева, а я на твоем фоне смотрюсь жалкой замухрышкой, – пошутила я, поправляя бретельку красивого вечернего платья.

– Тоже мне, Золушка выискалась! – фыркнула бабушка и, подтащив меня к зеркалу, обняла за плечи и ласково сказала, глядя на наши отражения: – Эх ты, нашла себе конкурентку, подлиза! – Помолчав мгновение, бабушка шаловливо добавила: – Твой Аристарх при виде тебя штаны потеряет!

– Бабушка! – смутилась я.

Что-что, а уж такое поведение Аристарха в мои планы категорически не входило!

– А что? Не была я молодой, что ли? – подмигнула бабуля и сразу посерьезнела, вспомнив, что совсем скоро она взглянет в глаза мужчине, словно явившемуся к ней из прошлого. Вот только она уже не молодая авантюристка, а бабушка взрослой внучки.

– Бабуль, – встряхнула ее я. – Кажется, мы салфетки забыли!

Бабушка деловито рванула на кухню, а я поправила волосы, нервно посматривая на часы. Вот ведь в авантюру ввязалась! Кому рассказать – не поверят. Тот, кто придет знакомиться с моими родителями в качестве кавалера, на самом деле – мой дедушка, явившийся поглазеть на взрослого сына и постаревшую возлюбленную! Ну, бабуля, начудила по молодости!

Похоже, Аристарху не терпелось встретиться с его Лиз, потому что он явился на десять минут раньше. Услышав срывающийся звонок (неужели у этого плейбоя дрожали руки?!), бабуля вздрогнула и машинально поправила волосы. По ее взволнованному виду можно было заключить, что это не я, а она ждет своего любимого, чтобы познакомить с родителями.

Волнуясь не меньше ее, я распахнула дверь и приняла на себя удар большущего букета чайных роз, который Аристарх, не глядя на меня, сунул мне в руки, и порывисто шагнул за порог. Всем его вниманием завладела бабуля, стоявшая за моей спиной в коридоре.

– А это вам. – Голос Аристарха все-таки сорвался, когда он протянул бабушке скромный букетик маргариток.

Лицо бабули озарила такая ясная улыбка, как будто ей вручили самое большое сокровище в мире. Впрочем, нет, неудачное сравнение. Даже если бы лепестки маргариток были сделаны из драгоценных камней, а стебли – из золота, она не была бы такой счастливой, как сейчас.

– Боже мой! – прошептала она, прижав шуршащую упаковку с букетом к груди. – Не может быть!

– Извините, что букет такой скромный, – сдавленно пробормотал Аристарх, во все глаза глядя на бабушку.

– Это Жанна вам сказала? Да нет, откуда ей знать. Но как, как вы угадали? – потрясенно пробормотала бабушка.

Аристарх чуть слышно вздохнул, и я поняла, что именно такие букеты он дарил ей в молодости. Судя по глазам бабушки, перед ее мысленным взором проносились видения ее романа с прекрасным парижанином. Судя по замершему Аристарху, он с жадностью читал ее мысли и впитывал в себя ее чувства, за эти годы не остывшие ни на градус. Атмосфера в коридоре была такой напряженной, что об нее можно было зажигать бенгальские огни.

– Это Аристарх, – пробормотала я, чувствуя себя крайне неловко, что вмешиваюсь в их немой диалог. – А это… Лиза. – У меня не повернулся язык назвать бабушку бабушкой.

– Елизавета Петровна, – стряхнув с себя наваждение, мягко улыбнулась бабушка. – Полно, Жанночка, какая я теперь Лиза. Что ж, встречай гостя, а я пока поставлю цветы. Кстати, – она потрясенно замерла, – где вы нашли маргаритки в ноябре?

– Немножко волшебства, и ничего более, – отшутился вампир.

– Колдовал, поди, американский президент? – хмыкнула я.

Бабушка отобрала у меня букет и уплыла в кухню – похоже, ей было необходимо побыть одной и прийти в себя.

Стоило ей уйти, как Аристарх прислонился к стене, закрыл лицо руками и глухо застонал. Я распахнула дверь ванной, втолкнула его внутрь и включила воду. С губ вампира сорвался горестный стон. Он поднял на меня потемневшие глаза и прошептал:

– Жанна, за что же это?

– Хочешь уйти?

Аристарх покачал головой.

– Я не ожидал, что это будет *так* больно, – глухо признался он.

– Сможешь держать себя в руках? – сочувствующе спросила я.

– Постараюсь. – Он понурил плечи.

– Тогда приходи в себя и присоединяйся к нам. А то бабуля подумает, что мы тут с тобой обжимаемся. – Я смущенно протиснулась мимо застывшего изваянием скорби Аристарха и выскользнула в коридор.

Бабушка сидела на кухне, подперев щеку рукой, и с видом влюбленной школьницы смотрела на маргаритки. Она не сразу заметила меня. А потом подняла глаза, сияющие как два майских солнца, и прошептала:

– *Он* дарил мне *такие же*.

– Аристарху следовало бы раскошелиться на розы, – нервно пошутила я.

Бабушка меня не слышала. Она смотрела на маргаритки и видела в них молодую себя, гуляющую по Елисейским полям с чернооким Александром.

Звонок в дверь прозвучал спасительным сигналом. Давно я так не радовалась появлению родителей. Пока я возилась с замком, за моей спиной Аристарх, выйдя из ванной, чуть не сбил с ног бабушку. Впуская маму с папой, я видела, как вампир с трепетом поддержал бабулю за локоть, и бабушка улыбнулась ему смущенно, как девчонка. Я почти физически ощутила, как дрогнуло сердце у Аристарха и как оно забилось еще быстрее, когда он перевел взгляд на располневшего мужчину, неловко топтавшегося в дверях.

– Что ж, знакомь нас! – прощебетала мама, скидывая в руки отца пальто и с любопытством разглядывая вампира.

Как и следовало ожидать, маму Аристарх совершенно очаровал, да и отец, обычно настороженный к моим кавалерам, тепло улыбнулся незнакомцу. Мужчины пожали друг другу руки, и у меня по коже пробежали мурашки. Из всех собравшихся только я и Аристарх понимали истинную важность происходящего. Отец, пожимающий руку сыну, которого он впервые видит. Сын, который выглядит старше, чем его родной отец. Сегодня у меня на глазах разворачивается настоящий театр абсурда. Главное, не слететь с катушек!

– Что ж, пойдемте к столу, – поторопила я.

Бабушка, хлопотавшая у стола, сдержанно поздоровалась с невесткой, поцеловала сына и зарделась, как невеста, перехватив взгляд Аристарха. Рассадив гостей в соответствии с заранее продуманным планом (я и вампир вместе, родители напротив, бабушка – сбоку, наискосок от Аристарха), я опустилась на свое место. Моя деловая мама тут же принялась выпытывать у «жениха» историю знакомства и оценивать его перспективность; пришлось взять огонь на себя и утолить ее любопытство, сочинив, как мы застряли в лифте с незнакомцем, когда я пришла устраиваться на работу в редакцию.

– Ах, как романтично! – восторженно закатила глаза мама.

– Так вы редактор, Аристарх? – вежливо полюбопытствовал папа.

Я украдкой переводила взгляд с отца на вампира и в душе поражалась, неужели мама с бабушкой не замечают поразительного сходства между ними. Конечно, Аристарх выглядит на двадцать лет моложе, он ухоженнее, спортивнее и более модно одет. У Аристарха – мускулатура, у папы брюшко; у вампира модная стрижка, у папы – лысина; у Аристарха – четкий овал лица, у папы – двойной подбородок и оплывшие щеки. Но улыбка, разрез глаз, форма носа – просто идентичные! Но сам папа, увлеченный разговором о работе, казалось, не замечал, что смотрит на собственное отражение.

Вампир любезно переадресовал ему вопрос о работе, и отец с удовольствием пустился в рассуждения о пользе науки химии. Оказалось, Аристарх в свое время тоже «химичил», и мужчины на время забыли о нас, оперируя непонятными терминами и рисуя формулы на салфетках. Однако Аристарх то и дело отвлекался на бабушку, и папа не без самодовольства ловил его на ошибках. Как дитя малое, честное слово, с улыбкой подумала я и тут же поймала себя на шокирующей мысли: а он ведь и правда дитя, его дитя.

Мама сияла от удовольствия и всем своим видом одобряла мой выбор. Знала бы она, что тут происходит на самом деле – ее бы, наверное, удар хватил! Бабушка под предлогом изучения жениха внучки то не отрывала от вампира взгляда, то со смущенной улыбкой отводила глаза, погружаясь в воспоминания. Аристарх разрывался между Лиз и сыном, пытаясь расположить к себе обоих, и успевал ухаживать за мной согласно легенде.

– А чем вы увлекаетесь, Вадим Михайлович? – с искренней заинтересованностью вопрошал вампир.

– Вадик – заядлый рыболов! – кокетливо ответила за отца мама.

На мгновение на лице Аристарха отразилась едва уловимая растерянность, заметная только мне, а потом он просиял:

– Какое совпадение! Я тоже!

Я чуть не расхохоталась, представив себе одетого с иголочки Аристарха, стоящего в зарослях камыша и нанизывающего червя на крючок. Вампир бросил на меня укоризненный взор и, выудив из памяти сына несколько рыболовных терминов, покорил его своими глубокими познаниями по этой части. Мужчины договорились отправиться на рыбалку, когда наступит лето, и совершенно очарованный папа пригласил гостя на перекур. Я в изумлении уставилась на Аристарха: неужели он и курить станет, чтобы сына не расстраивать? Вампир мгновение поколебался, и я пришла ему на выручку.

– Папа, Аристарх не курит.

– Вот как? – пригорюнился заядлый курильщик.

– И вам не советую, Вадим Михайлович, – многозначительно изрек вампир, глядя в глаза сыну.

– А и не буду! – неожиданно махнул рукой отец. – Давайте лучше еще по бокальчику вина за нашего гостя!

После бокальчика я заманила Аристарха на кухню и прошептала:

– Ты что, его закодировал? Отец обычно дымит как паровоз.

– А ты против? – ухмыльнулся вампир. – Могу я хоть что-то сделать для благополучия собственного сына?

– Может, ты ему еще и язву желудка вылечишь? – ехидно поинтересовалась я.

– А он болен? – встревожился Аристарх. – Увы, тут я не помощник. Могу только

доктора хорошего найти и лечение оплатить.

– Благодетель ты наш! – хмыкнула я.

– Или, – разошелся вампир, – я тебе лучше координаты хорошей целительницы найду. С нами они дела не имеют, а Вадиму помогут.

– А чем это мы им плохи? – удивилась я.

– Жанна, ты с Луны свалилась? Колдуны нас знать не хотят. До Пражского договора у них даже подразделение было по ликвидации вампиров, а сейчас они вынуждены с нами мириться, но все равно терпеть нас не могут и рады были бы, если бы мы вымерли от какого-нибудь вампирского гриппа или в одночасье поубивали друг друга. Вот ведь могли бы нам помочь найти этого серийного убийцу – а ни в какую, – в сердцах присовокупил Аристарх. – Мы, говорят, в ваши дела не вмешиваемся, а вы – в наши.

– Аристарх, ты о чем вообще? – поразилась я. – Какие колдуны? Какие подразделения? Какие убийцы?

– Тебе что, никто не рассказывал об организации магов? – осекся Алмазов.

– Нет, – покачала головой я.

Вампир как-то замялся, словно сболтнул лишнее, и растерянно улыбнулся:

– А они есть. У них и школа своя, и профсоюз, организовано все не хуже, чем у нас. Детишек со способностями по всей стране отбирают, а потом натаскивают – своих Гарри Поттеров растят. Слухи ходят, что маги даже в другие миры перемещаться могут и выпускников своих туда на практику направляют. Врут наверняка!

– А ты не шутишь? – потрясенно спросила я.

У вампиров, значит, никаких сверхспособностей, а рядом с нами в метро ездят потенциальные Мерлины и Антоны Городецкие?

– Да ну их, этих задавак! Себя считают супергероями, а нас выродками. Не хочу вспоминать о них в такой чудесный день. – Вампир порывисто обнял меня, поцеловал в щеку и горячо прошептал: – Жан, спасибо тебе за этот вечер. Я сегодня, наверное, впервые за последние лет пятьдесят почувствовал себя живым.

– Рада, что хотя бы ты наслаждаешься моментом, – смущенно сказала я, высвобождаясь из его объятий. – Потому что я сегодня чувствую себя как в цирке. Слушай, а ты можешь закодировать мою маму?

– А она тоже курит? – удивился Аристарх. – Странно, я не чувствовал от нее дыма.

– Да нет, она сигареты на дух не переносит.

– Она пьет? – трагически приподнял брови вампир.

– Хуже, – вздохнула я. – Они с бабулей постоянно не ладят. Нельзя ли на маман как-нибудь повлиять? Чтобы она ее полюбила?

– Я бы и рад сделать это для Лиз, но я не волшебник, – с сожалением развел руками Аристарх.

– Но ты же можешь внушать людям симпатию! – возразила я.

– К себе – да, но не к другим.

– Но отвращение к никотину ты папочке как-то внушил? – не отставала я.

– Это другое, Жанна.

– Ладно, – я не пыталась скрыть разочарования, – попытка не пытка. Гляжу, ты держишься молодцом. По отношению к бабушке, – уточнила я.

– Знала бы ты, как мне непросто это дается, – признался Аристарх. – Жанна, я бы все на свете отдал, чтобы повернуть время вспять и вновь встретиться с молодой Лиз.

– Но прошлого не вернешь, – оборвала его я.

– Я мог бы попробовать… – заколебался вампир.

– Аристарх, перестань врать!

– Я мог бы сделать так, чтобы Лиз поверила в то, что она молода, – взволнованно пробормотал Аристарх. – Она бы на время почувствовала себя двадцатилетней, влюбленной и любимой…

– Она, но не ты, – жестко прервала его я. – Ты сможешь загипнотизировать ее, но ты-то

будешь видеть Лизу-старушку, а не Лизу-девушку.

Аристарх дрогнул и отвел глаза.

– Не надо, не мучь ни ее, ни себя, – тихо сказала я. – Пойдем в гостиную, а то подумают, что мы здесь целуемся.

Вампир окинул меня долгим взглядом и хрипло сказал:

– Ты на нее очень похожа, Жанна.

– Я не она, Аристарх. Я твоя внучка, – напомнила я. – Твоя и ее.

Вампир коротко кивнул и вышел из кухни.

Семейство, оживленно переговаривавшееся в наше отсутствие (похоже, даже мама с бабушкой вступили во временное перемирие ради благого дела выдачи меня замуж), при виде нас смущенно замолчало. На лбу у мамы большими буквами был написан вопрос «Когда же свадьба?». Не надо было быть вампиром с многолетним опытом телепатии, чтобы об этом догадаться. Я даже покраснела при виде подобной бесцеремонности. Аристарх ободряюще стиснул мой локоть, а я вдруг с тоской подумала, что потом будет весьма непросто поведать маме о нашем «разрыве». Да она же меня съест, когда я скажу, что свадьба отменяется! И всю оставшуюся жизнь будет попрекать, что я упустила такого завидного жениха! Вот и делай вампирам добро.

«Не волнуйся, – прозвучал в голове голос Аристарха. – Как очаровал, так и разочарую».

За теплой беседой мы быстро смели остатки ужина, и мама с бабушкой стали освобождать стол для чая. Мы с Аристархом вызвались помочь, но мама сгрудила пустые тарелки на руки папе и вытолкала его из комнаты, оставив нас наедине.

– Что будем делать? – нервно хмыкнула я, покосившись на дверь. Надеюсь, за нами не подглядывают?

– У тебя замечательная семья! – громко провозгласил вампир и попросил: – Давай посмотрим фотографии?

Не зря я все-таки, когда ездила к родителям, утащила стопку фотографий с маленьким папой и молодой бабушкой. Вряд ли мои детские портреты заинтересовали бы Аристарха так же сильно, как эти черно-белые снимки. Он рассматривал каждый кадр так долго, что мне даже почудилось, что он видит намного больше, чем просто статичную картинку. Вдруг фотография, которая мне кажется обычной, оживает перед взором вампира, как волшебные фотоснимки в книгах про Гарри Поттера? Что, если она наполняется движением, звуками, красками?

– Он очень похож на меня в детстве, – чуть слышно прошептал вампир, и мне показалось, что в его глазах блеснули слезы.

Фото, где молодая бабушка с длинной косой стояла под яблоней, смеясь и глядя на забравшегося на ветку пятилетнего сына, протягивающего ей крупное яблоко, Аристарха особенно поразило. Я и сама выделяла этот снимок. На фоне подавляющего большинства постановочных кадров того времени, когда каждой фотографии придавали значение портрета, а к съемке готовились, надевая лучшие наряды и улыбки, эта фотография была живым и естественным отпечатком жизни. Бабушкина прическа не была безупречной, как на других снимках. Вон, выбилась на лицо непослушная прядка. И простой дачный сарафан, сшитый своими руками, не сковывал тело, как строгий костюм, а давал дышать полной грудью. Живыми были и бабушкина улыбка, и восторг сорванца, забравшегося на дерево. Мне самой иногда казалось, что с этой фотографии льется солнечный свет канувшего в историю августовского дня и щекочет ноздри аромат анисовых яблок.

– Можно я возьму ее себе? – с мольбой в голосе попросил Аристарх.

– Возьми, у нас таких несколько.

Вампир не сдержал вскрика ликования – словно ему подарили раритетный снимок «Битлз», который можно загнать на аукционе «Кристис» за миллион долларов. А затем бережно убрал фотографию во внутренний карман пиджака. Ближе к сердцу.

– Пойдем проверим, как там чай? – предложила я, откладывая альбом. – А то семейство боится нарушить наш тет-а-тет.

Разошлись мы уже ближе к полуночи. Распрощался Аристарх, отчалили родители. Мы с бабушкой прибрали со стола, перемыли посуду и стали готовиться ко сну.

Перед сном я, запершись в ванной, позвонила Глебу.

– Как все прошло? – поинтересовался он.

– Благополучно, но я просто валюсь с ног, – пожаловалась я.

– Значит, сегодня не увидимся? – огорчился Глеб.

– Мы же виделись только вчера!

– Но я уже соскучился.

– Не забывай, что мы временно в ссоре, – напомнила я.

Надо же было поддержать легенду о служебном романе с Аристархом.

– Надеюсь, это не надолго?

– Как пойдет, – туманно отозвалась я.

– Что значит, как пойдет?! – возмутился Глеб.

– Мне кажется, после сегодняшнего вечера Аристарх ко мне зачастит, – призналась я.

– Тогда придется поговорить с ним по-мужски, – насупился Глеб.

– Ты у меня поговори! – шикнула я. – Вот встретишь лет через пятьдесят своего сына и старую любовь – я тебе это припомню.

– Нету у меня ни сына, ни дочери. Я такой несчастный! – наигранно всхлипнул Глеб.

– Аристарх тоже так думал, – со значением ответила я.

– И все равно мне не нравится, что он возле тебя крутится, – с долей ревности возразил Глеб.

– Он мой дед, дурачок!

– Но сохранился-то он хорошо, – ворчливо заметил Глеб.

– Не ревнуй, глупый, – укорила я.

– Только при одном условии. Пойдем завтра в клуб?

– А что там будет? – полюбопытствовала я.

– Там буду я, – обиженно ответил Глеб.

Я рассмеялась.

– Тогда буду непременно!

Глава 10
ОХОТА НА ВАМПИРА

Разумом я понимаю, что все по-настоящему и мне грозит смертельная опасность. Но все это как-то неправдоподобно. Подобные вещи не случаются с девушками вроде меня. До сих пор мои личные страхи ограничивались отключением электричества, когда я находилась в вагоне метро, кражей моей сумочки или банкротством «Старбакс». Ничего похожего на вопросы жизни и смерти.

Джулия Кеннер. Код Живанши

Убить вампира – исключительно захватывающее развлечение: поэтому-то оно и запрещено под страхом смерти.

Энн Райс. Интервью с вампиром

Наш поход в клуб сорвался. После ужина с Аристархом бабуля вбила себе в голову, что своим присутствием мешает бурному течению моей личной жизни и засобиралась восвояси.

– Жанночка, – неожиданно огорошила она меня на следующий вечер, – загостилась я у тебя. Я, пожалуй, на днях съеду.

– Да ты что, бабуль? – удивилась я. – Куда ты собралась-то? У тебя ж еще потоп до конца не ликвидирован.

– Да уж, – вздохнула бабушка, – Василий только к концу следующей недели обещает управиться. Зато Дуся меня очень к себе зовет! Когда я к ней за газеткой-то ездила, она мне предлагала к ней перебраться пожить. Звала за компанию в местный санаторий походить на дневные процедуры. Поеду-ка я к ней, проведу тюнинг организма! – озорно сказала бабуля.

– Ну если только тюнинг, – улыбнулась я. – А если ты по каким другим причинам…

– Нету никаких других причин! – поспешно ответила бабушка.

Даже очень поспешно. Что ж, все понятно. Бабуля так очарована Аристархом, что решила не мешать нам наслаждаться обществом друг друга наедине. Наивная!

Пришлось давать Глебу отбой и помогать бабушке собираться. Она торопилась переехать уже в воскресенье, чтобы с понедельника составить Дусе компанию на «курортных процедурах». По такому случаю пришлось прибегнуть к помощи «официального» жениха, и Аристарх, сияя от удовольствия, нес бабушкины чемоданы и с ветерком домчал нас до Дусиного дома на своей пижонской красной «феррари». Когда мы парковались в крохотном дворике ветхой пятиэтажки, похоже, все жители прилипли к окнам, разглядывая роскошную машину.

О том, что я осталась дома одна, тут же был оповещен Глеб, который страшно расстроился оттого, что не может примчаться ко мне сразу же. Как раз сегодня он следил за ходом сюрприза, который заказал для своей невесты тот самый привередливый жених, доставший Глеба у меня в ванной.

– А ночью я веду клубную вечеринку, – вконец приуныл Глеб. – Может, присоединишься ко мне?

Мы договорились, что он заберет меня ближе к полуночи, и я разлеглась на диванчике, чтобы насладиться первым сезоном «Секса в большом городе».

Время пролетело так незаметно, что, когда Глеб позвонил мне и сказал, что будет через двадцать минут, я еще не была одета.

Я заметалась по квартире, одновременно натягивая на себя шмотки, расчесывая волосы и подкрашивая глаза. Глеб позвонил снизу, когда я в нерешительности перебирала сапоги. Пришлось натянуть первые попавшиеся. Как назло, подходящая к ним сумочка куда-то подевалась. К счастью, мой взгляд упал на трельяж, где лежала крошечная черная сумочка, с которой я была на своей первой вампирской вечеринке. Спасительница моя! Вот и заключительный штрих моего образа. Надо же, после того дня, когда Глеб привел меня домой в бессознательном состоянии, я о ней и не вспомнила. Очевидно, шампанское тогда оказало убойное воздействие на мой неокрепший вампирский организм и к тому же изрядно повредило мозги, если я закинула сумочку невесть куда и думать о ней забыла. Похоже, бабуля обнаружила ее во время уборки. Как вовремя – она идеально подходит к моему черному топику и черным сапожкам.

Я открыла сумочку и обнаружила там тюбик помады, которую считала безнадежно утерянной, зеркальце, расческу и стопку визиток. Визитки я бросила на трельяж, а к содержимому сумки отправила пачку бумажных платочков и упаковку мятных леденцов. Контрольный взгляд в зеркало – и я уже сбегаю по ступенькам и мчусь за угол дома, прямиком в объятия Глеба, который ждет меня у машины.

– Привет, я ужасно соскучился. – Он потянулся ко мне.

– Я тоже…

– Садись быстрей в машину, пока нас не засекли. – Глеб не упустил случая подшутить над тайной нашей встречи.

– Не дрейфь, бабуля уже у подруги, – напомнила я.

– И что, она ни о чем не догадывается? – спросил он, когда мы отъехали от дома.

– Вроде бы нет. А если и догадывается, то никогда не скажет об этом вслух. Сам подумай, как фантастически бы звучала эта версия! Любовник из прошлого века, не постаревший ни на день.

– Что, неужели она не выясняла, не состоит ли он в родстве… с самим собой? – изумился Глеб.

– Если ты помнишь, отчество Аристарха Романович, а не Александрович. Я еще накануне сказала бабушке, что расспросила Аристарха и он меня заверил, что родственников во Франции у него нет, а отец родом из Тулы.

Глеб на это только фыркнул.

Пока ехали по запруженным московским дорогам, в горле запершило, и я полезла в сумочку за спасительным леденцом. Перерыв всю сумочку, я заглянула под подкладку и, вместе с пачкой «Холлса», выудила оттуда скомканную бумажку. Любовная записочка с первой вечеринки? Не помню, чтобы я ее получала. Улыбнувшись своим мыслям, я развернула листочек и замерла.

«Ты сдохнешь, тварь», – гласила надпись, распечатанная на принтере.

Перед глазами поплыло, и в голову хлынул поток воспоминаний, который, казалось, все это время кто-то сдерживал.

…Вот после рок-н-ролла Глеб тянет меня на сцену: «Последний конкурс!» Вот я открываю записочку, которая, по его словам, должна прояснить мое будущее…

…Вот я на негнущихся ногах иду в туалет и вижу мертвую акробатку Мэй…

…Чей-то истеричный женский крик: «Восьмая жертва!»…Приглушенные голоса вокруг: «Сколько же это будет продолжаться? На кой толк нужны эти никчемные Гончие, если они не могут защитить нас?»…Чей-то леденящий шепоток за спиной: «Она будет следующей! Это предупреждение!»

…Сочувствующий голос Инессы:

– Бедняжка, в первый же вечер и такое потрясение. И записку получила, и на мертвое тело наткнулась.

Обеспокоенный голос Глеба:

– Может, ей ни к чему это помнить?

…Выныриваю из воспоминаний и невидящим взглядом смотрю в стекло прямо перед собой. Так, значит, вся забота Глеба продиктована опасностью, которая мне, возможно, грозит от рук неизвестного убийцы? А я-то уже размечталась о любви и серьезных отношениях на целую вечность, глупышка! Глеб просто охранял меня все это время, играл в героя, присматривал за мной… Похоже, провал в моей памяти – его рук дело. Но зачем от меня скрывать? К чему делать вид, что ничего не произошло? Почему никто из других вампиров, с которыми мы встречались на вечеринках и в ресторанах, ни разу не обмолвился о том происшествии? Из деликатности, из сочувствия? Выходит, я для них была жертвой, которая ходила по грани жизни и смерти. И, наверное, каждый из них в душе радовался, что записку получил не он. А значит, пока я жива, другим нечего беспокоиться за свои жизни.

– Припаркуйся, пожалуйста, – ледяным тоном попросила я.

– Сейчас? – Глеб удивленно повернулся ко мне.

Мы ехали в сплошном потоке машин по Садовому кольцу, и задача, которую я перед ним ставила, была затруднительной.

– Пожалуйста, – с нажимом повторила я.

– Тебе плохо? – встревожился вампир.

– Да, мне плохо, – мертвым голосом ответила я.

Через несколько минут мы свернули на достаточно свободную улочку и остановились у обочины.

– Тебя укачало? – заботливо спросил Глеб. – Или проголодалась?

С тех пор как у меня поселилась бабуля, Глеб хранил причитающиеся мне пробирки с кровью у себя дома и пару штук оставлял в бардачке машины, оборудованном под холодильник, на случай, если я проголодаюсь по дороге.

– Глеб, я все знаю.

В ясных глазах вампира отразились недоумение… и тревога, разбивая мои последние надежды на то, что Глебу нечего от меня скрывать.

– Я знаю, почему ты со мной, – повторила я.

Тревога в глазах Глеба забилась девятым валом, едва не выплеснулась через край

штормовой волной. Всего лишь на миг. Потом радужка сделалась непроницаемой, как стекла солнцезащитных очков. Я выдержала этот взгляд – чужой, ледяной, виноватый. Его глаза искали ответа в моих, цепко всматривались в самую глубину, пытаясь поймать мои мысли… и не видели. Наверное, мне удалось отразить его собственный непроницаемый взгляд.

– Я с тобой, потому что ты мне дорога, – попытался он выгородить себя.

– Не надо, Глеб, – поморщилась я. – Обойдемся без сентиментальностей. Ты со мной потому, что тебе захотелось поиграть в героя.

– Жанна, я не понимаю, о чем ты говоришь, – ушел в несознанку он.

– Прекрасно понимаешь, – оборвала его я. – Все это время ты обманывал меня, скрывал от меня правду и вел свою игру. Понимаю, удобнее всего было притвориться влюбленным, чтобы не сводить с меня глаз ни днем, ни ночью.

– Жан, да кто тебе чего про меня наговорил?! – картинно возмутился Глеб.

– Ну конечно, – усмехнулась я, – тебе даже в голову не может прийти, что ты выдал себя сам. Ты же гениальный артист, великолепный клоун и мим. Тебе под силу любые эмоции и любые маски. Должно быть, маска влюбленного и заботливого кавалера не самая сложная твоя роль.

– Не самая, – нахохлился Глеб, – потому что я и в самом деле влюблен. И это никакая не маска.

– Это меня сейчас не волнует, – жестко оборвала его я. – Выяснение наших романтических отношений отложим на потом. Тогда можешь сколько угодно доказывать, что игра перестала быть игрой, притворная любовь переросла в настоящую. Самое важное сейчас то, с чего все началось. А началось все с обмана.

Он выдержал мой взгляд, он не отвел глаза, он признал мою правоту. Только глухо спросил:

– Как ты узнала?

– Неважно. – Мой голос чуть дрогнул. Глеб признался в своей игре, и от этого я испытала странную смесь взаимоисключающих чувств – удовлетворения и опустошения.

– Жанна, я действовал и в твоих интересах тоже, – попытался оправдаться он.

– Ты выставил меня полной дурой, – оборвала его я.

– Но не мог же я сказать тебе об этом напрямик! – вспыхнул он.

– Почему же? – Я нашла в себе силы сыронизировать: – Моя хрупкая душа не выдержала бы страшной правды?

– Все могло случиться, – туманно ответил Глеб.

– Вот именно! А еще он мог бы найти меня, когда тебя не окажется рядом, и тогда вряд ли я бы пережила эту встречу, не будучи предупрежденной об опасности.

– Он бы не посмел…

– Интересно, кто бы ему помешал?

– Я, – твердо ответил Глеб.

– Как это я не разглядела в тебе такую тягу к геройству? – едко осведомилась я. – Глядишь, и разочаровываться бы не пришлось…

– Но как ты узнала?

Я протянула ему записку. Глеб непонимающе прочитал ее, затем поднял на меня глаза, и на долю секунды мне показалось, что взгляд его прояснился. Как будто мгновение назад он висел над пропастью, а сейчас за его плечами распустил спасительный купол парашют.

– Откуда она у тебя? – В его голосе послышалась нотка ликования.

– В сумочке завалялась, – медленно произнесла я, не сводя с него глаз и не понимая, что творится у него в душе.

– Черт, – выругался Глеб, – я думал, что уничтожил все.

– Что же ты так сплоховал – не проверил мою сумочку? – с вызовом спросила я. – Память подтер, а сумочку подчистить не догадался?

– Жан, ты сердишься, и ты права, – примирительно произнес он. – Я лгал, но эта ложь была во спасение.

– Ложь? – Я сузила глаза от гнева. – Это так ты называешь вмешательство в мою память?

– Я просто не хотел, чтобы твоя жизнь в новом качестве начиналась с плохих воспоминаний.

– Ты, вероятно, хотел, чтобы моя жизнь скорее закончилась? – подсказала я. – Чтобы я даже не подозревала, что мне угрожает опасность, и вела себя как легкомысленная дурочка?

– А ты бы что предпочла – запереться в четырех стенах и ждать, пока убийца постучит в твою дверь? – рассердился Глеб. – И потом, мы даже не уверены, что это его рук дело. Раньше он оставлял записки на месте убийства, но никогда не предупреждал своих жертв заранее. Да и текст твоей записки от тех отличается – и содержанием, и шрифтом.

– Рассказывай, – кивнула я, – подробно и в деталях.

Глеб вздохнул и подчинился.

Первое убийство произошло в середине августа. Молоденькую вампиршу Индиру нашли мертвой в пустынном парке. Рядом с телом обнаружили записку, напечатанную на компьютере, со словами «Я заслуживаю смерти». Вскрытие показало, что девушке сделали инъекцию яда. Причем Индира не сопротивлялась, а сама подставила плечо под смертельный укол.

– На нас яды действуют? – удивилась я.

– И яды, и удавка, и пуля в лоб, – хмуро ответил Глеб.

– Серебряная? – придирчиво уточнила я.

– И любая другая, кроме холостой. Любая рана, которая смертельна для человека, смертельна и для нас. Инфекции и вирусы, смертельные для обычного человека, наш живучий ген способен преодолеть, он же не дает развиться раку, но с ранами опаснее. На нас быстрее заживают тяжелые ранения, но смертельные даже наш живучий ген исцелить не в силах. В том числе и отравление сильным ядом.

Я внезапно задрожала, вспомнив наркомана в плаще и маньяка в чулке. Что, если наркоман был не наркоманом, а в ампуле был яд? И что, если, потерпев неудачу, он предпринял вторую попытку – в образе маньяка в чулке?

Глеб моментально уловил перемену в моем настроении. Его пальцы властно сжали мой подбородок, и он развернул меня лицом к себе. Мои широко раскрытые глаза за несколько секунд поведали ему больше, чем я описала бы за полчаса.

– И ты молчала об этом?.. – сдавленно простонал он. – Черт побери, Жанна, почему?! Почему ты не сказала мне?

– Я не хотела тебя волновать по пустякам, – пролепетала я. – Не думала, что это важно.

Глеба затрясло – то ли от гнева, то ли от страха за меня.

– Это был он? – хрипло прошептала я.

– Не знаю, – отрывисто ответил вампир. – Если это он, то ты единственная, кто выжил после встречи с ним. Ну что же ты молчала-то, родная! – Он с грохотом обрушил кулаки на руль.

– И ты еще обвиняешь меня? – рассердилась я. – Сперва влез мне в мозги, избавив от «неприятных воспоминаний», – передразнила его я, – а теперь обвиняешь в легкомыслии? Да если бы я знала про маньяка-убийцу, я бы носа из дому не высунула. Да, кстати, – спохватилась я, – я ведь про него толком ничего и не знаю.

– Никто не знает, – мрачно возразил Глеб. – Про него никто ничего не знает. Кроме того, что он отъявленный псих.

– Вы даже не в курсе, мужчина это или женщина? – изумилась я.

Глеб молча помотал головой.

– Рассказывай все, что знаешь об убийствах, – потребовала я.

Глеб нехотя продолжил свой рассказ, прерванный моим признанием.

Убийцу Индиры не нашли, но через неделю появилась новая жертва – актер Марк Шальнов. Та же смертельная доза яда, та же записка рядом с телом.

– Да ты что! – ахнула я. – И он был вампиром? С ума сойти, я его обожала. Мы с

Сашкой раз пять на его спектакли ходили.

– Так вот, – продолжил Глеб, – причина смерти – тот же самый яд. И опять никаких зацепок. Дальше – больше. Убитых начали находить почти каждую неделю, наши страшно перепугались. В тусовке стали ходить слухи о серийном убийце, хотя Гончие терялись в догадках, пытаясь найти что-то общее между жертвами, и ничего не находили. Слишком разными были убитые и по роду занятий, и внешне, и по кругу интересов, и по вампирскому опыту.

– Это охотник на вампиров? – поежилась я.

– Хуже, – мрачно сказал Глеб и поднял на меня потемневшие от гнева глаза. – Это один из нас.

– Но как? – опешила я.

– Убийца в курсе всех наших вечеринок и часто подстерегает своих жертв до или после праздника, – поведал Глеб. – Мэй он убил во время вечеринки в твою честь – значит, он чувствует безнаказанность и считает себя неуловимым. Он уже не таится и не скрывает, что он вампир, потому что людям в «Аперитив» вход заказан. Кроме того, он был хорошо знаком со всеми убитыми, они доверяли ему и не ожидали от него смертельного укола, поэтому следов сопротивления нет.

– Либо это кто-то из старших вампиров, владеющих навыками гипноза, – предположила я.

– Да-да, конечно, – подтвердил Глеб. – Такую версию тоже рассматривают.

– Но кому это надо?

– Для начала хорошо бы узнать зачем. Тогда будет понятно, кто за этим стоит…

– Ты считаешь, что записку написал убийца? – Я покосилась на бумажку, белеющую на приборной панели.

– Не знаю, – признался Глеб. – Может, да, может, нет. Может, это предупреждение, а может, и чья-то злая шутка, ведь текст твоей записки отличается от записок, которые оставляет убийца. Но с учетом нападений все очень серьезно…

– И все-таки с того дня ты решил не спускать с меня глаз, – с горечью сказала я.

– Почему тебя это огорчает?

– Потому что я полная дура. Потому что я думала… Хотя ты мне даже никогда не говорил… А оказалось, что…

Глеб не дал моему всхлипу сорваться с губ, стерев его своим поцелуем, как когда-то стер из памяти мои воспоминания о записке и о трупе Мэй в женском туалете.

– Я люблю тебя, – выдохнул он и лукаво улыбнулся. – Я не говорил этого уже полвека.

– Считаешь, это должно польстить моему самолюбию? – пробурчала я все еще сердито.

– А разве нет? – усмехнулся Глеб. – Желающих услышать эти слова за прошедшие годы было достаточно.

– Спасибо, что напомнил мне, что я у тебя сто двадцать третья! – огрызнулась я.

– Не такой уж я ловелас, – ничуть не обиделся Глеб и лукаво добавил: – Ты всего лишь девяносто девятая!

– Роковое число, – проворчала я. – Того и гляди польстишься на какую-нибудь новую красотку, чтобы пополнить свой донжуанский список сотым экземпляром с ногами от ушей.

– Эти девяносто семь не стоят одной тебя, – убежденно соврал он.

– Девяносто семь? – ревниво переспросила я, но, взглянув в глаза Глеба, поняла, что шутить насчет той единственной, о которой он умолчал, не стоит. И какое-то седьмое чувство подсказывало мне, что речь о барменше с цыганскими глазами, сыгравшей в судьбе Глеба ту же роль, что Жан – в моей. – Извини.

– Ерунда, – отмахнулся Глеб. – Я даже благодарен ей. Если бы не она, я бы состарился раньше, чем встретил девяносто девятую тебя, и ты бы никогда не обратила внимание на древнего высохшего старца. – Он рассмеялся и прижал меня к себе.

– Пусти меня, извращенец! – заартачилась я.

– Это почему еще я извращенец? – изумился Глеб.

– Тебя ведь возбуждает, что, возможно, за нами сейчас наблюдает убийца? – проворчала я. – Может, он как раз сейчас выжидает удобный момент?

– Глупышка, – улыбнулся мой вампир. – Что плохого в том, что мне хочется тебя защищать? Или ты из породы феминисток? Что-то я не припомню такого пункта в твоем досье, моя лейбломаночка, – намекнул он на шутливую характеристику, которую зачитывал на вечеринке-посвящении.

– Наглый поклеп! – возмутилась я. – Кто только сочинил подобную чушь?!

– Я, конечно! – оскорбился Глеб. – Я же главный по приколам.

– Боже, с кем я связалась! – заломила руки я.

– Раньше надо было думать, – самодовольно ухмыльнулся Глеб. – Теперь уже не отвяжешься!

Я отвернулась к запотевшему стеклу, машинально вывела пальцем сердечко и улыбнулась:

– Смотри, как мы надышали.

– Все не выбросишь из головы эти киношные штампы, мол, вампиры не дышат? – рассмеялся Глеб.

– А еще боятся чеснока, вспыхивают синим пламенем на солнце и до колик боятся серебра, святой воды и распятия, – радостно перечислила я. – Слушай, все хочу спросить. Ну распятие и святая вода – это понятно. Вампиры – монстры, справиться с которыми может только истинная вера. А почему серебро, а не золото или медь?

– Это старинная вампирская легенда, – отозвался Глеб, и голос его сделался напевно-поэтичен.

– Расскажи! – загорелась я.

– Как-нибудь потом, – отмахнулся он. – Иначе я опоздаю в клуб и подведу заказчиков.

– Ну хотя бы в двух словах, – взмолилась я.

– Есть легенда о Серебряных Слезах, – сдался Глеб, – осколках чаши последнего единого правителя вампиров. Якобы, если собрать их вместе и воссоздать точную копию той чаши, можно получить все качества последнего лорда, его физическую силу, способность к телепатии, харизму и так далее и обрести власть над всеми вампирами. Говорят, что каждый осколок воплощает в себе один из талантов и передает его своему хозяину. Чтобы у молодняка не было соблазна заниматься подобной ерундой, наши же старожилы и распространили байку о том, что серебро губительно, особенно для юных вампиров. Об этом стало известно людям – и пошло-поехало.

– А ты в это веришь?

– В Серебряные Слезы? – Глеб пожал плечами. – На свете есть много вещей, которые не поддаются логике. Но легенда о Серебряных Слезах больше похожа на сказку.

– Я люблю сказки, – призналась я.

– Потому что ты – принцесса, – мягко улыбнулся Глеб и поцеловал меня. – Так едем на бал? Твои поклонники тебя уже заждались.

– Не надо мне поклонников, – подыграла ему я. – У меня уже есть свой принц. Ладно, едем.

– Но сперва… – Глеб красноречиво кивнул на бардачок. – Принцесса не желает подкрепиться?

– Нет, – вспыхнула я, отворачиваясь к окну.

Глупо, очень глупо, но мне по-прежнему было стыдно пить донорскую кровь, которая, возможно, была необходима какому-нибудь больному ребенку, а досталась мне. Поэтому я терпела до последнего и, только когда желудок скручивался улиткой, а перед глазами начинали плясать круги, через силу глотала вязкую сыворотку, не делая различий между первой или четвертой группами крови. Не до гурманства, лишь бы ноги не протянуть.

На вечеринке в клубе Глеб не отпускал меня ни на шаг, нехотя отвлекаясь на то, чтобы исполнить свои прямые обязанности и провести веселый конкурс или объявить выход танцоров.

А наутро он заявил, что теперь будет рядом всегда. До тех пор, пока не найдут убийцу.

Я бы не имела ничего против, если бы меня охранял один Глеб. Но он додумался подключить к этому команду Гончих…

Он появился на пороге моего дома вместе с Глебом.

Красивый. Дикий. Опасный. Неукротимый. Ослепительный. Как вспышка молнии в летнюю ночь. Меня всегда завораживало буйство стихии, и в грозу я как приклеенная стояла у окна, глядя через мокрую завесу дождя на всполохи зарницы в темном небе и жадно вдыхая свежий воздух. Мама боялась грозы и частенько оттаскивала меня от окна. Глупо. Я знала, что это меня не спасет. Однажды молния меня все-таки настигнет. И это случилось. Сейчас.

Незнакомец выглядел старше Глеба лет на десять и опытнее – на все двести. Глеб был воплощением солнца, а чужак – олицетворением ночи. На смуглой коже сверкали черные, как угли, глаза. Густой ежик темных волос придавал ему еще больше мужественности. Трехдневная щетина покрывала щеки и окружала губы – жесткие, властные, чуть обветренные. Поцелуй такого мужчины нужно еще заслужить, и несложно предугадать, что горечи в нем будет больше, чем сладости.

Чужак настороженно изучал меня угольками глаз и был напряжен, как тигр перед прыжком. Казалось, он только и ждет сигнала, чтобы броситься на меня и вцепиться в глотку.

Стараясь не выдать своего волнения, я вопросительно взглянула на Глеба.

– Жанна, это Вацлав, – кивнул тот.

Даже имя было резким и отрывистым, ему под стать. И в то же время приятным, как карамель, которую хотелось катать во рту, растягивая удовольствие. Вац-лав. Вац. Лав. В памяти шевельнулось что-то неуловимое: ни одного четкого образа, лишь слабый сигнал об опасности.

– И что? – довольно резко спросила я, не двигаясь с места.

– Можно, мы войдем?

– Ты входи, – я посторонилась, пропуская Глеба внутрь. – А ты…

Вацлав с интересом перехватил мой взгляд. Внутреннее напряжение из его тела исчезло, но в глазах промелькнула нотка сожаления. Казалось, вампир ждал от меня чего-то, а я его ожиданий не оправдала.

– А я сам войду. – Его голос был низким и вибрирующим, как у Шерхана из мультфильма про Маугли. – Не люблю церемоний.

Не успела я сообразить, о чем речь, и возразить, как он, твердо взяв меня за плечи, подвинул к стенке и шагнул в квартиру. Мне ничего не оставалось, как признать свое поражение и хлопнуть дверью, выражая свое недовольство. Пусть даже не надеется, что я предложу ему тапочки!

– Я бы тоже предпочел не снимать обуви, но мама учила меня быть вежливым в гостях. – Он усмехнулся, ненароком продемонстрировав мне свой уровень владения телепатией.

Похоже, в своих соображениях насчет его истинного возраста я не ошиблась. Вампиру не надо было даже смотреть на меня, чтобы прочитать мои мысли.

Избавившись от кроссовок, он выпрямился в полный рост и с вызовом взглянул на меня. Вампир был выше Глеба на голову и шире в плечах. Телосложение Глеба было хрупким, юношеским; Вацлав же был воплощением агрессивной мужественности.

– Двух пар мужских тапок не держим, уж простите, – процедила я и вопросительно уставилась на Глеба.

– Жанна, я сейчас все объясню, – торопливо сказал тот.

Уж объясни, изволь! Я красноречиво уперла руки в боки.

– А чаю нам не предложат? – насмешливо полюбопытствовал Вацлав.

– А как же, с плюшками и ватрушками, – пообещала я, не тронувшись с места.

– Редко повезет встретить такую радушную хозяйку! – широко улыбнулся Вацлав и зашагал на кухню, словно был здесь хозяином.

Кипя от негодования, я последовала за ним и Глебом.

– Жанна, – объявил Глеб, когда Вацлав по-свойски развалился на диванчике у стола, – Вацлав все знает.

– Ты рассказал ему маленькие подробности нашей интимной жизни? – Я сразу поняла, о чем речь, но не могла удержаться от шпильки. – Вот шалунишка! И что? – Я взглянула в темные озера глаз чужака и отметила, что на свету они уже не казались такими черными, как в полумраке коридора. Зрачки гостя сузились, уступив место серой, как февральский снег, и такой же холодной радужке. – Желаете присоединиться?

– Жанна, перестань валять дурака, – насупился Глеб. – Вацлав здесь, чтобы помочь.

– Я смотрю, вы уже все решили без меня, – сухо заметила я. – Что ж, валяйте, рассказывайте.

– Мы считаем, что убийца может совершить очередное покушение когда угодно, – торопливо поведал Глеб. – Это единственный шанс поймать его за руку, потому что раньше никому не удавалось уйти от него живым.

– А вы уверены, что это именно тот убийца? – скептически спросила я.

– Нет, мы не уверены, – подал голос Вацлав. – С этим психом ни в чем нельзя быть уверенным. Но я не намерен упускать даже малейшего шанса схватить его. А шансы эти растут. Если записку еще можно было списать на чей-то злой розыгрыш, то попытка убийства – это уже не шутка. Он у меня за все ответит!

Глаза вампира полыхнули таким гневным огнем, что я поежилась. Худо придется бедняге маньяку, если он попадется в руки Вацлава.

– Если я правильно понимаю, вы намерены использовать меня как наживку, – констатировала я.

Глеб виновато отвел глаза, но Вацлав спокойно выдержал мой взгляд и сказал:

– Не бойся. Тебе ничто не грозит. Если он попробует напасть, я поймаю его раньше, чем он тебя коснется.

Обнадеживающее заявление, ничего не скажешь. Я даже в душе пожалела, что эти слова прозвучали из уст неприятного мне вампира, а не из уст любимого.

– Значит, будешь моим телохранителем? – Я вздернула бровь.

– Телохранителем будет Глеб, – насмешливо поправил Вацлав, – а я буду твоей тенью.

– Следить за мной станешь? – поежилась я.

– Не беспокойся, ты этого даже не заметишь, – с превосходством обронил вампир.

– Как я понимаю, выбора у меня нет? – мрачно спросила я у Глеба.

– Милая, это для твоей безопасности, – мягко ответил он, адресуя мне знакомый взгляд Кота в сапогах.

– Что ж, валяйте. – Я недовольно махнула рукой.

– Сперва мне надо задать несколько вопросов, – тоном, не терпящим возражений, поставил меня в известность Вацлав.

– Вперед, – поощрила я.

– У тебя было чувство, что за тобой следят?

– Не только чувство, – усмехнулась я, вспомнив таксиста. – У меня еще был свидетель.

Глеб и Вацлав обменялись короткими взглядами.

– Лучше будет, если ты подробно мне все расскажешь. – В голосе Вацлава прозвучала мягкая просьба, и я не могла ей противиться. Выложила все свои страхи, все свои соображения, все свои воспоминания до малейших деталей.

Вацлав слушал внимательно, как психоаналитик, который получает за прием сто долларов, и, казалось, помимо словесной информации впитывал все образы, проносившиеся в моей памяти, и задавал уточняющие вопросы.

– Это он? – тихо спросила я, когда он откинулся назад, закончив свои расспросы.

– Я не знаю, – честно сказал вампир. – Но мы его обязательно поймаем и спросим с

него все, что причитается.

– Что мне нужно делать?

– Веди обычный образ жизни. А я буду ждать, пока он высунется. Не бойся, – Вацлав ободряюще улыбнулся, – Глеб тебя в обиду не даст. А я подстрахую.

Так я обзавелась телохранителем, от которого за версту веяло опасностью, и головной болью до завершения операции.

Следующие несколько дней я провела как на иголках. Куда бы мы с Глебом ни направлялись, будь то кинотеатр, ресторан, клуб или продуктовый супермаркет, всюду я чувствовала цепкий взгляд Вацлава. Но, сколько я ни оборачивалась и ни пыталась украдкой поймать в зеркальце его отражение, вампир ни разу не выдал своего присутствия. Осторожничал и маньяк, то ли заподозрив слежку, то ли решив сделать перерыв в своей увлекательной охоте на меня.

На пятый день я уже свыклась с незримым присутствием Вацлава и расслабилась. Возможно, причиной тому был поход по магазинам, куда я с мстительной улыбочкой затащила Глеба, втравившего меня в эту изматывающую игру в кошки-мышки. Мышкой была я, роль кошки отводилась убийце, но тот, бедняга, и не подозревал, что мышка находится под опекой тигра, который только и ждет, чтобы вцепиться в горло кошке. Шопинг был моей маленькой местью Глебу и самому Вацлаву, вынужденному не сводить с меня глаз.

В большущем торговом центре, под завязку набитом модными бутиками и кишащем людьми, выползшими совершить субботний променад по магазинам, я провела в общей сложности часа четыре. Глеб демонстративно стонал и закатывал глаза, я с улыбкой парировала, что шопинг не терпит суеты и что, прежде чем раз купить, нужно семь раз примерить. Результатом моих блужданий стали три хрустящих пакета с покупками, которые я с радостью сгрузила в руки Глеба. Покупок могло бы быть и больше, но я попросила Глеба передавать мне истинные мысли продавцов, когда я кружилась в обновках перед зеркалом в центре примерочной. Как я и подозревала, в большинстве случаев, когда консультантки изображали медовые улыбки и восхищенно закатывали глаза, про себя они всласть злословили о недостатках моей фигуры и, в душе прекрасно осознавая, что зеленый цвет меня убивает, на словах горячо советовали взять именно зеленое, а не то алое, которое мне по-настоящему шло.

– Глеб, ты просто чудо! – Я чмокнула вампира в нос и пообещала: – Теперь всегда буду брать тебя с собой за покупками.

Глеб испуганно вздрогнул и чуть не выронил пакеты.

– Может, на сегодня достаточно? – взмолился он.

– Думаешь?.. – с сожалением протянула я. – Маньяк-то так и не объявился.

– Сомневаюсь, что он решит напасть на тебя при таком скоплении народа, – прозорливо заметил Глеб.

– Я тебе даже больше скажу: уверена, что он не осмелится напасть на меня при тебе, – польстила ему я.

– Главное, чтобы Вацлав его заметил, если он будет за тобой следить. Твоей жизнью я рисковать не собираюсь.

– Ну что ж, – я улыбнулась, – тогда предлагаю пройтись до метро – вдруг маньяк как раз затаился неподалеку?

Вот уж не подумала бы, что мои слова окажутся пророческими. Сотню шагов до метро мы весело проболтали и уже собирались нырнуть в подземку, как звонок Вацлава заставил нас развернуться на сто восемьдесят градусов.

– Я поймал его, – сухо доложил он. – Давайте дуйте в черный микроавтобус на другой стороне выхода из метро.

– Откуда тут микроавтобус взялся? – пропыхтела я, припуская вниз по переходу.

– Думаю, его команда всегда была неподалеку, – предположил Глеб.

Какое-то странное чувство шевельнулось во мне, когда я увидела черную груду микроавтобуса, но, как я ни взывала к памяти, она не дала мне никаких точных ответов. Глеб быстрым движением открыл дверцу, я запрыгнула внутрь и остолбенела при виде бледной Сашки, которую крепко держал Вацлав.

– Саша?! – охнула я и прорычала вампиру: – Немедленно отпусти ее!

– И не подумаю, – спокойно парировал он. – Она за вами шпионила от самого дома и в торговом центре следовала по пятам. Кто она такая?

– Это ее подруга, они работали вместе, – ответил за меня Глеб.

Я потрясенно оглядела Сашкину одежду: дутая черная куртка, черные джинсы. Бейсболка с длинным козырьком сбилась с головы, выпустив наружу затянутые в хвост золотистые волосы.

– Саша, ты за мной следила? – ошеломленно спросила я.

Сашка сердито взглянула на меня и рванулась из рук Вацлава. Еще четверо незнакомых мне вампиров, трое парней и одна девушка, сидевшие в салоне, вскочили со своих мест. Один из парней, атлетического вида блондин, загородил собой выход, остальные напряженно выпрямились, готовые напасть в любой момент.

– Вацлав, да отзови ты своих Гончих! – сердито рявкнула я. – Это какая-то ошибка! Саша – моя подруга. Она ничего не знает про нас и не может быть убийцей.

– Она за тобой следила, – ровно ответил вампир. – И не в первый раз.

– Пусти ее, – повторила я. – И выйдите все вон, дайте нам поговорить наедине.

– Ты уверена? Ладно. – Вацлав отпустил Сашу и поднялся с места.

Глеб обеспокоенно взглянул на него.

– Я ее проверил, – ответил на его немой вопрос вампир, – у нее с собой нет никакого оружия.

Вацлав первым вышел из автобуса, за ним быстро последовали остальные. Глеб на мгновение замешкался в дверях, но я нетерпеливо махнула рукой, и он нехотя покорился.

Хлопнула дверца, мы остались наедине. Сашка потирала плечо и сердито отводила глаза. Я опустилась на сиденье напротив и тихо спросила:

– Больно?

– А то, – огрызнулась подруга. – Это не мужик, а какой-то Терминатор.

– Он меня охраняет, – оправдываясь, сказала я.

– От кого? – фыркнула Саша.

– От убийцы, который за мной охотится, – просто ответила я.

Сашка вздрогнула и с тревогой посмотрела на меня.

– Саш, а почему ты за мной следишь?

– Почему-почему, – сердито пробурчала Саша. – Переживаю я за тебя, вот и хотела выяснить, что с тобой происходит.

– Но почему, Саш?

Сашка нахохлилась и скрестила руки, давая понять, что будет молчать, как партизан.

– Саш, мы же подруги, – мягко укорила ее я.

– Надо же, ты об этом помнишь? – горько усмехнулась она.

– Я помню, Саша, и я по тебе очень скучала, – искренне призналась я.

– Так скучала, что ни разу не позвонила? – сердито возразила Саша.

– Саш, ну ты же в Египте была, а потом…

– Ни в каком Египте я не была, – огорошила меня подруга.

– Вот те на! Ты же говорила, что поедешь с Леной!

– Лена поехала с однокурсницей, а я осталась, – нехотя сообщила Сашка. – И не стала отказываться от отпуска. Потому что хотела выяснить, что с тобой происходит… подруга.

– Саш, – вздохнула я, – что ты себе такое напридумывала?

Сашка задержала воздух, а потом глубоко выдохнула, и слова начали вылетать из нее со скоростью гелия из лопнувшего воздушного шарика.

– Я думала, ты в секту попала, – затараторила Сашка. – Сперва ты руку порезала, а мне

стала врать про аварию и про нового кавалера. Потом с работы уволилась ни с того ни с сего. Знакомые новые у тебя появились, со мной резко общаться перестала. Я от тебя тогда вернулась, не зная что и думать, а по телевизору расследование про сектантов показывали. И все признаки сходились! Ажитация, новая компания, разрыв отношений со старым кругом общения. Жан, я так перепуталась! В передаче-то показывали, как людей в секту завлекают, заставляют квартиру переписывать на их главного, а потом убивают бедолагу.

– И ты подумала, что меня… – поразилась я.

– Ну конечно! У тебя же двушка в престижном районе – лакомый кусочек для аферистов!

– И ты стала за мной следить? Погоди, так это ты на следующий день выслеживала меня на белой «девятке»? И это ты вырядилась в черную бейсболку, очки и дутую куртку и пялилась на меня через витрину?

Саша виновато понурила голову.

– Саша, ты меня чуть до кондратия не довела! – укорила я.

– Разве я плохо замаскировалась? – Подруга обиженно шмыгнула носом.

– Ну и что тебе это дало, Саш? – Я покачала головой.

– А то, что я только убедилась в своих подозрениях! Тебе выдали залог под стоимость квартиры, а ты и рада – сразу же спустила кучу денег в модном магазине. Я, когда узнала, сколько ты там потратила, сразу поняла, что дело нечисто.

– А откуда ты узнала? – поразилась я.

– Да уж мир не без добрых людей, подсказали! Я продавцов расспросила.

– И они тебе так просто меня сдали? – не поверила я.

– Да уж непросто, – насупилась Саша. – Пришлось представиться журналистом «ОК!», наплести, что ты – новая пассия Романа Абрамовича, и пообещать им упомянуть магазин в статье в качестве рекламы. Продавщицы так оживились, что провели меня по всему залу, показали вещи, которые ты приобрела, и назвали сумму покупок.

– Сашка, в тебе пропадает Шерлок Холмс! – поразилась я.

– Станешь тут Шерлоком Холмсом, когда погибает лучшая подруга, – буркнула Саша. – Тем более что на следующий день я только укрепилась в своих подозрениях. Прихожу на работу, а Однорог мне сообщает, что я теперь начальник отдела элитной недвижимости вместо Бэллы, и передает мне дело Хуана. Я ничего не понимаю, Бэлла змеей шипит. От нее я и узнала, что сначала Однорог тебя на ее место назначил, но ты ни с того ни с сего уволиться решила. Бэлла обрадовалась, что остается при своей должности, только Однорог отчего-то вздумал меня облагодетельствовать. Ты случайно не знаешь отчего? – Она прищурилась, глядя на меня.

– Я? Понятия не имею, – громко заверила я.

– Я так и думала, – хмыкнула Саша. – И вот представь, что я должна была вообразить, когда узнала, что Однорог предложил тебе место Бэллы с зарплатой в два раза большей, чем у нас, а ты, балда этакая, уволилась!

Всего лишь в два раза? Значит, прижимистый Однорог все-таки решил на Сашке сэкономить и те пять с половиной тысяч долларов, которые я выторговала для себя, не в счет.

– И что же ты подумала? – поторопила ее я.

– Что твой разум поработила секта! – воскликнула Сашка. – И не какая-нибудь там аскетическая, а самая что ни на есть модная и гламурная.

– Та-а-ак, – протянула я. – Что же ты еще разнюхала?

– Что собираетесь вы в закрытом клубе, ночами тусуетесь, днем отсыпаетесь, денег тратите немерено. Все такие модные и стильные, – выложила результаты своего расследования Саша.

Я затаила дыхание: а ну как подруга и про донорский пункт разнюхала?

– Очень странно для секты, – продолжила Саша. – А еще более странно, что тебя ни с того ни с сего приняли в такую закрытую тусовку. У которой даже вход в фитнес-клуб

только по рекомендации.

– Ты и там побывала, – поразилась я.

– Уж где я только не побывала! – проворчала Саша. – Единственное место, не вызывающее подозрений, это редакция, в которую ты устроилась.

– А как ты узнала, что я туда устроилась? – в очередной раз удивилась я. – Номер с моей первой заметкой только на днях выйдет.

– Подслушала твой разговор с Глебом по мобильному, – виновато призналась Саша.

Я бросила взгляд на ее куртку и бейсболку и похолодела от догадки.

– Сашка, – охрипшим голосом пролепетала я, – так ты была там, когда на меня напали? Это ты меня тогда спасла?

– Я, – подтвердила Саша. – Увидела, как она зажала тебя в подворотне, и оглушила ее кирпичом.

– Она? – потрясенно переспросила я. – Саша, это была женщина?

– Девчонка, – поправила Саша. – Но очень сильная.

– Саша, ты видела ее лицо? – замерла я.

– Конечно, видела. Она же без сознания была, а ты убежала. Мне интересно было, что у нее под маской. Ох и удивилась же я – красивая оказалась девица, сущий ангел. Но ты ей крепко досадила: в кармане у нее был шприц с ядом.

– Откуда ты знаешь, что это яд? – прошептала я. – На нем что, написано было?

– А как же, – усмехнулась Саша. – Большими черными буквами. И не только написано, но и нарисовано: череп с костями во всю ампулу.

– Саш! – шикнула я.

– Конечно, я удивилась, когда вместо ножа и пистолета шприц с ампулой обнаружила, – не стала вредничать Саша. – Сначала подумала, что наркоманка какая. Но почему тогда шприц полный? Раз доза есть, то зачем ей на прохожих нападать? Вот я и забрала ампулу с собой. Сосед мой в лаборатории работает…

– Тот самый носатый коротышка, который в тебя беззаветно влюблен и которого ты всячески избегаешь? – вмешалась я.

– Не напоминай, – поморщилась Саша, а я оценила, на какой подвиг ради меня пошла подруга. Поди, пришлось пообещать этому хоббиту свидание, чтобы узнать о содержимом ампулы. – В общем, я попросила у него узнать, что это такое. Он мне и выдал потом полный химический анализ. Яд, обычный крысиный яд. Тогда-то я и подумала, что это не случайное нападение, а девчонка тебя убить хотела.

– Саш, опиши ее, – севшим от волнения голосом попросила я.

– Длинные белые волосы, голубые глаза, бронзовый загар, модельное личико, – перечислила Саша. – Очень красивая девочка, просто кукла. Ей бы не по подворотням прохожих поджидать, а для журналов позировать.

– Нэнси? – ошеломленно прошептала я.

– Ты ее знаешь? – вытаращилась на меня Сашка.

– Нет, я ее совсем не знаю, – замотала головой я.

Глупышка Нэнси – убийца, на счету которой семь жертв? Это просто невероятно!

Я машинально поднялась с места, нащупала ручку и только с третьей попытки смогла открыть дверцу и буквально свалилась на руки Глеба.

– Это не она, – прошептала я метнувшемуся ко мне Вацлаву, – но она видела убийцу.

– Кто? – Глаза Вацлава почернели от гнева.

– По описанию – Нэнси.

Микроавтобус остановился у «Шахерезады», в которой Аристарх ужинал со своей девушкой, и вся наша орава направилась внутрь.

– Она, – убежденно заявила Саша при виде Нэнси.

– Ирвинг, отвезешь девушку домой. Доставишь в целости и сохранности, – распорядился Вацлав, указав на Сашу, и зашагал к столику Аристарха.

Молчаливый викинг кивнул и увел смущенно заалевшую Сашу. Я не стала возражать – вреда подруге не причинят, а присутствовать при наших разборках ей ни к чему. К тому же внимание молодого красавца-блондина будет ей и компенсацией за моральный ущерб, и наградой за разоблачение преступницы.

Через пять минут брыкающуюся Нэнси под конвоем выволокли из ресторана. Белый как мел Аристарх молча выслушал обвинения в ее адрес и в сердцах смахнул со стола всю посуду. А после вихрем вылетел вон – вслед за теми, кто увел его спутницу.

Допрос проходил в одной из штаб-квартир, про которые мне рассказывала Светлана. Просторная, с большой гостиной и эркером, отделанная по последнему слову дизайна, она больше подходила для шумных дружеских вечеринок, нежели для разоблачения преступников.

За исключением викинга, поехавшего провожать Сашу, вся команда Вацлава была в сборе. Остальными зрителями были я, Глеб и Аристарх.

Никакого права на адвоката Нэнси не дали: Вацлав только взглянул на нее черными, как Вальпургиева ночь, глазами, и блондинка онемела да так и молчала всю дорогу до квартиры. Втащив Нэнси в гостиную, Вацлав не церемонясь швырнул ее в красное кожаное кресло у стены, а сам развернул стул и уселся напротив. Двое его парней – азиат и мулат – встали по бокам кресла, готовые в любой момент усадить подозреваемую на место. Девушка по имени Лаки и мы с Глебом и Аристархом опустились на другие стулья, лицом к Нэнси.

– Рассказывай, – велел Вацлав й впился в блондинку глазами. Судя по ее обреченному виду, пытаться запутать Вацлава и играть в молчанку было бесполезно.

– Хорошо, – надтреснутым голосом произнесла она. – Я во всем признаюсь. Тогда, в подворотне у редакции, это была я. И я действительно хотела тебя убить. – Она вскинула на меня голубые глаза и обвиняюще воскликнула: – Я видела, какими глазами на тебя смотрел Аристарх с самой первой встречи! А уж после того, как ты явилась в редакцию, выгнала меня из кабинета и заперлась там с Рисом, я вообще взбесилась. А когда вы в лифте застряли на два часа? Я была уверена, что это ты подстроила, чтобы Риса отбить. Тогда-то я и решила тебя подкараулить и сымитировать почерк убийцы. Тем более, – она хихикнула, – что ты получила записку с угрозой на глазах у всех. Конечно, если бы он отрубал головы или перерезал глотки, я бы на это никогда не решилась. Но сделать укольчик яда – плевое дело, тем более когда на кону любовь всей моей жизни…

– Дрянь! – прорычал Аристарх.

– Я же тогда не знала, что она твоя внучка! – беззлобно огрызнулась блондинка.

– Не думал, что в своей ревности ты можешь зайти так далеко, – неистовствовал Аристарх.

– Ты сам виноват! – вскричала Нэнси. – Ты с самого начала к ней неровно дышал! Ты на нее так смотрел! Откуда мне было знать, что это говорят узы крови?

– Это было единственный раз? – с нажимом спросил Вацлав, имея в виду первое нападение, когда я приняла фигуру в плаще за наркомана.

– Это было единственный раз, – отчеканила Нэнси.

Вацлав нахмурился, а я воспользовалась паузой, чтобы задать мучивший меня вопрос:

– Нэнси, а почему от тебя так несло хвойным освежителем для туалета?

– Маскировка, – угрюмо сказала блондинка. – На случай если ты улизнешь, я не хотела, чтобы ты узнала меня по духам. На этом многие преступники из детективов погорели. А в тот день я духами хорошенько полилась, как раз перед твоим приходом. Поэтому я, когда решила тебя подкараулить, забежала в туалет и опрыскалась этой противной хвоей.

– То-то уборщица на следующий день жаловалась, что кто-то стащил новый баллончик освежителя, – припомнил Аристарх.

– Не оставлять же такую улику, – усмехнулась Нэнси.

Я наморщила лоб:

– Но если ты решила подкараулить меня только после того, как я пришла в редакцию,

когда ты успела так подготовиться: взять кроссовки, плащ, найти яд?

– Яд я стащила у бухгалтерши через пять минут после того, как вы выставили меня за дверь, – угрюмо призналась вампирша.

– Убийца – Антонина Петровна? – округлил глаза Аристарх. – Да она даже не одна из нас!

– Зато от крыс ей житья не было, – усмехнулась Нэнси.

– Крысиный яд! – ахнула я, вспомнив потешное явление бухгалтерши с рассказом о своих злоключениях.

– Я как услышала, что она хвалится, что ей яд и в ампулах дали, так сразу смекнула, как тебя устранить, – призналась блондинка. – А уж когда ты так нахально меня из кабинета Риса выставила, я уже не сомневалась, что надо делать. Стащить ампулу труда не составило – Петровна без конца в курилку шастает, там она всех и изводила своими крысиными историями. Кроссовки и спортивный костюм у меня с собой были – я на фитнес вечером собиралась. А плащ я в подсобке нашла, видно, кто-то из рабочих оставил.

– А ведь мне следовало догадаться, что нападающий – девушка! – посетовала я. – По тому, какой красивый чулок ты натянула себе на лицо.

– Чулки у меня с собой были, – глухо сказала блондинка. – Я всегда с собой запасную пару ношу. И вот – пригодились.

– Нэнси, – глухо пробормотал Аристарх, – да что ж ты… да как же ты…

– Теперь веришь, что люблю? – хрипло рассмеялась Нэнси.

– Ты сумасшедшая, – с ужасом глядя на нее, прошептал Аристарх.

– Да нет, – спокойно сказала Нэнси, – я просто дура. Дура-блондинка. Иначе бы довела дело до конца и так не лопухнулась. Сейчас бы мы спокойно ужинали в ресторане, ты знать бы не знал, что она твоя внучка, и тебе не было бы никакого дела до ее смерти. А еще ты бы хотел меня, вместо того чтобы ненавидеть… Хотела бы я сказать «любил бы», – с горечью добавила она, – да не стану себе врать. Ты меня никогда не любил.

Аристарх не стал ее разубеждать, хотя, судя по ищущим глазам Нэнси, она очень этого ждала. Но вампир только отвернулся к окну и уставился на панораму горящих огней, открывавшуюся с девятнадцатого этажа элитной высотки.

– Она говорит правду, – вынес вердикт молчавший до этого Вацлав. – Не она убийца. Да и яд был не тот, что в остальных случаях. Саша подтвердила, что он крысиный. Одного не пойму, – он повернулся к Нэнси, – как тебе удалось сымитировать записку убийцы, которую Саша нашла у тебя в кармане?

– Ах это. – Нэнси криво усмехнулась. – Мне помогла малышка Мэй. Я обнаружила ее тело первой и увидела записку, лежащую на полу. Я сфотографировала ее на мобильный телефон и ушла, не поднимая шума. А минутой позже туда ввалилась ты и давай визжать.

– Но зачем тебе понадобилось снимать записку? – не поняла я.

– Не догадываешься? Да я уже тогда ненавидела тебя и хотела убить. Это же я подменила забавные предсказания на записки с угрозой.

– Ты?! – хором воскликнули мы с Аристархом.

– Я, – гордо тряхнула гривой Нэнси. – Ты меня допекла, еще когда затеяла спор с Рисом. «А чью кровь ты предпочитаешь – блондинок или брюнеток?» – передразнила она меня. – Пока все разбрелись по клубу перед началом концерта, я тайком поднялась в кабинет директора, напечатала записки. А потом, когда Глеб отвлекся, подменила предсказания. После того как я все это проделала, я зашла в туалет, увидела Мэй, записку рядом с ней и сильно пожалела, что не знала о ней раньше. Куда эффектнее было бы подсунуть тебе предсказание, выглядевшее точь-в-точь как послание убийцы. Но записку я все-таки сфоткала – как знала, что понадобится еще. А уж как мне она потом пригодилась, моя записочка-то!

– А дверь-то ты как открыла? – удивилась я. – Или там все настежь – заходи кто хочет?

– Для меня не существует закрытых дверей, – с превосходством объявила Нэнси.

– Талант Нэнси в том, что она умеет вскрывать любые замки, – пояснил Вацлав.

Точно, Светлана мне тогда говорила: Нэнси – наш ключик к любым дверям.

– И что теперь с ней делать? – повела плечом Лаки. – Как ни смотри, а это покушение на убийство. Если бы не вмешательство Саши, Жанна была бы мертва.

Я поежилась и с неприязнью покосилась на Нэнси, размазывающую слезы по своему шоколадному от автозагара личику.

– Закон для всех один, – жестко ответил Вацлав.

В мокрых глазах блондинки мелькнула паника:

– Вы не имеете права! Эти вопросы решает Совет старейшин.

– Достаточно моего слова и одобрения одного из старейшин. У нас здесь есть один. – Вацлав кивнул на мрачного Аристарха.

– Так нельзя, – запротестовала Нэнси. – Он заинтересованное лицо!

– Вот пусть он и решит. Так будет справедливо.

Нэнси с обреченным видом откинулась на спинку кресла.

Я вопросительно взглянула на Глеба.

– Смерть, – одними губами произнес он, имея в виду законы.

Аристарх поднял потемневшие глаза на Нэнси. Блондинка и тут осталась верной себе и приняла максимально соблазнительную позу: перекинула гриву волос через плечо, подалась вперед, демонстрируя глубокое декольте. Судя по долгому обмену взглядами, между любовниками шел настоящий разговор, и Нэнси напоминала Аристарху о счастливых моментах их отношений. Аристарх с силой отвел взгляд и обернулся ко мне. Мне показалось, что в его глазах мелькнули отражения нашего семейного ужина, образ бабушки, разговор с сыном – всего того, что Нэнси могла перечеркнуть одной инъекцией яда. «Сегодня я впервые за пятьдесят лет почувствовал себя живым» – вспомнились мне его слова. Аристарх изменился в лице и, судорожно кивнув Вацлаву, выскочил из квартиры, даже не взглянув больше на застывшую от ужаса Нэнси.

Вацлав поднялся с места и подошел к картине на стене. Несколько неуловимых движений рукой, и ночной пейзаж, маскировавший дверцу сейфа, сдвинулся, продемонстрировав нутро тайника. Вампир вытащил чашу из непрозрачного бордового стекла на ножке в виде змеи и миниатюрную бутылочку с красным содержимым.

– Что это? – шепотом спросила я у Глеба.

– Кровь, смешанная с ядом. Рецепт, изобретенный еще в Средневековье, – сдавленно пробормотал он, поднимаясь с места. – Пойдем, тебе не стоит этого видеть.

Блондинка с ужасом наблюдала за приготовлениями к последней трапезе.

– Вацлав, – вскрикнула я, – не надо!

Вампир даже не обернулся.

– Таков закон, – глухо бросил он через плечо.

– Я пострадавшая сторона, – возразила я, – и я требую смягчения приговора. Нападение было совершено в состоянии аффекта, – помедлив, добавила я. – У вас что, нету никаких альтернативных наказаний? Заключения в темницу? Общественных работ? Изгнания? Штрафа? Конфискации имущества? Я могла бы забрать всю ее одежду в качестве компенсации за моральный ущерб.

– Закон для всех один, – твердо сказал Вацлав, выливая содержимое бутыли в чашу. – Тот, кто покушается на жизнь вампира, недостоин жизни.

– Но я не хочу ее смерти! – вскричала я.

– Ты не старейшина и не можешь отменить приговор, – повторил Вацлав и устало добавил: – Проваливай, Жанна, не нагнетай обстановку. И без тебя хреново.

– Глеб, Вацлав ведь старше Аристарха? – спросила я, когда мы отъехали от высотки.

– Да, – ответил Глеб, сосредоточенно глядя на дорогу, – и намного.

– Тогда почему старейшина – Аристарх? – полюбопытствовала я.

– Старейшины не обязательно самые взрослые вампиры, Жанна, – разъяснил Глеб. – Главное, чтобы они были достаточно мудры и справедливы.

– А Вацлав не мудр и не справедлив? – усмехнулась я.

– Вацлав очень пристрастен. Сгоряча он таких дров может наломать, что на его объективность полагаться не стоит. К тому же его образ жизни… Гончему никогда не быть старейшиной.

– Глеб, – помолчав, спросила я, – а кто они такие, Вацлав и его люди? Почему их называют Гончими? Это они ловят преступников-вампиров и осуществляют наказание?

– Не только вампиров, – огорошил меня Глеб. – Людей тоже.

– Но… как? – опешила я.

– Жанна, вся команда Вацлава – это не случайные вампиры, – словно нехотя поведал Глеб. – Каждый из них человеком пережил такое, чего врагу не пожелаешь. У Ирвинга мафия всю семью убила, у него была жена и две дочки-близняшки, три года всего девчушкам исполнилось. У Шона какие-то отморозки невесту подкараулили ночью, жестоко изнасиловали и убили. Это было накануне свадьбы – она с девичника возвращалась. У Джаспера банда наркоманов убила брата практически на его глазах. Лаки в четырнадцать лет сосед изнасиловал. После того что с ними произошло, никто из них жить не хотел. Вацлав их буквально с того света вернул: Шона из-под поезда выдернул, Лаки с моста не дал прыгнуть. И предоставил им выбор: или умереть, как они хотели, или стать одними из нас и обрести силы, чтобы расквитаться с обидчиками и очистить мир от отморозков. Все согласились пойти с ним. Думаю, – помолчав, добавил Глеб, – тут немалую роль сыграла демонстрация возможностей самого Вацлава.

– И они отомстили? – с дрожью спросила я.

– Само собой. И продолжают убивать всякую мразь. Лаки на педофилах специализируется, Шон – на насильниках, Ирвинг – на рэкетирах и бандитах, Джаспер – на агрессивных наркошах. Донорской крови они не признают, питаются кровью своих жертв, выпивая их до дна, поэтому все они немного не в себе – дает знать кровь отморозков. В нашей тусовке Гончих не жалуют, да и они наши сборища игнорируют: адреналина мало.

– А Вацлав? – осторожно спросила я.

– Что Вацлав? – Глеб сделал вид, что не понял.

– Кого выслеживает он? – настойчиво спросила я.

– А Вацлав у нас спец по маньякам.

Я поежилась.

– Что же с ним случилось? Когда он был человеком?

– Никто толком не знает, это ж почти двести лет назад было. Слухов ходит много – говорят и о Бостонском душителе, и о Джеке-потрошителе, но сам Вацлав об этом никогда не рассказывает. Мы даже не знаем точно, откуда он родом. – Глеб замолчал, потом странно взглянул на меня и добавил: – И знаешь что, Жан, держалась бы ты от него подальше.

– Это ты мне говоришь, после того как сам привел его ко мне домой? – опешила я.

– Я хотел тебя защитить, – возразил Глеб. – Но я видел, как ты на него смотрела тогда…

– Глеб, что за глупая ревность?! Вацлав – настоящий варвар, дикарь! – с негодованием сказала я.

– Вот от таких обычно и теряют голову, – проницательно заметил Глеб.

– Да меня от него трясет! – гневно возразила я.

– Вот видишь, и ты к нему неравнодушна, – с горечью отозвался Глеб.

– Глеб, глупый, да мне, кроме тебя, никто не нужен! – Я обняла его, воспользовавшись тем, что машина притормозила на светофоре, и уткнулась в плечо.

Глеб мягко отстранил меня и заглянул в глаза:

– Родная, я это не потому говорю, что я собственник или боюсь тебя потерять…

– А ты не боишься? – Я притворно надула губки.

Что за глупый вопрос! Напугала семидесятилетнего вампира разрывом отношений! Да у него таких, как я, за эти годы сотня была.

– Боюсь, – на удивление серьезно ответил Глеб. – Но если бы я почувствовал, что ты меня больше не любишь, что твое сердце отдано другому, я бы не стал чинить препятствий

твоему счастью… Но не в этом случае. – Он вывернул руль, и машина сорвалась с места.

– Глеб!

– Послушай меня, Жанна, – нервно сказал он. – Я старый вампир и вижу больше того, что лежит на поверхности. Просто пообещай мне, что ты будешь держаться подальше от Вацлава. Ради твоей же безопасности.

– А ты тогда пообещай, что больше не будешь водить его ко мне! – огрызнулась я.

– Не могу, – покачал головой Глеб. – Убийца еще не найден, Нэнси не имеет отношения к первому нападению на тебя.

– Но ведь следил за мной не убийца, а Саша! – возразила я.

– Мы не можем быть уверены, что она одна.

– Умоляю, давай хоть сегодня не будем об этом! – Я замотала головой и вдруг замерла. – Глеб, а Саша? Как мне теперь вести себя с ней? Она о чем-то догадалась? Она знает о нас? Или, – от волнения у меня сорвался голос, – этот викинг ей всю память подчистую сотрет?

– Это невозможно, – успокоил меня Глеб. – Слишком много воспоминаний, их невозможно изъять без вреда для душевного здоровья Саши. Думаю, Ирвинг уберет из памяти твоей подружки воспоминания о сегодняшнем дне, а потом внушит ей, что с тобой все в порядке и что слежка больше не нужна.

– А что я ей скажу при встрече? – озаботилась я.

– Встречи не будет, Жанна, – удрученно улыбнулся Глеб. – Если я что-нибудь соображаю в этом вопросе, то Ирвинг убедит ее в том, что ты нашла богатого любовника и забыла про свою подругу. Саша обидится и не будет тебя искать.

– Ты не знаешь Сашу, – с надеждой возразила я. – У нее доброе сердце, она не сможет долго дуться на меня, она меня обязательно разыщет.

– Я знаю Ирвинга, – ответил Глеб.

– Надеюсь, он не причинит ей вреда?

– Не беспокойся, Ирвинг ее в обиду не даст.

Что-то в голосе Глеба заставило меня повернуться к нему.

– Ты что-то недоговариваешь.

– Да это ерунда… – отмахнулся он.

– Говори! – потребовала я.

– Саша очень похожа на жену Ирвинга, – нехотя признался Глеб. – Я как-то видел ее портрет, а когда встретил Сашу, был поражен этим сходством.

– Не хватало еще, чтобы на мою лучшую подругу положил глаз вампир, для которого убийства – образ жизни! – ахнула я. – У них же ведь не может завязаться роман, правда? – с подозрением уточнила я.

– Почему бы нет? – Глеб пожал плечами. – У всех нас время от времени случаются романы с людьми. Уверяю тебя, – с ноткой самодовольства добавил он, – у наших избранников остаются о нас самые приятные воспоминания.

Я вспылила:

– Но я не хочу, чтобы Саша и этот…

– А это уже их дело, – оборвал меня Глеб.

– Значит, дружить мне с Сашей нельзя, а Ирвингу встречаться с ней можно? – рассердилась я.

– Ты другое дело, – отрезал Глеб. – Тебя она знала раньше и может что-то заподозрить.

– А у Ирвинга, значит, богатая практика охмурения девушек и запудривания им мозгов? – надулась я.

– Честно говоря, за то время, пока я знаю Ирвинга, у него никого не было, – ошарашил меня Глеб. – А уж желающих было достаточно, поверь мне. Возможно, я преувеличиваю и твоей подруге ничего не грозит. Даже если она сама этого сильно захочет… Что ты делаешь?

– Набираю ее номер! – сердито буркнула я.

Саша отозвалась не с первого гудка, и ее «алло» прозвучало очень неохотно.

– Саша, – заторопилась я, – все в порядке? Звоню узнать, как ты доехала.

– Жанна?

По ее тону мне показалось, что она и имя-то мое не сразу вспомнила. Неужели хваленый спец Ирвинг уже сделал свое черное дело?

– Да, все в порядке, – холодно бросила Саша. – Извини, я устала и просто валюсь с ног. Пока.

Прежде чем трубка отозвалась гудками, я услышала приглушенный голос Ирвинга.

– Он у нее, – мрачно сообщила я, швырнув мобильный в сумку. – И ей не до меня. И вообще, куда мы едем?!

– Я подумал, ты ведь не откажешься остаться у меня на ночь? – умоляюще посмотрел на меня Глеб.

Я с благодарностью улыбнулась.

– Конечно.

В такую жуткую ночь оставаться одной совершенно не хотелось.

Глава 11
ВАМПИР НЕ ОТВЕЧАЕТ ИЛИ ВЕЧНО НЕДОСТУПЕН

Не думала, что я принадлежу к тем женщинам, которые смотрят порнографический фильм до конца и надеются, что все хорошо закончится, то есть что герои поженятся.

Катажина Грохоля. Никогда в жизни

Суть в том, что большинство женщин, будь они смертными или бессмертными, – существа слабые. Но уж если они наделены силой, то становятся совершенно непредсказуемыми.

Энн Райс. Вампир Лестат

У себя дома Глеб выдал мне большое пушистое полотенце, банный халат и отправил в ванную. В просторной джакузи, настроенной на аэромассаж, я совершенно расслабилась и забыла о времени. Наверное, Глеб украдкой покопался в моей голове, потому что про Нэнси я и не вспоминала. Зато перед глазами стояли черные, как угли, глаза Вацлава. Что же за ад ты пережил, парень, если стал таким?

– О чем размечталась, красотка? О, да вода-то совсем остыла!

Голос Глеба привел меня в чувство. Я ощутила, как в тело впивается множество ледяных фонтанчиков, и с визгом выпрыгнула из джакузи, как из январской проруби.

Глеб заботливо обернул меня полотенцем и легонько сжал за плечи.

– Бедная ты моя, сколько сегодня пережила.

– Ничего, – стуча зубами, пробормотала я, – прорвемся!

– Беги скорей греться. – Он подтолкнул меня к двери. – Я быстро.

Я притворила за собой дверь, в ванной зашумела вода, а я отправилась в гостиную и растеклась под пледом на мягком диване, чувствуя себя ленивой и сонной кошкой. Пульт выскользнул из слабых рук и закатился под диван. Я нехотя свесилась вниз и пошарила рукой по полу, но вместо пластика пульта наткнулась на мягкую кожу переплета.

Моей находкой оказалась изрядно потрепанная и выглядевшая ровесницей революции книга, на обложке которой была вытиснена большая, со стершейся позолотой буква «V», не оставляющая сомнений в содержании. Интересно, что она делает под диваном Глеба? Завалилась случайно, когда он читал на досуге? Или Глеб уже лет сто не отодвигал диван и теперь там можно обнаружить целые залежи древностей?

Раскрыв книгу, я отыскала оглавление – «Вампирская летопись». Издание было выпущено в тысяча девятьсот двадцать первом году и насчитывало всего двести экземпляров тиража. В оглавлении значились легенды о последнем правителе вампиров и Серебряных

Слезах, о которых я уже знала от Глеба, сказания о Владе Цепеше, послужившем прототипом Дракулы, и других вампирах, имена которых мне ничего не говорили. Вторая часть включала общие сведения о вампирах, в частности меня заинтересовала главка об отношениях между новообращенным вампиром и его создателем-донором. Мне даже не пришлось долго искать нужную страницу – книга сама распалась на две части, как будто ее долго держали раскрытой на этом месте.

Покосившись на дверной проем и прислушавшись, я поняла, что явление Глеба в ближайшие минут пять мне не светит, и лениво пробежала глазами строчки. Читать совершенно не хотелось, я уже представляла на вкус влажную, с цитрусовым ароматом геля для душа кожу Глеба и сетовала, что он заставляет меня ждать так долго.

«Между новичком и донором устанавливается особая связь, которую следует принимать во внимание», – вскользь прочитала я первую строчку, тогда как перед глазами стояли полураскрытые губы Глеба.

Глеб потрясающе целуется… Еще бы – с его-то полувековой практикой. И дыхание у него всегда свежее и пьянящее, как морской воздух после душного, дымного мегаполиса. Я машинально облизнула губы и вытащила шпильки из волос, которые закалывала на время банных процедур. Напитавшись влажным паром, они закрученными кольцами упали на плечи, и я представила, как Глеб запускает в них пальцы, откидывает завитки с шеи и нежно касается губами пульсирующей жилки за ухом…

«При смешивании с чужой кровью происходят существенные изменения, как на телесном, так и на эмоциональном уровне».

Нет ничего более возбуждающего, чем поцелуй вампира в шею. Это все равно что прыгнуть с парашютом или заглянуть на дно пропасти. Никогда не знаешь наверняка, сможешь ли уцелеть: коснешься ли снова ногами земли или бездна поглотит тебя. Я гнала от себя прочь мысли о том, чью кровь пил Глеб, когда ему надоедала донорская, но каждый раз, чувствуя его дыхание на своей шее, трепетала, как девственница в брачную ночь.

«Обмен кровью оказывает влияние на обоих партнеров, однако старая кровь обладает воздействием более существенным, нежели молодая».

Глеб умеет целовать нежно и страстно, умеет подчинять себе и растворяться в другом. В его руках я становлюсь дикой, как тигрица, и нежной, как кошка. Его пальцы касаются меня ласково и умело, ложатся на кожу, как пальцы музыканта на клавиши рояля, и извлекают из меня мелодию вздохов, стонов и всхлипов, всякий раз страстную и неповторимую…

«Вместе с кровью вампира новообращенному передается часть его характера. Чем древнее вампир, тем сильнее может быть влияние».

Подобно дирижеру он направляет эту мелодию и изменяет на свой лад: бережно ловит эти вздохи своими губами, какие-то гасит, какие-то заставляет зазвучать в полную силу. Порой мне кажется, что я уже не я, и только мое отражение в его сверкающих, как звезды, глазах не дает мне забыться окончательно.

«Сила воздействия и степень изменения личности зависит и от силы характера новичка. Подверженные влиянию люди могут стать зеркальным отражением донора».

Его движения подобны морской волне – накатывают, ласкают, взрываются брызгами на коже, укутывают невесомым кружевом. Только в отличие от воды они не освежают, а бросают в жар. Тот, кто утверждает, что у вампиров ледяные пальцы, никогда не был в объятиях влюбленного вампира. Их страсть обжигает, как тропическое солнце, и растекается теплом по коже, как нагревшееся масло для загара.

«В том случае, если донором выступил вампир с низкими моральными качествами и пагубными пристрастиями, новичка следует взять на контроль, оградить от влияния наставника и предпринять все необходимые меры для обеспечения безопасности окружающих».

И от этого обжигающего солнца с глаз срываются слезы, а тело выгибается дугой и перестает подчиняться… А потом на потолке обычной квартиры вспыхивают настоящие

звезды – яркие и ослепительные, как бриллианты. Ни с кем до Глеба я не видела таких звезд, никто раньше не вызывал во мне таких сильных чувств…

«В случае угрозы жизни окружающих вследствие приобретенных пороков от донора и неумения совладать с ними новичок подлежит немедленному уничтожению».

У меня внезапно задрожали руки, и я с криком отшвырнула книгу, как мерзкого паука. Смысл написанного наконец-то дошел до моего размягченного водными процедурами и эротическими мечтаниями разума. Память услужливо выудила из своих закромов подслушанный разговор Глеба в моей ванной, его недомолвки и странные взгляды. А книга, зачитанная до дыр на этой главе, дала ключ ко всем этим загадкам.

Глеб был чертовым контролером, а я – потенциально опасным объектом, который подлежит уничтожению в случае угрозы для окружающих. То, что я принимала за любовь, было лишь легендой. Легендой, позволявшей Глебу быть рядом и контролировать меня.

Правда обрушилась на меня, как гильотина, отсекла у моей любви крылья, сорвала розовые очки, скрутила сердце зубной болью. Все это время мне казалось, что я купалась в море любви, а сейчас очутилась в центре цунами, которое безжалостно крушило все то, что мне дорого. Смывало с небес ослепительные алмазы звезд, разносило в щепки стоящую на берегу хижину – тот самый рай в шалаше, который я создала в своей душе, страшным ревом стихии заглушало нежный шепот признаний, ледяной волной смывало тепло прикосновений Глеба…

Так больно мне не было даже тогда, когда я нашла записку-предсказание и решила, что Глеб со мной, чтобы охранять меня от убийцы. А ведь как он тогда испугался, когда я сказала, что знаю! Он ведь подумал, что мне стало известно о контроле. А я еще понять не могла, что же с ним творится и почему он словно расслабился, когда я показала ему записку. Глеб думал, что я разоблачила его, тогда как обвинения, которые я ему предъявила, были совсем иного рода. Тогда он получил отсрочку. Теперь я знаю всю правду.

Ложь. Все ложь.

Игра.

Притворство.

Спектакль.

Маскарад, в котором мне отведена роль глупой Коломбины.

От полотенца, запахнутого на груди, сделалось тяжело дышать. Я с ожесточением сорвала его и вцепилась в юбку и джемпер, как в спасательный круг. Через минуту я уже была одетой и почувствовала себя не такой уязвимой, как раньше.

Кровь шумела в голове Ниагарским водопадом, я даже и не заметила, как в ванной перестала течь вода, только почувствовала взгляд – тревожный, напряженный, недоумевающий. Обернулась – Глеб замер в проеме двери. Прекрасный, как античная статуя; чужой, как двойной агент в стане врага; желанный, как Монтекки для Капулетти; далекий, как голливудский идол на красной ковровой дорожке. И такой же неотразимый, подлец! Волосы вьются влажными кольцами, губы цветут алым маком; на груди, по-юношески гладкой, сверкают бриллианты капель. Фисташковое полотенце обернуто вокруг бедер; на идеальном прессе выделяется каждый кубик. Напрягся, милый. Понял. Почуял.

– Жанна… – осторожно окликнул он, и я взорвалась, не в силах больше сдерживать захлестнувший меня гнев.

– Ты следил за мной! – Я подскочила к нему и, не сдержавшись, ударила в обнаженную грудь, на которой переливались капельки воды. – Кто-то испугался, что вместе с кровью Жана мне передадутся его качества… Уж не знаю какие – кровожадность, агрессивность, жестокость? И тебя приставили следить за мной!

Глеб не стал отпираться, как в прошлый раз, не стал юлить и переводить разговор на другие темы. Он лишь взглянул на меня безнадежно-печальными глазами и сказал:

– Да, это так.

Я покачнулась: это был конец. Конец света в моем персональном масштабе.

Ветхий шалаш на берегу, истерзанный цунами подозрений, но еще державшийся на

хрупком каркасе надежды, рассыпался в мелкую стружку, и бушующая волна жадно слизнула опилки, не оставив на мокром песке и следа былого рая.

– Как ты мог? – выпалила я, ненавидя себя за эту банальную фразу. В книгах и в кино она всегда выводила меня из себя, но сейчас просто не нашлось других слов. На осколках мечты очень трудно сохранять остроумие.

– Не было выбора, – просто ответил Глеб.

– Выбор есть всегда!

– Сядь и послушай меня. – Он силой усадил меня на диван и, опустившись на колени, поднял на меня глаза: – Все дело в твоем доноре. Жан опасен. Он не признает правил, он бунтарь и садист. Совет официально запретил ему обращать новичков сразу же после принятия Договора. И старейшины никогда бы в жизни не приняли в наши ряды того, за кого ходатайствовал Жан. За последние пятьдесят лет он уже раз десять выдвигал своих кандидатов, и всякий раз их отклоняли. И тут появляешься ты с такой невероятной историей: случайное заражение, хрупкая девушка разбила нос двухсотлетнему вампиру, сама себя случайно заразила. Жан клялся, что не хотел этого, сообщил об инциденте Совету. Конечно, ему никто не поверил! Пока ты оплакивала гибель своего модного пальто, старейшины собрали чрезвычайное заседание и ломали голову, кто ты такая и чего от тебя ждать.

Час от часу не легче! И Аристарх в этом замешан – дальше некуда. Еще один предатель!

– Пятерых вампиров, в том числе и меня, отправили к тебе на работу и домой, – продолжил Глеб, – чтобы расспросить сослуживцев и соседей о тебе.

Я не сдержала изумленного вздоха:

– Вы были у меня на работе?

– Я общался с Сашей, хотя она об этом ничего не помнит, – признался Глеб. – Помнишь, я выдал себя, когда она приезжала к тебе домой? Я назвал ее по имени, тогда как ты нас не представляла.

– Я тогда подумала, что ты прочитал ее имя в моих мыслях, – пробормотала я.

– Мне это было ни к чему. К тому моменту я ее уже знал, и достаточно близко.

Я вскипела от ярости.

– Нет-нет, – взглядом остановил меня Глеб. – Ничего того, что ты подумала. Мы с ней больше часа просто разговаривали о тебе. Это от нее я узнал, что твоя самая большая слабость – модные лейблы, а любимое чтение – глянец.

– А я-то гадала, почему в том шутливом досье столько правды… И что же решил Совет после того, как вы все разнюхали обо мне? – сердито спросила я.

– Совет пребывал в недоумении. Мы не узнали ничего такого, что могло бы пролить свет на твои отношения с Жаном или объяснить, почему он выбрал именно тебя. Все указывало на случайность. Но с нашей стороны было бы чрезмерной наивностью поверить в это.

– И они послали тебя, – глухо констатировала я.

– Нет, сначала они послали Лану, – огорошил меня Глеб. – Она должна была убедить тебя в том, что у вампиров-новичков никаких особенных способностей нет. Ты должна была поверить в то, что тебе недоступны телепатия, гипноз, большая физическая сила, высокая скорость, которыми тебя наделила кровь Жана.

– Что? – потрясенно переспросила я.

– Жан – влиятельный и сильный вампир, и вместе с его кровью тебе передалось достаточно способностей, – признался Глеб. – Ты живая бомба, Жанна. И ты могла рвануть в любой момент. Не зная силы своих способностей, ты могла быть опасной и для нас, и для людей. Когда нас послали собрать информацию, Совет был сильно взволнован. Если бы мы выяснили о тебе что-то подозрительное, тебя бы уничтожили в тот же вечер.

Ну да, конечно. «В случае угрозы жизни окружающих вследствие приобретенных пороков от донора и неумения совладать с ними новичок подлежит уничтожению».

– Но внешне все выглядело чисто, – продолжал Глеб. – Поэтому магистры послали

Лану. Ее задачей было убедить тебя в полной беспомощности, а проявления сверхспособностей заставить объяснить галлюцинациями.

Так, значит, это были не галлюцинации… Я действительно слышала мысли водителя в маршрутке и действительно настроила пассажиров против воришки, внушив им свою злость… И моя невероятная скорость, с которой я догнала паренька, и та сила, с которой я швырнула его в вагон – это не случайности. А меня убеждали в обратном!

– Да меня чуть не изнасиловали, – прорычала я, вспомнив четверых хулиганов, встретивших меня после супермаркета. Лана мне хорошо мозги прополоскала, если я даже не предприняла попытки уложить их на лопатки, а только мысленно ныла о своей полной беспомощности. – Я горлом на нож напоролась, чтобы их напугать!

Глеб перехватил мои воспоминания и побледнел.

– Почему ты ничего не сказала мне?

– А что бы ты сделал? Сказал бы мне правду? – язвительно спросила я.

– Нет, – с запинкой ответил Глеб. – Тогда я не мог. Мне и сейчас не стоит, без разрешения Совета. Но сейчас я знаю, что мы заблуждались на твой счет.

– Тогда считай, что мы квиты, – усмехнулась я. – И передай Лане, что она отлично справилась с заданием.

– Жанна, у нас не было выхода, – упрямо повторил вампир. – Мы даже не знали, что ты собой представляешь – случайная ли ты жертва или подсадная девица Жана, которая водит нас за нос. Если бы ты была с ним в сговоре, ты была бы превосходно осведомлена о своих истинных способностях и в душе только посмеялась бы над попытками Лана доказать тебе противное.

– А разве она не просканировала меня на предмет откровенности? – усомнилась я.

– Если бы за тобой стоял Жан, он мог научить тебя, как провести ее, – возразил Глеб. – Поэтому, несмотря на те сведения, которые передала Лана после встречи с тобой, Совет не был убежден в том, что ты неопасна.

– И тут настала твоя очередь поиграть в шпиона, – подсказала я. – И как, доволен результатами игры? А я-то, дурочка, еще думала, что ты со мной, потому что боялся за мою жизнь после той записки.

– А я и боялся, – осадил меня Глеб. – В том случае если тебя с Жаном ничего не связывало, а Лане удалось убедить тебя в отсутствии сверхспособностей, тебе и в самом деле угрожала опасность.

– Ну ты настоящий… *рыцарь,* – с сарказмом сказала я, напомнив Глебу характеристику, которую он озвучил тогда на вечеринке, когда мы разбирали по буквам понятие «вампир». – Не говоря уж о том, какой великолепный актер! Ты случайно не во времена Шекспира начал в «Глобусе» практиковаться? Ах нет, извини, ты слишком молод для этого. Что ж, отсутствие вековой практики еще больше возвеличивает твой природный артистический талант. Браво!

Даже обидно, что он не стал возражать и убеждать меня в обратном! Мог бы хотя бы из вежливости повосклицать, как дорога я ему стала во время нашего общения и как больно ему сейчас слышать мои слова.

– Я был готов к такой реакции и ничего иного от тебя не ждал, – спокойно ответил на мои немые вопросы вампир. – Признаваться тебе сейчас в любви и просить прощения все равно что подливать масла в огонь.

Ах эта чертова вампирская выдержка! Этот голубоглазый ангел за свои семьдесят четыре года навидался столько женских истерик, что от него привычной эмоциональной реакции не дождешься. Мудрец фигов!

– А ты не бойся, подлей, – поддразнила его я. – Вдруг понравится?

– Мы поговорим тогда, когда ты остынешь.

Глеб развернулся к двери, но я быстрее молнии метнулась наперерез, закрыла ее и загородила собой проход.

– Думаешь так легко отделаться?

– Жанна, тебе сейчас лучше побыть одной, – мягко сказал он. И его тон, которым говорят с неразумным ребенком, еще больше вывел меня из себя.

– А я хочу побыть с тобой!

Наслаждаясь своей силой на полную катушку, я схватила его за плечи и швырнула к двери, чуть не выломав ее из проема. А сама налетела следом, приперев Глеба к стенке.

– Наконец-то между нами нет тайн и недоговоренностей, – интимно прошептала я. – Или ты хочешь признаться мне еще в чем-нибудь? Так говори, не таись.

Если бы сейчас он меня поцеловал, я бы растаяла и простила ему все. Я всего лишь вела себя так, как должна была вести себя на месте обманутой девушки, но в душе понимала и оправдывала его. Глеб не мог поступить иначе, или он не был бы Глебом, которого я знаю и люблю. Но, вместо того чтобы погасить мой гнев поцелуем, он только больше разжег его укоризненным взглядом.

– Жанна, в тебе сейчас говорит кровь твоего наставника.

– Он мне не наставник! – в бешенстве прорычала я. – Я его знать не хочу!

– Хочешь ты того или нет, в тебе его кровь, – возразил он. – А с ней его гнев, его злоба и его ненависть.

Я отшвырнула его от двери, признавая его правоту, и треснула кулаком по стене так, что на обоях образовалась вмятина.

– Жанна, не надо. – Глеб мягко подмял меня под себя и опрокинул на диван. – Не позволяй его чувствам завладеть тобой. Ты не такая, как он. Ты лучше.

– Тебе понадобилось так много времени, чтобы выяснить это? – Я вырвалась из его хватки, сильно поцарапав его.

– Дикая… кошка, – прошептал Глеб, проводя языком по царапине на руке.

– Бездарный шут, – огрызнулась я в ответ.

Я хотела, чтобы он сгреб меня в охапку, поцеловал, заверил в своей любви, дал мне вдоволь наплакаться в его объятиях, а потом утешил поцелуями и ласками, но Глеб был слишком мудр, чтобы понять это. С высоты его опыта холодное спокойствие казалось более выигрышной позицией. Поэтому Глеб спокойно открыл шкаф, вытащил джинсы и свитер и принялся одеваться.

– Ненавижу тебя, ненавижу! Хладнокровное животное! – Из глаз хлынули злые слезы. – Ты заворожил меня, ты внушил мне симпатию к себе! Мне никогда не нравились такие смазливые типчики, как ты! Все мои слова любви – неправда, так же как твои. Ты трус и предатель! Ты мне отвратителен и… и… И джинсы у тебя дерьмовые!

– Поговорим, когда ты будешь в состоянии рассуждать, – прозвучал ответ.

Глеб исчез раньше, чем я успела ему помешать.

Вдоволь нарыдавшись, я отыскала свою сумку и вылила на опухшее лицо половину флакона термальной воды. Истерика истерикой, а красота – превыше всего.

На часах было два ночи. Сна не было ни в одном глазу. Ехать домой, когда в ночи орудует маньяк, было бы несусветной глупостью. Хотя очень хотелось хлопнуть дверью, оставив на столе ключи от квартиры. Даже мелькнула соблазнительная мысль покончить жизнь самоубийством, сдавшись в руки убийце. И пусть потом Глеб оставшиеся двести лет мучается, что не уберег. Остановило меня только то, что в раю нет распродаж, а в «Роберто Кавалли» через неделю поступление новой коллекции. Пусть моя любовь к вампиру потерпела полный крах, зато «Прада» и «Версаче» меня не предадут никогда. Наша любовь с ними будет вечной, пока смерть не разлучит нас.

Я включила ноутбук Глеба и вошла на форум «Космо». Там я вдоволь отвела свою душеньку в разделе «Есть проблема», во всех красках расписав, какой мой парень подлец, врун и предатель (разумеется, умолчав о том, что он еще и вампир), и джинсы у него фуфло! Отклики не заставили себя ждать – посыпались, как бисер с лопнувшей нитки браслета. Приятные, как клубничный чизкейк («Этот гад тебя недостоин!»), и бодрящие, как мороженое в июльскую жару («Да ты себе лучше найдешь!»). Глебу пристрастным девичьим собранием был вынесен жестокий приговор без права на помилование: «Этот гад тебя

недостоин! Гони его в шею!» Робкие реплики демократично настроенных барышень, советовавших поговорить с гадом по душам, выслушать его оправдания и попытаться примириться и привить вкус к хорошим джинсам, просто потерялись в хоре обвинений, обрушившихся на бедного вампира. «Бедный Глебушка, – мстительно ухмыльнулась я, – обыкался, наверное».

Получив почти полсотни отзывов за полтора часа и убедившись в правильности своего поведения с точки зрения поведения настоящей Cosmo-girl, я выключила ноутбук и, доковыляв до холодной постели, в которой меня никто не ждал, провалилась в липкий, как кисель, и отвратительный, как манная каша с комками, беспокойный сон.

Настойчивый звонок в дверь, выудивший меня из варева этого кошмара уже под утро, показался райской музыкой. Перед тем как открыть дверь блудному Глебу, я состроила самую мрачную рожу и приготовилась к очередной словесной дуэли. Однако на пороге стоял Вацлав – с физиономией такой зверской, что все мои рожи в сравнении с ней меркли, как сшитое первоклашкой платьице Барби по соседству с шедевром прет-а-порте, созданным рукой великого дизайнера. На конкурсе зверских рож Вацлав вне всякой конкуренции взял бы Гран-при. Увидишь такую во сне – проснешься заикой. Если вообще проснешься.

Я плотнее закуталась в халат и буркнула:

– Глеба нет.

– Я знаю, – мрачным голосом сказал вампир и шагнул в квартиру, пнув стоящие у порога пакеты со вчерашними покупками, которые я так и не удосужилась разобрать. – Я от него.

Памятуя об обещании Глебу держаться от Вацлава подальше, я отодвинулась на безопасное расстояние и выжидающе уставилась на вампира. Он, как был в ботинках, прошел на кухню, оставляя на светлом ламинате сухие ошметки грязи, и уселся за стол.

– Кофе напоишь? – смертельно усталым голосом спросил он.

– А круассанов тебе не испечь? – Я покосилась на часы. Восемь утра. – Я спала часа четыре, не больше.

– Тебе повезло. Я не спал вовсе, – отрывисто ответил Вацлав. – Так я могу рассчитывать на чашку кофе?

Его ледяной взгляд окатил меня, как холодный душ, и я моментально проснулась. Делать нечего – придется варить кофе. Глеб растворимых напитков не признавал, от пакетиков «3 в 1» шарахался, как гламурная девушка – от сосисок, так что нечего было и надеяться обнаружить у него в шкафу суррогат из серии «просто добавь воды» и напоить Вацлава этой гадостью, в надежде что он откинет копыта и оставит меня в покое. Не скрывая недовольства, я вынула турку и принялась варить кофе по всем правилам.

Пока я колдовала у плиты, Вацлав не проронил ни слова.

Я даже пару раз обернулась посмотреть, не уснул ли он, но натыкалась на пронизывающий взгляд черных угольков-глаз и с дрожью отворачивалась обратно к плите. В такой же неприязненной тишине я разлила кофе по чашкам.

– Бутерброды сделать? – буркнула я, чтобы сказать хоть что-то.

– Мне не надо. – Каждое слово полетело в меня камнем.

Я поставила чашки на стол и опустилась на табуретку. Вацлав выпил свой кофе так быстро, как будто это был квас в жаркий день, и уставился на меня все тем же пронизывающим взглядом. Я поежилась. Интересно, зачем его прислал Глеб? Вроде они не друзья и никогда ими не были.

– Не смотри на меня так, а то я кофе поперхнусь, – предупредила я, смакуя обжигающий напиток по глоточку. Это было все равно что пить кофе под прицелом фашистов за несколько минут до расстрела.

– Когда он ушел? – неожиданно спросил Вацлав.

– Глеб?

– А у тебя был кто-то еще?

Я метнула на вампира взбешенный взгляд и процедила сквозь зубы:

– Около двух ночи.

– Вы поссорились? – тоном обвинителя продолжил допрос вампир.

– Ничего подобного, – отбрила его я. – Мы расстались.

– Вот как? – Вацлав вздернул бровь.

– Вот так, – твердо ответила я.

– И что так? – Вампир подался вперед.

Глеб что, решил отправить его на разведку? Проверить мой настрой? Или побоялся, что я от злости свихнулась и пристукну его при встрече, вот и выслал вперед тяжелую артиллерию?

– Думаешь, я буду перед тобой отчитываться? – Я усмехнулась.

– Уверен, – отчеканил Вацлав.

– И откуда же такая уверенность?

– Не первую сотню лет живу на свете, – криво усмехнулся вампир.

– Тем больнее будет обламываться, – осадила его я.

– Я очень устал, Жанна, и у меня нет сил задавать свои вопросы дважды, – с угрозой сказал Вацлав. – Я жду.

– А я не выспалась, и у меня нет желания поддерживать светскую беседу, – огрызнулась я.

В глазах вампира костром полыхнул гнев.

– Только не надо меня запугивать спецэффектами, – предупредила я. – Напрасная трата времени. Я теперь в курсе своих истинных возможностей и могу за себя постоять.

Я не успела и ахнуть, как чашка белыми брызгами фарфора рассыпалась по полу, недопитый кофе коричневой кляксой впитался в мой белый банный халат, а Вацлав выдернул меня из-за стола и прижал к стене, нависая надо мной разъяренным тигром.

– Пусти, – пропищала я цыплячьим голосом.

Пальцы вампира, державшие меня за шею, как тиски, разжались, и я глухо закашлялась, привалившись к стене.

– Ты ничто, – прошипел Вацлав, – и, если кровь Жана вскружит тебе голову, я сам позабочусь о том, чтобы ты успокоилась навсегда. Понятно?

– Понятно, – прохрипела я. Прав был Глеб, этот вампир – настоящий отморозок. И Глеб тоже отморозок, если прислал его ко мне. – Зачем он… тебя послал? – выдохнула я.

Вампир недоумевающе повернулся.

– Глеб, – пояснила я. – Ты сказал, что ты от него. Он что, напился в зюзю и тебе все разболтал? А ты зачем явился – выгораживать его из мужской солидарности или проверить, не нужна ли ему защита от меня? Или… – Я испуганно распахнула глаза. – Ты собираешься мне память стереть, чтобы я забыла о том, что узнала?

– Готов поклясться, ты будешь умолять стереть тебе память после того, как узнаешь, почему я здесь, – мрачно пообещал Вацлав.

Я молча смотрела на него.

– Глеб меня не присылал, – медленно произнес вампир. – И ни о чем мне не рассказывал. *Он вообще никому ничего больше не расскажет.*

Вацлав посмотрел на меня так, что меня затрясло. В его глазах я прочитала, что Глеб мертв.

– Как? – сдавленно прошептала я, уже зная ответ.

– Твой знакомый убийца, – с яростью сообщил Вацлав.

– Его нашли?

– Ни его, ни его следов.

– Мне надо одеться, – отрешенно сказала я.

– Ты можешь думать о чем-нибудь еще, кроме тряпок?! – взорвался вампир. – Твоего парня убили! Тебе все равно? Пойдешь примерять обновки и выбирать помаду в тон туфелькам?

– Помада в тон туфелькам – дурной тон, – машинально поправила его я.

– Что?! – разъярился Вацлав и, вцепившись мне в плечо, как следует тряхнул. – Ты просто кукла. Бездушная, бессердечная Барби. На вечеринке устроила целый фарс, оплакивая испорченное пальто, а сейчас ни слезинки не проронила.

– Закончились все, ночью выплакала. – Я дернула плечом и поморщилась. – Пусти, синяк будет.

– И что? Платье на тонких лямках надеть не сможешь? – в бешенстве спросил вампир, разжимая пальцы, и с брезгливостью оттолкнул меня от себя.

Я молча вышла из кухни и закрылась в спальне. Там, зарывшись лицом в синий Глебов свитер, еще хранящий запах его «Давидофф», я упала на пол и дала волю немым слезам. Душа корчилась от боли, а я каталась по полу, прижимая к себе свитер, глотая слезы и не веря в то, что Глеб мертв. Какая же я дрянь – оскорбила, выгнала, не удержала, не вернула. Своими руками подписала ему смертный приговор. И вот теперь его нет, а я есть. И как же жить теперь? Помня его грустные глаза и свои злые последние слова? Зная о том, что могла, но не удержала? Зная, что, пока Глеб умирал, я сидела на форуме и злословила на его счет? Свитер намок от слез, губы бессвязно всхлипывали: «Глеб, Глеб, Глеб».

Не знаю, сколько времени я провела так, скорчившись на полу в обнимку со свитером, пока до меня не донесся злой голос Вацлава:

– Ты чего так долго? – И следом хлопок двери и его удивленное: – Эй, что с тобой?

Вампир бросился ко мне, поднял с пола.

– Не подходи! – истерично взвизгнула я. – Не трогай меня!

Вацлав оторопело разжал руки и отступил на шаг.

– Глеб сказал держаться от тебя подальше, – глухо пояснила я, вытирая слезы.

– Толковый совет, – кивнул вампир.

– Сейчас я оденусь, потом умоюсь, и мы поедем к нему, – отрешенно произнесла я.

– Ты уверена? – Вацлав с сомнением покосился на меня.

– Я уверена, – твердо сказала я.

– Хорошо. Я тебя жду.

Он развернулся и вышел. Стараясь не смотреть в зеркало, я натянула юбку и джемпер, собрала волосы в хвост и, пошатываясь, побрела в ванную.

Глеба нашли на стоянке у одного из вампирских баров. Он сидел в машине, уронив голову на руль, и, казалось, спал. Я с трудом поборола искушение окликнуть его, растолкать, разбудить.

– Усыпили хлороформом, потом вкололи яд, – доносились до меня чужие голоса, пока я смотрела на Глеба через стекло автомобиля. – Он его знал, впустил в салон. Следов взлома нет. Убийца сидел рядом. Потом напал и вышел. Свидетелей нет. Все как всегда.

– Тебе нехорошо? – с беспокойством навис надо мной Вацлав.

– А ты думаешь, мне может быть хорошо? – Я зло вскинула глаза, и вампир осекся.

– Посмотрела?

– Да.

– Убедилась?

– Да.

– Я отвезу тебя домой.

– Нет. – Я твердо покачала головой. – Я хочу осмотреть здесь все.

– Вот то, что ты ищешь. – Вацлав презрительно ухмыльнулся и вынул из кармана куртки серебристый футлярчик помады «Ланком».

Я вопросительно взглянула на него.

– Это твой. Закатился под сиденье.

– И что это значит? – глухо спросила я. – Ты подозреваешь меня? Я ездила в этой машине весь последний месяц. Если ты не в курсе.

– Знаю. Поэтому просто отдаю тебе то, что ты потеряла. Ты же его собиралась искать? – с вызовом в голосе спросил он.

– Вацлав… – Я обессиленно прикрыла глаза. – Я понимаю, что тебе нравится надо мной издеваться, но я по-человечески тебя прошу: не сегодня, ладно?

– По-человечески, говоришь? Ладно. Тогда что ты собираешься там осматривать? – нервно поинтересовался он. – Мои ребята уже все там осмотрели. Изучили каждый кусочек. Никаких зацепок нет.

– Отлично, – кивнула я. – Тогда тебе ведь нечего бояться?

– Мне? – вскинулся вампир.

– Или ты боишься, что я найду что-то, что может тебе не понравиться?

Вацлав обошел машину, распахнул дверцу у пассажирского сиденья" и издевательским жестом указал:

– Прошу!

Я подошла к нему и с дрожью заглянула в салон, стараясь не смотреть на Глеба.

– Ни отпечатков пальцев, ни волоска, ни даже чешуйки перхоти, – угрюмо пробормотал Вацлав, – чтобы мы хотя бы могли убедиться, что это человек, а не бесплотный дух или демон ада.

– Это не человек, – качнула головой я. – Это тварь, которую надо уничтожить.

Я внимательно оглядела коврик на полу, панель, обшивку кресла, но действительно не обнаружила ничего чужеродного.

– Убедилась? – с сарказмом осведомился Вацлав.

– Да. Так, значит, вы тут все хорошо осмотрели?

– Лучше не бывает.

Прежде чем он успел мне возразить, я забралась в салон и села на пассажирское сиденье.

– Ты чего делаешь? – ошалело покосился на меня вампир.

– Я хочу попрощаться, – твердо сказала я. – Можешь оставить нас на минуту?

Вацлав недоуменно пожал плечами и отошел в сторону, не сводя с меня пристального взгляда.

Я мягко хлопнула дверцей и осталась с Глебом наедине. Первым делом сняла резинку и перекинула волосы через плечо, отгородившись их завесой от настойчивого взора Вацлава. Потом бросила осторожный взгляд на неподвижного Глеба, чувствуя, как сердце разрывается на крупинки. Глеб, Глебушка… Мягкие кудри над кругом руля, рука безвольно свисает вдоль сиденья. Я нащупала кончики пальцев этой холодной руки и, опустив голову, хрипло сказала:

– Глеб, прости меня. Все, что я тебе сказала вчера… это сгоряча и неправда. Мне было очень больно оттого, что ты меня обманывал. Я ведь тебя люблю… любила… хоть и не говорила об этом никогда. Боялась показаться смешной, ты же такой опытный сердцеед. Глупо, правда? Надо тебе было вчера это сказать, и тогда бы ничего этого не было… Но теперь уж ничего не исправишь. Я только хочу, чтобы ты знал. Я тебя люблю и этого гада найду. Найду, и Вацлав с него три шкуры спустит. Я прослежу. Он за все ответит. За тебя и за всех других. Ты прости, но твой совет насчет Вацлава я вынуждена нарушить, мне теперь с Гончими часто общаться придется. Но только ради того, чтобы отомстить за тебя. Ты… прости меня, ладно? И спасибо тебе за все, что ты для меня сделал. Я этого не забуду.

Я легонько сжала на прощание холодные пальцы Глеба, которые уже никогда не коснутся меня, заставляя трепетать, и быстро выскочила из салона.

Вацлав нетерпеливо шагнул ко мне.

– Теперь домой?

Я покачала головой.

– А теперь поговорим.

– Исключено, – твердо отрезал вампир, узнав о моей затее.

Чего только не было в этом ответе – и нежелание связываться со мной, и защита привычного образа жизни, и оскорбительный сарказм по поводу моих дедуктивных

способностей, и даже страх, природу которого я не могла определить. Уж явно не боязнь за мою безопасность! Впрочем, другого ответа я и не ожидала.

– Хочешь ты этого или нет, а я не отступлюсь, – поставила его в известность я. – Если ты откажешься рассказать о том, что известно вам, я буду действовать в одиночку. Обойду всех знакомых и друзей погибших, объеду все места преступлений, буду искать любую ниточку, которая приведет к убийце.

Решимость в моем голосе заставила вампира снизойти до уговоров.

– Послушай, ну что это даст? Мы делаем все возможное. И, поверь, каждый из моих людей – профессионал с огромным опытом за плечами.

«Не тебе с ними тягаться» – отчетливо прозвучало в подтексте.

– Верю, – кивнула я. – Верю, что делаете, что не спите ночами, что горите желанием его поймать и наказать. Вот только ни у тебя, ни у твоих людей нет самого главного, без чего убийца может еще долго ходить на свободе.

– Чего же? – недовольно прищурился Вацлав.

Выдержав его взгляд и соответствующую паузу, я открыла свой главный козырь:

– Личной заинтересованности. Это не твой любимый остывает там, – я мотнула головой в сторону машины, – не твое сердце разрывается на части. Это не тебя убили вместе с ним. Только он безнадежно мертв, а ты – живой мертвец.

Вампир дернулся, как от удара хлыстом, и его глаза затопила чернота, в которой на мгновение мелькнуло отражение белокурой девушки со старомодной прической. Я с ужасом поняла, что мои слова не просто хлестнули его: они угодили прямиком в старую, но по-прежнему болезненную рану, вскрыли затянувшиеся рубцы и вновь заставили ее кровоточить, взрываясь острой, пульсирующей болью. Я и выдохнуть не успела, как стальные пальцы Вацлава сжались на моей шее.

– Не смей говорить мне об этом! – прошипел он. – Что ты понимаешь в настоящем горе? Глеб был для тебя игрушкой, ты его никогда не любила всерьез. Ты даже понятия не имеешь, что значит потерять человека, который тебе дорог. До такой степени, что ты готов отдать за него жизнь! Или отказаться от смерти, согласившись на вечные муки, ради того чтобы… Да что я тебе говорю!

Вампир отпустил меня так же внезапно, как схватил, и, развернувшись, зашагал прочь. Я закашлялась и едва устояла на ногах. Слова, которые я собиралась сказать ему, были равносильны самоубийству. Но я не могла их удержать.

– Ошибаешься! – хрипло выкрикнула я ему вслед. – Я не знаю, кем была тебе та светловолосая девушка, которую ты потерял, но я могу понять твою боль…

Вампир резко развернулся, и лицо его исказилось от бешенства. В два прыжка он одолел расстояние между нами, и я поморщилась, почти физически ощутив, как впиваются его ногти в ладони.

– И не надо строить из себя мученика, – жестко прошептала я, – и отказывать другим в праве на сильные чувства и сильное горе. Я могу понять тебя. Почему же ты не постараешься понять меня? Это ведь моего любимого убили сегодня ночью. Это ведь он лежит сейчас там! Каково мне сейчас думать, что ничего этого не было бы, если бы мы не поссорились ночью, если бы он не ушел из дома? Если бы я могла его остановить? – Последние слова я выкрикнула ему в лицо, будучи готовой к пощечине или удару, который отбросит меня на несколько метров – пропорционально силе ненависти, которую я в нем разбудила. И удар последовал.

Вацлав не рассчитал сил, и я больно, до искр из глаз, впечаталась носом в его плечо, с изумлением поняв, что вампир не бьет – он обнимает. Так родственники погибших в авиакатастрофе с рыданиями цепляются друг за друга, объединенные общим горем. Так выжившие в крушении лайнера сжимают в объятиях незнакомых попутчиков, чтобы почувствовать себя живыми. Гибель белокурой незнакомки двести лет назад и смерть Глеба сегодня ночью объединила нас общим горем, общей ненавистью к их убийцам и общим сознанием вины. Вацлав тоже корил себя за то, что не уберег любимую. Вампир не проронил

ни одной слезинки, ни единого всхлипа, но я слышала, как надрывно стучит его сердце, чувствовала, как струной натянулось его тело, как дрожат от напряжения его пальцы.

– Извини, – глухо шепнул он.

– Я хочу найти этого гада, понимаешь? – всхлипнула я, поднимая голову. – Я не смогу спать спокойно, пока он не будет наказан.

– Понимаю. – Он легонько сжал мои плечи. – Но, Жанна…

– Не понимаешь, чем я могу быть полезна? – горько усмехнулась я. – Я и сама пока этого не знаю. Только мне кажется, что свежий взгляд вам не помешает, а?

– Ладно, – решился вампир. – Сейчас я отвезу тебя домой, а завтра введу в курс дела.

Вацлав сдержал слово. Следующий день и полночи мы просидели в штаб-квартире Гончих, и вампир терпеливо отвечал на мои вопросы, дал изучить показания знакомых и друзей убитых, протоколы с места преступления, рассказал все, что знал сам о потерпевших.

Первой в списке жертв значилась индийская красавица Индира, завоевавшая корону вице-мисс мира. К вампирам она примкнула меньше года назад. Была девушкой трудолюбивой, скромной, неприхотливой, приветливой и открытой. Как модель была нарасхват, не отказывалась ни от каких предложений, торопилась заработать больше денег на пике популярности. Почти все гонорары за съемки и показы отсылала родным. Красота, скромность и дружелюбность Индиры делали ее всеобщей любимицей. Когда ее нашли убитой, Гончие рассматривали версию охотника за вампирами.

Вторым стал популярный актер Марк Шальнов. Его тело обнаружили неподалеку от театра, где он репетировал новый спектакль. Биологический возраст Шальнова остановился на двадцати восьми годах, к вампирам он примкнул шесть лет назад. Марк был итальянцем по отцу и русским по матери. Обратили его в римской общине вампиров, но вскоре после инициации он был вынужден переехать из-за сильнейшей аллергии на солнце. Марк выбрал Москву и не прогадал. Он одинаково хорошо говорил на итальянском и на русском. На столичных подмостках его природный дар к актерству раскрылся в полной мере, и вскоре он стал одним из самых ярких и востребованных артистов. Марк хорошо зарабатывал, легко тратил, был лицом престижной марки часов и любимцем публики. При этом среди вампиров он сыскал достаточно недругов из-за своего надменного нрава. И опять Гончие склонялись к версии охотника, потому что молодых вампиров выследить и лишить жизни проще, чем сладить со взрослыми. Но следующее убийство разрушило стройную версию.

Третьей стала стодвадцатитрехлетняя владелица стриптиз-клуба «Карнавальная ночь» Беата, и Гончие оказались в замешательстве. Беата сама открыла дверь убийце, подпустила его к себе близко, без всяких подозрений. Тогда впервые высказали предположение, что преступника следует искать среди своих.

Четвертой жертвой был последний любовник Беаты, владелец фирмы по организации праздников и непосредственный начальник Глеба Филипп Златовратский. Филипп был успешным руководителем и страстным ценителем антиквариата. Он искренне любил Беату, сильно переживал ее гибель. Его тело нашли неподалеку от антикварной лавки, в которую он частенько наведывался.

Пятой стала девушка-вирусолог, пробывшая вампиром меньше года. Она занималась какими-то секретными разработками, о которых Вацлав умолчал. Когда я возмутилась и сказала, что это может быть важно, вампир возразил, что, если бы Виктория была единственной жертвой, рабочую версию они бы отрабатывали в первую очередь. Но так как Вика была уже пятой, для серийного убийцы детали ее исследований вряд ли имели значение. Виктория была одержима наукой, целыми днями и ночами пропадала в лаборатории, на вечеринках появлялась редко и держалась обособленно. Ни друзей, ни врагов у нее не было.

Шестая жертва – художница. Лиза-Эльза родилась в Германии и была ровесницей моей бабушки. Эльза была открытой, чуткой, внимательной. В среде вампиров ее любили и уважали. В Москве она жила уже пять лет, владела галереей и помогала молодым

художникам. В этой галерее ее и нашли убитой, рядом с только что законченным портретом пожилой женщины.

– Что за женщина? – заинтересовалась я.

– Мы не знаем, – пожал плечами Вацлав. – Мы не смогли ее найти.

– А мне можно посмотреть?

Вацлав перетряхнул досье, но рисунка не обнаружил.

– Наверное, кто-то из моих ребят взял. Потом посмотришь.

Седьмая жертва была мне знакома. Вацлав снял заслон с моей памяти, и я вспомнила брюнетку в пальто, лежащую на земле возле гаражей. Вампир добавил, что София готовилась отметить столетний юбилей, она была родом из Румынии, осуждала образ жизни сородичей, и те платили ей тем же. Друзьями она не обзавелась. Но после короткой заминки Вацлав сообщил, что у Софии в прошлом был роман с Глебом.

Восьмой стала Мэй, и о ней я знала больше Вацлава. С того дня, как я вспомнила о ее смерти, Глеб не раз рассказывал мне о циркачке, с которой успел подружиться. О ее детстве, об изнуряющих тренировках, о заслуженном успехе и стремительном закате ее карьеры. Умолчал он только о том, что это он нашел ее в Китае и что это его кровь стала для нее пропуском в Клуб.

И вот теперь передо мной лежали девять досье, девять фотографий, девять оборванных жизней, а я не знала, как соединить их в целостную картину и разгадать мотивы убийцы, по логике которого все они заслуживали смерти, что он подчеркивал запиской, оставленной у каждого тела.

– Есть идеи? – криво усмехнулся Вацлав, выложив все карты.

Я расстроенно покачала головой. Московский круг тесен, и почти все вампиры были знакомы между собой, когда-то пересекались и в прошлом, живя в других городах. Между Беатой и Филиппом и Софией и Глебом были романы, Беата стала донором для Филиппа, а Глеб – для Мэй. Но в остальном между убитыми не было ничего общего. Они не входили в тайное или явное общество, не имели ни внешнего сходства, ни пересекающихся интересов, ни объединяющего прошлого.

– Иногда мотивом может быть сущий пустяк, – нерешительно добавила я, вспоминая просмотренные кинофильмы, – принадлежность к какой-то группе по увлечениям или аромат духов, например.

– Ты еще скажи – приверженность одной марке, – не удержался от насмешки Вацлав. – Фанат Версаче убивает всех, кто предпочитает Армани.

– А почему бы и нет? – вспыхнула я. – Мало ли чем может руководствоваться больной на всю голову садист?

Вампир красноречиво посмотрел на меня, вложив в этот взгляд всю оценку моих умственных способностей.

Поиск убийцы усложнялся тем, что ни по одному преступлению не удалось обнаружить свидетелей, хотя Гончие опрашивали всех людей, которые жили или работали поблизости.

– А почему бы тебе просто не почитать мысли всех вампиров? – предложила я. – Убийца-то непременно проявит себя. А телепатия поточнее детектора лжи будет.

– Думаешь, это так просто? – хмуро огрызнулся Вацлав. – Что ж, попробуй! Никто из вампиров не откроет своих мыслей Гончим – нас все боятся.

«Я же открыла», – подумала я и осеклась под взглядом Вацлава.

– Ты еще не научилась закрываться, – усмехнулся он.

– А если подключить старейшин? Им же все доверяют?

– Если бы все было так легко, мы бы тут сейчас не сидели, – разозлился вампир. – Нельзя так просто копаться в чужих мыслях.

«В моих почему-то все копаются», – мысленно возмутилась я.

– Жанна-а, – протянул Вацлав, – я тебе уже объяснил, почему так с тобой происходит. Ты научишься, и это пройдет. В остальном же мы можем общаться между собой

телепатически. Но только при обоюдном желании.

– Но мысли Нэнси ты как-то на допросе читал, – удивилась я.

– А она уже поняла, что скрываться бесполезно, и разрешила мне сделать это. В принципе я могу сломать любую ментальную защиту, – после паузы добавил Вацлав. – Но на это нужно иметь очень веские основания. Как минимум изобличающие улики или показания свидетелей. И никто не вправе взламывать душу вампира по своей прихоти. Все мы подчиняемся правилам и соблюдаем законы. Я не исключение, – усталым тоном заключил он и многозначительно перевел взгляд на часы.

– Поняла, – вздохнула я. – Тебе пора на охоту.

– Почему сразу на охоту? – возразил Вацлав, поднимаясь с места. – Может, на прогулку?

– Не завидую тому, кто попадется тебе на пути, – заметила я, убирая в сумку ксерокопии материалов дела, любезно сделанные вампиром.

– А ты еще не созрела для прогулок под луной? – вкрадчиво улыбнулся Вацлав. – Все питаешься донорской кровью?

– Предпочитаю «Пина коладу», – огрызнулась я. – А от крови меня мутит.

– А с «Пина коладой» смешивать не пробовала? – ухмыльнулся вампир. – Ладно-ладно, молчу, дело твое. Только учти, что я обещал Глебу заботиться о тебе и поэтому не дам тебе протянуть ноги с голоду. Если понадобится – заставлю.

Я вздрогнула, вспомнив того парня в фургоне, кровь которого я выпила под давлением Вацлава.

– Спасибо, у меня достаточно талонов, чтобы не протянуть ноги, – отрезала я.

Вампир довез меня до дома и умчался по делам. А я до рассвета просидела над бумагами и не родила ни одной убедительной версии, отчасти признав правоту Вацлава в том, что никакой логики в выборе жертв у убийцы нет. Однако я была твердо убеждена в другом: логика все же есть. Только нам она неизвестна. Пока.

Глеба похоронили на ухоженном частном кладбище, где издавна покоились вампиры. На надгробиях, чтобы не возбуждать подозрений, были выгравированы даты жизни и смерти, соответствующие трагически оборванной человеческой жизни. С памятников смотрели молодые люди, самым старшим из которых было не больше тридцати. Но если долго вглядываться в камень, проступали другие цифры, отличающиеся на несколько десятков лет, а то и на пару столетий. Случайный посетитель списал бы это на обман зрения, так же как и то, что некоторые умершие внешне очень походили на знаменитостей старого времени. Впрочем, случайные сюда захаживали редко. Не ходили сюда и родственники умерших, которые уже давным-давно, задолго до их смерти, обрели покой на других кладбищах. Да и сами вампиры не любили посещать могилы друзей, предпочитая выражать свою память к ним посредством щедрых взносов на благоустройство кладбища. Однако на церемонию прощания приходили все: молодые, красивые, модно одетые, в неизменных черных плащах и с бордовыми до черноты розами в руках.

Стоя у могилы и стараясь не думать о том, для кого она, я разглядывала собравшихся. Здесь были почти все, кого я помнила по своей дебютной вечеринке. Инесса с молодым спутником, Светлана и Лиля, державшиеся поодаль от знакомых мне девиц из фитнес-клуба, все пятеро Гончих, сотрудники журнала Аристарха, оперная дива, английский фокусник, малолетний хакер. Сам Аристарх стоял рядом со мной и по-отечески поддерживал за руку. Мне следовало бы разобидеться на него за то, что он, как и Глеб, с самого начала был в курсе моих потенциальных сверхспособностей, курировал Глеба и не признался в истинном положении вещей даже после того, как узнал о нашем родстве. Но гибель любимых сблизила нас. Аристарх приезжал на кладбище второй день подряд. Вчера без особых церемоний в самом дальнем углу кладбища, выделенном для преступников, похоронили Нэнси.

На правах старейшины Инесса произнесла прощальную речь, и я была благодарна ей. У меня самой не хватило бы ни сил, ни слов. Мое горе переросло в ненависть к убийце, и

теперь все в моей душе клокотало от гнева, особенно при мысли о том, что виновник смерти Глеба, возможно, тоже сейчас здесь. Изображает вселенскую скорбь и, может быть, даже уронит в кипенно-белый кружевной платочек тщательно срежиссированную слезинку и тихо скажет пару фраз о том, каким хорошим человеком, точнее, достойным вампиром, был Глеб. Вопреки словам Вацлава я все же попыталась проникнуть в мысли собравшихся, но до меня донеслись только отголоски печали и сожаления, чье-то желание поскорее покончить с траурной церемонией и воспоминание о Глебе, стоящем на берегу какого-то северного моря и похожем на романтического героя Байрона.

Судя по числу искренне скорбящих красоток, Глеб до встречи со мной зря времени не терял. Даже несколько иностранок прилетели специально, чтобы проститься с ним. В память о тех годах, когда Глеба звали по-другому и он жил в Австрии, Норвегии и Италии. Вацлав о чем-то тихо переговаривался с одной из них, высокой пепельной блондинкой с короткой стрижкой и льдистыми глазами, и, несмотря на внешнюю сдержанность, было видно, что вампир сильно взволнован ее словами. То ли узнал новости о знакомых вампирах, проживающих за границей, то ли девушка сообщила ему о новом заморском маньяке, с которым у Вацлава были старые счеты.

Всю процедуру я провела как во сне, с благодарностью цепляясь за руку Аристарха, и, бросив ритуальную горсть земли на роскошный лакированный гроб Глеба и мысленно пообещав ему, что убийца на этом свете тоже не задержится, попросила увести меня с кладбища. Чтобы не видеть, как растет могильный холм, окончательно погребая под собой веселого вампира с навеки застывшими голубыми глазами. По человеческим меркам Глеб прожил длинную и насыщенную жизнь. Почти полвека законсервированной, пышущей здоровьем юности и неиссякающего жизнелюбия. Его ровесник, вынужденный стареть, чувствовать немощь и беспомощность, провожающий тоскливым взглядом аппетитные тела юных красоток и годами терпящий брюзжание своей старухи, проводящий последние годы жизни в агонии в душных палатах больниц, мог только позавидовать Глебу, который наслаждался молодостью и любовью до последнего мгновения.

У машины Аристарха нас догнал Вацлав:

– Вы куда сейчас?

– Домой, – бесцветным голосом отозвалась я.

– Ладно, – одобрительно кивнул он. – Хотел предупредить: не гуляй одна по ночам. Все-таки убийца еще на свободе и кто знает, чем он руководствуется. Мы должны быть начеку.

– Мы? – нахмурилась я.

– Я обещал Глебу беречь тебя и поймать убийцу, – напомнил Вацлав. – И это обещание в силе.

– Будешь следить за мной?

– Не спорь, детка, – мягко сказал Аристарх, – будет лучше, если я и Вацлав за тобой присмотрим.

Вацлав едва уловимо скривился: похоже, сотрудничество с Аристархом в его планы не входило.

– Та девушка, блондинка, – не удержалась я, – она сказала тебе что-то, что имеет отношение к убийствам?

– Что? Нет… – Вацлав замялся, исподтишка взглянув на Аристарха. – Это другое…

Тогда я даже подумать не могла, что это «другое» забросит меня на другой конец земного шара, перевернет мою жизнь с ног на голову и заставит изменить моим модным принципам.

– Ладно, – промямлила я, садясь в машину и машинально отметив, что на шпильки сапог налипла глина. Это было последней каплей. Я уронила голову на ладони и разрыдалась.

Умница Аристарх тактично молчал всю дорогу, лишь изредка деликатно протягивая мне новый бумажный платочек, за что я ему была искренне благодарна. Все-таки неплохой у

меня дед – мудрый и понимающий.

К дому мы подъехали уже в сумерках. Из бокового зеркала на меня смотрела опухшая чужая рожа, а с подъездной скамеечки к машине метнулось что-то белое и расплывчатое. Я вытерла слезы, застилавшие глаза, и нос к носу уткнулась в обеспокоенное лицо бабули, которая заглядывала в окно и взволнованно размахивала руками.

Бросив взгляд на мигом подобравшегося Аристарха, начавшего усиленно вырабатывать вампирские феромоны, я вывалилась из машины – прямиком в руки бабули.

– Жанночка! – укоризненно воскликнула она. – Да что же ты творишь-то?! Второй день телефон не берешь, дома тебя нет. Я уже час тут сижу, продрогла вся, то в подъезде погреюсь, то сюда выйду, уж не знаю что и думать! Да что случилось-то, детка? – заволновалась она, разглядев наконец мою убитую и распухшую от слез физиономию. – Это он тебя обидел? – Голос бабули зазвенел от негодования, когда она увидела вышедшего из машины Аристарха, и она обвиняюще ткнула в него пальцем, поправ все правила приличия.

Я быстро оценила ситуацию и решила не городить неправду.

– Бабуль, Глеб погиб. Мы только что с похорон.

Бабушка охнула и посерела лицом.

– Жанна, – укорил меня Аристарх, искренне перепугавшийся за нервы Лиз.

– Да как же так, Жанночка? – потерянно пробормотала бабушка.

– Бабуль, извини, мне сейчас тяжело говорить. Я хочу побыть одна.

– Да-да, конечно, – засуетилась бабушка.

– Я пойду.

– Я тебя провожу, – остановил меня Аристарх и подчеркнул, намекая на слова Вацлава: – До двери. А потом отвезу Елизавету Петровну домой.

– Да что вы, – польщенно стала отнекиваться бабуля, – вот еще придумали! Я сама.

– Нет-нет, – твердо возразил Аристарх, распахивая дверцу, – садитесь, согревайтесь! А я пока провожу Жанну.

Бабушка вопросительно взглянула на меня, и я согласно кивнула. В самом деле, не покусает же ее Аристарх! Да и за бабушкину честь вряд ли стоит волноваться. Не в том Аристарх сейчас настроении (да и чего деликатничать – не в той бабуля форме), чтобы ее домогаться. Но на всякий случай в лифте в профилактических целях пригрозила подозрительно притихшему вампиру:

– Смотри у меня!

– Не волнуйся, внученька, – обворожительно улыбнулся он. – Довезу нашу бабушку в лучшем виде!

– Да, еще… Я, пожалуй, на работе возьму отпуск.

– Очень жаль, – вздохнул Аристарх. – Но согласен, так будет лучше. Что будешь сейчас делать?

– Как всегда – перечитаю бумаги, которые уже выучила наизусть, вдруг меня осенит.

– Может, я смогу помочь? – с готовностью предложил вампир.

– А ты сможешь? – Я с надеждой подняла глаза.

– Я хорошо знал некоторых из них. И нашу тусовку знаю дольше. Можешь расспросить меня, если хочешь.

Я мгновение помедлила. Аристарх и впрямь может натолкнуть на какие-нибудь мысли или сообщить что-то важное. Но сегодня мне видеть никого не хотелось, даже любимую бабушку спровадила, ни минуты не раздумывая.

– Давай лучше как-нибудь на днях.

Мы вышли из лифта и посторонились, пропуская спешащую куда-то Настю.

– Привет!

– Привет. – Настя при виде нас вздрогнула, как будто мы застали ее за чем-то постыдным. Неужели соседка спешит на свидание? И, похоже, тайное?

Аристарх проводил Настю пристальным взглядом.

– Даже не думай! – предупредила я, когда лифт умчал Настасью вниз, подальше от

клыков моего любвеобильного деда.

– А интересная у тебя соседка, – протянул он, провожая меня до квартиры. – Что, избегает тебя в последнее время?

– А ты откуда знаешь? – Я с недоумением посмотрела на Аристарха.

– Чего ж тут знать, маги всегда считали нас монстрами и паразитами.

– Да какой из нее маг? – рассмеялась я, открывая дверь. – Она в кинотеатре работает, я сама сколько раз к ней ездила, и Настя меня бесплатно в зал проводила.

– Одно другому не мешает, – ухмыльнулся вампир.

– Ты не шутишь? – опешила я, впуская его в квартиру.

– Век «Гуччи» не видать! – поклялся Аристарх, передразнивая меня, и, посерьезнев, добавил: – Ты ей в подруги больше не набивайся, она от тебя теперь шарахаться будет, как от фашистки. Да, и не советую утолять жажду с кем-то из соседей. Мало того что спалишься, да еще эта ведьма своим настучать может.

– Вообще-то я и не собиралась, правила читала, – буркнула я. – А при чем здесь ее банда? У нас же с ними нейтралитет, ты сам говорил.

– Так-то это так. Да ситуации разные бывают. Вот не повезло тебе с соседкой!

– Что мне теперь, и форточку не открывать на ночь? – угрюмо поинтересовалась я.

– Почему? – удивился Аристарх.

– Вдруг она ко мне ночью с осиновым колышком проберется?

Аристарх рассмеялся.

– Нет, этого она сделать не посмеет. Но соль у нее одалживать не советую, – многозначительно добавил он.

– Почему?

– Вдруг она наговоренная, – хмыкнул Аристарх. – Закодирует тебя от вампиризма, и шпильки откинешь с голодухи.

– Проваливай. – Я подтолкнула его к двери. – А то там уже бабушка заждалась!

– Да как же я забыл?! – Вампир по-отечески чмокнул меня в лоб и умчался отвозить бабушку.

А я пошла отмывать кладбищенскую грязь с каблуков и мстительно представлять, какая участь ждет убийцу Глеба.

Глава 12
ВАМПИР В БИКИНИ

Ее багаж состоит из десяти роскошных багажных сумок, и ее запросто можно было принять за кинозвезду.

Кэндес Бушнелл. Секс в большом городе

Мы должны, не задумываясь, нести смерть другим, потому что от этого зависит наша жизнь.

Энн Райс. Интервью с вампиром

Телефонный звонок Вацлава разбудил меня уже под вечер.

– Жан, возможно, моя просьба покажется тебе неуместной, но мне нужно, чтобы ты со мной кое-куда съездила.

Просьба? Ничего себе, как заговорил. Раньше из уст вампира сыпались только приказы.

– Только не отказывайся сразу, ладно? – добавил он.

– И куда я должна с тобой отправиться? – заинтригованная его тоном, спросила я.

– В Таиланд.

– Куда? – опешила я, чуть не выронив из рук трубку. – Надеюсь, ты шутишь?

– Самолет через четыре часа, – сказал Вацлав, словно поездка была уже решенным

делом. – На сборы не так много времени.

Меня затрясло от гнева.

– Ты в своем уме? Глеба только что похоронили. А ты зовешь меня на курорт?

Голос Вацлава сделался предельно серьезным:

– Жанна, я все прекрасно понимаю. Но и ты меня пойми. Я обещал Глебу защищать тебя и обязан сдержать слово. Бросить тебя одну, пока убийца на свободе, я не могу. А ехать мне нужно обязательно, иначе могут пострадать другие люди. Понимаешь? Поэтому я очень тебя прошу, поехали со мной. Это ненадолго. Дня на три-четыре. – Помолчав, он добавил: – Пожалуйста.

Видно, и впрямь ему очень надо на курорт, раз даже волшебное слово вспомнил. Я бы с большей охотой провела ближайший месяц в четырех стенах, отгородившись от мира и оплакивая Глеба, но что-то мне подсказывало, что так я могу совсем раскиснуть и завалить свою миссию по поимке убийцы. Может, смена обстановки и времени года не такая плохая идея? Что-то подсказывало мне, что от этой поездки отказываться не стоит.

– Ладно, – решилась я. – Я соберу вещи.

Двенадцать часов спустя мы спускались с трапа самолета, и я жадно вдыхала упоительный морской воздух и сладкие ароматы цветов. Теплые вещи мы оставили в камере хранения в аэропорту Паттайи, куда нас домчал российский лайнер. А уже оттуда отправились маленьким, ярко разрисованным самолетиком тайских авиалиний на утопающий в зелени тропический остров Самуи. Об этом острове я слышала только однажды в кино. В комедии «Знакомство с родителями» отставной агент ФБР в исполнении Роберта де Ниро в качестве свадебного подарка организовал своей младшей дочери тур именно сюда. Как бы мне хотелось побывать здесь с Глебом! А приходится сопровождать Вацлава, не признающегося в истинной цели своей поездки. Что ж, это только вопрос времени…

Из-за разницы в часовых поясах мы прилетели еще засветло, и, пока ярко разукрашенный вагончик вез нас по летному полю к зданию аэропорта, я отрешенно взирала на пальмы, сочную зелень и невиданные цветы. В другой ситуации я вопила бы от восторга при виде подобной экзотики и вовсю наслаждалась бы летним теплом в разгар ноября. Сейчас же мне не было до них никакого дела. Разве что мои опасения насчет солнца оказались напрасными. Небо было затянуто тучами, и никакого дискомфорта дневной свет нам не причинял. Однако воздух был влажным и теплым, как в парной.

Вацлава тоже местные красоты не радовали. Он был погружен в свои мысли и сосредоточенно и с подозрением рассматривал наших соседей, других пассажиров, как будто бы у них в цветастых шортах были спрятаны пистолеты, а на цепочках под яркими футболками висели отточенные осиновые колья. Чтобы не выделяться в толпе отпускников, вампир и сам принарядился: сменил обычную для Москвы черную одежду на пеструю гавайскую рубаху и хлопковые бежевые брюки. Мне было очень непривычно видеть его в таком наряде, но, вынуждена признать, он ему на удивление шел, и я отметила, как молоденькие туристки с интересом поглядывали на вампира. А те, кому удалось встретиться с ним глазами, тут же расплывались в призывной улыбке.

Вагончики остановились у диковинной площадки: без окон, без дверей и даже без стен, она была огорожена по периметру несколькими деревянными столбами, которые подпирали соломенную крышу, своим видом напомнившую мне о хижине Робинзона. О цивилизации говорила только лента получения багажа, которая виднелась меж столбов. «Зал прилета» – с удивлением прочитала я на столбике, входя под навес. Смуглые и цветущие улыбками аборигены при виде прибывших туристов оживились и принялись призывно размахивать табличками с именами долгожданных «мистеров» и названиями отелей.

– Нас не встречают, – отрывисто сообщил Вацлав, пробираясь через толпу.

– Какое упущение, – пробормотала я. А я-то надеялась на теплый прием у местной тусовки вампиров!

– Наши здесь не живут, – бросил мне через плечо Вацлав и шагнул к таксистам,

карауливших туристов на выходе из «аэропорта».

«Интересно, чего мы тогда сюда приперлись?» – терялась в догадках я, нахлобучивая на голову шляпку с полями.

Вампир торговаться не стал, и через несколько минут мы уже садились в прохладное нутро кондиционированного салона. На безупречном английском мой спутник скомандовал:

– Чавенг, дорогой отель.

На остров мы прибыли дикарями. Похоже, дела сорвали вампира в дорогу так быстро, что он не успел ни тур в специализированной вампирской турфирме купить, ни гостиницу через Интернет забронировать. А может, просто не умел пользоваться благами цивилизации? Но приличная сумма денег на карточке и тугой бумажник гарантировали нам хороший и комфортабельный отдых в районе Чавенг.

Разговорчивый таксист посетовал на дождливую погоду, пообещал в ближайшие дни жару и солнце (только этого нам не хватало!), поинтересовался, откуда мы родом. Вацлав, не расположенный к разговорам, угрюмо соврал, что мы из Италии. Таксист удивленно поцокал языком и душевно поведал, что чаще всего здесь отдыхают русские и немцы. Не дождавшись ответной реплики от пассажиров, он понятливо замолчал и прибавил громкость у магнитолы, распространяя по салону нежные напевы «Hotel California».

Отель, в который он нас привез, утопал в зелени на самом берегу моря. Опытным взглядом просканировав холл, Вацлав переговорил с улыбчивой тайкой на ресепшн, расплатился с таксистом и кивнул замершему в ожидании сотруднику, позволяя забрать багаж. Тут же словно по волшебству появилась сияющая и точеная, как статуэтка, девушка с подносом, на котором стояли два оранжевых коктейля в запотевших бокалах.

– Не забудь взять раздельные номера, – предупредила я, подхватывая бокал, пока вампир заполнял карту регистрации.

– Может быть, ты еще хочешь поселиться в соседнем отеле? – хмыкнул он, вписывая наши имена и данные паспортов. – Ты только скажи.

Когда с формальностями было покончено и нас повели по ухоженному садику к отдельно стоящим коттеджам, я поняла всю степень подлости вампира. Наш провожатый ловко взбежал по ступенькам коттеджа, провел электронным ключом, отпирая дверь, оставил багаж у входа и с пожеланиями приятного отдыха, пряча щедрые чаевые, умчался восвояси.

– Так, – мрачно сказала я, входя внутрь. – Мы будем жить под одной крышей?

– Тут две комнаты, – спокойно заявил Вацлав. – И две кровати.

– Что, других свободных вилл не было? – заглядывая в комнаты и оценивая роскошь обстановки, протянула я. – Или бюджет не позволяет?

– Были, но я не собираюсь тебя оставлять без присмотра, – ухмыльнулся вампир и невинно добавил: – Загуляешь еще.

Я с яростью швырнула сумку на постель, убранную цветами по случаю заселения новых постояльцев, и смела на пол розовые бутоны орхидей. Перед глазами стояли венки с могилы Глеба.

– Извини, – сделался серьезным Вацлав, – мне не стоило так шутить.

– Да уж, – ледяным тоном сказала я, – не стоило.

– Ты голодная? – заботливо поинтересовался вампир, отчего я покрылась мурашками.

Я совсем забыла о донорской крови, которая осталась в холодильнике. А сам Вацлав вряд ли захватил ее для меня. Да и как бы он умудрился протащить ее через таможню? Исключено. Подлый, гадкий вампир! Пусть даже не надеется, что я прокушу кому-нибудь шею.

– Тайцы великолепно готовят морепродукты, – добавил Вацлав, и я устыдилась своих мыслей. – Кухня у них очень острая, нас может запросто в постель уложить с несварением желудка. Так что будь осторожней с местными деликатесами, – напутствовал он. – Если бы здесь существовало наше кафе, супчик «Том Ям» там шел бы под названием «Последний писк Дракулы». А вот крабов, лобстеров и креветок на гриле можешь лопать смело.

– Спасибо за информацию, – все еще сердито пробурчала я.

– Заказать тебе в номер? – предложил вампир, протягивая мне меню с прикроватного столика.

– Мы разве не пойдем ужинать? – удивилась я.

– Мне нужно уладить кое-какие дела, – заявил Вацлав. – Нельзя терять времени.

– А мне отсюда ни ногой? – хмуро уточнила я, листая меню на английском. – И на море смотреть из окошка? А если горничная придет убраться, забаррикадировать дверь шкафом на всякий случай?

– Горничная сегодня не придет, – сообщил он. – Кстати, спасибо, что напомнила. Надо будет предупредить менеджера, чтобы нас в первой половине дня не беспокоили. До пляжа можешь дойти, только далеко не уходи, ладно? Так тебе заказать что-нибудь поесть?

– Может, я тебя подожду? – предложила я.

– Я не знаю, когда вернусь, – покачал головой вампир. – Могу прийти только на рассвете.

– Тогда мне креветок и… арбузный сок, – равнодушно сказала я, откладывая меню.

– Есть, мэм! – козырнул Вацлав и, мгновение помедлив, словно собирался сказать мне что-то, но так и не решился, шагнул к двери.

– Вацлав! – окликнула его я. – Это опасно? Твое дело?

– Надеюсь, что нет, – ответил вампир и отбыл восвояси, оставив меня гадать, что за тайна привела его на этот остров.

Я стояла на берегу, глядя на отражение луны в черном зеркале моря и вдыхая свежий морской воздух. Волны накатывали на берег, обдавая солеными брызгами.

Под босыми ногами – бархат песка, в руке – запотевший бокал с арбузным соком. Не таким ли еще некоторое время назад, накануне роковой встречи с Жаном, я представляла себе счастье? Только в моей картине счастья на небе было солнце, а не луна, и мое сердце было свободным для загорелого мачо в красных плавках. А сейчас на душе смертельная тоска, а сердце похоронено под мерзлой ноябрьской землей вместе с голубоглазым вампиром. Первое опьянение тропическим воздухом и экзотикой пейзажа прошло, и одиночество вновь набросилось на меня голодным зверем, торопясь высосать из сердца нечаянную радость.

– Are you alone? – окликнул меня веселый мужской голос.

Я в раздражении обернулась к направляющемуся ко мне атлету. На бронзовом от загара лице сияли лукавые глаза и цвела пьяная улыбка. От моего взгляда парень, похоже, мигом протрезвел. Слова застыли у него на устах, он сдавленно пробормотал «Sorry» и чуть ли не бегом сиганул обратно – к столику на берегу, за которым веселилась шумная компания.

Я моргнула – ну вот, уже людей пугаю, повергаю в бегство одним взглядом. Так и до горгоны Медузы недалеко. Скоро каменеть начнут, бедолаги. Что сказал бы на это Глеб? Глеб сказал бы: наслаждайся жизнью, живи настоящим. Он был настоящим фанатом жизни, мой нежный вампир.

– Докучают поклонники?

Вацлав вынырнул из темноты, заставив меня вздрогнуть от неожиданности.

– Как твое дело? – притворно равнодушно поинтересовалась я.

Вампир пожал плечами:

– Завтра узнаю точно, не зря ли мы сюда приехали. Не хочешь окунуться?

Если бы в его тоне был хоть намек на сексуальность, я бы с негодованием покинула пляж. Но в словах вампира не было ни заигрывания, ни кокетства. Напротив, в них чувствовалась нотка неловкости. «Я понимаю твое состояние, – словно говорил он. – Но раз уж мы оказались на другом конце света в двух шагах от моря, почему бы не поплавать?»

Я молча кивнула и стянула футболку. Хорошо, в сумерках незаметно, как выцвел купальник. Взять в поездку новый, купленный в последний шопинг с Глебом, я не решилась. Слишком жив был в памяти восторг в глазах Глеба, когда он увидел меня в нем. Да и ни к

чему мне восхищенные взгляды других.

Белая спина вампира уже мелькала далеко впереди в волнах, когда я вошла в остывающую под лунным светом воду. Волна подалась мне навстречу, ласково обняла и утянула в море.

«Хочешь, как-нибудь махнем на море?» – вспомнились слова Глеба.

Волна ударила в лицо, обожгла глаза и губы солеными брызгами. А я ему тогда ответила: «Успеется».

Не успелось, не сбылось…

Я перевернулась на спину и широко раскрыла глаза, глядя на звезды. Звезды здесь были совсем другие. Крупные, яркие, независимые, они не желали складываться ни в какие узоры. Если раньше в ночном небе я видела браслеты и ожерелья, угадывала логотипы модных марок и контуры сумочек и туфель, то сейчас передо мной была целая вселенная – бесконечная и непонятная.

Не знаю, сколько я так пролежала, пока море баюкало меня накатывающими волнами, когда рядом вынырнул Вацлав.

– Не замерзла еще? Может, пойдем?

На пляже не было ни души. Все отдыхающие давно спали. Официанты убрали столики с пляжа и сами разошлись по домам. По вымершему садику мы дошли до своего бунгало, оставляя на дорожке мокрые следы.

– Не сердишься, что вытащил тебя сюда? – шепотом спросил Вацлав.

Я покачала головой и, пожелав ему спокойной ночи, ушла в свою комнату.

За плотными шторами, не пропускающими солнца, мы проспали до вечера и проснулись, когда утомленное солнце уже готовилось нырнуть в море. Вампир поспешно засобирался по своим таинственным делам, а мне любезно предложил заняться шопингом.

– Здесь есть что-то стоящее? – без энтузиазма отозвалась я.

– Бутиков высокой моды тут нет, зато в ассортименте подделки под известные марки, – выказал неожиданную осведомленность Вацлав.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

– Бывал на Пукете. Моя спутница тогда набила целый чемодан поддельными сумочками. – Вацлав помрачнел, видимо вспоминая, как тащил трещавший по швам чемодан.

А я скривила нос, выражая свое непримиримое отношение к подделкам. Уж лучше носить одну-единственную сумочку «Эрмес», чем каждый день щеголять с разными подделками.

– Так что, пойдешь? – пытливо спросил меня Вацлав.

Интересно, с чего его так заботит мой досуг?

– Пойду, не сидеть же в номере, – решилась я. Вдруг старое проверенное средство встряхнет меня и избавит от гложущей тоски. Не хоронить же себя заживо в бунгало. – И не на шоу же трансвеститов идти, – добавила я, вспомнив призывные афиши и вывески клубов, которые я видела по дороге из аэропорта.

Вацлав отчего-то напрягся и бросил на меня очередной странный взгляд. Впрочем, чего тут странного? Родившемуся в пуританские времена и мужественному до кончиков ногтей вампиру одно упоминание о мужиках, носящих женские тряпки и стремящихся обзавестись парой силиконовых грудей, должно было причинять зубную боль.

– Не заблудись смотри, модница, – предостерег он. – Все лавки расположены вдоль центральной улицы, с нее не сворачивай.

– Разберусь как-нибудь, – проворчала я.

– К полуночи-то вернешься?

– Как получится, – расплывчато ответила я.

Обычно аппетит приходит во время шопинга. Вдруг я еще не разучилась получать удовольствие от покупок?

С первого взгляда могло показаться, что я попала в рай. Всюду, куда ни глянь, радовали взор бесконечные пестрые ряды модных сумочек. Розовые и бежевые в полоску легкомысленные «Берберри», строгие черные «Гуччи» и «Диор», веселые белые и шоколадно-коричневые с разноцветными логотипами «Луи Виттон». Вместительные и миниатюрные, мягкие торбочки и серьезные саквояжи, практичные и декоративные, яркие и сдержанные, кричащие и лаконичные. Мечта!

…Каждая не дороже десяти долларов. Вот здесь-то с глаз спадала пелена и начинался ад.

При ближайшем рассмотрении сумки оказались дешевой копией модных вещиц. Вместо мягчайшей телячьей кожи – грубый кожзам, вместо изящных замочков – возмутительные молнии, вместо ласкающей кожу шелковой подкладки – шершавое нутро синтетики и кривые строчки. Это же просто преступление против стиля! Я с ужасом разглядывала кустарную подделку под божественную «Прада», когда продавец бойко залопотала по-английски, размахивая калькулятором и предлагая поторговаться.

Из лавки я выскочила как ошпаренная, искренне желая всем производителям подделок поджариться в аду на костре из всех сшитых ими вещиц, и припустила по тротуару мимо стоек с сумками, майками и шортами, рискуя сломать каблук. Байк, чуть не сбивший меня с ног, привел меня в чувство, и я бросилась в двери сияющего чистотой кафе. Мне была необходима скорая помощь в виде бокала освежающего арбузного сока и прохладного дуновения кондиционера.

Расплатившись за сок и вцепившись зубами в трубочку, я принялась смаковать в голове картины аутодафе для контрафактов, заполонивших прилавки острова. Мимо кафе, весело болтая, прошли две молоденькие туристки. Одна из них, коренастая шатенка в мешковатом сарафане, держала в руках только что купленную сумочку и с восторгом демонстрировала ее своей сутулой и тощей подруге, костлявые плечи которой были обтянуты розовой майкой с надписью во всю грудь – «Chanel». Таким образом сутулой на все сто процентов удалось привлечь внимание окружающих к отсутствию бюста.

Я ожесточенно пожевала трубочку и проводила туристок яростным взглядом. Вот у кого бы я безо всяких зазрений совести отведала свежей кровушки, так это у этих двух куриц, благодаря которым на одну настоящую сумку «Гуччи» приходятся тысячи убогих копий. Решено, если я когда-нибудь и решусь поохотиться, то выбирать буду из поклонников фейка. Хотя что там говорила Лана? Вместе с кровью от донора передается часть его личности. Брр! Я отставила в сторону пустой бокал. Ни за что не прикоснусь к шее девицы в майке «Chanel» из боязни подхватить дурной вкус. Наверняка такие особи – персоны нон грата для современных вампиров. Ни чеснок, ни серебро, ни святая вода, ни крест, ни осиновый кол от известных мне вампиров не спасут. А вот сумочка «Гуччи» тайского производства и безвкусная футболка с логотипом модной марки – лучший способ оказаться вне зоны риска. Гламурных вампирш и стильных вампиров просто стошнит от подобной безвкусицы, наводящей на мысли об убийстве…

Разрозненные мысли в моей голове внезапно сложились в шокирующий пазл. Я ахнула, и парочка пожилых немцев, потягивающих холодное пиво за соседним столиком, удивленно обернулась. Я же, подхватив сумку, выбежала на улицу. Хватая губами накалившийся воздух, как рыба, выброшенная на берег, я стояла посреди улицы и вертела головой, выхватывая взглядом витрины и прилавки. Невероятно! Может ли разгадка быть так проста и нелепа? И разве способен убийца убивать своих собратьев из-за таких мелочей? Конечно, преступление против стиля – это серьезный аргумент, но разве может поддельная вещь стать смертельным приговором?

Как во сне я добрела до ближайшей лавки с сумками и машинально вытащила белую котомку от Луи Виттон. Точно такая же была на фотографии с места убийства Индиры, первой жертвы. Я огляделась по сторонам: а вон на прилавке с шелковыми платками желтеет платок «Эрмес», похожий на тот, который был на Виктории Виноградовой в день убийства.

У меня не было убежденности в том, что вещи убитых девушек были подделками. Но я была уверена в том, что фальшивым было кольцо от Тиффани на руке Софии, и я твердо знала, что Глеб носил поддельные джинсы. Очень хорошие, довольно качественные, но не столь совершенные, как родные «Дольче и Габбана».

Если несколько минут назад меня так разгневали поддельные вещи, способна ли эта причина стать катализатором для психа-убийцы? О чем речь, он же псих! И все-таки нужно быть настоящим фанатом моды, чтобы решиться на убийства. Таким, как я.

Я отмахнулась от подоспевшей ко мне продавщицы, как от чумной, не глядя сунула белую котомку в ряд подделок и поспешила в отель.

Я неслась по тропинке к коттеджам, не разбирая дороги. Ветка пальмы хлестнула меня по щеке, камушек запрыгнул в босоножку – все равно. Я торопилась рассказать Вацлаву о своей догадке. Надеюсь, он уже вернулся и сообщит мне о завершении своего важного дела. Потому что мне нужно срочно в Москву, посмотреть на вещи убитых и убедиться в верности своих предположений.

Я взбежала по ступенькам, рванула дверь, заглянула в комнату Вацлава и обомлела. На постели вампир кувыркался с хрупкой аборигенкой, обладательницей крашеной темно-вишневой гривы волос до попы. Сцепившись, как павианы, страстно постанывая, парочка каталась по смятым простыням, так что сверху оказывался то вампир, то неистовая куртизанка. Судя по тому, что оба были в одежде, страсть захватила их так, что на раздевание было жаль времени. Моего появления они, кажется, даже не заметили.

Я деликатно кашлянула. Девчонка испуганно ойкнула и вскочила с кровати, залепетав на плохом английском «Сорри-сорри-сорри, мы просто разговаривали». На ее красивом кукольном личике отобразился искренний испуг. Я молча посторонилась, пропуская ее к двери, и девица обрадованно сиганула из коттеджа. На ее шее я успела заметить свежую ранку от укуса.

– Извини, помешала, – язвительно сказала я.

– Стучаться тебя никто не учил? – недовольно ответил вампир, поднимаясь с кровати.

Выглядел он изрядно помятым, словно гостья не в любовных объятиях его сжимала, а от души помутузила, прежде чем я вмешалась. Что ж, в таком случае он должен быть мне благодарен за спасение от излишне страстной особы.

– Говорила же: надо было селиться в разных номерах, – мстительно напомнила я. – Тогда бы мог спокойно водить к себе проституток.

– Это не проститутка, – ровно произнес Вацлав, одергивая гавайскую рубашку.

– Ну да, конечно, это монашка-кармелитка! – понимающе кивнула я.

– Это трансвестит, – невозмутимо добавил вампир, поправляя шорты.

Я поперхнулась и недоверчиво уставилась на дверь, потом перевела взгляд на помятого вампира.

– А он горячая штучка! – ошеломленно присвистнула я.

– Ты даже не представляешь себе *насколько.* – Вацлав скривился, дотронувшись рукой до ребер. Словно трансвестит ему их хорошенько пересчитал в процессе любовной прелюдии. Уловив мои мысли, вампир поднял на меня яростный взгляд. – Давай договоримся: ты видела совсем не то, что ты думаешь. Но я не обязан тебе докладывать.

– Ладно, – легко согласилась я.

– Как шопинг? – помолчав, добавил он.

– А я не обязана тебе докладывать, – мстительно отфутболила его я.

– Значит, хреново, – ухмыльнулся Вацлав. – Да и пакетов с покупками я не заметил.

– Даже хреновей, чем ты думаешь, – многозначительно сказала я.

Делиться своей догадкой с вампиром я уже расхотела. К тому же я живо представила, как он поднимет меня на смех. Сперва нужно все точно проверить и, если моя гипотеза подтвердится, идти к нему уже с доказательствами.

– Бывает, – фальшиво посочувствовал вампир, поднимая с пола перевернутое кресло.

Я окинула взглядом комнату, отметила сорванное со стены расшитое полотно, разбитую вазу и не удержалась от шпильки:

– Ну конечно, вы тут вольной борьбой занимались. Не так ли?

– Взял несколько уроков самообороны, – не моргнув глазом соврал он и насмешливо добавил: – Это чтобы тебя лучше охранять.

– Ну-ну, – кивнула я. – А меня научишь?

– Да хоть сейчас! – с готовностью предложил Вацлав.

– Лучше как-нибудь в другой раз, – открестилась я.

– Ты только скажи! – подмигнул он. – Но сейчас и впрямь не время. Пора паковать чемоданы.

– Мы уезжаем? – замерла я. – Сейчас?

– Если поторопишься, успеем на предпоследний рейс. А если будешь копаться, то на последний. Тогда еще и на билетах здорово сэкономим.

– Значит, это и есть твое дело, которое привело тебя сюда? – поразилась я. – Что, у этого… хм, юноши, самая вкусная кровь на Востоке?

– Вообще-то мы в Юго-Восточной Азии, – с невинным видом поправил меня вампир.

– У меня не было времени изучить туристические сайты, – обиженно напомнила я. – Кто-то дал мне на сборы меньше часа и не позаботился о том, чтобы взять в самолет путеводитель!

– Кто-то, – насмешливо заметил вампир, – скупил кипу глянца в аэропорту и даже не взглянул на стойку с путеводителями. И этот кто-то меньше всего думал о географии страны, в которую мы летим, и изучал коллекции купальников и рекомендации по загару.

– Неправда! – запротестовала я. – Я купила один туристический журнал!

– Ну кому ты врешь? – мягко пожурил меня Вацлав. – Ты его даже не открыла. Тебе было куда интересней разглядывать плантации босоножек и сады мини-бикини, нежели фотографии настоящих природных достопримечательностей.

Я прикусила губу, а вампир вытащил сумку и принялся складывать туда вещи.

Я последовала его примеру и заторопилась в свою комнату: надо было успеть упаковать галерею кремов и духов, которую я вчера с таким искусством выстроила на туалетном столике.

Стук в дверь раздался в тот момент, когда я вынимала одежду из шкафа в коридоре.

– Ты кого-нибудь ждешь?! – прокричала я, машинально отпирая щеколду и рассчитывая увидеть на пороге горничную.

– НЕ ОТКРЫВАЙ! – прозвучало в ответ, когда я уже распахнула дверь.

Я так и не поняла, что меня оглушило – то ли пронзительный крик Вацлава, то ли удар об стену головой, которым меня приветствовали незваные гости. Пятеро. Вампиры.

Один из них налетел на меня и прижал к стене. Четверо остальных бросились к Вацлаву, примчавшемуся мне на помощь. Узкий коридор не располагал к маневрам, поэтому нападавшие быстро оттеснили Вацлава в комнату, а парень, крепко державший меня, поволок меня следом, видимо не собираясь пропустить эффектной схватки. Я, извернувшись, умудрилась прокусить ему руку до крови, о чем тут же пожалела. Мало того что пара капель крови разбудили во мне зверский голод, а громила быстро высвободил руку, не дав утолить жажду, так другим кулаком он еще как следует вмазал мне по зубам и разбил губу.

– Кровь за кровь, сучка, – злорадно пробормотал он по-английски и, стремительно наклонившись ко мне, слизал кровь с моих губ.

В других обстоятельствах такой страстный полупоцелуй от красавчика, похожего на молодого Джонни Деппа, мог бы меня возбудить. Но не сейчас. Удар коленом в пах стал для парня весомым штрафом за бесцеремонность и наукой на будущее. Он громко ухнул и согнулся пополам, на несколько мгновений освободив мне обзор и дав рассмотреть расстановку сил.

Вацлав стоял у окна. С трех сторон его обступили вампиры.

– Отдай то, что тебе не принадлежит, – по-английски прорычал один из них, высокий шатен с фигурой Сталлоне.

– Попробуй отбери, – с презрением процедил Вацлав и первым бросился на вожака.

Я вытянула шею, желая не упустить ни момента, но тут же стальные пальцы оклемавшегося вампира вцепились в нее, пригвоздив меня к стене.

– Я тебя убью, – выдохнул он, с ненавистью глядя на меня. Но дальше угроз не пошел, а только хорошенько тряхнул, больно ткнул в бок увесистым кулаком и, убежденный в моей беспомощности, отвернулся, чтобы не пропустить схватки.

Переведя дух и воспользовавшись легкомысленностью громилы, я несильно, чтобы не испортить свежий маникюр, полоснула его ногтями по шее. Вампир зашипел и на миг ослабил хватку, а я ужом выскользнула из его рук и метнулась в свою комнату. Грохот шагов предупредил меня о погоне, я растерянно огляделась в поисках чего-нибудь увесистого, но не нашла ничего, кроме вереницы бутылочек с косметикой на туалетном столике. Среди бесполезных пластмассовых тюбиков с солнцезащитным кремом серьезную угрозу для противника мог представлять только тяжелый круглый флакон «Midnight Poison». Почти полный! Да к тому же мы выбирали духи вместе с Глебом. Совершить такой акт вандализма у меня не поднялась рука, и я потеряла драгоценные секунды.

Зато у моего преследователя моральных терзаний не было. Налетев всей массой, он с разбега повалил меня на кровать и заломил руки. Я зашипела от боли. Войдя в раж, он клацнул зубами по моей шее, и я почувствовала, как кожу обожгло влажным теплом. Как тогда, в темной подворотне, когда я встретила Жана. Я задохнулась от захлестнувшей меня ненависти и, уже не заботясь о маникюре, погрузила ногти в открытое плечо вампира. Именно погрузила, словно вместо ногтей у меня были лезвия, потому что подушечками пальцев я почувствовала раздираемые мышцы. Парень взвыл дурным голосом и отшатнулся, продолжая прижимать меня ногами к кровати. Я тоже коротко вскрикнула, чувствуя, как один из ногтей сломался и остался в его плоти, и вздернула ладонь, с ужасом разглядев кровь под другими ногтями. Я ошеломленно перевела взгляд на плечо громилы и обомлела: там зияла рваная рана, как от прикосновения Фредди Крюгера, и из нее хлестала кровь. У меня в глазах потемнело, и я рванулась к ней изо всех сил…

Когда я пришла в себя, в другой комнате по-прежнему кипела схватка. А на кровати подо мной лежало безвольное тело вампира. Его распахнутые от ужаса глаза неподвижно смотрели в потолок. Не надо было быть вампирским патологоанатомом, чтобы определить, что парень мертв. Его горло словно было перерезано бритвой, а правое плечо как будто рвала на части свора собак. Под ним по белой простыне расползалось кровавое пятно. Я вытерла рукой мокрые губы, и на ладони осталась кровь. Не моя, чужая. С пронзительным воплем я скатилась с кровати, и мой желудок вывернуло наизнанку. По полу растеклась лужа густой, почти черной крови.

В коридоре загрохотали шаги: мой крик привлек внимание.

– Дьявол! Говорил же, девчонку не трогать! – прогремел голос шагнувшего в комнату вампира.

Ему хватило секунды, чтобы правильно оценить обстановку, разглядев тело товарища на кровати, скорчившуюся, но целую и невредимую меня под ней и лужу крови на полу, которую я только что извергла из себя.

– Вот дьявол… – потрясение выругался он уже по-французски, невольно отскочив на шаг назад.

Этого шага для меня было достаточно. «Убить!» – застучало в висках. Я быстрее тени метнулась к туалетному столику и схватила флакон духов. Стекло охладило горящие ладони и в следующий миг с силой пушечного ядра пробило голову вампира. Крепкий мужчина опрокинулся навзничь и затих. Терпкий аромат розы, амбры и пачулей смешался с запахом крови и смерти. Это немыслимое сочетание меня отрезвило, как резкий запах нашатыря, и я с дрожью шагнула вперед и склонилась над телом вампира. Мертв. Никаких сомнений. Я потрясенно помотала головой. Я убила вампира? Размозжив ему голову флаконом духов?

Невозможно. Невероятно. И тем не менее.

Я перескочила через тело и бросилась в комнату Вацлава, где все также трещала мебель и гремели удары. Удивительно, что разнимать дерущихся еще не сбежался весь отель. Нас спасало только то, что коттедж находился в стороне от других и вдали от парковой дорожки, через которую постояльцы попадали в ресторан и на пляж. К тому же музыканты, приглашенные рестораном, старались вовсю, и удары драки заглушались ревом музыки, доносившейся со стороны пляжа. Да и громилы понимали, что огласка им ни к чему, поэтому осторожно обходили оконные стекла и зеркала, чтобы не создавать лишнего шума.

На пороге я замерла и прислонилась к дверному косяку. Моя помощь вампиру не требовалась. Он превосходно обходился сам. Я ни разу не видела Гончего в поединке, но зрелище было по-настоящему завораживающим. Мелькали руки, ноги; кулаки со свистом рассекали воздух, глухими ударами ложась на тела противников и извлекая из глоток стоны и ругань. Сила чужаков была очевидной, но Вацлав дрался за семерых, раздавая хитроумные и меткие удары направо и налево, ловко уклоняясь от кулаков и предвосхищая подножки.

Раскрыв глаза, я смотрела на схватку и не могла избавиться от мысли, что попала в «Матрицу». Вацлав не зависал в воздухе, давая возможность разглядеть драку во всех деталях, но он сражался как лев, наделенный силой Кинг-Конга и техникой шаолиньских монахов. Он наслаждался поединком, заигрывая с противниками и нанося удары, которые не калечили их, а лишь раззадоривали. Казалось, Вацлав забавляется своей силой, как богатырь, давно ждавший нового подвига и наконец-то получивший возможность сразиться с достойным соперником.

В какой-то момент вампир заметил меня и на миг замешкался, подпустив нападавших непозволительно близко. Но уже через несколько секунд все было кончено. Трое противников один за другим, как марионетки, нити которых оборвали, упали на пол. На моих глазах Вацлав свернул двоим шею, а в сердце третьего всадил его же нож.

– Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет, – пробормотала я.

Вацлав стремительно перешагнул через тела:

– Где остальные?

Я молча посторонилась, пропуская его в коридор. Вацлав направился к моей комнате, я не тронулась с места.

– Дьявол! – донесся до меня его возглас. Как много в нем было: и удивление, и отвращение к увиденному, и облегчение оттого, что противники мертвы, и уважение ко мне, и восхищение, и… едва заметная нотка страха, которая заставила мое сердце предательски сжаться.

Несколько секунд, пока Вацлав пересек коридор и поравнялся со мной, были самыми долгими в моей жизни. И в его тоже.

– А ты можешь стать неплохой Гончей, – вымолвил он.

Я предпочла бы не слышать этих слов.

– Как ты сделала это? – с сомнением произнес он.

– Не знаю, – пробормотала я. – На меня что-то нашло… и я их убила.

– Их убила кровь Жана, – помедлив, возразил вампир. – Который их и прислал.

Я замерла, переваривая ошеломляющие новости. Первое: случилось то, чего так боялись старейшины. Я стала таким же зверем, как и мой проклятый донор. Второе: это он прислал сюда этих отморозков. И они бы, ни минуты не раздумывая, убили Вацлава, а вот трогать меня им почему-то было запрещено. Жан пожалел меня или строил в отношении меня какие-то планы? От этой мысли мне сделалось еще более тошно, и интуитивно я поняла, что не стоит сообщать Вацлаву о словах вампира с пробитой головой.

– Но зачем? – сдавленно спросила я. – Чего они от тебя хотели? Что у тебя есть такое, что нужно им? Зачем их прислал Жан?

Вацлав молча выудил из-за пазухи шнурок с круглой железной подвеской в виде солнца.

– И что это? Ключ к сокровищам тамплиеров? – нервно пошутила я.

– Это то, что спасло мне жизнь. Слеза Силы, – с благоговением произнес Вацлав.

– Что? – Я нахмурила лоб, вспоминая что-то смутно знакомое.

– Осколок чаши последнего лорда вампиров, в котором заключена его сила и искусство боя, – с тихой торжественностью пояснил Вацлав.

– Серебряные Слезы, – ошеломленно прошептала я. – Мне рассказывал о них Глеб. Но он считал их обыкновенной легендой.

Вацлав медленно повернул голову, глядя на тела мертвых вампиров.

– Это лучшие убийцы французской общины, – коротко сказал он и обернулся ко мне. – Похоже, легенда подтвердилась. А с ней и наши опасения насчет замыслов Жана.

На последний самолет мы опоздали. Вацлаву понадобилась пара часов, чтобы информация о наших именах навсегда исчезла из базы отеля. С постояльцами мы не общались, из коттеджа выходили только ночью – оставалось надеяться, что сотрудники и другие постояльцы нас не вспомнят. Судя по тому, что к нашему домику никто не проявлял интереса, наш «прием гостей» остался незамеченным для широкой публики. Однако отъезд должен был запомниться. Через несколько минут после того, как мы поймали такси на оживленной улице, пожар в отеле станет главным ночным развлечением. Удаленность коттеджа играла нам на руку, пока пожар заметят, огонь успеет уничтожить следы кровавого сражения и изрядно обезобразит тела. Если повезет, администрация респектабельного отеля ради сохранения репутации даже постарается скрыть информацию о найденных трупах. И еще долго будет ломать голову над тем, как пятеро неизвестных попали в пустой коттедж и что послужило причиной пожара.

Как нам ни хотелось скорее унести ноги с острова, переставшего казаться райским и безмятежным, авиасообщение с полуночью прекратилось. Пришлось селиться в дешевой лачуге поблизости от аэропорта, чтобы переждать дневной зной. Путь в приличные гостиницы нам был заказан: Вацлав опасался, что, если у головорезов на острове остались сообщники, в дорогих отелях нас станут искать в первую очередь.

Бросив чемодан «Луи Виттон» на пыльный пол, я засыпала вампира вопросами:

– Ты сказал, что они были убийцами. Почему же они были на свободе?

Глаза Вацлава сузились от ярости.

– Трое французских Гончих погибли, пытаясь остановить их. Этим головорезам нечего терять, поэтому поймать их очень сложно.

– И они работают на Жана?

– Ты видела.

– И вы не можете ничего ему предъявить? – не поверила я.

– А что мы можем? У нас разве остался хоть один свидетель? – Вацлав криво ухмыльнулся.

– Откуда у тебя Слеза? Как они о ней узнали? Как о ней узнал ты? – Я по-турецки уселась на кровать, требуя ответов.

Вацлав, развернувшись ко мне спиной, встал у окна и начал свой рассказ:

– Легенда о Серебряных Слезах хорошо известна. Между вампирами существует договоренность: если кто-то узнает о случае, похожем на действие амулетов, о нем сообщают местным старейшинам или главе Гончих. На похоронах Глеба была одна австрийка, Ильма. Она и рассказала мне, что один из ее знакомых-людей недавно вернулся из поездки в Таиланд и обмолвился об удивительном происшествии. Он и его спутники, прогуливаясь по закоулкам курорта, стали свидетелями того, как хрупкая азиаточка чуть не размазала по стенке одного крепкого немца, который ей досаждал. На следующий день он увидел боевую девицу на сцене шоу трансвеститов и понял, что это вовсе не девица. Но изумление от ночного происшествия осталось. Турист рассказывал, что у него и его спутников тогда в подворотне возникло ощущение, что они смотрят голливудский блокбастер. Потому что только в кино они видели, чтобы юноша хрупкой комплекции и, заметь, отнюдь не спортсмен или каратист, так играючи расправлялся с противником,

превосходящим его втрое по весу. В качестве иллюстрации знакомый показывал многочисленные фотографии с шоу, на которых была изображена тоненькая привлекательная девушка. Рассказ знакомого Ильмы мог оказаться выдумкой или пьяным бредом, а мог привести к Серебряной Слезе, заключающей в себе силу последнего лорда. Я был обязан проверить этот сигнал, поэтому без промедления подался сюда. – В завершение своих слов Вацлав резко задернул шторы, отсекая лунный свет, и развернулся лицом ко мне в кромешной тьме.

– Значит, ходил на шоу трансвеститов, а меня даже не пригласил? – с оттенком обиды спросила я и нашарила выключатель настольного светильника. Тусклый огонек под пыльным зеленым абажуром прожег темноту.

– Я не хотел вмешивать тебя в это. – Лицо вампира в свете лампы казалось смертельно усталым. – К тому же я был уверен, что мы приехали зря. Но в первый же вечер я нашел того, о ком говорил знакомый Ильмы. Во время выступления я находился рядом со сценой. И видел шнурок с серебристой подвеской в виде солнца, который мог оказаться как легендарной Слезой, так и обыкновенной пустышкой. Я расспросил охранника, можно ли пообщаться с приглянувшимся объектом, он называл себя Ди, наедине. «Пообщаться-то можно, – хохотнул тот. – А вот руки распускать не советую. Ди за себя постоять умеет. По ней нипочем не скажешь, но силища у нее как у тигра». Я еле дождался конца выступления, чтобы договориться с Ди о встрече. Нечего было даже и думать о том, чтобы проверить мою версию в клубе или в темном закоулке. Я должен был убедиться – без свидетелей и в укромном месте – в силе Ди и в том, что сила эта исчезнет, как только я заберу подвеску.

– И ты пригласил его в наш номер! – осенило меня. – А меня отправил по магазинам в надежде, что я застряну там надолго.

– К сожалению, мои надежды не оправдались, – иронически усмехнулся Вацлав. – Ты вернулась раньше. И поняла то, что увидела, в силу своей испорченности.

– Вы по кровати катались, как неистовые любовники! – пристыжено заметила я. – Что я должна была подумать?

– Теперь ты знаешь, как все было.

– А зачем ты его тогда укусил? Я видела след от укуса на шее.

– Он был очень силен. Несмотря на то, что он человек, Слеза придавала ему фантастическую силу, даже я не мог его побороть. Мне пришлось укусить его и отпить крови, чтобы немного ослабить его и придать сил себе. И то мне не сразу удалось одолеть его. Если бы не появилась ты и не отвлекла Ди, я бы, наверное, еще долго не выгадал момента, чтобы сорвать подвеску.

– Покажи ее мне, – попросила я.

Вацлав расстегнул верхние пуговицы гавайской рубашки, продемонстрировав серебряное солнышко на шнурке.

– А теперь расскажи мне все, что ты знаешь о Серебряных Слезах, – потребовала я. – Глеб поведал мне только короткую версию.

– Издавна вампиры держались вместе, жили общинами и подчинялись областным правителям, – начал Вацлав. – Старшим над правителями был лорд…

– А разве не принц? – удивилась я.

– Принц тьмы – это из области кино, – поморщился Вацлав.

– А князь? – пытливо уточнила я.

– Князь тоже. Так вот лорд был самый главный и самый мудрый вампир.

– Наверное, и самый старый? – предположила я.

– Не обязательно. Но обычно лордами становились вампиры не моложе ста пятидесяти лет. А поскольку таких было немало, то и конкуренция была жестокая, случались и заговоры. В результате одного из них и погиб последний из лордов.

– Почему последний?

– Не спеши поперек батьки в пекло, – сурово сдвинул брови Вацлав и неторопливо продолжил: – Лорда отравили во время пира. Пир был долгий, яд был редкий, новый,

действовал медленно, отравленная чаша лорда по кругу обошла всех его приближенных… Когда первый из пригубивших вино почувствовал неладное, было уже слишком поздно.

– Разве это был не сам лорд? – вмешалась я.

– Лорд был демократичных правил, не кичился своим положением и в знак уважения к своим друзьям сперва передавал чашу им, а уже потом, после всех, допивал ее, – терпеливо пояснил Вацлав. – Об этой традиции были осведомлены все вампиры. Когда-то благодаря ей лорд заслужил себе любовь нашего народа, но в тот вечер она сыграла роковую роль в его судьбе. Лорд видел, как один за другим, по кругу, погибали его близкие: яд действовал с отсрочкой. Смерть стремительно приближалась к нему, шагая по головам его людей, и он не мог ее остановить. Один Бог знает, что он чувствовал в тот момент. Последними умерли трое самых близких его людей – лучший друг, младший брат, беременная жена. Смерть пронеслась над столом за какую-то минуту, превратив веселое застолье в братскую могилу. Погибшие пили вино без перерыва, передавая чашу от одного другому, не останавливаясь, поэтому смерть не дала им ни минуты отсрочки. Зато отсрочка была у лорда – после того как чаша обошла всех, он произнес благодарственную речь, в которой отметил каждого из сидящих за столом и сказал ему несколько теплых слов, а также вспомнил тех, кто отсутствовал.

– Прям как в фильме «Крестный отец»! – вставила я.

Вацлав раздраженно покосился на меня и продолжил свой печальный сказ:

– Эта речь подарила ему три лишних минуты жизни. Три страшных минуты в окружении мертвых друзей. Три минуты подозрений, ведь было ясно, что предатель – один из тех, кого на пиру не было. Три минуты смертельной тоски… Ничего мистического в покушении на лорда не было – банальный яд, банальная борьба за власть. – Вацлав выдержал паузу. – На этом история заканчивается, и начинается легенда. Легенда гласит, что ненависть лорда к отравителю была так сильна, что в последнюю минуту жизни он прокричал: «Никогда не будет больше среди вас единого лорда!» – и разбил серебряную чашу вдребезги. Считается, что ее осколки впитали в себя таланты лорда и в каждом из них заключен особый дар. Это мудрость, или рассудительность; интуиция, она же телепатия и проницательность; предсказание; красноречие, или убеждение. Еще – харизма, или лидерство; сексуальная привлекательность; искусство боя, оно же сила. А также смелость, или решимость; доброта, она же милосердие; воля; справедливость и честность. В совокупности – портрет идеального правителя. Всего осколков было двенадцать.

– Почему же не двадцать? – не удержалась от скепсиса я.

– Таковы показания свидетелей, – сухо ответил Вацлав и пояснил: – В зале были другие вампиры. За столом лорда сидели самые близкие друзья, родственники, соратники. Но были накрыты столы и для других гостей. Сначала никто из них не понял, что произошло. И только когда лорд прокричал последние слова, все обернулись к главному столу и увидели, что все сидящие за ним мертвы. Собравшиеся бросились к погибшим, сообразили, что те отравлены, и кинулись собирать осколки чаши. Нашли, сосчитали и растащили по одному…

– На сувениры, – ввернула я.

– А через некоторое время заметили странное. Посредственный торговец вдруг обнаружил в себе бездну премудрости и стал знаменитым на всю провинцию философом. Его косноязычный коллега сделался блестящим оратором и открыл в себе такой дар убеждения, что за каких-то полгода приумножил состояние втрое. Не самый лучший воин неожиданно выбился в первые ряды, показав великолепное владение техникой боя. Откровенно уродливая девица, на замужестве которой родители давно поставили крест, вдруг обзавелась дюжиной поклонников и в результате сделала блестящую партию, обойдя первых красавиц и даже свою миловидную младшую сестру. Безжалостный и скупой ростовщик, доведший до самоубийства восьмерых должников, а до разорения – десятки семейств, внезапно превратился в сердечного человека и простил всем своим заемщикам проценты. У крестьян появился лидер, который едва не организовал революцию местного масштаба. А когда его поймали, один из аристократов узнал в нем слугу, уволенного из

замка за воровство. Тогда-то и припомнили, что вместе со слугой из поместья пропал и осколок чаши лорда. Среди собравшихся был и воин, признавшийся, что лорд был его кумиром, поэтому он выкупил осколок чаши, к которой его герой прикасался последним. С тех пор его жизнь сильно переменилась, и юноша искренне полагал, что с кусочком серебра к нему перешел военный дар от кумира. Решили проверить фантастическую догадку, и что выяснилось? Новоявленный философ носил на шее осколок чаши в качестве подвески. Оратор открыл в себе дар красноречия, когда рассматривал диковинную пластинку серебра, и с тех пор считал ее своим талисманом и держал в своей лавке на видном месте. Родители дурнушки присутствовали тогда на роковом пиру, прибрали к рукам другой осколок, переплавили его в браслет и подарили тот своей несчастной старшей дочери, которая подарками была неизбалованна, а потому носила его при каждом удобном случае. Ростовщик забрал обломок серебра в уплату долга и сделал из него цепочку для часов, которые всегда держал при себе. С тех пор и пошло поверье, что каждый осколок чаши, вино из которой погубило лорда, содержит в себе один из его талантов и наделяет им своего обладателя.

– Представляю, что тогда началось, – поежилась я.

– Правильно представляешь, – мрачно поведал Вацлав. – Нашлось немало желающих завладеть Серебряными Слезами, как их поэтично окрестила молва. Кого-то из владельцев ограбили, кого-то даже убили. Легенда говорит, например, что бедная дурнушка ни за что не хотела расставаться с браслетом, подаренным родителями, да и браслет словно врос ей в руку, так что разбойникам, напавшим на супружескую чету в лесу, пришлось отрубить девушке кисть. Одновременно с кистью она потеряла и мужа. С того дня молодой супруг совершенно охладел к ней и вскоре выставил благоверную из своего роскошного поместья, искренне недоумевая, как он мог на ней жениться, и согласился с мнением матери, что уродина его не иначе как приворожила. Несчастье постигло не только бедную девушку – все владельцы лишились Серебряных Слез и своих чудесных талантов. С тех пор никто не знает точного нахождения разрозненных осколков чаши, ведь это может быть что угодно – кольцо, цепочка, подвеска, лезвие или рукоять ножа, вряд ли сохранился хоть один обломок чаши в прежнем виде. Это делает поиски Слез практически невозможными. Единственное отличие легендарного серебра из чаши лорда от обычного – особый талант, которым он в одночасье награждает своего обладателя. Однако Слезы ищут до сих пор. Ведь согласно легенде тот из вампиров, кто сумеет собрать воедино все серебро из чаши лорда и переплавит его в точную копию сосуда, получит талант великого правителя и сможет стать новым лордом и объединить под своим началом всех нас… Такова легенда.

Вацлав наклонился к своему дорожному рюкзаку, вытащил из кармашка газетную вырезку и протянул мне.

– А это уже жизнь.

Я развернула листок, и в глаза бросился заголовок: «Известная актриса Ева Фиери погибла во время кровавой резни в африканской деревне». В центре текста – две фотографии, два этапа жизни Евы Фиери. На первой – голливудская красавица Ева Фиери в момент своего наивысшего триумфа – с призовой статуэткой «Оскара» в руках. Платье от Оскара де ла Рента, бриллианты от Каррера и Каррера, платиновая волна волос – от природы, восхитительный бюст – от лучшего пластического хирурга. Сердцеедка, светская львица, прожигательница жизни. На второй – скромная девушка в бейсболке и джинсах в окружении ватаги изможденных худых чернолицых детишек. Посол доброй воли, белокурый ангел для малышей, которые живут в аду.

Я вспомнила то, что писали о ней газеты. Когда два года назад голливудская красавица объявила о своем решении покинуть кино и посвятить себя помощи детям из неблагополучных стран, никто ей не верил. Одни считали это рекламным ходом, другие, хоть и допускали искренность помыслов Евы, были убеждены, что надолго ее энтузиазма не хватит. Однако его хватило и на год, и на два. Режиссеры предлагали Еве, в одночасье ставшей самой обсуждаемой голливудской актрисой, баснословные гонорары, но она была непреклонна и не желала возвращаться к прежней жизни. Красавчик-актер Дин Джойс,

единственный, кому удалось продержаться рядом с ветреной Евой целых полтора года, вплоть до ее бегства из Голливуда, устав ждать сбежавшую невесту, приехал за ней сам. Их пара была крепкой, их чувства – искренними и пылкими, и журналисты со дня на день ожидали объявления помолвки, когда Ева вдруг поспешно собрала чемодан и уехала в Зимбабве, чтобы уже не вернуться к прежней жизни.

Из поездки Дин вернулся ошарашенным и в одиночестве. Ева была ему рада, клялась в любви, но уезжать с ним наотрез отказалась, со слезами на глазах заявив, что теперь ее дом здесь и она будет счастлива быть его женой, но в этой стране. То ли лоск одной из первых красавиц Голливуда померк на пыльной земле Зимбабве, то ли чувства Дина были не настолько сильны, чтобы он мог разделить отшельничество Евы, однако любви белокурой красавицы в африканском шалаше он предпочел карьеру, фабрику грез и роскошь. Никто и не посмел его осудить, когда он поведал журналистам о подробностях своей поездки. «Ева словно обезумела, – сказал тогда он. – Она живет в жутких условиях, целыми днями возится с больными детьми и строит планы спасения мира. Совсем недавно она бы сморщила нос при виде подобной антисанитарии и ужаснулась такому образу жизни, теперь же она живет как нищая и, что удивительно, совершенно счастлива. Ее поступок достоин восхищения, но это так непохоже на ту Еву, которую я знаю!». Ну или что-то вроде того, за точность слов не ручаюсь, но смысл такой.

В статье, которую протянул мне Вацлав, коротко пересказывалась жизнь Евы Фиери – от первых ролей в кино до отъезда в Африку. Причем богемная часть ее жизни была куда более подробной. О жизни Евы в Зимбабве было известно мало: в первое время журналисты валили валом за сенсационными подробностями «другой» жизни знаменитой актрисы. Кадры с некогда гламурной до кончиков ногтей Евой, отныне играющей в мяч с африканскими детишками и возделывающей огород наряду с чернокожими аборигенками, обошли все телеканалы. Все популярные издания оформили спецкорам командировку в жаркую страну, пытаясь раскопать, от чего бежит Ева Фиери. Через пару месяцев интерес прессы к эксцентричной актрисе угас, и она пропала из поля зрения общественности. Изредка Ева мелькала в новостях, приуроченных к приезду очередной миссионерской делегации, но ничего сенсационного телевизионщики поведать не могли. Живет, помогает, заботится, возвращаться не собирается. Поэтому и в статье, которую мне дал Вацлав, о благотворительной деятельности Евы было сказано всего двумя скупыми абзацами.

Чуть больше, три абзаца, заняло сообщение о ее смерти. Вооруженное нападение на деревню, жестокая бойня, в результате которой погибли все жители, включая женщин, детей и привезшую коробки с вакциной Еву. В другое время сообщение о смерти актрисы не вызвало бы у меня никаких подозрений. Но, учитывая нападение вампиров и рассказанную Вацлавом легенду, я засомневалась. Неожиданное увлечение Евы, востребованной актрисы и изнеженной богачки, благотворительностью, да еще в таких масштабах, когда весь прежний образ жизни приносится в жертву благой цели, прекрасно вписывалось в легенду о Серебряных Слезах и наводило на мысль, что Еве каким-то образом достался амулет ростовщика – Слеза Милосердия. Тогда и смерть Евы могла быть неслучайной.

Я отложила вырезку в сторону и медленно подняла глаза на Вацлава.

– Это то, о чем я думаю?

Он молча протянул мне другой лист бумаги с крупно распечатанной фотографией из статьи. Ева в бейсболке и джинсах в окружении ватаги ребятишек, на шее – цепочка с узкой прямоугольной подвеской. У ростовщика, кажется, была цепочка от часов? Что ж, в течение нескольких сотен лет она вполне могла бы быть переплавлена в кулон.

– Это – копеечное украшение из антикварной лавки, которое Ева купила в подарок своей домработнице, – пояснил Вацлав. – Они с Дином были в Греции, незадолго до ее сдвига на фоне благотворительности. По возвращении домой Ева почему-то оставила его себе. Это украшение было единственным, которое она носила в Африке, – подчеркнул он. – Все свои роскошные драгоценности она продала, а с этой подвеской не расставалась. Мы просмотрели все африканские фотографии и записи Евы – на всех кадрах, где ее шея

открыта, видно это украшение. Дин Джойс подтвердил, что во время их последней встречи на Еве была цепочка с греческой подвеской. Более того, он рассказал нашему агенту, представившемуся журналистом, что подарил ей тогда дорогое кольцо с бриллиантом. Надеялся, что оно будет обручальным. После того как Ева категорически отказалась с ним уехать, она хотела вернуть кольцо, но Дин настоял, чтобы оно осталось у нее, и обмолвился, что и ему было бы приятно, если бы она подарила ему какую-то вещицу на память. Ева развела руками – кроме одежды и часов, у нее личных вещей не было. Тогда Дин заметил подвеску, которую они когда-то купили вместе, и попросил в подарок ее. Но Ева повела себя странно: разволновалась, стала твердить, что это ее талисман. А когда Дин попробовал настоять на своем, Ева даже расплакалась. Ну, он, конечно, списал все на расшалившиеся нервы и поспешил покинуть свою чокнутую экс-невесту, но мы-то знаем, что эта подвеска значила для Евы Фиери.

– Это она, Серебряная Слеза? – с опаской вглядываясь в безыскусное украшение, развернувшее жизнь блестящей актрисы на сто восемьдесят градусов, спросила я.

Все, никаких украшений из серебра. Только золото, бриллианты и «Сваровски».

– Она, родимая, – подтвердил Вацлав.

– И где она сейчас?

– Пропала, разумеется. А ты думаешь, из-за чего перебили всю деревню?

– Я бы скорей поверила, что Еву убили из-за золотого кольца Дина Джойса, – протянула я.

– А вот и не угадала. Кольцо Дина Джойса стоимостью в двести тысяч долларов осталось при ней. А подвеска за шесть евро исчезла. Кольцо нашли в кармане джинсов Евы. Значит, ее не обыскивали. Если бы цепочку сорвали мародеры, они бы не погнушались и карманы проверить. Нет, нападавшим была нужна только подвеска.

– Но зачем было убивать Еву?

– Ты не поняла? Она отказалась подарить цепочку даже своему любимому мужчине. Ты думаешь, она бы отдала ее грабителям?

– Но можно же было ее украсть, – возразила я.

– Невозможно, – сухо отрезал вампир. – Ева сказала Дину, что это ее талисман. Вероятно, стоило ей снять подвеску, как ее начинали обуревать сомнения в выбранном пути, жители вызывали не участие, а раздражение, и у Евы возникало желание бросить все и вернуться к красивой жизни. Поэтому она носила украшение не снимая.

– Но зачем было убивать всю деревню? – потрясенно спросила я.

– Чтобы отвести подозрение от истинной причины нападения, – высказал предположение Вацлав. – Ведь все думают, что Ева погибла по случайности. А если бы убили одну Еву, сразу же налетели бы журналисты, стали бы искать причины и мотивы, в качестве первой выдвинули бы убийство с целью ограбления. Опросили бы всех местных жителей, те уж наверняка бы сообщили, что у Евы брать нечего и из украшений у нее – всего-то что цепочка с подвеской. А где цепочка? Пропала! Для тех, кто незнаком с легендой, это ни о чем не говорит, а кто-нибудь из наших непременно догадался бы об истинной цели. Мы бы затеяли свое расследование, а тому, кто задумал воссоздать чашу лорда, совсем ни к чему, чтобы мы прознали о его планах и раньше времени путались под ногами.

– Что ж вы, зная о легенде, так поздно догадались, почему голливудская звезда свалила в Африку и оборвала все контакты? – удивилась я. – Ева уехала туда два года назад!

Вацлав помрачнел и ссутулился: я задела его за больное.

– Наша вина, – признал он. – Мы привыкли обращать внимание на мелочи, а то, о чем кричали все газеты, проморгали. И только после смерти Евы догадались сопоставить факты и пришли к неутешительным выводам. Сейчас тот, кто собирает Слезы, действует уже не таясь. Уж если он решился на такое побоище ради Слезы Милосердия, значит, ему осталось немного для полного комплекта.

– И за этим стоит Жан, – протянула я.

– Прямых доказательств у нас нет. Но эти головорезы, которые на нас напали, часто работают на него.

– Но как Жан нашел нас? – поразилась я.

– Хотел бы я знать, – угрюмо ответил вампир. – Никто не знает о том, что мы с тобой здесь. Ни старейшины, ни мои люди. Возможно, кто-то из знакомых Жана, побывавших на курорте, видел способности Ди и, рассказав о них вампиру, натолкнул его на ту же мысль, что и Ильму. Возможно, Ильма оказалась болтливой, и он как-то прознал то, что она поведала мне. Я опередил его парней, но они были совсем рядом и выследили меня.

Вацлав задумался, и я поспешила задать вопрос, который не давал мне покоя:

– Вот объясни мне, что такого опасного в воссоединении Слез? Разве плохо, если к власти придет правитель, наделенный лучшими добродетелями? Каким бы подлым ни был сейчас Жан, чаша должна сделать его лучше, чище, добрее.

Глаза Вацлава сузились от гнева.

– Даже если этот подлец станет белым и пушистым кроликом, ты сможешь подчиняться ему, зная, что ради осколка, заключающего в себе милосердие, он перебил целую деревню?

– Думаю, бояться нечего, потому что ничего у него не выйдет, – убежденно заявила я. – За долгие годы Слезы могли расколоться на две или несколько частей, оплавиться в огне или осесть на дне моря. Жан никогда не соберет точную копию, а значит, и опасности никакой нет.

– В этом-то и заключается опасность, – угрюмо возразил Вацлав. – Когда Жан соединит Слезы вместе, пропорции добродетелей будут нарушены. Никто не знает, к чему это может привести. Возможно, у него ничего не выйдет, и Слезы просто потеряют свою силу, а возможно, чаша наделит его силой, способной подчинить себе всех нас, какая когда-то была у лорда. Ты представляешь себе, что будет? С его моральными качествами, стремлением к власти, тщеславием? И еще непонятно, как поведут себя Слезы. К тому же есть еще кое-что…

Я навострила ушки.

– Легенда говорит о существовании тринадцатого осколка, вобравшего в себя всю злость, ненависть и нетерпимость лорда к предателям, – поведал Вацлав. – Говорят, Тринадцатая Слеза обладает поистине разрушительной силой ненависти: она превращает в садистов даже самых кротких и добрых людей, а уж если попадает к злому человеку, тот становится настоящим зверем. По легенде именно эта Слеза положила начало инквизиции, и именно ей мы обязаны существованием самых кровожадных преступников в истории – Жиля де Реца, Лукреции Борджиа, Джека-потрошителя и многих других. Если это правда, – голос Вацлава едва заметно дрогнул, – то страшно подумать, что случится, попади она в руки Жана.

– Если уже не попала, – тихо сказала я.

Судя по молчанию Вацлава, ему эта мысль пришла в голову еще раньше.

– Зло всегда сильнее добра, что бы там ни говорили сказки, – произнес он. – И один этот осколок способен перевесить другие двенадцать добродетелей. Мы не можем так рисковать. Мы должны остановить Жана.

– Но разве отсутствие пары Слез его остановит? – с сомнением возразила я.

– Считается, что можно восстановить чашу, если собрать хотя бы по крупинке от каждой Слезы. Но без наличия всех компонентов чашу не создать.

Вацлав взял в ладонь подвеску-солнце.

– Ты сама видела, какова она в действии. Не будь ее у меня, я не продержался бы против тех троих больше пяти минут и не смог бы избежать большинства ударов. А уж эти гады, поверь, не церемонились. По своему виду она тянет на целую Слезу и по силе тоже. Без нее у Жана ничего не выйдет.

– Но он будет искать тебя, – с дрожью сказала я.

– Этого я не боюсь. Я готов бросить ему вызов. Меня страшит другое.

Я вопросительно взглянула на него.

– Он может использовать тебя против меня. А я дал Глебу слово, что не причиню тебе вреда. Вот задачка, правда? – Вампир криво усмехнулся.

– И как он может меня использовать? – запаниковала я.

– Голос крови, – пояснил Вацлав. – Жан имеет на тебя влияние. Он может попытаться управлять тобой.

– Я ему этого не позволю!

– Ты даже не заметишь этого. – Вампир покачал головой.

– Не ставь на мне крест, ладно? – разозлилась я.

– Скажи… – Вацлав пытливо посмотрел на меня. – Ты всегда была такой агрессивной?

Я осеклась, не понимая, на что он намекает.

– Жан уже оказал на тебя изрядное влияние. И чем больше ты злишься, тем ближе к нему становишься. Тем проще ему управлять тобой.

– Зачем же ты тогда взял меня с собой? – усмехнулась я. – Не боишься, что я придушу тебя ночью, а Слезу отвезу «папочке»?

– Опасности меня возбуждают. – Черные глаза вампира полыхнули огнем, и я так и не поняла, смеется он надо мной или говорит серьезно.

– В таком случае ты еще больший псих, чем я предполагала, – буркнула я в замешательстве.

Кажется, вампир счел это за комплимент.

Глава 13
СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ВАМПИР

Лично я не верю, что мужчины обладают дедукцией. Да, несомненно, аналитический ум у них есть, так написано в книге «Пол мозга», но дело в том, что написал эту книжку мужчина!

Катажина Грохоля. Никогда в жизни

Порою мне кажется, что мы все сошли с ума и что нас вылечит только смирительная рубашка.

Брэм Стокер. Дракула

По прилете в Москву Вацлав галантно проводил меня до дома, напоследок повторил свой наказ о неразглашении подробностей нашего вояжа и, пообещав передать привет Аристарху, умчался на встречу со старейшинами, которым он должен был передать на хранение Слезу Силы.

Войдя в квартиру, я замерла на пороге. В коридоре явственно ощущался аромат туалетной воды Глеба.

– Глеб! – прошептала я, не веря своим ноздрям, и завопила что было сил: – ГЛЕБ!!!

Не снимая обуви, я пронеслась по квартире, распахивая двери, раздвигая шторы. Даже под кровать заглянула, теша себя глупой надеждой, а потом без сил рухнула на постель, уже не сдерживая слез. После долгой поездки запахи родного дома ощущаются особенно остро. Глеб часто бывал у меня, аромат его «Давидофф» впитался в обивку дивана, в занавески, в полотенца в ванной, убеждала я себя. Но в памяти упорно всплывали страницы женских журналов, сообщая, что самые стойкие духи держатся не дольше двенадцати часов. А с тех пор, как Глеб был у меня последний раз, прошла почти неделя, и все запахи давно выветрились… Вентиляция, обреченно поняла я. Кто-то из соседей поклонник того же парфюма. Такова жестокая правда. Глеба здесь нет и быть не могло. Даже если бы Глеб нашел способ вернуться с того света, он не смог бы войти в квартиру. Вацлав вернул мне комплект его ключей, и сейчас они одиноко лежат в прихожей.

Усталость и апатия навалились на меня, придавив к постели, утащили в тревожный,

мутный сон, в котором я искала Глеба на улицах Москвы, и в последний момент он ускользал от меня, оставляя лишь дразнящий аромат «Давидофф».

Проснулась я от дневного света. Кубарем скатилась с кровати, задвинула шторы, с удивлением отметила, что одета и обута. Прошла в прихожую, сняла сапоги, ужаснулась траурным овалам вокруг глаз – водостойкая тушь, смешавшись со слезами, легла черными кругами. С головой погрузившись в ванну, смыла с кожи и волос соленый морской воздух и пыль дальних странствий. Чтобы окончательно проснуться и разбудить мозги, запила завалявшийся в холодильнике глазированный сырок донорской кровью. Сегодня мне нужна ясная голова: предстоит заново проштудировать стопку материалов по делу неуловимого убийцы.

Но сначала я позвонила бабушке, чтобы предупредить, что приехала из «подмосковного санатория». Бабуля деликатно справилась о моем самочувствии и настроении, похвалилась, что уже вернулась в свою квартиру и она стала еще краше, чем была.

– Так что, Жанночка, что ни делается, все к лучшему! – оптимистично заключила она. – Я теперь Василию даже благодарна. Ты заходи ко мне, посмотришь, как я теперь живу!

Пообещав бабушке навестить ее в ближайшее время, я распрощалась и с головой погрузилась в бумаги.

Перечитав протоколы с места преступления, ничего нового не узнала. Как я и предполагала, в них не содержалось никаких указаний на марки одежды и аксессуаров, которые принадлежали убитым. Иначе я обязательно обратила бы на них внимание еще при первом прочтении. Сейчас меня больше интересовали фотографии жертв. Я детально изучила каждое изображение, но по уменьшенным отпечаткам было сложно судить о качестве вещей. Мне необходимо было подержать их в руках. Или расспросить хороших знакомых убитых на предмет отношения жертв к подделкам. Личные вещи, как я осторожно успела выпытать у Вацлава в самолете, до окончания расследования хранились в штабе Гончих. Вампир обещал показать мне их на днях. Свою невероятную версию я ему раскрывать пока не стала, сказала просто, что появились кое-какие идеи. Судя по осуждающему взгляду, Вацлав подумал, что у меня совсем съехала крыша на почве моды. Может, он прав? Тем более, из моей стройной версии категорически выпадал признанный модник Марк Шальнов. Непостижимо было уличить этого франта, бывшего к тому же лицом солидной часовой фирмы, в любви к фейку.

А пока, хорошенько отоспавшись днем, с наступлением темноты я решила позвонить Аристарху и напомнить о его обещании помочь мне с расследованием. Вампир мне искренне обрадовался, но с сожалением ответил, что сегодня последний день сдачи нового номера, а работы еще хватает. Пообещав встретиться со мной завтра, он отключился. Тогда я вспомнила о Светлане. Она вводила меня в курс вампирского быта. Правда, половина из сказанного оказалось ложью с целью запудрить мне мозги, ну да ладно, я не в обиде. Зато вампирша пользуется доверием старейшин – значит, и я могу доверять ей чуть больше, чем остальным. Хотя, конечно, исключать ее из списка подозреваемых раньше времени не стоит. К тому же она хорошо знает других персонажей тусовки, особенно новеньких. От Вацлава я узнала, что талант Ланы – в умении расположить к себе любого (то-то я сразу распахнула перед ней дверь во время первой встречи!). Ей часто поручают обработать кандидатов в вампиры, заинтересовавших старейшин, и осечек обычно не случается. Почти все после разговора с милой обаяшкой с готовностью подставляют свои вены и пополняют ряды кровопийц.

Мы договорились о встрече в одном из наших рыбных ресторанов «Веселый Dr.Акула». Я опоздала минут на пятнадцать и не сразу узнала обычно жизнерадостную и веселую Светлану в осунувшейся девушке с глубокими тенями под глазами, уже ждавшей меня за столиком.

– Привет, – еле-еле улыбнулась она, подняв на меня потухшие глаза, которые, казалось, вобрали в себя весь пепел погибших Помпеи. – Отлично выглядишь.

– Спасибо, – смущенно пробормотала я.

После событий последних суток и девятичасового перелета зеркало в прихожей отобразило персонаж из фильма ужасов – с восковой кожей, серыми губами и воспаленными глазами. Но стоило выпить двойную порцию донорской крови, и отражение чудесным образом преобразилось, как после курса антистрессовых косметических процедур. На бледных щеках заиграл румянец, личико посвежело и засияло, порозовели губы. А вот Лана выглядит так, как будто обходилась без крови еще дольше.

– Ты что, на диете? – вырвалось у меня.

– Ужасно выгляжу, да? – Вампирша слабо улыбнулась, отпивая из трубочки морковный сок.

– Вообще-то не очень, – не стала кривить душой я.

– Не испорчу тебе аппетит своим болезненным видом? – Лана кивнула на меню, которое принес учтивый официант.

– Я голодна, как слон в посудной лавке! – успокоила ее я. – Составишь мне компанию?

– Нет аппетита. – Она покачала головой, помешивая трубочкой в бокале с соком.

– Может, тебе стоит заказать что-нибудь… более питательное? – участливо посоветовала я.

Светлана как-то странно посмотрела на меня, и я смешалась.

– Извини, что вытащила тебя. Наверное, сейчас не лучшее время.

– Да, сейчас далеко не лучшее время, – слабо отозвалась вампирша. – Но я даже рада твоему звонку. Мне надо было развеяться… Как продвигается расследование?

Я вздрогнула: как быстро разносятся новости! Интересно, уже многие знают, что я ищу убийцу?

– Пока никак, – почти не покривила душой я. – Но именно поэтому я здесь.

– Буду рада помочь, если смогу. О чем ты хотела поговорить?

Я замялась. Надо расспросить Лану так, чтобы она не посмеялась над моими вопросами. И при этом чтобы ничего не заподозрила о моих догадках.

– То, что я хочу знать, может показаться чепухой, но это очень важно… – Я решила начать издалека.

– Речь пойдет об одежде? – с насмешкой перебила меня Светлана.

– Как ты догадалась? – удивилась я.

– Просто я тебя уже немножко знаю.

– А других ты знаешь хорошо? – оживилась я.

– Кого, например?

– Никого конкретно. Но в общей массе?

– Я в Москве уже восемь лет. Скоро пора будет подумать о плановом переезде. А пока можно сказать, что я достаточно хорошо изучила нашу компанию. Что конкретно тебя интересует?

– Среди нас есть такие, кто очень щепетильно относится к одежде и дизайнерским вещам? – закинула удочку я.

– Да почти все, – не скрывая пренебрежения, ответила вампирша.

– А много среди них тех, кто не признает подделок?

– Тоже сколько угодно, – «обнадежила» меня собеседница.

– Например?

– Да хоть тот же Филипп – он никогда не упускал случая подтрунить над Индирой и ее новой самопальной сумочкой, – припомнила Лана. – А у самого фальшивый «ролекс» был.

Надо же какая осведомленность! А по Светлане и не скажешь, что она настоящие часы от подделки может отличить.

– А ты откуда знаешь? – напряглась я.

– Да Аристарх как-то его на место поставил, – рассеянно призналась вампирша. – Уж он-то в этом хорошо разбирается и дизайнерскую вещь от фальшивки всегда отличит. У самого часы за сто тысяч евро, а у Филиппа была подделка, хотя и довольно сносная – за две

штуки долларов. Но Аристарх-то его раскусил и Филиппу тогда при всех заявил, что подделки – спутники неудачника. Филипп попробовал возразить, что это элитная копия. А Аристарх расхохотался и сказал, что носить фальшивки, хоть и элитные, все равно что признаться всему свету в том, что ты дешевка. И что те, кто носит фальшивки, недостойны называться вампирами. Я похолодела. От «недостойны» до «заслуживают смерти» – рукой подать. Нет, только не Аристарх!

– Вот кто настоящий пижон, – с неодобрением добавила Лана. – Часами готов трепаться про новые коллекции мировых модельеров, рассказывать о своем личном знакомстве с дизайнерами и обращать окружающих в свою религию – поклонение моде. У него даже шнурки от Прада и трусы от Кельвина Кляйна.

– Про трусы-то ты откуда знаешь? – поразилась я. Неужто и у Светланы с Аристархом что-то было?

– Слышала, как Нэнси в туалете подружке восторженно рассказывала, – усмехнулась вампирша. – Ах, мой Аристарх, такой мужчина до кончиков ногтей! – передразнила она жеманную манеру речи погибшей модели и возмущенно добавила от себя: – Нет, ну разве это нормальный мужик, а?

Я ощутимо вздрогнула. Неужели Аристарх ненормальный настолько, что способен убить девять человек, включая парня своей внучки, ради торжества вкуса?

– Извини, – поправилась Светлана, заметив выражение моего лица, – никак не могу свыкнуться с тем, что он твой дед. Впрочем, как раз ничего удивительного. Похоже, любовь к дизайнерским шмоткам тебе передалась генетически.

– Свет, – хрипло спросила я, позабыв об осторожности, – а Аристарх поцапался с Филиппом задолго до его гибели?

Вампирша на мгновение задумалась.

– Примерно за неделю до.

– И это не показалось никому странным?

– Что Аристарх поцапался с Филиппом? – удивилась она. – Да мы уже привыкли, что он подкалывает его с тех пор, как Беата с ним стала встречаться.

– Та самая? – поперхнулась я, вспомнив имя одной из жертв. Красавица-блондинка, владелица стриптиз-клуба, бывшая балерина Мариинки и танцовщица в «Мулен Руж». Одна из самых старых жертв убийцы. Ее биологический возраст замер на отметке «девятнадцать», тогда как реально ей перевалило уже за сотню.

– Да, – с грустью кивнула вампирша. – Бедняжка Беата…

– У Аристарха был роман с ней?

Вот это новость! Почему Аристарх об этом и словом не обмолвился? Может, опасался, что мне будет неприятно слушать о его прошлой пассии из-за бабушки?

– Еще давно, когда они оба жили в Шотландии, – подтвердила Светлана.

– Так уже сорок лет прошло? – растерянно спросила я, припомнив подробности биографии Аристарха.

– Где-то так, – кивнула менее осведомленная вампирша.

– И у них это было серьезно? – спросила я, не зная что и думать.

Мог ли Аристарх убить свою экс-любовницу из ревности? Спустя десятилетия после разрыва, спустя десятки новых романов? Возможно, ведь у убийцы расстроена психика. Мог ли он убить некогда любимую ради обладания подделкой? С учетом того, что рассказала Светлана? Ну пожалуйста, только не Аристарх! Только не мой дед!

– А у Аристарха может быть серьезно? – усмехнулась Лана. – Впрочем, учитывая его постоянное подшучивание над Филиппом, возможно, он испытывал что-то вроде ревности. Или, что более вероятно, делал вид.

– Он переживал из-за смерти Беаты?

– Не видела, чтобы он рыдал, – призналась вампирша. – Но, надо думать, переживал. Как все мы.

– А какие отношения были у него с другими жертвами?

– Да никакие. Он с ними и не знался. А почему тебя это интересует?

– Хотела, чтобы он помог мне с расследованием, – вывернулась я, – рассказал подробнее про характеры и привычки погибших. Но раз он с ними дружбы не водил, получается, и рассчитывать на него не стоит.

– Тогда, может, я пригожусь? – неожиданно оживилась Светлана и с ненавистью добавила: – Скорей бы уж поймали этого отморозка!

Вампирша взглянула на меня и запнулась. Чего уж там: и без слов понятно, что на мои дедуктивные способности она и не надеется. Но все-таки готова дать мне малюсенький шанс.

– Лан, – я облизнула губы, – ты боишься?

– Боюсь? – Вампирша удивленно моргнула. – Ты имеешь в виду мою так называемую жизнь? – дошло до нее. – Вот еще!

Я растерянно промолчала. В чем же тогда причина Светланиной ненависти к убийце? Если это не страх за свою жизнь, тогда это может быть только тот же мотив, что и у меня.

– Лан, среди погибших был кто-то из твоих близких?

Возможно, вампирша убивается из-за подруги, но что-то мне подсказывает, что тут замешан мужчина. Я перебрала в уме всех жертв – у Филиппа был роман с Беатой, да и Светлана отзывается о нем без особой теплоты. Остаются Марк и…

Я подняла глаза на еще больше побледневшую вампиршу.

– Мы встречались одно время, – глухо пробормотала она. – Это было лучшее, что случилось со мной в жизни. Мы даже мечтали пожениться…

«С кем?» – не терпелось узнать мне.

– Он тебе не говорил? – Вампирша несмело взглянула на меня.

Как кто-то из них мог мне об этом говорить, когда они все умерли еще до моего появления? Если только… Ой нет! И этот убитый вид, и тени под глазами, и отсутствие аппетита…

– Глеб, – едва слышно прошелестела Лана и, отметив мое потрясение, расстроенно заметила: – Ну конечно, он тебе не говорил… Он не любит рассказывать о прошлых романах. Единственная, кто прочно обосновалась в его памяти, это несравненная Ванда, – с горечью сказала она. – А эта стерва даже на похороны не приехала!

– Прости… Я ничего не знала, – ошеломленно пробормотала я.

Светлана успокаивающе махнула рукой, чуть не опрокинув пустой бокал из-под сока.

– Нет-нет, тебе не за что извиняться. Ты его у меня не уводила. Уже пять лет прошло, как мы расстались. За это время у него уже было столько… Извини, – запнулась она.

– Ничего, – с убитым видом пробормотала я.

Знала же, что Глеб не отличался постоянством. Но почему-то все равно неприятно чувствовать себя одной из длинного списка. Нет, не одной. А последней. Но не потому, что этого захотел он, а потому, что так рассудила смерть…

– Так что ты хочешь знать? – бесцветным голосом спросила Светлана. – Я сама голову сломала, все думала, что может объединять Глеба, Беату, Филиппа и остальных… Они такие разные!

– Расскажи мне о каждом, – попросила я. – Быть может, это натолкнет на какие-то мысли.

Аристарх ждал меня в ресторане на следующий вечер. Сначала он галантно предложил заехать за мной. Но, напуганная откровениями Светланы, я побоялась оставаться с ним наедине и предпочла встретиться при большом скоплении свидетелей.

Сейчас его желание содействовать следствию приняло совершенно иной подтекст, и я чувствовала, что балансирую на краю пропасти, когда позвала его на встречу.

Мой молодой дед появился в ресторане, тут же приковав к себе внимание всей женской половины. Еще бы – стильный, как манекен, неотразимый, как голливудский идол, и благоухающий парфюмом, как денди. При виде меня он просиял так, что я на мгновение пожалела о том, что нас связывают родственные чувства. Никогда ни один из моих кавалеров

так не радовался встрече со мной.

Обменявшись вежливыми приветствиями и сделав заказ, Аристарх сразу перешел к делу:

– Так что ты хочешь знать?

– Расскажи мне о каждом из погибших, – стараясь не выдать волнения, попросила я. – Что они любили, с кем дружили, любые мелочи… Я же о них ничего не знаю. Все, что у меня есть, – это сухие протоколы. Где родились, когда стали вампирами, где жили, кем работали. Но это мне не говорит ни о чем, мне нужны подробности их жизни.

– Расскажу, что знаю про Беату, – пообещал Аристарх. – У нас с ней когда-то был роман, я не упоминал?

– Нет, – выдохнула я с облегчением.

– Вот и сказал. Так что Беату я более-менее знаю. А вот с другими не думаю, что смогу быть тебе полезен. Ни с кем из них мы особенно не дружили, так – виделись время от времени.

– Почему? – вырвалось у меня.

– Потому что мы одна тусовка, – удивился Аристарх. – У нас общие праздники, общие собрания, общие мероприятия.

– Нет, – я нетерпеливо мотнула головой, – почему ты ни с кем из них не дружил?

Аристарх неопределенно пожал плечами.

– У нас не было общих интересов. Это был не мой круг.

Хорошо, что я не поскупилась на румяна, а то непременно побледнела бы. Слова Светланы подтверждались. Аристарх не скрывал своего пренебрежительного отношения к жертвам.

– Что значит – не твой круг? – осмелилась уточнить я.

– Знаешь, положение старейшины накладывает отпечаток на общение с людьми, – усмехнулся Аристарх. – Меня все уважают, но мало кто может себе позволить расслабиться в моем присутствии и по-дружески потрепать меня по плечу.

– Это зависит от тебя, – возразила я. – Ты сам бы мог сделать шаг навстречу.

– Мог бы, – согласился вампир. – Но не хотел.

– Почему? – не отставала я.

– Потому что не хотел, – повторил Аристарх. – Ты знаешь, сколько людей я перевидал за эти годы? Чем дольше живешь, тем больше устаешь от общения и тем сложнее обзаводиться новыми приятелями.

– Тогда расскажи про старую подругу, – ухватилась за его слова я, обдумывая тем временем, как бы, не вызывая подозрений, расспросить Аристарха о модных предпочтениях жертв.

Аристарх знал о Беате больше, чем Светлана. Он рассказал о ее карьере в Мариинке, об увлечении богемной публикой со времен «Бродячей собаки», о жизни за границей, о ее депрессиях, от последней из которых ее спас роман с Филиппом.

– Ты ревновал ее к нему? – осторожно спросила я.

– К этому паяцу? – Аристарх выглядел искренне удивленным. – Нет, конечно! Если бы я хотел возобновить наши отношения, Филипп не был бы мне конкурентом.

– А ты не хотел? – придирчиво уточнила я.

– Это в прошлом.

– Но ты все время подтрунивал над ним, – напомнила я.

– Это у нас в крови, внученька, забыла? – насмешливо улыбнулся Аристарх.

– Но ты не одобрял выбора Беаты, – утвердительно произнесла я.

– Не спорю, – не стал отрицать Аристарх. – Беата была достойна лучшего.

– Чем же был так плох Филипп? – с напускным равнодушием спросила я.

– А чем он был хорош? – возразил в ответ Аристарх.

– Я его не знала, – напомнила я. – И судить не могу. – Я мгновение помедлила и добавила: – Мне рассказывали, что вы повздорили из-за подделок…

– Было дело, – не стал увиливать вампир.

– Ты осуждал его?

– Почему осуждал? Я осуждал и осуждаю, – с насмешкой поправил меня Аристарх. – Не только Филиппа, но всех, кто выставляет себя на посмешище, покупая поделки китайцев и турок.

– Но ведь есть дорогие подделки, – возразила я. – Говорят, у Филиппа была хорошая копия часов.

Аристарх скривился.

– Копия! Довольно дорогая для подделки и все же фальшивка. – Он с негодованием взглянул на меня. – Надеюсь, ты не грешишь любовью к показной роскоши, которая на деле оказывается дурной имитацией?

– А что? – с вызовом спросила я. – Если это так, ты прилюдно от меня откажешься и порвешь со мной все отношения?

– Нет, конечно. – Он притворно нахмурил брови. – Но придется тебя перевоспитывать и учить хорошему вкусу. А для начала отправить в ссылку на Неделю моды в Милан.

Хороша ссылка, мечтательно подумала я, но нашла в себе силы продолжить расспросы:

– Что же ты Филиппа не научил, вместо того чтоб над ним насмехаться?

– Филипп был неисправим, – жестко отрезал Аристарх. – Он любил пускать пыль в глаза, но не считал нужным тратиться на качественные вещи. Он даже Беату испортил своим тлетворным влиянием.

Я чуть на стуле не подпрыгнула.

– Как? – только и смогла вымолвить я.

– После встречи с ним в ее гардеробе появилось несколько подделок, – с негодованием сообщил вампир. – Я попенял ей на отсутствие вкуса, а она посмеялась над моей щепетильностью. Заявила, что итальянская копия сумки «Валентине» ничуть не хуже оригинала, а на сэкономленные деньги можно неделю провести на Итальянской Ривьере. Представляешь мое негодование? – Аристарх уставился на меня в поисках поддержки.

– Да-да, – поспешно закивала я. – Это просто недопустимо! В человеке все должно быть прекрасно: и одежда, и туфли, и особенно сумка «Валентино»!

– Моя кровь, – потеплел Аристарх. – А вот Беата меня так разочаровала – слов нет. А ведь раньше она разделяла мои убеждения о недопустимости подделок!

– Ты из-за этого не хотел возобновлять с ней отношения?

Аристарх как-то странно посмотрел на меня и в сердцах спросил:

– Да при чем тут наши отношения?

– Ни при чем, извини. Я слишком любопытная, – поспешно ответила я.

Переждав вспышку гнева и дождавшись, пока Аристарх залпом осушил бокал вина, я, пытаясь казаться спокойной, спросила:

– А почему же ты тогда вступился за Индиру?

– Да потому что этот лицемер Филипп смеялся над ней, а сам носил фальшивый «ролекс»! – презрительно фыркнул вампир. – Ну ладно Индира, ее я понять могу. Девочка выросла в бедной семье, кроме нее было еще десять детей. О модной одежде там и речи не было, Индира рассказывала, что они часто голодали… Она и со временем не научилась много тратить на одежду. Могла она себе купить настоящую сумку «Биркин»? Могла. И не одну. Но Индира считала это неоправданным расточительством. Она была очень бережливой и предпочитала купить подделку, а разницу в цене с оригиналом, которая порой доходила до пяти тысяч долларов, отправить своим нуждающимся родственникам в Индию. Такая позиция достойна уважения. Хотя увлечения подделками я и не одобряю, – категорично подчеркнул он. – Но этот ханжа Златовратский из совсем другого теста. Ему тоже было жаль тратить деньги на бренды, имитацию которых можно купить порой в десятки раз дешевле. Но экономил он отнюдь не из любви к близким и не ради благотворительности.

– А ради чего? – заинтересовалась я.

– Он был помешан на антиквариате. Вот за какую-нибудь трухлявую тумбочку или

громоздкий комод он был готов выложить любые деньги. Над каждой почерневшей дощечкой или поблекшей фарфоровой безделушкой он трясся, как Кощей над златом. Сдается мне, он и Беатой увлекся потому, что ей перевалило за сотню лет, – криво усмехнулся он.

– Странно, ведь Филипп был молодым вампиром, – удивилась я. – Я бы могла понять страсть к вещам, напоминающим о детстве и юности, той же Беаты. Но Филипп был всего на десять лет старше меня – откуда у него любовь к старине?

– Комплекс юного вампира, – насмешливо обронил Аристарх. – Ты уже слышала о кризисе семидесяти пяти лет, когда наши впадают в депрессию по поводу несоответствия реального возраста и внешнего вида? Из-за отсутствия толпы внуков и правнуков и прочей чепухи?

Вопреки тону я поняла, что это чувство Аристарху было знакомо не понаслышке. Ведь ему уже стукнуло восемьдесят. Недаром он так обрадовался, узнав о существовании сына и нашем с ним родстве.

– А ведь есть еще комплекс молодого вампира, – продолжил он. – Знаешь, каким зеленым юнцом себя чувствуешь, когда тебя окружают люди старше тебя на пятьдесят, а то и на сто пятьдесят лет?

– Догадываюсь, – пробормотала я.

– Ну конечно, о чем это я! – Аристарх со смехом хлопнул себя по лбу. – Ты сейчас тоже в этом состоянии. Только ты не пытаешься казаться старше, чем ты есть. А Филипп просто помешался на древностях – ему казалось, что, окружив себя предметами старины, он сам станет древнее и мудрее. Он запоем читал книги по истории и культуре и потом по делу и без дела бахвалился своими познаниями в разговоре, в надежде произвести впечатление на современников этих событий. Он часами мог бродить по антикварным лавкам и захламлял свою квартиру ветошью. Кстати, ему часто всучивали подделки и там. Не раз Филипп попадал в глупые ситуации, когда приглашал к себе гостей и хвастался своей коллекцией старины, а кто-нибудь из гостей, ровесников экспоната, возьмет да опровергнет подлинность или возраст предмета.

– Какая трагедия! – посочувствовала я. Ведь это то же самое, что отвалить кучу денег за сумочку «Прада» в незнакомом бутике, а потом обнаружить, что тебе впарили кустарную подделку.

– О, ты даже не представляешь себе какая! – с сарказмом отозвался Аристарх. – Переживал он страшно. Но на ошибках не учился – продолжал тащить в дом всякую дрянь. Он даже говорил с налетом старины! Знаешь, некоторые столетние вампиры впадают в крайность, начиная изъясняться на языке молодежи – только и слышишь от них «отпад», «проехали», «рулез», «зажигалово»! Им кажется, что так они идут в ногу со временем. А Филипп, наоборот, только и сыпал устаревшими словечками. Представляешь, одно время он даже говорил так: «позвольте-с!», «благодарствую-с!», «однако-с!», к женщинам обращался «барышня» и «сударыня». Новички по неведению смотрели на него с почтением – думали, что он ровесник Пушкина и видел войну тысяча восемьсот двенадцатого года. А старшие вампиры над ним вовсю потешались. Одно время он даже увлекся винтажем в одежде – скупал на блошиных рынках ветошь и щеголял в «старинках». Нафталином несло – за версту!

Не сдержавшись, я тихонько фыркнула.

– И ты считаешь, я мог дружить с этим клоуном? – спросил Аристарх.

– А что, у вас много общего, – поддела его я.

Аристарх негодующе вздернул брови.

– Вы оба одержимы своими маниями, – пояснила свою мысль я. – Он – манией старины, ты – манией моды.

– Уж кто бы говорил! – сыронизировал вампир.

– А я что? – смутилась я. – Это все гены!

– Ну конечно, что же еще, – насмешливо кивнул Аристарх, расслабленно откидываясь

на спинку стула.

Настало самое время застать его врасплох.

– Аристарх, а где ты был в ночь, когда убили Глеба?

Вампир подскочил на стуле, как лопнувшая пружинка, и изменился в лице.

– Я звонила, но твой мобильный был отключен, – наугад сказала я и по изменившемуся выражению лица Аристарха поняла, что попала в точку.

– Ты мне звонила? – напряженно переспросил он. – Зачем?

– Мы поругались, Глеб ушел, мне было одиноко. Родители и бабушка в такое время уже спят. И тут я вспомнила, что у меня есть еще и дед, который бодрствует по ночам и всегда рад поддержать свою внучку, – наплела я.

– Извини, мне очень жаль, что ты не смогла дозвониться. Наверное, у меня села трубка. – Вампир натянуто улыбнулся.

Мне хотелось выть от безысходности. Я чувствовала, что Аристарх врет. И понимала, что у него были и мотивы для убийства, и возможности. Любой из убитых без всяких подозрений подпустил бы к себе старейшину. А Беата, должно быть, еще и обрадовалась приходу старого друга…

– Да ничего. – Я нашла в себе силы улыбнуться. – Не знаешь, у нас ничего интересного в ближайшие ночи не намечается? Хочется развеяться, а то так тоскливо одной…

– Послезавтра вечеринка в честь дня рождения Инессы, – живо откликнулся Аристарх, обрадовавшись возможности сменить опасную тему. – Должно быть весело. Пойдем вместе?

Значит, соблюдать траур по погибшим товарищам у вампиров не принято. Хотя о чем я? После смерти Мэй, о которой меня заставили забыть, вечеринки следовали одна за другой. Вампиры как будто специально окунались в веселье, стараясь не думать ни о смерти друзей, ни об опасности, которая грозила любому из них.

– Меня вроде не приглашали, – замялась я в ответ на предложение.

– Да брось! Ты нравишься Инессе. Она тебя не пригласила только потому, что тебя не было в городе. Так что, составишь мне компанию? – Голос его чуть заметно дрогнул, и я взглянула на Аристарха с сочувствием.

Мы оба почти одновременно сделались одиноки и потеряли свою пару. Вот только если за убийствами стоит мой дед, ситуация достойна античной трагедии. Он косвенно виноват в смерти Нэнси, копировавшей почерк убийцы, и прямо – в гибели Глеба. Поверить в это я никак не могла. Но червячок сомнения требовал: это надо проверить. А для проверки нужно оказаться с Аристархом на одной шумной вечеринке и спровоцировать его бросающейся в глаза подделкой.

– Конечно, – кивнула я и запоздало поинтересовалась: – А сколько лет стукнет имениннице?

– Сто двадцать пять. – Аристарх мгновение помедлил и тихо добавил: – Она чуть старше Беаты.

Моя безумная версия подтвердилась. Королева красоты Индира в день убийства была с копией сумочки «Луи Виттон». Рядом с актером Марком Шальновым нашли поддельные солнцезащитные очки с логотипом Moschino, никак не вязавшиеся с его отточенным до детали имиджем, дорогим костюмом и туфлями из крокодиловой кожи. То ли очки были подарком и Марк не заметил их вторичности, то ли подделку всучили в магазине под видом оригинала. В таком случае каким же фанатом моды должен быть убийца, чтобы распознать копию с первого взгляда!

Бывшая стриптизерша Беата поплатилась жизнью за туфельки по модели «Маноло Бланик», состряпанные ушлыми итальянцами, а ее любовник Филипп – за левые швейцарские часы. На вирусологе Виктории в ночь убийства был надет платок, имитация марки «Эрмес». Художница Эльза носила тунику, пошитую по модели «Хлое». У целительницы Софии была копия кольца от Тиффани, а у циркачки Мэй – поддельная заколка «Картье», – неспроста «бриллианты» и «гранаты» треснули, как стекло, когда я

наступила на них. А у моего Глеба были паленые джинсы «Дольче и Габбана».

Настало время сообщить о своих находках Вацлаву. Вот только о подозрениях насчет Аристарха я решила пока умолчать.

Вацлав был весьма раздраженным, когда я ему позвонила, и сразу заявил, что я не вовремя.

– У меня появилась информация по убийствам, – на одном дыхании выпалила я. – Я знаю, что объединяет жертв.

– Надеюсь, ты не шутишь, – после паузы отозвался вампир.

– Честно-честно! – торопливо воскликнула я.

– Хорошо, я приеду. Смогу быть у тебя минут через двадцать. Позвоню, как подъеду, и спустишься вниз. Поговорим в машине, хорошо? У меня очень мало времени.

– Конечно, – согласилась я.

Через двадцать две минуты я запрыгнула в салон его «форда». Вацлав выглядел постаревшим лет на десять и смертельно усталым: не самое удачное расположение духа для того, чтобы сообщить ему о своей гламурной версии. Но в деле с маньяком счет идет на минуты. Чем раньше Вацлав узнает о мотивах убийцы, тем больше вероятность, что мы сможем спасти очередную жертву.

– Неудачный день? – сочувствующе начала я.

– Давай сразу к делу, – резко ответил вампир.

– Хорошо. Только не критикуй сразу мою версию, – трепеща, предупредила я. – Помни, что мы имеем дело с маньяком с извращенным сознанием.

Вацлав нетерпеливо махнул рукой:

– Говори уже!

– Я проверила вещи, которые были на убитых в тот день, когда… – начала было я, но, заметив, как скривился вампир, быстро перешла к выводам: – В общем, у каждого из них была подделка вещи известной марки. У Беаты туфли, у Софии – кольцо, у Мэй – заколка, – стала перечислять я, но Вацлав с негодованием оборвал меня:

– Жанна, я, конечно, понимаю, что ты помешана на шмотках и лейблах, но речь идет об убийствах! Ты понимаешь, об убийствах! – гневно подчеркнул он. – Брось свои шутки.

– Какие уж тут шутки, – сердито возразила я. – Девять трупов!

– Это бред, – категорично возразил вампир. – Из-за таких пустяков не убивают.

– Но ведь убивают же из-за таких пустяков, как цвет волос или чулок! – не сдавалась я. – А если это псих, который помешался на моде и на исключительности вампиров? И таким образом отсеивает тех, кто порочит наши ряды?

– Ты носишь подделки? – пытливо взглянул на меня Вацлав.

– В смысле? – оскорбилась я.

– Спрашиваю конкретно: в тот день, когда произошло первое нападение, к которому не имела отношения Нэнси, на тебе была подделка? – раздраженно уточнил он.

– Нет, ничего такого.

– Тогда твоя версия коту под хвост, – в сердцах бросил вампир. – Только время с тобой потерял.

– На мою версию это никак не влияет, – отмахнулась я. – Это лишь говорит о том, что записку писал не маньяк.

– И напал на тебя не он? Это уже смешно. Нэнси имитировала почерк убийцы, до нее еще кто-то решил прикинуться маньяком…

– Почему бы и нет? – угрюмо возразила я.

– Жанна, мне сейчас не до глупостей! – рявкнул Вацлав и, перегнувшись через меня, толкнул дверь, намекая на то, чтобы я выматывалась из машины. – Поговорим позже.

Я стояла по колено в снегу, глядя, как в последний раз мигнули, прежде чем исчезнуть за углом, огни «форда», и хватала ртом морозный воздух. Даже слушать меня не стал! Вот, значит, как? Поговорим позже?! Ну ладно!

Я со всей силы топнула сапожком, подняв в воздух облачко выпавшего за день снега. Я

сама поймаю убийцу и приведу его к Вацлаву с повинной. Невыносимый вампир тогда станет кусать локти, что подверг меня такой чудовищной опасности своим недоверием! А я еще подумаю, говорить с ним после этого или нет!

Решено!

Глава 14
КАСТИНГ НА РОЛЬ ДРАКУЛЫ

А самое главное, никогда нельзя идти на вечер без ясной цели. Если ты собираешься «общаться», то надо таким образом расширить свои связи, чтобы улучшить карьеру, наладить отношения с нужными людьми, просто «застолбить» хорошую сделку. Я поняла, в чем была раньше моя ошибка: я ходила на общественные мероприятия, вооруженная одной-единственной целью – не слишком напиваться.

Хелен Филдинг. Дневник Бриджит Джонс

Я люблю красоту, но иногда красивая снаружи вещь скрывает внутри мерзость и зло.

Джордж Мартин. Грезы Февра

Сумка просто вопила своим видом, что она – подделка. Она была одета в лаковый кожзаменитель красного цвета и украшена броским золотым жетоном «Луи Виттон». Наживку для маньяка-эстета я заказала через интернет-магазин, торговавший «точными копиями оригинала», и, когда курьер вручил мне покупку, я не могла скрыть своей радости. Благодаря яркому цвету она будет заметна даже в темноте, а при ближайшем рассмотрении в глаза бросятся неровные строчки и все прочие погрешности имитации. Я рассчитывала, что на маньяка вульгарная подделка подействует, как красная тряпка на быка. Если он не набросится на меня сегодня ночью, значит, Вацлав прав и моя модная версия никуда не годится.

На тот случай, если подтвердятся мои подозрения насчет Аристарха, я взяла с собой фотографию молодой бабушки и маленького папы. Ту самую, с яблоней, копию которой выпросил тогда Аристарх. Если вдруг дед потеряет над собой контроль, я надеялась, что фотография послужит мне защитой и отрезвит его, а любовь к бабушке и родным пересилит маниакальную страсть к моде. На случай, если убийцей окажется кто-то другой, я захватила газовый баллончик.

Памятуя о том, что убийца приближался к своим жертвам свободно, не внушая им подозрений, и делал смертельный укол совершенно неожиданно, не встречая сопротивления, я серьезно подумывала о том, чтобы надеть под свободную тунику бронежилет или тонкую кольчугу. К сожалению, у жилета не было бронированных рукавов и плечи с руками оставались совершенно беззащитными, а привычки делать инъекции в сердце или в живот убийца не имел. Кольчуги же были не в моде и не продавались в магазинах, а грабить Исторический музей уже нет времени. Придется рисковать.

Я страшно злилась на Вацлава, оставившего меня без поддержки в такой ответственный момент, и все же страстно желала утереть ему нос, поймав убийцу с поличным. У меня было два козыря: во-первых, злодей не догадывался о том, что мне известно о его мотивах, во-вторых, я могла предугадать поведение маньяка по прошлым преступлениям. Он никогда не нападал на жертву в толпе и находил способ остаться с ней наедине. Так что я была настроена оптимистично: как только кто-то станет искать со мной беседы тет-а-тет, я сразу буду начеку. Если же подобных предложений не поступит, придется прогуляться в одиночестве за пределы ресторана, выманив преступника наружу. Окрестности «Подземелья», в котором было запланировано торжество в честь Инессы, как

нельзя лучше подходили для деяний убийцы. А уж в том, что мне удастся скрутить маньяка в бараний рог, я не сомневалась ни секунды. Достаточно было вспомнить растерзанное тело французского вампира в тайском бунгало. Проблема только в том, чтобы сохранить контроль и взять убийцу живым. Непростая задача, с учетом того что виновника гибели Глеба я готова разорвать голыми руками.

Я покрутила в руках газовый баллончик и отправила его в сумку для подстраховки. Вдруг не удастся разбудить в себе зверя, тогда перцовый спрей придется весьма кстати.

Гардероб тоже был продуман с учетом предстоящей схватки. Пиджачок из плотного бархата, конечно, не бронежилет, но в случае внезапного нападения игла его с первого укола может и не взять. Запястья я закрыла широкими пластиковыми браслетами, шею – распущенными волосами. Нарядные бриджи, на которых я остановила свой выбор, одинаково удобны и для танцев, и для самообороны. Высокие сапоги на тончайших шпильках – не только стильный аксессуар, но и мощное секретное оружие колющего характера. А красная помада в тон сумочке – лишний повод поддразнить убийцу.

Из зеркала на меня смотрела девушка, сошедшая со страницы глянцевого журнала. Только вместо привычных для журнальной странички улыбки и широко распахнутых глаз – сжатые губы и взгляд драматической героини. Хоть сейчас на «Оскар» номинируй! Хотя нет, сейчас еще рано. Вот взгляну в глаза убийце Глеба – тогда можно.

Аристарх прибыл точно по расписанию, о чем сообщил гудок домофона. Я выплыла из подъезда, держа сумочку на сгибе локтя, так чтобы ее нельзя было не заметить. Вампир сосредоточенно начищал лобовое стекло своей «феррари», удаляя одному ему видимую соринку. Расцеловав меня в обе щеки и сделав комплимент моему внешнему виду (но не сумочке!!!), он усадил меня в машину. На заднем сиденье лежал шикарный букет из чайных роз и лилий, наполнявших салон пьянящим цветочным ароматом.

– А где подарок? – полюбопытствовала я, усаживаясь впереди и демонстративно ставя сумочку на колени.

Наживка сработала на все сто. Аристарх уставился на ярко-красное кошмарище, как будто только сейчас его разглядел, и на красивом аристократичном лице вампира заиграли желваки, а глаза сделались черными и непроницаемыми.

– Так где же подарок? – нервно повторила я, опасаясь, как бы он не придушил меня на месте.

– Что, прости? – Аристарх моргнул, словно отгоняя наваждение. Его зрачки сузились, уступая место светло-карей радужке, которая вновь затопила его взгляд карамелью. – Извини, сейчас на перекрестке Профсоюзной какой-то отморозок на встречку выехал, чудом с ним не столкнулся.

– Вот идиот! – горячо посочувствовала я, не веря ни единому слову этого оправдания. – Пьяный, что ли?

– Да кто его знает, – в сердцах сказал вампир, глядя прямо перед собой и поворачивая ключ в зажигании. – Он на такой скорости пролетел – я не успел попробовать.

Я в недоумении повернула голову, и вампир мне весело подмигнул.

– Ну и шуточки у тебя! – фыркнула я.

– Еще не привыкла к нашему черному юмору? – хохотнул он. – Ничего, у тебя все впереди. Пройдет год, два, век, другой – дашь мне по этой части фору.

– Надеюсь, – печально вздохнула я.

– С чего вдруг мировая скорбь? – озадачился вампир.

– Так ведь убийца не дремлет, – закинула удочку я. – И нападение это непонятное заставляет поволноваться. Вдруг я следующая?

– Не дрожи, – обнадежил Аристарх, сосредоточенно глядя на дорогу. – Я никому не позволю тебя обидеть!

Я нервно заерзала на сиденье, вцепившись в сумочку. И как мне расценивать эти слова? Другим не позволит – сам растерзает?

Мои телодвижения не укрылись от проницательного ока вампира.

– Да чего ты вцепилась в свою котомку? Кинь ее назад. Ехать будем еще полчаса.

– У меня целее будет, – отрубила я. – Вот как застрянем в пробке, а какой-нибудь воришка на мопеде ее оттуда свистнет и будет таков.

– Этому ловкому воришке я загребущие ручки пооткручиваю и проведу морально-устрашающую беседу, – весело пообещал Аристарх, притормозив на светофоре. – А про пробки лучше не каркай, а то и впрямь застрянем, и розы завянут.

– Ты не ответил про подарок, – напомнила я.

Вампир наклонился к бардачку и быстрым движением открыл его. Мне в руки упали несколько печатных листов, напоминающих резюме. На каждом была цветная фотография и сведения о человеке – возраст, профессия, место рождения, семейное положение.

– Что это? – удивилась я, рассматривая фото. – А он-то что здесь делает?!

Последним в стопке оказалось досье на «глюка» Хуана, тогда как остальные люди были мне незнакомы.

– Кастинг на роль Дракулы, – ухмыльнулся Аристарх. – Да это будущие кандидаты в новички, – добавил он в ответ на мой недоуменный взгляд. – А подарок вон.

И действительно, на самом дне бардачка находилась небольшая прямоугольная коробочка в золотистой упаковке с красным бантом.

Я тут же забыла о резюме, положила их на колени и потянулась к коробке. Судя по ее невесомости, внутри были драгоценности.

– Ювелирный ограбил? – с легкой завистью спросила я.

– Обижаешь – озолотил! – с самодовольством поправил Аристарх.

– Дорогой подарок, – оценила я, гадая, что за сокровище спрятано внутри.

– Так ведь и именинница не из дешевых, – многозначительно ответил вампир.

– А я? – затаив дыхание, спросила я.

– Что – ты? – Аристарх сделал вид, что не понял.

– Я из каких? – настойчиво повторила я. – Из дорогих или из дешевых?

Вампир посмотрел на меня со странным выражением, и его взгляд невольно скользнул вниз, к сумочке, а потом вновь метнулся вверх.

– Ты моя внучка, Жанна. Ты – совершенно особая категория.

Значит, дешевая, тоскливо подумала я, убирая подарок обратно в бардачок. Была бы дорогая – так бы и сказал.

Чтобы как-то отвлечься, я вновь перелистала резюме. С фотографий на меня смотрели очень серьезная девушка лет тридцати, похожая на диктора новостей, улыбающийся толстяк преклонных лет, стриженный под ноль мужик – вылитый мясник, и молодой привлекательный брюнет.

– И за что им такая честь выпала? – полюбопытствовала я.

– Пока еще не выпала, мы только рассматриваем кандидатуры. Вот это – микробиолог. – Он кивнул на девушку-«диктора». – Этот, – кивок на «мясника», – пластический хирург.

Да я почти угадала!

Толстяк оказался доктором философских наук, а брюнет – заядлым дайвером, покорившим почти все подводные глубины, впадины и пещеры по всему миру.

– Нет, я понимаю, зачем вам микробиолог – место Виктории Виноградовой вакантно, – рассуждала я. – Свой пластический хирург в хозяйстве тоже пригодится. Философ не даст вам скучать, поставив перед вами вопросы «быть или не быть?», «пить или не пить?», «кусать или не кусать?» и так далее. Но дайвер-то вам на что сдался? – поразилась я.

– Открою тебе почти государственную тайну, – заговорщически понизил голос Аристарх. – В наших архивах содержатся уникальные сведения о многих подводных кладах. Найденные сокровища – одна из существенных составляющих общего бюджета. А сундуки с золотом, знаешь ли, очень часто хранятся под водой.

– Ну а этот певун вам на что? – Я кивнула на Хуана.

– Честно признаться, этот из всех кандидатов – самое слабое звено. Не думаю, что он

станет одним из нас. Уж я-то точно буду голосовать против. Но Инесса, например, считает, что у него большой потенциал.

Интересно, где он спрятан, хмыкнула я. Даже не знаю, чего мне хотелось больше – никогда не встречаться с «глюком» или подружиться с ним как с коллегой по недугу. Во всяком случае, он забавный.

Мои мысли опять перенеслись к подарочной упаковке с драгоценным подарком.

– Что ты ей выбрал кольцо, браслет? – полюбопытствовала я.

– Гарнитур с рубинами. Колье и серьги, – будничным тоном произнес вампир, словно покупка драгоценностей была для него чем-то обыденным вроде покупки хлеба.

– Конечно, рубины, – усмехнулась я, – какие могут быть варианты.

– Намекаешь на их цвет? Зря. Мне, например, больше по душе сапфиры. Тебе они тоже пойдут к глазам. Но Инесса любит как раз рубины, они напоминают ей зерна граната, фрукт из ее детства.

– Она родилась где-то на юге? – заинтересовалась я.

– Нет, в Чикаго. Но каждое лето они с семьей отдыхали в Италии.

– Понимаю, ностальгия, – сказала я, имея в виду любовь к рубинам-гранатам. – Она не ездит сейчас туда?

– Инесса очень чувствительна к яркому солнцу, ей никакие кремы и туники не помогают. Так что ей комфортней лондонский туман и скандинавские зимы. Хотя она пару раз переезжала в Грецию и в Италию, но не смогла задержаться там и полгода.

– Бедняжка, – искренне посочувствовала я. – А почему ты решил подарить ей именно колье? – Украшение, которого я в глаза не видела, упрямо привлекало мое внимание, и я смотрела на черную поверхность бардачка, воображая себе, что скрывает подарочная упаковка.

– Ты видела, что она носит последнее время? Какую-то антикварную серебряную ерундовину на цепочке. – Аристарх пренебрежительно фыркнул.

Я вспомнила украшение Инессы, в котором она была в «Подземелье», когда мы ужинали с Глебом. Тогда я приняла его за белое золото.

– Если ей нравится…

– Ей нравится цепляться за прошлое, – проворчал вампир. – Эту мелочовку подарил ей миланский манекенщик в знак своей вечной любви. У нее с ним случился роман на последней Неделе высокой моды, и Инесса вбила себе в голову, что влюбилась в него.

– А что в этом плохого? Может, они созданы друг для друга, – из женской солидарности вступилась я.

– Инесса достойна лучшего, и этот смазливый садист ей не пара, – со злостью сказал Аристарх.

– Почему – садист? – поразилась я.

– Да потому что через неделю после того, как она вернулась в Москву, этого пижона арестовала полиция по обвинению в серии жестоких убийств.

– Да ты что! – ахнула я.

– Таким образом он устранял конкурентов, – процедил сквозь зубы вампир. – Все убитые были манекенщиками. Он и с Инессой-то роман закрутил из-за карьеры. И не прогадал – она для него выбила лучший выход, он открывал заключительный показ. А сейчас Инесса втемяшила себе в голову, что его подставили и малыш ни в чем не виноват, и носит его подвеску, как жена декабриста.

– И что с ним теперь будет? – тихо спросила я.

– Не знаю, пожизненное или газовая камера, – бесстрастно обронил Аристарх. – А Инесса, надеюсь, перестанет страдать ерундой и выбросит его цацку вместе со всеми мыслями о нем из головы.

Осененная догадкой, я с изумлением взглянула на вампира. Неужели он любит Инессу? Поэтому так злится из-за ее чувств к молодому красавцу, оказавшемуся убийцей? Поэтому не пожалел денег на дорогой подарок? Любит, но боится признаться в этом даже себе

самому? Скрывает свою симпатию так глубоко, что о ней не догадалась даже подозрительная Нэнси? Ерунда, слишком любвеобильный у меня дед получается. Бабушка, Беата, Нэнси, теперь еще Инесса…

– О чем задумалась? – окликнул меня Аристарх.

Я вздрогнула и пробормотала:

– Да так…

– Какая-то ты взвинченная сегодня, – проницательно заметил вампир.

Будешь тут взвинченной! Когда подозреваешь своего деда в страшных преступлениях и так и ждешь от него предательского укола. Успокаивает только, что он не догадывается о моих подозрениях, крепко держит руль и знакомая дорога уверенно ведет к «Подземелью».

Однако уже в следующий момент машина вильнула и ушла на тихую безлюдную улочку.

– Почему мы свернули?! – вскрикнула я.

– Там пробка впереди, объедем, – спокойно объяснил вампир.

– Какая пробка? Я ничего не видела! – запаниковала я.

– Пробка на Садовом, – насмешливо сообщил Аристарх.

– А ты откуда знаешь? – с подозрением осведомилась я. – До него еще ехать минут пять.

– По радио только что передали.

– Я ничего не слышала, – сердито возразила я.

– Неудивительно: ты пялилась на витрину со словом «Распродажа» и ничего другого не видела и не слышала, – поддел меня вампир, заглушая мотор.

Сбывались мои самые страшные ожидания. Машина притормозила у обочины, на заднем дворе какого-то нежилого здания, в котором не горело ни одного окна, и Аристарх наклонился ко мне. Молниеносным движением я нажала на ручку и вывалилась из салона, с ужасом глядя на вампира, застывшего перед открытым бардачком. Тот оторопело таращился на меня, пока я соображала, что делать. Бежать?! Но у меня нет никаких доказательств, руки Аристарха пусты и в них нет шприца. Надо идти до конца.

– Жан, ты чего? – изумленно молвил вампир. – Ты в порядке?

– Что-то мне нехорошо, – честно ответила я. – Свежего воздуха глотнуть захотелось.

– Опять в вегетарианство играешь? – пожурил Аристарх. – Одним воздухом сыт не будешь. Как бы не травануласъ газами мегаполиса. Садись, балда. – Он вытащил из бардачка пластиковую бутылочку с известным мне содержимым. – Садись и выпей, а то ты сама не своя.

– Ты за этим притормозил? – нервно спросила я.

– А зачем же еще? – поразился Аристарх. – Обессилевшего вампа сразу видно по нервному поведению, а ты сегодня просто комок нервов.

Немного успокоенная его объяснением, я села в машину и взяла в руки бутылочку, внимательно разглядывая этикетку с названием станции переливания. Вроде ничего подозрительного. Но вдруг он решил отступить от своих правил и не колоть ядом, а напоить им?

– Я смотрю, ты становишься гурманкой. Не устраивает первая группа? – пошутил вампир, по-своему расценив мое замешательство. – Извини, четвертая очень редка, даже старейшинам не всегда достается.

Решившись, я выпила дневную норму сыворотки. Действительно, я уже обходилась без нее дня три, а сегодня мне особенно понадобятся силы. Как мне это раньше в голову не пришло? Подготовилась, идиотка! Даже про газовый баллончик не забыла, гардероб с такой тщательностью продумала, а о самом важном, о силе, не позаботилась. В первую минуту желудок скрутила привычная волна протеста, а потом внутри растеклось живительное тепло.

– Хорошо пошла? – подмигнул Аристарх.

– Ты просто невыносим, – проворчала я.

– На здоровье, внученька, – хмыкнул вампир, намекая на мою неблагодарность.

– И не надейся! – осадила я.

– Надежда умирает последней. Есть у меня мечта, в которой ты играешь не последнюю роль.

– Это какая же? – насторожилась я.

– Что на старости лет ты поднесешь мне стакан…

– Крови? – угрюмо закончила я.

– Да уж не водопроводной воды, надеюсь, – ухмыльнулся Аристарх. – С нее я точно ноги протяну.

– Можешь рассчитывать на мое милосердие, дедуля, – двусмысленно пообещала я.

– Звучит устрашающе, – улыбнулся вампир, поворачивая ключ зажигания. – Надеюсь, оно мне еще нескоро понадобится.

Как знать, дедуля, как знать.

«Подземелье» встретило нас праздничной иллюминацией и шумом голосов. У зеркала в гардеробе крутилась стайка нарядных, как голливудские лауреатки, вампирш.

Все были в шикарных платьях длиной в пол, и я в своих лучших выходных бриджах почувствовала себя замарашкой. Еще больше заставил меня закомплексовать Аристарх. Под его длинным кашемировым пальто оказался смокинг, какие я видела раньше только в кино и в телевизионных репортажах со светских мероприятий, но никогда в реальной жизни.

– Выглядишь шикарно, – искренне восхитилась я.

– Это я должен делать тебе комплименты, – шутливо нахмурился Аристарх.

– Можешь похвалить… мою сумочку! – Я с вызовом вздернула локоть, на котором повисла красная котомка.

– Лучше я похвалю твои глаза, – хмыкнул Аристарх.

– Отчего же?

– Они хоть настоящие, – многозначительно изрек вампир и, подхватив меня под свободную руку, повел к залу.

Пока мы шли по коридору, превратившемуся на этот вечер в портретную галерею именинницы, я с любопытством разглядывала изображения Инессы, развешанные по правой стене. Они представляли собой страницы жизни вампирши в разных странах в разные периоды времени, о которых говорили цифры внизу каждого портрета. Открывала импровизированную галерею старинная фотография в коричнево-белой гамме, датированная тысяча восемьсот восемьдесят четвертым годом. Младенец в чепчике на руках у счастливых родителей – полной, красивой, эффектной дамы в вычурной шляпке, которая привела бы в восторг бабушку Лизу, и бесцветный господин с набриолиненными волосами и жидкой бородкой. Мать Инессы, яркая своей экзотичной красотой, вне всяких сомнений, была полукровкой и напомнила мне героиню романа Майн Рида «Квартеронка». Отец Раевской совершенно терялся на фоне броской красоты жены, но в его фигуре и во взгляде чувствовались твердость характера и деловая хватка.

– Неравный брак, – приглушенно прозвучал чей-то злорадный голос за спиной. – Крупнейший фабрикант и безродная модистка.

Я обернулась и в двух вампиршах в нарядных платьях узнала девушек из раздевалки фитнес-клуба. В тот раз они судачили о новом тренере, запретившем пить кровь после тренировки, сейчас азартно перемывали косточки имениннице. Аристарх никак не прокомментировал их замечание, и мы перешли к следующей черно-белой фотографии. Тысяча восемьсот восемьдесят девятый год, Италия. Мать все в такой же широкополой шляпе, отец опирается на трость, маленькая и очень хорошенькая Инесса хмурит бровки, устав позировать на фоне живописного морского пейзажа. Еще несколько семейных фото, и вот уже первый одиночный портрет: Чикаго, тысяча девятьсот второй год, Инесса – изысканная барышня в платье с узкой талией и с кружевным зонтиком в руке, затянутой в шелковую перчатку. У этой фотографии я задержалась дольше. Настолько поразил меня этот зонтик, эта перчатка, эта старомодная прическа – и лицо Инессы, без косметики, без

привычной голливудской улыбки. Глядя на это фото, которому больше ста лет, я впервые почувствовала возраст Инессы, ее жизненный опыт и ту столетнюю историю, которая прошла перед ее глазами.

– Не верится, да? – усмехнулся Аристарх, поторапливая меня.

Видимо, ему не терпелось вручить подарок виновнице торжества, и он настойчиво тащил меня к банкетному залу, не давая подолгу рассматривать странички из жизни Инессы. Поэтому дальнейшая ее почти столетняя жизнь пронеслась перед моими глазами, словно видеоклип. Инесса с короткой стрижкой, Инесса с голливудскими локонами, Инесса – блондинка, брюнетка, рыжая и снова блондинка. Молодость, навеки застывшая на отметке «двадцать пять», в обрамлении разных образов и разных интерьеров и достопримечательностей. Париж, Лондон, Вена, Прага – Инесса была поклонницей Европы и почти всю жизнь провела там, переезжая из страны в страну. Такое же постоянство она сохранила и в отношении моды: неизменно элегантная, а подчас экстравагантная, она все увереннее улыбалась с фотографий, а ярлычки под ними сообщали: манекенщица, модельер, хозяйка ателье, владелица дома моды. Наверное, чтобы избежать расспросов, ей приходилось притворяться своей внучкой, а потом внучкой той внучки и т. д.

Завершал ряд изображений шарж: Инесса в шикарном платье, с диадемой в волосах и с улыбкой, которая едва умещается на лице, стоит на вершине пьедестала, сложенного из вывесок ведущих модных домов мира. Рассмотреть подробнее детали не удалось, Аристарх втащил меня в гудящий зал.

Несмотря на то что мы приехали к самому началу торжества, зал уже был полон гостей. За стол еще не садились – вампиры рассредоточились по всему залу, разбившись на группы по интересам. Я с любопытством огляделась в поисках официантов – интересно, в какие маскарадные костюмы их одели по случаю дня рождения Инессы. Мое внимание привлекла девушка в знаменитом коричневом платье в горошек и шляпке – наряд от Валентино, в котором появляется «красотка» Джулия Робертс в сцене на ипподроме. Девушка обернулась, и я узнала в ней прежнюю Офелию. Маскарад на тему кино? В руках официантка держала поднос с шампанским, которое предлагала гостям перед началом застолья. Ее коллега щеголяла в незабываемом ярко-розовом костюмчике «блондинки в законе», создании рук Софи де Ракофф. А вон и наш знакомый официант – недавний зомби по случаю дня рождения Инессы преобразился в Нео из «Матрицы». Все ясно: тема маскарада – шедевры мировой моды в кино. Все для именинницы.

Аристарх уверенно потащил меня через толпу к Инессе, принимавшей поздравления. Не забывая о главной цели своего визита и все еще не будучи до конца уверенной в виновности деда-вампира, я топорщила локоть, демонстрируя свою наживку. С нами то и дело здоровались, но при виде паленой сумочки никто в обморок не падал.

Заметив нас еще издалека, именинница расцвела и двинулась навстречу.

– Аристарх, Жанна! Какой приятный сюрприз, я не знала, что ты уже вернулась. Как ты? Спасибо, что пришла.

Я почувствовала признательность к Инессе за заботу, вспомнила ее проникновенную речь у могилы Глеба, по которому она искренне скорбела. И сейчас она ободряюще стиснула меня за локоть, давая знать, что понимает, как нелегко мне было прийти на праздник, когда душа еще плачет по Глебу.

– С днем рождения! – от души поздравила я, разглядывая ее во все глаза. На ней было изысканное платье цвета шампанского, в котором вампирша походила на невесту. Безыскусная подвеска из серебра на шее вносила явный диссонанс в роскошь костюма. – Извини, что без приглашения.

– Что за глупости! Я всегда рада тебя видеть! Я так… – Инесса внезапно осеклась и побледнела, глядя куда-то за мою спину, и я обернулась, чтобы посмотреть, что за привидение там нарисовалось. Но увидела только стремительно удалявшуюся в сторону входа декольтированную спину какой-то неизвестной вампирши. Впрочем, уверенности в том, что именно она напугала Инессу, не было ни малейшей: в зале наблюдалось такое же

хаотичное движение, как в европейских магазинах во время рождественских распродаж.

– Что случилось? – встревожился Аристарх.

– Н-ничего, – поспешила успокоить его Инесса. – Просто вспомнила, что забыла отдать одно важное распоряжение официантам.

– Тяжело без Филиппа приходится, да? – посочувствовал Аристарх и пояснил мне: – Раньше он всей организацией занимался, а сейчас вот самим приходится. Нельзя же нанимать посторонних.

– Я сейчас вернусь, – пообещала Инесса и уже развернулась, чтобы уйти, но Аристарх мягко удержал ее за локоть.

– А как же подарок?

– Подарок? – рассеянно переспросила Раевская. – Подожди, вернусь и тогда…

– Нет, сейчас, – настойчиво сказал вампир, вкладывая ей в руку футляр в золотой упаковке.

– К чему такая спешка? – рассмеялась Инесса, уже полностью овладевшая собой.

– Я хочу знать, понравился ли тебе мой… наш подарок.

– Ну что ж, посмотрим! – Светская львица ловко справилась с упаковкой, открыла бархатный футляр, и стразы на ее корсаже заиграли красным, отражая сияние рубинов. – О, они великолепны. Благодарю!

Изнывая от любопытства, я вытягивала шею, чтобы взглянуть на драгоценности.

– Давай помогу надеть, – Аристарх вынул колье из футляра и встал позади Инессы.

– Но… – замялась та, явно не желая расставаться с серебряной подвеской.

– Никаких но! – Аристарх одним движением расстегнул замок серебряной цепочки и хотел уже убрать ее себе в карман, но Раевская с улыбкой протянула руку, и вампиру ничего не оставалось, как отдать ей украшение. Надев ей на шею колье с рубинами, Аристарх отступил на шаг и притворно закрыл глаза рукой, изображая, что ослеплен.

Именинница кокетливо рассмеялась и провела рукой по камням.

– Что ж, пойду полюбуюсь! – Она забрала у Аристарха футляр, в котором блестели два цветка с рубиновыми лепестками. – Заодно и серьги примерю.

Инесса ушла, и к Аристарху тут же потекла толпа знакомых, чтобы поздороваться и отдать дань уважения к его статусу. Воспользовавшись моментом, я ретировалась, чтобы побродить среди гостей и помозолить глаза как можно большему числу потенциальных маньяков. Как там пошутил Аристарх – кастинг на роль Дракулы? Вот и я сейчас устрою тайный кастинг на роль Дракулы-маньяка.

Совсем скоро я поняла, что меня здесь почти все знают, а я не знаю никого. Точнее, видела почти всех – или на своей дебютной вечеринке, или в прошлый свой визит в «Подземелье», или где-то еще. Среди гостей я разглядела манекенщицу Монику в очень смелом платье с глубоким декольте и компьютерного гения Карасика, который, наплевав на праздничный дресс-код, пришел на банкет в джинсах и кроссовках. Парочка о чем-то увлеченно шепталась в уголке и смотрелась весьма потешно. Декольте Моники заканчивалось как раз на уровне глаз хакера, и, когда она наклонялась к нему, чтобы пошептать на ушко, парень неотрывно пялился на открывающийся ему вид и был совершенно счастлив. А еще говорят, что программисты не замечают женских прелестей и не видят ничего дальше монитора. Наверное, просто не каждая девушка программиста может похвастаться такими прелестями, как Моника. Неподалеку от них в одиночестве стояла японская скрипачка Мидори. Заметив мой взгляд, она приветливо улыбнулась и кивнула. Я ответила ей улыбкой, но подходить не стала – мы с Мидори никогда не общались раньше. Мгновением позже к Мидори подошел азиат в черном костюме, и они о чем-то оживленно заговорили.

– Жанна, а вы что это в одиночестве?

Я и не заметила, как рядом очутился психолог Владислав. Его голос был таким вкрадчивым, а глаза подкупающе понимающими, что я не раздумывая поделилась с ним своими мыслями:

– Ох, Владислав, трудно поверить, но я себя чувствую как в какой-то изоляции. Весь мой круг общения был ограничен Глебом. Мы с ним много времени проводили вместе и даже будучи среди своих в ресторане или клубе, мало общались с другими.

– Ничего удивительного, – кивнул психолог, – вам ведь и не нужны были другие?

– Да, – призналась я. – А сейчас я понимаю, что не подружилась ни с кем, кроме Аристарха и Светланы. Кстати, вы не видели Лану?

– Ее здесь нет.

– Может, еще появится? – с надеждой предположила я.

– Нет, она не собиралась приходить.

– Инесса ее не пригласила? – спросила я, вспомнив, что вампирши недолюбливают друг друга.

– Почему же? Инесса – старейшина, она выше всех этих обид. Просто Светлана сейчас не в том настроении, – намекнул психолог.

Я смутилась, вспомнив последнюю встречу с Ланой, ее бледный вид, ее изможденное лицо и взгляд, полный тоски, и почувствовала укол совести. Светлана, расставшаяся с Глебом несколько лет назад, переживает его смерть и не появляется на праздниках, а я, его последняя девушка, развлекаюсь и пью шампанское. В глазах окружающих я, наверное, выгляжу веселой вдовой, которая еще «Маноло» не износила. Неспроста Инесса удивилась при виде меня. Мне не положено появляться на праздниках, а следует проявлять уважение к памяти Глеба. Ну и пусть думают, что хотят. Я здесь ради Глеба. Придя сюда, я поставила на карту собственную жизнь. И эта вечеринка для меня не повод для веселья, а шанс расставить ловушку убийце.

– Хотите поговорить об этом? – вкрадчиво пропел Владислав.

– Что? – Я аж отшатнулась от него. Неужели я произнесла свои планы вслух?

– Вас беспокоит отсутствие друзей, вы чувствуете себя чужой в нашей среде, и вам кажется, что другие относятся к вам настороженно, – терпеливо повторил психолог. – Хотите обсудить это со мной?

– Как-нибудь в другой раз, – успокоившись, отказалась я. – Сегодня все-таки праздник.

– Что ж, в любое время, Жанночка, – заверил Владислав. – Я ваш в любое время.

– Надеюсь, мое время еще не пришло, – отшутилась я.

– Опять вы путаете психолога с психиатром, – мягко пожурил меня собеседник и деликатно удалился.

Я огляделась по сторонам, чувствуя себя бесконечно чужой. Как там сказал Владислав – другие относятся ко мне настороженно? Я это сама сказала или он сделал такой вывод из моих слов? А ведь так и есть. И теперь я знаю, чего они боятся. Крови Жана во мне. И я еще удивляюсь, что меня не обязали проходить ежедневный курс психотерапии под чутким руководством Владислава, а ограничились наблюдением Глеба. Сейчас Глеба нет, и я для них тигр, вырвавшийся из-под присмотра дрессировщика. На первой вечеринке все еще соблюдали приличия – познакомились, вручили визитки. А сейчас дружбы со мной никто заводить не спешит – все любезно кивают мне на расстоянии, но приблизиться не осмеливаются. Кроме Владислава, который убежден, что знает, как вести себя с потенциальными психами.

Я побродила по залу, лишний раз убедившись, что при моем приближении вампиры невольно отступают назад, сохраняя безопасную дистанцию, и опечалилась. Этак и убийца может меня испугаться и побоится напасть. Как же быть?

– Вот ты где! – Аристарх бесстрашно взял меня за руку и повел к столу. – Пойдем, сейчас уже все начнется.

Стоило нам сесть на свои места неподалеку от стула именинницы, как явилась и она сама, ослепив всех сиянием рубинов. Все заторопились к столу, и пир горой начался. Стреляли в потолок пробки шампанского, лилось багровыми реками вино, щедро разбавленное кровью, звенели тосты и поздравления. Роль тамады взял на себя иллюзионист Бальтазар, это был его дебют в роли ведущего. Бальтазар старался вовсю, но сравнение с

Глебом было явно не в его пользу. Я слышала, как шептались девушки за столом:

– Без Глеба и праздник не праздник.

– Думайте, о чем говорите, – осадил их сосед. – Глеб не в командировку отлучился и не в отпуск укатил. А вы только о собственном развлечении заботитесь!

Болтушки осеклись, и над столом словно сгустилась туча. Впрочем, скоро подали семгу по-кипрски и утку по-пекински, и народ весело зазвенел вилками и ножами. Еще в начале банкета, приветствуя гостей, Инесса объявила, что сегодня стол будет таким же разнообразным, как состав присутствующих, и каждый найдет блюдо своей национальной кухни. Гости с оживлением тянулись к тарелкам со знакомым угощением, пробовали, оценивали, советовали своим соседям и с удовольствием рассказывали, как такое же блюдо готовила их бабушка или мама.

– Съешь пирожок! – Аристарх, сияя, подсунул мне тарелку с выпечкой.

– На бабушкины похожи, – с удивлением отметила я.

– Ты попробуй! – поторопил он.

Я надкусила румяную корочку и удивилась:

– Надо же, и впрямь как бабушкины.

– По ее рецепту! – довольно сообщил Аристарх.

– Как? – еще больше удивилась я.

– Я к ней заходил, пока ты была в отъезде, – засмущался вампир и торопливо добавил: – Ты не думай, ничего такого!

– А что такого я могу подумать? – протянула я. – Заходил в гости, взял рецепт пирожков. Ничего ж больше не было?

– Не было, – клятвенно заверил Аристарх. – Посидели, пообщались… – Он виновато отвел глаза.

– Та-а-ак! А ну говори! – велела я.

Аристарх наклонился ко мне и чуть слышно шепнул:

– Я сказал, что на днях сделаю тебе предложение.

– Всего лишь? – поразилась его наглости я. – Дату свадьбы пока не сообщал?

– Я сказал, что ты как-то говорила, что мечтаешь о свадьбе летом. Так что время еще есть, – обнадежил он.

– Для чего? Время пудрить мозги моей бабушке? – прошипела я.

– Ну, Жан! – Аристарх посмотрел на меня такими умоляющими глазами, что я совершенно растерялась. Кого же все-таки любит вампир – мою бабушку или Инессу? Похоже, что обеих сразу. В бабушке он любит свою молодость, а в Инессу влюблен здесь и сейчас.

Тарелки с горячими блюдами и закусками стремительно пустели, вечер плавно приближался к следующему развлечению.

– А теперь – танцы! – провозгласил Бальтазар в микрофон, пока уже знакомый мне хакер возился с музыкальной установкой. – Танцы народов мира!

Зазвучала зажигательная мелодия сиртаки, и с десяток вампиров сорвались со своих мест, пустившись в пляс. Только двое или трое из них, судя по внешности, были урожденными греками, но остальные не уступали им в танцевальном мастерстве – вероятно, провели немало лет в солнечной Элладе и успели полюбить и страну, и ее национальную музыку.

– Я в Греции не был, – с легкой завистью проговорил Аристарх. – Может, махнем как-нибудь всей семьей?

– Всей семьей? – удивленно протянула я. – Я, ты, бабушка, еще кто?

– Твои родители, конечно!

– Отлично, просто здорово придумано, – похвалила я. – И все это время мы будем изображать жениха и невесту? Или сыграем фиктивную свадьбу и будем молодоженами?

Аристарх горько вздохнул и посмотрел на меня с видом обиженного ребенка. Я отвернулась к танцующим. Сиртаки сменила сальса. Разгоряченные греческие танцоры

остались на танцполе, к ним присоединились латиноамериканцы, а вскоре за столами не осталось почти никого.

– А что это вы не танцуете? – подошла к нам Инесса. – А ну пойдем!

Именинница утащила не очень-то и сопротивляющегося Аристарха, я тоже поднялась с места, чтобы сбежать на полпути. С сумочкой на локте я покрутилась между танцующими и неторопливо двинулась к выходу из зала, давая возможность тому, кого я так ждала, последовать за мной. Туалет располагался в противоположном от гардероба конце коридора. Я задержалась у стенгазеты с названием «Мне 125 – а кто даст?», в которой были собраны самые смешные снимки Инессы. Коридор оставался пустым, никто не спешил за мной вдогонку. Что ж, буду ждать на месте.

Стараясь отогнать от себя мысли о Мэй, лежавшей на полу кабинки в «Аперитиве», я вошла в дамскую комнату и направилась к зеркалу. Положила сумочку у раковины, достала помаду и приготовилась ждать. Минута, две, три, четыре, пять… Наконец дверь распахнулась, пропуская… официантку в образе Джулии Робертс.

Официантка – убийца? Почему бы и нет! Ну конечно! Как я раньше не догадалась? Прислугой работают провинившиеся вампиры. От маленькой провинности до большого преступления – один шаг. И сделать этот шаг тем более легко, когда чувствуешь себя униженной, оскорбленной и вынужденной постоянно носить карнавальный костюм. Может, она даже и подделок не различает? Убивает за красивые и, как она считает, дорогие и модные вещи?

Девушка меж тем дежурно улыбнулась и скрылась за дверью кабинки, давая мне возможность как следует подготовиться к ее возвращению. Я проверила браслеты; я подняла воротник пиджака, чтобы защитить шею; я встала ближе к двери и лицом к кабинке; я заткнула за пояс бриджей газовый баллончик и вытащила пилку для ногтей – сделаю вид, что поправляю маникюр.

Официантка вышла из кабинки, отчаянно мигая. Да у нее еще и нервный тик в придачу. Похоже, она уже в состоянии аффекта.

Я напряглась и заработала пилкой, подпиливая ноготь на мизинце.

– Сломался? – сочувствующе спросила девушка, снимая шляпу и кладя ее рядом с моей сумкой. – А мне вот что-то в глаз попало.

Она наклонилась к зеркалу и оттянула веко, выискивая несуществующую соринку. Я еще активнее задвигала пилкой, не сводя с официантки глаз, и остановилась, только когда ноготь на мизинце был стесан до самой подушечки пальца.

– Никак не получается, – сердито сказала официантка. – Прям хоть макияж смывай! – Она умоляюще посмотрела на меня.

Я переместила пилку на безымянный палец и стала подпиливать несуществующий изъян.

– Не поможешь? – Один шаг, и она оказалась совсем близко, обдав меня легким ароматом апельсиновой жвачки.

Я бросила быстрый взгляд на ее руки – они были пусты. Откуда же она вынет шприц? В глаза бросилось белое пятно шляпки у раковины. Ну конечно! Она прячет его там!

Я подняла взгляд, чтобы посмотреть в лицо убийце Глеба. Глаза девушки были удивительно похожими на глаза Вацлава, когда он не сердился: бархатно-серыми, с крошечными, как брызги кофе, карими крапинками. В другой ситуации их даже можно было назвать красивыми, но не сейчас, когда в них так явно читалась опасность. Какой бархат? Сталь – леденящая, колющая, убийственная, смертоносная.

Она наклонилась ко мне еще ближе и еще сильнее заморгала накрашенными ресницами… в которых и впрямь запутался тонкий волосок, кончик которого прилип к покрасневшему глазу. Я осторожно подцепила его и сдула на пол.

– Уф! – обрадовалась официантка. – Наконец-то! Спасибо огромное!

Она потянулась к шляпе, я стиснула пилку в кулаке, приготовившись защищаться. Но девушка водрузила шляпку себе на голову, поправила резинку, которой были стянуты

волосы, и вышла за дверь, оставив меня в полном недоумении.

Но недоумевала я недолго: послышались шаги, оживленные голоса, и в туалет со словами: «Конечно, она с ним спит, тут и к гадалке не ходи!» – ввалились две девицы, те самые, которые в начале вечера обсуждали неравный брак родителей Инессы. При виде меня девицы осеклись, натужно захихикали и скрылись в соседних кабинках.

Я разочарованно убрала пилку в карман пиджака, стерла помаду и сделала вид, что подкрашиваю губы. Конечно, эти клуши ни при чем, тут и Нэнси Дрю быть не надо. Но ведь спугнут убийцу, как пить дать спугнут. Прям хоть вешай на двери туалета объявление: «Жду маньяка, других просьба не беспокоить!»

Одновременно выкатившись из кабинок, девицы, словно близнецы, одинаковыми жестами поправили волосы, поочередно накрасили губы одним и тем же малиновым блеском и, весело хихикая, ушли восвояси.

Ожидание затягивалось, маньяк не торопился. Прошло минуты три, и что-то угрожающе загремело. Я привычно насторожилась, приготовившись дать отпор убийце, но в туалет, громыхая ведром и шваброй, ввалилась уборщица – настоящая восточная принцесса с породистым носом и огромными, в пол-лица влажными черными глазами в обрамлении длиннющих ресниц. Мгновение мы настороженно смотрели друг на друга. Я мысленно примеряла уборщицу на роль убийцы – униженная, оскорбленная гордая восточная красавица, вынужденная мыть туалеты. К тому же Мэй нашли в кабинке туалета. Как бы я хотела, чтобы это было именно так и Аристарх оказался ни причем… Но уборщица и не подумала бросаться на меня со шприцем, она деловито подвинула ведро и стала мыть пол в боковой кабинке.

Оставаться в туалете дальше было уже глупо. Я бросила помаду в сумочку и шагнула к двери. Прежде чем выйти, обернулась и окликнула проштрафившуюся принцессу:

– Простите!

– А? – Она обернулась, сдувая с лица выбившуюся смоляную прядку.

– За что вас так?

Вампирша нахмурила густые брови:

– А тебе какое дело?

– Я тут недавно, еще ничего толком не знаю.

– Интересуешься, значить, как самой в поломойки не загреметь? – криво усмехнулась уборщица. – Машина у тебя есть?

– Нет, – замотала я головой.

– А почему? – удивилась она.

Я вспомнила пять своих неудачных попыток сдать экзамен в ГАИ и малодушно соврала:

– Не люблю пробки. На метро быстрее.

– Значить, тоже любишь быструю езду? – усмехнулась вампирша и многозначительно сказала: – Вот и я люблю.

– И что? – не поняла я.

– Тебя моя статья интересует? Значить, вождение в нетрезвом виде и причинение вреда здоровью.

– Кого-то сбила?

Вампирша виновато кивнула.

– Парнишку одного. Вот и расплачиваюсь, значить, за грехи свои. Машину мою тому парню в качестве компенсации отдали, а я вот, значить, со шваброй кручусь.

– И долго расплачиваться?

– Два года, – мрачно сказала она и, достав из кармана знакомую пластиковую бутылочку осушила ее, как рюмку с водкой.

Я быстро выскочила за дверь, чуть не сбив с ног Инессу.

– Извини, – улыбнулась я.

– Молодежь! Вечно куда-то спешат! – кокетливо протянула она, намекая на свой

возраст, и скрылась за дверью дамской комнаты.

Я вернулась в зал, где гремело танго и пары двигались так страстно и так грациозно, словно соревновались за победу на чемпионате мира по бальным танцам. Среди танцующих были Владислав с известной моделью, Бальтазар с актрисой из популярного сериала, Лиля с каким-то статным мачо. Но безусловными лидерами были Моника и Аристарх – вот уж не ожидала от деда такого таланта! Интересно, а Глеб умел танцевать танго? Глеб…

Танго оборвалось на самой надрывной ноте, и ко мне подошел Аристарх.

– Ты чего загрустила?

– Как же тут не грустить, когда самый шикарный партнер на танцполе – мой родной дед? – отшутилась я, сдерживая подступившие слезы.

– Скажешь тоже, – заскромничал Аристарх.

– Где ты научился так танцевать? Ты не говорил, что жил в Аргентине или в Испании.

– Да так, брал несколько уроков. Хочешь, научу?

– Спасибо, я подумаю над твоим предложением.

В зале появились официанты с бокалами красного вина. Танцующие жадно набросились на них, и подносы опустели, не успев дойти до нас.

– Как всегда, – проворчал Аристарх.

– Это какое-то особенное коллекционное вино? – спросила я у него.

– А ты как думаешь? – Вампир криво усмехнулся, заставив меня смутиться.

– Неужели?! – ахнула я.

– Разве хоть одно вино мира способно восстановить силы так же, как свежая кровь? – подтвердил он мою догадку.

– Тебе виднее, у тебя опыта больше, – буркнула я.

– Нет, ты видела?! – возмущенно прошипел Аристарх, показывая куда-то в сторону.

– Что?

Я обернулась, но заметила только Инессу, садившуюся на свое место во главе стола.

– Она опять надела свою цацку! – оскорбленно прокомментировал мой дед. – Сказала, что пойдет поправить макияж, а сама сняла мой подарок!

И действительно, на шее именинницы вновь серебрилась ненавистная Аристарху подвеска.

– Ну не переживай, – успокоила его я. – Может, она боится потерять колье? Вон танцы какие быстрые – соскользнет с шеи, и не заметишь.

Аристарх обиженно засопел и, чтобы отвлечься, принялся накладывать мне разные вкусности.

Еще пара часов пролетела в застолье, танцах и конкурсах. Я крутилась среди гостей, проверяла реакцию на свою красную сумку, но результата не было, хотя я отчетливо ощущала чей-то враждебный взгляд. Оставаться в «Подземелье» дальше не было смысла. Убийца не станет нападать в ресторане, надо расставить ему ловушку на улице.

Во время очередной танцевальной паузы я вышла из зала. Для чистоты эксперимента не стала сообщать о своем уходе Аристарху. Если убийца он, он и так последует за мной. Если же я неправа, то Аристарх ни за что не отпустит меня одну и помешает спровоцировать убийцу.

Надев пальто, я поднялась наверх и, оглядевшись, зашагала в противоположную от улицы сторону, к заброшенным заводским помещениям, тщательно прислушиваясь. Если убийца уже не дожидается снаружи, спрятавшись где-нибудь за углом, я непременно услышу звук отъезжающей стены и успею подготовиться.

Ждать долго не пришлось. Я удалилась шагов на двадцать от входа, когда до слуха донесся вкрадчивый скрежет потайной двери. Я вся обратилась в слух, ожидая услышать голоса вышедших гостей, но до меня не донеслось ни звука. Человек был один, и он не спешил ни окликать меня, ни пускаться за мной. Мне почудилось, как цепкий взгляд, словно мушка снайперского ружья, шарит по моей спине, решая, отправляться вслед за мной или нет. Стараясь не выдать волнения, я неспешно удалялась все дальше по неосвещенному

проходу между каменными бараками. Наконец убийца решился, и до меня донесся цокот каблучков. Не Аристарх, с облегчением подумала я. Женщина. Ну конечно, кто еще может быть так помешан на моде, как женщина? Я незаметно нащупала баллончик в кармане пальто и обернулась лицом к убийце.

Ко мне, пошатываясь на каблуках от выпитого алкоголя и кутаясь в короткую меховую накидку, плыла хозяйка вечера. Инесса приветливо махнула рукой и крикнула, глотая звуки:

– Жнна, никак тебя не догню!

Споткнувшись о железку, о которую минутой раньше зацепилась и я, Инесса чуть не грохнулась на землю. Я бросилась на помощь изрядно захмелевшей имениннице и удержала ее от падения.

– Вот спсибо! – Инесса повисла у меня на локте и игриво попеняла мне, дыхнув в лицо ментоловым холодком: – Решла сбежать, не попрщавшись?

Такой пьяной я нашу светскую даму еще не видела. Вероятно, она не пропустила ни одного тоста в свою честь. Надеюсь, Раевская не станет сейчас допытываться: «Ты меня уважаешь?» Однако как некстати! Нужно срочно от нее избавиться, пока Инесса не спугнула убийцу.

– Ну что ты! – заверила я, решительно разворачивая ее и собираясь проводить обратно до ресторана. – Просто решила подышать свежим воздухом.

– У мня тоже глова разблелась от шума, – заплетающимся языком призналась Инесса и резво крутанулась в противоположную сторону. – Не против, если я с тбой пргуляюсь? А то одной тут как-то жутковто.

– Конечно, с удовольствием! – соврала я, досадуя, что теперь убийцу точно не поймать. На глазах у старейшины, пусть и изрядно набравшейся, ни один маньяк подставляться не станет.

Словно в подтверждение моих мыслей где-то позади снова заскрежетал механизм отъезжающей стены, но звука шагов не донеслось. Я мысленно вздохнула, представив себе, как убийца на цыпочках подкрался к улочке, выглянул из-за угла и, увидев две наши спины, так же неслышно вернулся в ресторан. Знать бы уже сегодня, Аристарх это или нет, так сразу бы отмучилась от подозрений. А теперь придется жить, как под прицелом снайпера, и в любой момент ожидать нападения. Явившись с поддельной сумкой, я подвесила свою жизнь на тонком волоске и отвоевала вакансию следующей жертвы. А может, я все это просто придумала? Морозный воздух пощипывал щеки, пробирался под пальто, холодил плечи и руки. Инесса, повиснув у меня на локте, тащила куда-то вперед, что-то трещала о поступлении новой коллекции в своих бутиках, приглашала заглянуть к ней, пока есть широкий выбор размеров и цветов.

– Есть дже туника, в котрой снимали Наоми Кэмпбл для обложки «Вог», – сообщила она, всем телом повисая у меня на руке и увлекая в сторону. – Ты в ней бдешь снгсшибательна.

– Боюсь, что я уже выбилась из бюджета на этот месяц, – рассеянно ответила я, все переживая из-за того, что Инесса сорвала мои планы насчет рандеву с убийцей.

– Крсивые штчки, – ворковала тем временем Инесса, перебирая браслеты у меня на запястье. – Где брла?

Название магазина произвело на Раевскую впечатление.

– О! Обожаю его! Почему же ты решила изменить себе и купить дешевую подделку? – Голос Инессы прозвучал неожиданно трезво.

В следующую секунду я больно ударилась спиной о каменную стену и от неожиданности выронила сумку, но возмутиться не успела – мой возглас надежно залепил широкий скотч. Недрогнувшей рукой Инесса заклеила мне рот. Я дернулась и заскрипела зубами от резкой боли, опалившей запястье. Не веря своим глазам, я крутила правой рукой, пытаясь высвободить ее из наручника, вторую половинку которого Инесса прикрепила к пожарной лестнице. Растяпа! Это как же надо было замечтаться, чтобы не заметить, как Инесса, висевшая у меня на локте, успела заковать меня в кандалы. Да и браслеты, которые я

нацепила, сыграли против меня. Я и не заметила, как одним стало больше… Вторая рука, в которой я несла сумку, оставалась свободной, но дотянуться до Инессы я не могла. Она предусмотрительно отступила на безопасное расстояние, подметая светлым подолом серый снег, и теперь с устрашающей улыбкой наблюдала за моими попытками освободиться.

– Давно присмотрела это местечко, – спокойно призналась она. – Вот только и представить не могла, что приведу сюда тебя.

Не может быть! Убийца – Инесса? Старейшина вампиров? Утонченная светская львица? Мой кумир? Мой идеал?

– Удивлена? – откликнулась она. – Признаться, я тоже. Мне казалось, что у тебя прекрасный вкус и ты никогда не опустишься до такого. – Она с пренебрежением кивнула на сумку, лежащую у моих ног.

«Почему она отступает от своих правил? – судорожно гадала я. – У других жертв не было следов борьбы или полос от наручников. Или она тоже лишь имитатор, как Нэнси?»

– Нэнси заслужила свою смерть, – поморщилась Инесса, теребя серебряную подвеску на цепочке. – Когда я стала бороться против подделок, я и не подозревала, что кто-то захочет подделать мой стиль. Да притом подделать столь бездарно. Нэнси сама виновата. Если бы ее не поймали Гончие, рано или поздно я бы раскрыла ее и прикончила сама.

Зачем она все это говорит? К чему теряет время? Гости же могут вспомнить, что она выходила надолго?

– Не беспокойся, дорогуша. – Инесса беззаботно улыбнулась. – Я напилась до такой степени, что меня сгрузили на кушетку в комнате отдыха. Знаешь, в «Подземелье» есть несколько спален для тех, кто загулял в ресторане до рассвета. Никто не стал сидеть у постели вдрызг пьяной именинницы, да и вряд ли кто хватится меня раньше, чем через час, а к тому времени мы с тобой уже закончим.

«Как же она прошла мимо гардеробщика?» – мысленно удивилась я.

– В «Подземелье» есть черный ход, о котором известно немногим. Я воспользовалась им, – охотно сообщила Инесса.

«Интересно, как она собирается вернуться в ресторан, не замарав подола своего нарядного платья? Вон уже низ промок и весь в грязи».

– Да, об этом я не подумала, – нахмурилась Инесса, опустив глаза и разглядывая маркое платье. – Честно говоря, не собиралась заниматься этим в свой день рождения, но твоя сумка просто вывела меня из себя. А ладно, – она махнула рукой, – у меня с собой есть сменное платье для танцев – переоденусь. А это спрячу и постираю. Никто меня и не заподозрит.

Она читает мои мысли, поняла я. Ей нужен слушатель. Рот она мне заклеила, чтобы я не позвала на помощь, а владение телепатией позволяет общаться со мной посредством мыслей. Только сейчас я поняла, что Инесса не говорила вслух, иначе акустика гулкого двора, со всех сторон окруженного кирпичными стенами, разнесла бы ее слова раскатистым эхом. Ее голос звучал только в моей голове. Никто не услышит ее слов, никто не узнает, где мы, никто не придет на помощь.

– Умница, соображаешь. Я могла бы убить тебя сразу, но, учитывая мою прежнюю симпатию к тебе, мне хотелось прежде узнать, как ты могла купить эту дешевку? – Еще один презрительный кивок в сторону сумочки.

«Наживка, – с мрачным удовлетворением пояснила я. – На которую ты попалась».

– Так ты разгадала мои мотивы? – Инесса даже обрадовалась. – Выходит, я в тебе не ошиблась. Мы с тобой одинаково устроены, одинаково мыслим. Только разделяя мои убеждения, можно было догадаться о причинах моих поступков.

Она называет убийство – поступком?

– Ты меня осуждаешь? – Раевская осеклась. – Я думала, ты поняла меня и искала со мной встречи, чтобы помочь мне избавляться от всякой швали.

«От швали?!! – мысленно завопила я. – Ты убила Глеба! И у тебя еще хватило наглости произнести слова скорби у его могилы!»

– Таковы мои обязанности старейшины, – ничуть не смутилась Инесса.

«За что же ты с ним так поступила? Он же работал на вас, шпионил для вас».

– Неважно, что он делал для Совета. Он заслуживал смерти в той же мере, что и остальные, – гневно ответила вампирша. – Он не делал различий между шедевром мастера и грубой подделкой. И я избавилась от него, как только подвернулся подходящий случай.

«Ты говоришь о людях, как о вещах, которые вышли из моды, и поэтому их без сожаления выносят на помойку», – с дрожью подумала я, силясь разломать наручники, но ничего не получалось. Мне казалось, стоит мне увидеть убийцу Глеба, я тут же превращусь в разъяренную фурию и растерзаю преступника на месте, но мои надежды не оправдались. Я оставалась беспомощной.

– Они ничего не понимали в моде, – ответила мне вампирша.

«И этого было достаточно, чтобы приговорить людей к смерти?»

– Не я, они сами себя приговорили, поставив на себе клеймо, – с презрением отозвалась Инесса.

«И даже Марк?»

– Марк из них был самым большим преступником! – вскипела Инесса. – Великий мировой бренд доверил ему рекламу своих часов, а он носил очки, купленные в переходе метро.

«Но ведь Марк был известным стилягой, неужели ему нельзя было простить такой крошечной ошибки?»

– В моде не бывает крошечных ошибок, – отрубила Раевская.

«И это пренебрежение модой пересилило танцевальный талант Беаты, милосердие и красоту Индиры, гениальный ум Виктории, редкий дар Софии и Филиппа?»

– Ты их даже не знала, как ты можешь судить о них? – возразила Инесса. – К тому же в нашей среде все таланты. Но талант без красивой огранки – брак.

«Одежда – лишь оболочка, под ней часто скрываются пустышки. Их ты считала более достойными, чем тех, кого убила?»

– Пустышки, обладающие хорошим вкусом, не так безнадежны, как умники, возведшие во вкус пошлость. – Инесса скривила идеально обведенный ротик. – Согласись, все мои жертвы были довольно умны, чтобы нести ответственность за свои решения.

«Ты могла бы проучить их менее жестоким способом», – с тоской подумала я.

– Могла бы, но не хотела. Я всегда была нетерпима к отсутствию вкуса и любви к подделкам.

«Но ведь раньше ты их терпела? – недоумевала я. – Ты в Москве уже давно, и многие из убитых провели здесь несколько лет. Почему же ты стала наказывать их только сейчас? Что изменилось?»

Инесса задумалась. Казалось, она сама изрядно озадачена этим вопросом.

«Тебе явился дух? Ты услышала голос?» – подначила я.

– Ты считаешь, что я сошла с ума?! – взвилась вампирша.

«Лично у меня в этом нет ни малейших сомнений».

– К счастью, таких подозрений нет ни у кого другого, – злорадно ответила Раевская. – А ты уже не успеешь поделиться ни с кем своими мыслями.

Я запаниковала, пытаясь высвободить руку. «И чем же заслужила смерть я? Я не увлекаюсь подделками. Кажется, за время нашей беседы ты в этом убедилась».

– Реально – да, но формально у меня есть повод. – Инесса обошла меня полукругом, пнула ногой сумочку так, что из нее вывалилась фотография бабушки.

«Аристарх тебе этого никогда не простит!» – мелькнуло у меня в голове.

– Он никогда не узнает, глупышка. – В руках Инессы мелькнул наполненный шприц. Она сняла колпачок с иглы и цепко схватила меня за свободную руку.

Я беззвучно забилась, глядя, как шприц пляшет в руке вампирши-убийцы. Краем глаза поймала темную тень, метнувшуюся во дворик. «Помогите! Кто-нибудь!» – мысленно завопила я.

– Здесь никого нет, дурочка, – почти ласково сказала Инесса. – Ну зачем тебе надо было разыскивать меня, а? Жила бы себе еще двести лет и горя не знала.

«Уже знаю! – огрызнулась я. – Ты отобрала у меня Глеба…»

– Тогда чего ж ты сопротивляешься, глупая? Глеб уже ждет тебя. – Шприц коснулся ворса пальто.

«Остановите ее, кто-нибудь!» – в отчаянии взмолилась я.

И тут откуда-то снизу взметнулась черная тень. Инесса завопила и выронила шприц, пытаясь сбросить с себя взбесившуюся черную кошку.

«Ах ты моя хорошая! Как там тебя… Маркиза? Выцарапай ей глаза!» – подначила я кошку, и острые когти впились в щеку вампирши, прочертив три глубокие борозды.

Инесса завертелась на месте, чуть не упала на меня. Меховая накидка распахнулась, обнажив пристегнутый к поясу кошель. Вот где она несла наручники и шприц! Наверняка и ключ там. Мне удалось незаметно сорвать кошель, и – о чудо! – рука нащупала металлическую бороздку.

«Задай ей жару!» – мысленно велела я кошке, торопливо примеряя ключ к замку наручников. На мое счастье, ключ подошел, и наручники тихо хрустнули, неохотно освобождая меня из плена. Тут бы мне и бежать сломя голову да звать на помощь, но только кошка, спасшая меня от неминуемой гибели, так жалостно взвыла, терпя поражение от рук более сильного противника, что я ринулась ей на выручку. С трудом отодрав насмерть перепуганную зверушку от шеи Инессы и бросив ее в сторону, я взглянула в глаза убийце.

Выглядела Инесса жалко: лицо расцарапано, волосы дыбом, нарядная шубка в черных кошачьих следах, на корсаже с изрядно поредевшими стразами – борозды от кошачьих когтей. Долгое мгновение мы смотрели в глаза друг другу, а затем кинулись на землю – за шприцем, укатившимся к стене. Инесса успела первой. Со шприцем в руке она сбила меня с ног и наугад ткнула в меня иглу. Я умудрилась извернуться, игла прошила воздух в нескольких сантиметрах от локтя. Мои губы по-прежнему заклеивал скотч, позвать на помощь в полный голос я не могла, а мысленные призывы к кошке уходили в пустоту. Наверное, бедняга зализывает раны, полученные в бою с Инессой, забившись в подвал.

Несколько бесконечных секунд мы катались по земле. Инесса в исступлении молотила шприцем, зажав его в кулаке. Ее гнев играл мне на руку. Руки вампирши дрожали, я уворачивалась и пыталась сбросить ее с себя. Игла то проходила вскользь по пальто, то пронзала воздух. В какой-то момент я умудрилась содрать скотч с губ и завопила что было сил:

– На помощь!

Из моих легких вырвался только свистящий хрип, но акустика дворика сыграла свою роль, усилив мой призыв. Топот шагов заставил Инессу на миг замереть и поднять голову. На ее лице мелькнул ужас, потом – отчаяние. Я попыталась сбросить ее с себя, но вампирша вцепилась мне в шею мертвой хваткой, не давая возможности раскрыть рта, и завопила:

– На помощь! Это убийца! Она напала на меня! Хотела убить! У нее с собой яд.

У меня не было сил даже возмутиться, я только хрипела от нехватки воздуха. Через несколько мгновений нас накрыла темная тень. Она рывком оттащила вцепившуюся в меня Инессу, и теперь уже Инесса с тенью покатились по земле.

Глухо закашлявшись, я отползла к стене и не могла отвести глаз от этого смертельного поединка. Когда тень оказывалась сверху, в воздух взлетали тонкие черные крылья, делавшие ее похожей на ангела. Или на Бэтмена. Что-то было знакомое в этой тени, словно я уже видела ее. И не во сне или в кино, а наяву.

Снова взлет крыльев, взмах руки, блеск иглы, короткий вскрик Инессы, и вот уже тень скатилась с распластавшегося тела Раевской. А вампирша осталась лежать на земле.

Приближаясь ко мне, тень вышла на свет, и я узнала Гончую из команды Вацлава. Лаки. Крыльями оказались длинные полы ее плаща.

– Ты как? – Девочка присела на корточки, заглядывая мне в лицо.

– Что с ней? – прохрипела я.

– Она мертва, – спокойно сообщила Гончая.

– Ты уколола ее ядом?

– Это честно. Она умерла той смертью, которую готовила своим жертвам.

Я с дрожью взглянула на неподвижное тело Инессы.

– Да, фигово все получилось, – сказала в никуда девочка.

Лунный свет, вырвавшись из-за облаков, резко очертил ее профиль, и я вдруг вспомнила, где мы с ней встречались. Не во сне, не в кино, не в микроавтобусе Гончих. По дороге из супермаркета, сразу после нападения хулиганов. На ней был этот же плащ. А в его кармане лежал полный шприц.

– Лаки, – прошептала я.

– Я вижу, ты все поняла, – с совсем недетской ухмылкой проговорила Гончая. Руки, казавшиеся прутиками, сковали меня сильнее, чем наручники, не давая шевельнуться. – Не дергайся.

– Но зачем?

– Я ненавижу Жана, – прошипела она, наклонившись ко мне. – А у тебя не только его имя, но и его кровь. Ты такая же, как и он, только притворяешься невинной овечкой. Даже Вацлава вокруг пальца обвела, прикинувшись растяпой. Приворожила ты его, что ли? Вацлав, всегда такой подозрительный, такой недоверчивый, стоит за тебя горой! Но я-то не такая дура, как все. И избавиться от тебя – мой прямой долг Гончей.

– Убить меня – твой долг? – ошарашенно переспросила я, глядя в ее сузившиеся от гнева глаза.

– Ты – зло, – убежденно сказала Лаки. – И очень глупо позволять тебе нанести удар исподтишка.

– Что такого тебе сделал Жан, что ты так ненавидишь каплю его крови во мне? – прошептала я.

– Жан обратил мою племянницу. Давно. Еще до Договора, – с болью выговорила Гончая. – А через месяц она растерзала соседского парня. Эмили, такая добрая, чуткая, ласковая, жалевшая каждого бродячего пса и мечтавшая стать ветеринаром, живого места на нем не оставила. Если уж Эмили стала такой, когда в ее жилы попала кровь Жана, то чего можно ждать от тебя? – Она обвиняющее толкнула меня в грудь.

– Но я никого такого не растерза… – Я осеклась, вспомнив тело вампира на полу бунгало, и испуганно взглянула в глаза Лаки.

Она знала, знала.

– Вацлав рассказал нам, – подтвердила она. – Только ему почему-то взбрело в голову, что из тебя получится неплохая Гончая. Но этому не бывать никогда! Уж я-то позабочусь.

– А что стало с твоей племянницей?

– Ее повесили, – глухо сказала Лаки. – Ей едва исполнилось восемнадцать.

– Сожалею, – пробормотала я. Поистине язык мой – враг мой.

– Да что ты понимаешь?! – вскипела вампирша. – Главное, что я избавлю от этого горя других, не дав тебе совершить новых преступлений.

– Значит, ты решила убить меня с самого начала? А маскировка под убийцу нужна, чтобы отвести от себя подозрения?

– Конечно. Зачем же еще! Я бывала на месте преступления, знала о записке, знала, какой яд использует убийца. Имитировать преступление было бы несложно. Когда тебе удалось сбежать от меня, я лишь укрепилась в своих подозрениях насчет тебя. Но потом никак не могла к тебе подобраться близко. Рядом все время крутился Глеб, потом Вацлав. Да и я не могла следовать за тобой каждые двадцать четыре часа, основной работы было навалом. Но за время работы Гончей я научилась выжидать, и вот сегодня все сложилось весьма удачно.

– Зачем же ты пришла мне на помощь, если хочешь убить? И как ты вообще здесь оказалась?

– Я шла за вами от самого «Подземелья» и видела все. Я собиралась дождаться, пока

Инесса прикончит тебя, а затем убила бы ее, обставив все как несчастный случай или самоубийство.

– Но зачем убивать ее?

– Это мой долг, – серьезно ответила Гончая.

– Без суда и следствия? А если возникнут сомнения в ее виновности в других убийствах?

– Не возникнут, – отмахнулась Лаки. – Эта овца вела дневник, в котором подробно описывала все свои убийства и даже составила список будущих жертв.

– И ты это давно знаешь? – поразилась я.

– То, что она убийца? Только сегодня узнала. А про дневник она в последние минуты думала. Она же страшно перепугалась, когда меня увидела. Знает, что Гончих подкупить невозможно. И уж если я ее с поличным поймала, то уже не отбрешешься.

– Что же ты не стала дожидаться, пока она меня прикончит, и пришла на выручку?

– Ты стала звать на помощь. Если бы я не вмешалась, на твои крики сбежалась бы толпа народу. Хорошо еще, что Инесса тебя хорошенько придушила и твой крик утонул в этом дворике.

Я закашлялась, признавая ее правоту. Мой голос не принадлежал мне, и нечего и думать о том, чтобы позвать на помощь.

– Вставай! – Лаки сильным рывком подняла меня с земли. – Я давно мечтала о такой сопернице.

– Ты хочешь со мной драться? – Я не поверила своим ушам.

– Раз уж все пошло не по плану и Инесса выбыла из игры, придется импровизировать. Будем считать, что я шла мимо, увидела, как Инесса напала на тебя, и бросилась на помощь. Но ты ее прикончила раньше, а потом озверела так, что напала и на меня. Мне ничего не оставалось, как обороняться, и победа оказалась на моей стороне.

– Это мы еще посмотрим. – Я вздернула подбородок. – И ты думаешь, тебе поверят?

– Все знают, чья кровь течет в тебе. Поверь, никто даже не удивится. Все убеждены, что рано или поздно это должно произойти. Готова?

– Всегда, – нарочито бодро отозвалась я.

– Тогда начнем.

Лаки не стала делать поблажек и с ходу обрушила на меня град резких, сильных ударов. За ее плечами были сотни схваток и десятилетия изучения единоборств, за моими – только груды глянцевых журналов, в которых содержался миллион советов о том, какую юбку выбрать к своему типу фигуры, как ужиться в новом коллективе и как соблазнить любого мужчину, но ни одного как выжить в рукопашном поединке с взбешенной девочкой-ниндзя. Самой ожесточенной схваткой, которая случалась на моем веку, была борьба за платье на распродаже, в которой потерпели поражение обе воевавшие стороны и трагически погиб предмет раздора, треснувший по швам. А вся моя физическая подготовка сводилась к бегу на каблуках за уходящей маршруткой и таскению сумок с покупками и новыми журналами. Вся моя глянцевая философия оказалась совершенно непригодной в критической ситуации. И сейчас отточенным, выверенным движениям своей противницы я могла противопоставить только бешеную злость, сконцентрировавшуюся в кулаках и каблуках, которыми я наугад молотила, иногда попадая в цель.

Для своего четырнадцатилетнего тела Гончая была в великолепной физической форме, но ее спортивная подготовка отчасти уравновешивалась моим превосходством в росте (девчонка была совсем мелкой) и телосложении. Несколько долгих минут мы колотили друг друга, царапали, пинали, хватали за волосы. Потом мне удалось сбить девчонку с ног. Она отлетела в тень, к стене, но уже через мгновение вновь стояла передо мной, поигрывая железным прутом арматуры. Я попятилась, споткнулась, чуть не упала и с ликованием подхватила с земли обломок тяжелой железной трубы, который подставил мне подножку.

– О, что-то интересненькое, – издевательски усмехнулась Лаки.

Ее лицо заострилось, детские черты исказил хищный оскал, и Гончая бросилась на

меня, сжимая в руках арматуру. Еще недавно я была бы уверена, что не выстою против нее ни минуты. Все было против меня. И пренебрежение спортивными кружками в школе и утренней зарядкой сейчас, и полная беспомощность девушки, выросшей в благополучной среде, и неумение постоять за себя и дать сдачи, и страх причинить боль другому. Но сейчас в меня словно вселился кто-то другой – хладнокровный, умелый, жестокий воин. Мой тезка. Жан.

С оглушительным металлическим скрежетом наши орудия скрестились и пустились в бешеный танец, стремясь доказать свое превосходство. Визжала арматура, отступая под натиском трубы, потом гулко ухала труба, терпя поражение от соперницы. Труба летала в моей руке, словно заколдованный меч. Казалось, это не я направляю ее – она сама увлекает меня за собой, задает темп и направление движений. Я отдалась на волю этого безумного танца и уже не думала, просто двигалась – крутилась волчком, приседала, отступала, нападала. В какой-то момент труба извернулась и с хрустом впечаталась во что-то мягкое. Лаки по-детски заскулила, выронив прут и прижимая к груди покалеченную руку. Ее глаза, впившиеся в мои из-под челки, были полны ужаса и боли. Да что ж я такое творю-то, в смятении подумала я, она же совсем ребенок. Воспользовавшись моим замешательством, Лаки резко отпрыгнула в сторону.

Мгновение, тяжело дыша, мы смотрели друг другу в глаза. Потом девочка развернулась и с бешеной скоростью понеслась прочь со двора.

Так даже лучше, не придется ее убивать, с облегчением подумала я. Хорошо бы сейчас, как по волшебству, пропал темный дворик с телом Инессы и я очутилась дома, в пахнущей ароматом «Давидофф» постели, и Глеб был рядом, и не было бы ни этой ночи, ни всех остальных после той роковой ссоры, и самой ссоры тоже не было бы…

Черная кошка с жалобным мяуканьем метнулась от стены, прижалась к моим ногам, дрожа всем телом.

– Иди ко мне, Маркиза. – Я подхватила кошку на руки, и она прильнула ко мне, уткнулась горячей мордочкой в шею. – Ты настоящая героиня. Если бы не ты, там бы сейчас лежала и я. – Я отвернулась от тела Инессы и зашагала в сторону «Подземелья». – Если бы ты была человеком, тебе бы полагалась медаль, – нашептывала я Маркизе. – Но так как ты только кошка, свою медаль получишь котлетами, идет? Я договорюсь с поваром, и на всю свою кошачью жизнь ты будешь обеспечена лучшей вкуснятиной. И все твои котята тоже. А хочешь, я возьму тебя к себе? Я, правда, не умею готовить котлеты, но обещаю кормить тебя самым элитным кошачьим кормом, какой только есть на свете.

Кошка благодарно замурлыкала и ткнулась мокрым носом мне в щеку. Новое кашемировое пальто от Селин можно было выбрасывать на помойку. Но разве в пальто счастье?

Глава 15
ВАМПИРЫ ПЛАЧУТ СЕРЕБРОМ

Я улыбнулась. Возможно, мне следует кое-чему научиться у Умы. Безжалостность – вот что мне необходимо, чтобы выжить. Я должна быть безжалостной. Нужно начинать прямо сейчас.

Джулия Кеннер. Код Живанши

Он был вампир до кончиков ногтей. В нем не было ничего человеческого, и даже в его приятном мужском лице угадывался лик ангела смерти.

Энн Райс. Интервью с вампиром

Сообщение о том, что виновница торжества и есть безжалостный убийца, было подобно взрыву бомбы. Конечно, сначала никто из гостей, весь вечер выпивавших за

здоровье именинницы, моим словам не поверил. Но в ту же ночь Вацлав и его парни обнаружили в квартире Инессы тайник с дневником, который снимал всякие сомнения в ее причастности к преступлениям. В нем Раевская подробно описала все убийства.

Следующей ночью старейшины и Гончие собрались на закрытое заседание, куда пригласили и меня. Среди старейшин рядом с Аристархом я с удивлением увидела Монику. Третьим был представительный брюнет лет сорока, которого я никогда раньше не встречала. Место четвертого старейшины отныне было вакантно.

Я еще раз повторила, как догадалась о логике убийцы, как расставила ловушку и как ждала нападения. Вацлав привычно хмурился, Аристарх кусал губы, бледнея при мысли об опасности, которой я себя подвергала. Он так и не признался в своих чувствах к Инессе. Да и были ли они? Может, мне только показалось? Старейшины и Гончие тоже были мрачны и молчаливы: и те и другие лишились лучших своих людей. Старейшинам было трудно поверить в безумие Инессы, репутация которой была безупречной на протяжении века. Гончим было непросто смириться с тем, что их боевая подруга нарушила закон и сделалась преступницей.

Ситуацию с Инессой прояснил Вацлав, выложив на стол дневник и серебряную подвеску на цепочке. Безумие Раевской началось после возвращения с Недели моды в июле. Именно тогда Инесса, раньше лишь насмехавшаяся над любителями подделок, почувствовала к ним непреодолимую неприязнь и вынесла им модный приговор, о чем подробно написала в своем дневнике.

– Недаром я ненавидел эту подвеску, – тихо проговорил Аристарх.

– Не может быть! – ахнула я, сложив воедино легенду и историю про миланского возлюбленного Инессы, арестованного за убийства вскоре после ее отъезда. – Это Тринадцатая Слеза?

– Но это просто легенда! – вскинулся незнакомый мне старейшина.

– У тебя есть более правдоподобная версия безумия Инессы, Руслан? – обернулся к нему Вацлав. – Заметь, подвеску подарил ей убийца, который жестоко изуродовал шестерых человек. И когда через пару дней после отъезда Инессы полиция вышла на его след, парень был настолько растерян, что сразу сознался в преступлениях. На допросах он признался, что всегда завидовал более успешным манекенщикам, но в последнее время на него будто что-то нашло, что-то темное, что толкало его на преступления и заставляло кромсать лица соперников. А буквально на днях он словно очнулся и пришел в ужас от того, что сотворил. Он даже хотел идти в полицию с повинной, только она нагрянула раньше. Конечно, его словам про чистосердечное признание и наваждение никто не поверил. Экспертиза признала его полностью вменяемым.

– Но если это и правда Слеза, как же он мог так легко ее подарить? – удивилась я. – Даже Ева Фиери не смогла расстаться с подвеской и отдать ее на память жениху. А ведь их связывали более длительные и серьезные отношения, чем Инессу с манекенщиком.

– Ты недооцениваешь силу вампирского магнетизма, – заметил Вацлав. – У Инессы он зашкаливал.

Почему же недооцениваю? Вполне оцениваю. Убийца все время была у меня перед носом, а в мою голову даже мысли не закралось о причастности утонченной и элегантной Раевской к преступлениям.

– Удалось выяснить, кому она принадлежала раньше? – Моника кивнула на подвеску.

– Парень купил ее в какой-то мелкой лавочке, и прежнего хозяина уже не найти. Но имена более ранних владельцев известны всем. Это граф Влад Цепеш, ставший прототипом Дракулы, отравительница Лукреция Борджиа, маркиз де Сад… Все они были одержимы какой-то страстью и ради нее не щадили других людей.

– Это лишь домыслы! – вмешался Руслан.

– На их портретах или в свидетельствах очевидцев так или иначе появляется это украшение, – возразила Моника.

– Свидетельства разнятся, никакой уверенности нет, – нахохлился недоверчивый

старейшина.

– Зато есть девять трупов и свихнувшаяся на почве моды Инесса, – резко заметил Вацлав.

Я вспомнила ужин с Глебом в «Подземелье», тень Инессы, которая отбрасывала совсем другой женский силуэт – с тонкой талией, затянутой в корсет, с пышной юбкой, со старомодной прической. Быть может, то была тень прежней владелицы подвески – единственной женщины из тех извергов, которых перечислил Вацлав? И не повлияла ли тень бывшей хозяйки украшения на выбор Инессой средства убийства? По сути она продолжила дело Лукреции Борджиа. А может, та тень – лишь игра света и моего воображения, затуманенного бокалом вина…

– А почему она выбрала именно такой метод убийства? – глухо поинтересовался Аристарх, озвучив мой вопрос.

– Дело случая, – пояснил Вацлав. – Вернувшись в Москву и страдая от разлуки с любовником, которого она считала несправедливо обвиненным, Инесса познакомилась с мужчиной, отдаленно похожим на него. Он оказался химиком и, будучи под гипнозом, добыл для нее яд, который разработали в их лаборатории.

– Итак, здесь все признания в убийствах? – Моника с озабоченным видом листала дневник Инессы. – Что ж, дело можно считать закрытым. Так, Вацлав? Теперь перейдем к Гончим. Вы нашли Лаки?

Вацлав молча кивнул.

– Что с ней?

– Она мертва.

– Не стоило убивать ее без суда, – поджала губы Моника.

– Ее никто не трогал, – возразил Вацлав. – Лаки сбила машина неподалеку от клуба.

– Виновник? – сухо спросил Руслан.

– Пьяный водитель, – четко отрапортовал Вацлав.

– Еще вопросы? – Руслан обвел взглядом собравшихся.

Взоры всех непроизвольно скрестились на маленьком кружке смертоносного серебра.

– Как быть с этим? – задал Вацлав волнующий всех вопрос.

– Уничтожить, – убежденно сказал Аристарх. – От этой подвески одни беды.

– Сказки, – поморщился Руслан.

– Может быть, отдать ее тебе? – сощурился Аристарх.

– Перестаньте, – нахмурилась Моника. – Ее надо спрятать.

– Зачем? – запротестовал Аристарх. – Это же просто чума!

– Если это и впрямь часть легендарной чаши, то она представляет собой историческую ценность, – непререкаемым тоном заметила Моника.

– Не нужна нам такая историческая ценность! – воскликнул Аристарх.

– Что ж, я вижу, у нас возникли разногласия, – констатировала Моника. – Проведем голосование?

– Мы не в полном составе, – вяло возразил Аристарх, уже предчувствуя результат голосования.

– Иного состава пока нет. Итак, голосуем. Я – за то, чтобы сохранить ее и надежно спрятать.

– Я против, – насупился Аристарх.

– Я согласен с тобой, Моника, – сообщил о своем решении Руслан.

– Решено, – кивнула Моника. – Вацлав, ты возьмешь ее и спрячешь так, чтобы ни одна живая душа, даже мы, не знали о ней. Так будет справедливо, и никто не упрекнет нас в предвзятости и личной заинтересованности.

Вацлав коротко кивнул. От меня не укрылось его недовольство: в этой ситуации он был всецело на стороне Аристарха.

По дороге домой я задала Аристарху последний невыясненный вопрос:

– И все-таки где ты был в ночь убийства Глеба?

– А ты разве не догадалась? – Он виновато взглянул на меня. – Я был у дома твоей бабушки. Просидел всю ночь под ее окнами, но так и не решился с ней поговорить.

– И слава богу, что ума хватило, – проворчала я.

Три дня после того заседания я провалялась в постели, поднимаясь только для того, чтобы покормить Маркизу. Кошка с интересом исследователя бродила по квартире, забиралась на шкафы, ворошила журналы. Благодаря ей дом наполнился звуками, шорохами и легкими шагами, от которых на сердце делалось теплее. А уж когда кошка запрыгивала мне на грудь и начинала урчать, прислонив мордочку к моей мокрой от слез щеке, что-то внутри меня начинало оттаивать.

Я проплакала почти все эти три дня. Хотя убийца Глеба и была наказана, желаемого облегчения мне это не принесло. Только присутствие кошки наполняло жизнь хоть каким-то смыслом. Теперь мне было о ком заботиться и к кому возвращаться домой. Маркиза, позволившая себя искупать, оказалась настоящей красавицей. И судя по тому, как уверенно она чувствовала себя дома, кошка не была дворовой с рождения. Когда-то у нее был другой дом и другой хозяин, но что с ними стало, навсегда останется для меня тайной.

На четвертый вечер я проснулась с горячим желанием навестить бабушку. Затарившись пакетом низкокалорийных йогуртов и фруктов, баночкой душистого зеленого чая и любимым бабушкиным творожным тортом, я явилась в гости. На мой настойчивый трезвон никто не вышел, а когда я открыла дверь своим ключом, квартира отозвалась тревожной тишиной. Бросив пакет в коридоре, я, не разуваясь, пронеслась по комнатам в предчувствии самого страшного.

Бабушки нигде не было. Везде царил полный порядок, исключавший версию похищения бабули инопланетянами и прочие криминальные варианты. Все выглядело так, как будто бабушка ушла прогуляться. Подтверждением тому было и отсутствие зимнего пальто с парой сапог в прихожей, и ровный ряд шляпок на полке. Когда однажды в дом пробрались воры, первым делом пострадали шляпки: злодеи сбросили их на пол и жестоко надругались – оторвали поля и подкладку в поисках запрятанных денег, а когда ничего не нашли, то в бешенстве растоптали их. Бабушка тогда больше всего переживала из-за погибших шляпок, а не из-за вынесенного телевизора. Сейчас же шляпы лежали на месте, аккуратно разложенные на полках. Одна, вторая, третья, четвертая…

Я похолодела и еще раз пересчитала шляпки. Четыре. Именно столько было у бабушки на зимний сезон. И она никогда, никогда бы не позволила себе переступить порог дома без головного убора. Случись падение метеорита или нашествие мамонтов, бабуля все равно не забыла бы надеть шляпку перед выходом. Что же такое могло произойти сейчас, чтобы бабушка пренебрегла шляпкой?

В кухне зазвонил телефон, и я бросилась к нему с предчувствием беды.

– Алло, – выдохнула я в трубку.

– Салют, mon amour, – пропел в ответ чарующий мужской голос со знакомым французским акцентом.

– Жан? – У меня потемнело в глазах.

– Наконец-то, моя маленькая Жаннет. Я так долго ждал, когда же ты появишься.

– Где моя бабушка?

– С Лиз все в порядке, не волнуйся.

– Зачем ты это делаешь?

– Мне нужны Слезы, – коряво ответил Жан.

– Ты что, садист?

– Нет, mon amour, я мечтатель.

– Мечтаешь осчастливить этот мир своим господством? Щас обрыдаюсь, – угрюмо пообещала я.

– Прибереги свои слезы для Аристарха.

– О боже, он-то тут при чем?

– У него есть то, на что я готов обменять твою драгоценную бабушку.

– Хватит ходить вокруг да около! – рявкнула я, теряя терпение. – Какого черта тебе надо?!

Жан засмеялся.

– А ты знаешь, на тебя невозможно сердиться, mon amour. Ведь ты такая же, как я.

Я молчала.

– Мне нужна Слеза Силы, – продолжил Жан. – Ты заберешь ее у своего деда и встретишься со мной.

– Слеза не принадлежит Аристарху, ею распоряжается Совет старейшин, – возразила я, зная заранее, что это бесполезно.

– Вот поэтому я и пригласил в гости мадам Лизетт, ради которой Аристарх готов пожертвовать своим долгом.

– Если с ней что-нибудь случится… – с угрозой прорычала я.

– Понял, ты меня съешь, – ухмыльнулся Жан и отключился.

– Я его убью! – повторил Аристарх уже в который раз.

Мы сидели на бабушкиной кухне перед нетронутыми чашками остывшего кофе. Аристарх кипятился, я молчала. Положение было удручающее. Слеза Силы была спрятана в сейфе, адрес которого знала только Моника. Сейф открывал код, части которого были распределены между Аристархом, Русланом и Инессой. Аристарх знал только четыре цифры из двенадцати, часть кода Инессы погибла вместе с ней. Даже если восстанавливать фрагмент кода с помощью специалистов, другие старейшины ни за что в жизни не отдадут один из последних фрагментов чаши Жану.

– Я его убью, – в отчаянии повторял Аристарх. – Ему мало того, что он сделал с тобой, так он еще до Лиз посмел дотянуться… Я его убью.

– Нет, его убью я, – твердо сказала я.

Аристарх осекся и бурно запротестовал:

– Что ты такое говоришь?!

– Существует только один способ заставить старейшин отдать нам Слезу. И тебе он прекрасно известен.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – нахохлился Аристарх.

– Дедуль, – оборвала его я, – давай договоримся: я взрослая девочка и понимаю, на что иду.

– Ты меня хочешь оставить круглым сиротой, – жалобно простонал вампир.

– Ничего, у тебя останется сын, – обнадежила я. – Ты же не бросишь моего папу в случае чего?

– Ну что ты такое говоришь! – надрывно возразил Аристарх.

– Слушай мою команду. Сейчас ты звонишь Монике и Руслану и приглашаешь их на чрезвычайное заседание. Я, само собой, с вами. Рассказываем им все как есть. Ради спасения неизвестной старушки они, конечно, Слезу не отдадут. А вот ради того, чтобы избавиться от Жана, а если повезет, то и от нас обоих, могут и согласиться.

– Ну вот что ты такое говоришь, а?! – тоскливо проскулил Аристарх.

Я знала, что говорю. Я думала об этом все два часа над чашкой остывающего кофе. Капля крови Жана во мне делала нас равными соперниками. В его руках было одиннадцать Слез, зато в моих при положительном решении старейшин окажется козырь, который мог побить их все. Слеза Силы может стать серьезным аргументом в поединке. Я видела ее в деле, и это придавало мне уверенности. Если повезет, я смогу убить Жана. Если случится чудо, то я даже останусь жива. Но старейшинам об этом говорить не стоит. В их интересах избавиться от нас обоих.

– Жанна, – стиснув зубы, прошептал Аристарх, – я тебя никуда не пущу.

– Для начала нам надо уговорить старейшин. – Я подвинула к нему телефон.

Аристарх обреченно вздохнул и набрал номер.

Моника и Руслан совещались долго. Мы с дедом томились в другой комнате. Позиция Аристарха была понятна, поэтому его к совещанию не приглашали. Наконец красавица-модель и мужчина, который в обычной жизни вполне мог быть ее покровителем-олигархом, вернулись.

– Мы согласны, – царственно кивнул Руслан. – А теперь обсудим детали.

– Недостающую часть кода поможет восстановить Володя Карасик, – сообщила Моника и смущенно запунцовела, выговорив имя младого хакера. Оказывается, и столетние вампирши умеют влюбляться, как девчонки.

– Сколько времени это займет? – торопливо спросил Аристарх.

Моника замялась.

– Звони, – велел Руслан, – и узнавай.

Вампирша выскользнула из комнаты, на ходу ткнув в одну клавишу. Его номер у нее в быстром наборе? Да Карасик зря времени не теряет.

– У нас есть два условия, – объявил Руслан, сверля меня взглядом. – Слезу мы тебе дадим только в присутствии Вацлава.

«Мы тебе не доверяем, – читалось в его глазах. – Мы не знаем, как ты себя поведешь, когда в твоих руках окажется амулет. Мы тревожимся, как он подействует на тебя. И на этот случай поблизости будет наш охотник, который пристрелит взбесившуюся собаку, если она сделается опасной».

– Разумеется, – спокойно кивнула я, не выдав своей обиды.

– Он также будет присутствовать при вашей встрече с Жаном, – добавил Руслан.

«На тот случай, если ты одолеешь Жана и завладеешь всеми Слезами, мы должны перестраховаться».

– Исключено, – вмешался Аристарх. – Жан на это не согласится. Разве ты этого не понимаешь?

Руслан вздохнул, признавая его правоту, и с недовольством сказал:

– Не хотелось бы этого делать, но придется… Мы должны перестраховаться, понимаешь? – Он обращался к Аристарху.

Тот угрюмо кивнул, соглашаясь с его опасениями.

– Для встречи с Жаном мы дадим тебе Тринадцатую Слезу, о которой он не знает, – сообщил Руслан.

– Нет! – вскинулся Аристарх. – Да вы с ума сошли!

– Старейшина прав, – тихо возразила я. – У вас должны быть гарантии, что, получив Слезу, я не откажусь от поединка и не обменяю ее на жизнь бабушки.

Руслан коротко кивнул. Аристарх потрясенно замер, начиная понимать. Это только на первый взгляд могло показаться, что старейшины рискуют, отдавая мне два недостающих амулета. На самом деле подвеска с Тринадцатой Слезой многократно усилит мою неприязнь к Жану, она выжжет из моего сердца жалость и наполнит его лютой ненавистью, заставив желать ему смерти. Как только подвеска окажется на мне, я превращусь в орудие убийства, не знающее пощады, и моей целью будет Жан.

– Жанна, не соглашайся, – сдавленно попросил Аристарх, и я знала, о чем он думает.

Даже если мне повезет и я убью Жана, в живых меня не оставят. Добровольно со Слезой я расстаться не смогу, а отнять ее у меня, наследницы Жана, никто не рискнет. Бешеных собак пристреливают, не так ли?

Я сказала единственное, что могла сказать в этой ситуации:

– Я согласна.

Я точно знала: если я откажусь, Жан не пощадит бабушку. А я не смогу жить двести лет, зная, что не попробовала ее спасти. И потом, если повезет, я заодно помешаю его планам по поводу мирового господства над вампирами. Хоть какая-то от меня польза за всю мою бездарную, наполненную погоней за шмотками жизнь.

Аристарх заскрежетал зубами, в глазах Руслана мелькнуло удовлетворение охотника,

который собирался убить одним выстрелом двух зайцев.

Вернулась Моника, сияя глазами.

– Володя сказал, что за час справится.

– Когда мы сможем забрать Слезы? – спросила я.

Моника подошла к окну, отдернула штору.

– Скоро взойдет солнце, значит, сегодня вечером, как только стемнеет.

Жан позвонил мне перед рассветом, как только я вернулась домой.

– Тебе нравится рассвет, mon amour? – светски поинтересовался он вместо приветствия и процитировал Бодлера.

– Сволочь ты! – с чувством сказала я.

– Да? – удивился подлец. – А Лизетт считает иначе. Вот Аристарх ее страшно разочаровал тем, что не захотел поделиться с ней бессмертием, а потом представился твоим женихом и сделал вид, что с ней незнаком. А я, как честный вампир, раскрыл ей глаза и заслужил ее уважение.

– Я тебя убью, – отчетливо сказала я.

Маркиза, сидевшая у моих ног и внимательно слушавшая мой голос, воинственно встопорщила шерстку на спине.

– Многообещающее заявление, mon amour, – рассмеялся вампир. – Что ж, тогда не станем откладывать нашу встречу. Как скоро ты будешь готова?

– К вечеру Слеза будет у меня.

– Тогда я жду тебя ровно в полночь. – И Жан продиктовал улицу и строение.

– Где? – потрясенно переспросила я, услышав знакомый адрес.

Он расхохотался, довольный произведенным эффектом.

– Знакомое местечко, mon amour?

Я поежилась, вспоминая темные проемы окон и зловещий силуэт заброшенной фабрики в районе Котловки. С нее все начиналось, в ней и закончится. Очень символично, я оценила задумку Жана и его склонность к эффектным жестам. Не задержись я тогда у фабрики, я не столкнулась бы с Жаном и, пока он шатался вокруг моего дома, сидела бы себе на диване и листала свежий «Космо». Вот только… откуда он знает про фабрику?

– Я смотрю, ты хорошо подготовился к нашей встрече, – неприязненно заметила я.

– О, ты будешь приятно удивлена! – заверил меня вампир.

– Сомневаюсь насчет приятно. Кстати, бомжи нам не помешают? – ехидно спросила я. – Или ты желаешь подкрепиться перед нашей встречей крепкой кровью, разбавленной самогоном?

– Не беспокойся, – фыркнул Жан. – Посторонних там не будет. Это теперь частные владения.

– Ну надо же! – искренне удивилась я. – Какой-то идиот польстился на эту развалюху. Посмотреть бы на этого чудика.

– Ровно в полночь я к твоим услугам, mon amour, – отозвался Жан.

Я ошарашенно промолчала. Что-то было не так с этой сделкой, только я не могла взять в толк, зачем это Жану. Чтобы встретиться со мной в здании на одну ночь, вовсе не обязательно выкупать его. Тогда зачем ему понадобились эти развалины Помпеи, когда, по словам Светланы, у него собственный замок в пригороде Парижа, апартаменты в Майами и вилла в Ницце?

– Когда был подписан договор? – очень медленно спросила я.

– Вчера вечером, – с легким удивлением ответил вампир и после паузы добавил: – Даю подсказку: это не тот вопрос, ответ на который тебя заинтересует.

У меня перехватило дыхание от догадки.

– Кто выступал агентом? – выпалила я.

– А вот это правильный вопрос. Приезжай вечером – увидишь. А пока – сладких снов, mon amour.

Мое сердце ухнуло вниз, простившись с последней надеждой, и трубка чуть не выскользнула из оцепеневших пальцев.

– Ты труп, – заорала я, – если до Сашки хоть пальцем дотронешься, тебе не жить!

Жан не стал меня слушать – довольно расхохотался и нажал отбой.

Маркиза как-то встревоженно мяукала, крутясь у моих ног. Я отмахнулась от кошки и торопливо набрала номер мобильного Саши – аппарат был выключен. Сбросила вызов, раздумывая, стоит ли звонить Саше домой в такую рань, и вздрогнула – телефон в моих руках ожил, высвечивая домашний номер подруги.

– Алло! – торопливо сказала я.

– Жанна, Жанночка! – взволнованно заговорила Сашина мама. – Прости, что так поздно. Я тебя не разбудила?

– Да нет, теть Поль, я только домой вернулась, – осторожно ответила я.

– А Саша не у тебя? – Женщина не удержалась и всхлипнула. – Я уже всех подруг обзвонила, только до тебя дозвониться не могла.

Я едва не застонала от безысходности, но нашла в себе силы выровнять дыхание и ответить непринужденным тоном:

– А где же ей еще быть, теть Поль? Она вас разве не предупредила?

– Жанна, так она с тобой? – в облегчении разрыдалась трубка. – Дай мне ее сейчас же!

– Теть Поль, мы только что из клуба пришли. Сашка спать повалилась как убитая, жалко ее будить, – наплела я. – Простите ее, да успокойтесь же вы! Вы, наверное, знаете, у Саши вчера была важная сделка. Ну мы и решили в клуб пойти, чтобы отметить.

– Да-да, она мне говорила, – успокоившись, забормотала тетя Полина. – А потом ее нету и нету, я звоню, а телефон отключен. Я уже не знаю чего себе напридумывала. Пусть, как проснется, сразу мне позвонит!

– Обязательно, – отрешенно пообещала я, прощаясь. – Только мы теперь полдня проспим, суббота все-таки.

Пальцы дрожали так, что я положила телефон на базу только с пятой попытки. Тринадцатая Слеза мне была уже ни к чему. Ненавидеть Жана еще больше, чем сейчас, было просто невозможно.

За окном занимался рассвет. Я смотрела на светлеющее небо до рези в глазах. Потом задернула шторы и рухнула на постель. Ненависти в моей душе было достаточно, теперь хорошо бы набраться сил.

Проснулась я на закате. Забралась на подоконник с ногами и провожала последние лучи последнего в моей жизни солнца, прихлебывая обжигающий кофе и рассеянно поглаживая Маркизу, не отходившую от меня ни на шаг. Солнце, словно предчувствуя расставание, на прощание расстаралось: разрисовало синеющее небо нежными розовыми мазками, и я вспомнила другой вечер. Мы с Сашкой вышли из офиса, она запрокинула голову, любуясь небом, и воскликнула:

– Жанка, красота-то какая!

Я в это время провожала завистливым взглядом красные сапожки обогнавшей нас блондинки и мучительно вспоминала, где же я их видела – в «Гламуре» или в «Вог».

– «Вог», – мрачно сказала я.

– Что? – Сашка удивленно обернулась ко мне.

– «Вог», Донна Каран, две тысячи евро, – вздохнула я, с тоской глядя вслед блондинке.

– Жан, иногда ты меня пугаешь! – серьезно сказала Саша и встряхнула меня за плечо. – Ты только посмотри, какое небо! В Москве такие ясные вечера по пальцам сосчитать можно.

Я наконец-то подняла глаза к небу и искренне восхитилась:

– Гламурненько! Знаешь, на днях показывали репортаж с Недели высокой моды. На одной из моделей было платье точно такого цвета – лавандовое, с розовыми разводами. Ультраотпад!

Сашка тогда посмотрела на меня с таким беспокойством, что мне стало не по себе.

– Только не говори, что меня пора сдать на опыты, – попыталась отшутиться я.

– Нет, Жан, поздно, – сердито возразила она. – Все возможные опыты на тебе уже провели. Ты зазомбирована своим гламуром дальше некуда.

Только сейчас я отчетливо поняла, какой же беспросветной идиоткой я была тогда, в вечер накануне встречи с Жаном. Ни одно платье в мире не передаст красоты закатного неба, и все модные сапоги этой планеты не стоят Сашкиной дружбы…

Зазвонил телефон, определитель высветил домашний номер Саши.

– Алло, – выдохнула я в надежде услышать голос подруги.

– Девочки, вы уже проснулись? – поприветствовал меня бодрый голос тети Полины. – Дай мне Сашу.

Чтобы успокоить тетю Полю, пришлось пойти на очередной обман и изобразить охрипшую Сашку. Подружка любила громко подпевать песням на дискотеке и уже не раз срывала голос, так что ее мама поверила в то, что у дочурки все в порядке, и не стала возражать против того, что Саша задержится у меня с ночевкой еще на одну ночь.

Солнце скрылось за крышами домов, в небе гасли последние всполохи розового, кофе закончился, Маркиза, свернувшись клубком, уснула у меня на коленях. Начиналась ночь, в которую Серебряным Слезам суждено было собраться воедино спустя почти пятьсот лет.

Аристарх и Вацлав приехали через два часа. Оба выглядели неважно – усталые, небритые, с кругами под глазами. Но если для Вацлава щетина была в порядке вещей, то для всегда выбритого и благоухающего лосьоном Аристарха это был нонсенс. Похоже, дед не спал всю ночь, переживая за бабушку. А ведь он еще не подозревает, что ей все известно о нем, обо мне, о нас. Впрочем, он достаточно хорошо знает Жана, чтобы не питать иллюзий насчет его благородства, и вряд ли мои слова станут для него неожиданностью.

Я перевела задумчивый взгляд с Аристарха на Вацлава. Если глаза деда были потухшими и матовыми, то глаза Вацлава лихорадочно блестели, словно в предвкушении большого приключения.

– Что ты задумал? – угрюмо спросила я. – Только не надо отпираться.

Вацлав покосился на Аристарха, будто спрашивая у него согласия раскрыть государственную тайну. Тот вымученно кивнул.

– Мы тебя страхуем, – признался глава Гончих.

– Исключено, – отрезала я. – Жан…

– Жан выставил своих людей по всему периметру фабрики, – перебил меня Вацлав. – Их там не меньше двадцати.

– Он ничего не говорил об этом, – недоуменно пробормотала я. – Наоборот, намекал на тет-а-тет.

– Догадываешься, что это значит? – угрюмо спросил Аристарх.

– Что?

– Охрана нужна, потому что у него с собой будут все Серебряные Слезы, – сказал Вацлав. – Ему не терпится собрать их воедино и получить власть. И он планирует сделать это прямо там, как только получит недостающий фрагмент.

– Вот зачем понадобилось покупать здание. – Я потерла лоб. – Он позаботился, чтобы ему никто не помешал в ответственный момент. Ни бродяги, ни милиция, ни ФСБ. Но как вы собираетесь… – Я подняла глаза на Вацлава.

– Мы проводим тебя до фабрики и останемся снаружи, – с недовольством сказал он. – Его люди не дадут нам войти внутрь, а сражаться с ними мы не станем, чтобы не навредить заложнице.

– Заложницам, – поправила я. – У него еще Саша.

Вацлав выругался.

– Это точно?

– Точнее не бывает.

– Только бы Ирвинг об этом не узнал, – озабоченно сказал он. – Иначе наломает дров.

– Они что, до сих пор встречаются? – поразилась я.

– Я тебя очень прошу, молчи, – попросил Вацлав. – Ни слова о Саше.

Я коротко кивнула. Вацлав быстро взглянул на часы.

– А теперь перейдем к самому главному, – поторопила я гостей.

Вацлав выложил на стол цепочку Инессы с кулоном. Аристарх подвинул бархатную коробочку со знакомым мне серебряным солнышком на шнурке. Слеза Ненависти и Слеза Силы. Все вместе – серьезное оружие в руках неопытной девчонки. Наверное, об этом сейчас думали оба вампира, с тревогой глядя на то, как я обматываю шнурок с солнышком вокруг запястья на манер браслета и застегиваю на шее цепочку Инессы.

Я обвела взглядом напрягшихся мужчин и улыбнулась.

– Да расслабьтесь вы, не трону.

– Что ты чувствуешь? – сдавленно спросил Аристарх. Я прислушалась к своим ощущениям и честно сказала:

– Хочу ватрушку с творогом.

Аристарх так потешно вытаращился на меня, что я не удержалась от смеха.

– А ты думал, я захочу взять косу и пойду косить всех, кто попадется мне навстречу в эту безлунную ночь? О, – я прищурилась, – а ты хорошо подготовился.

– В каком смысле? – растерянно пробормотал он.

– У тебя пистолет.

– У него пистолет? – удивился Вацлав.

– В левом кармане, – подсказала я.

– Я же сказал, никакого оружия, ты просто наблюдатель! – проскрежетал Вацлав.

– С серебряными пулями, – окончательно сдала я деда.

– Откуда ты это знаешь? – запоздало поинтересовался Вацлав.

– Просто чувствую. Постой, – удивилась я, – ты же тоже использовал Слезу Силы, разве с тобой такого не было?

– Нет, – признался Вацлав. – Я просто предугадывал каждое движение противника и успевал уйти в сторону или первым нанести удар.

Я вспомнила развернувшуюся на моих глазах схватку в бунгало.

– Ты еще двигался очень быстро, – отметила я.

– А я еще удивился, что мои противники, наоборот, двигались как в замедленной съемке, – поделился Вацлав.

– Да нет, – задумчиво сказала я, – они двигались с нормальной скоростью, а вот ты превратился просто в Человека-молнию. А сила? – спохватилась я. – Ты чувствовал, что в тебе силищи, как у борца сумо?

Вацлав покачал головой.

– Я просто стал более ловким. – Он в задумчивости почесал щетину, что-то припоминая. – А вот трансвестит, у которого я кулон отобрал, был необычайно сильным для своего хрупкого тела и ничуть не уступал мне.

– Получается, что с каждым владельцем Слеза ведет себя по-разному? – предположил Аристарх и азартно добавил: – А что, если она дает ему то, что необходимо для победы? Вацлав выступал в схватке один против троих. У него было достаточно силы и боевых навыков, поэтому Слеза прибавила ему скорости в движениях.

– А мне к чему знать, у кого сколько пистолетов? – разочарованно пробурчала я. – Лучше бы эта цацка мне тоже силу дала, как тому трансу, или скорости, как Вацлаву.

– А ну ударь меня, – неожиданно потребовал Вацлав.

– Зачем это? – покосилась я.

– Ну ударь! – взмолился он.

Я перегнулась через стол и ткнула его кулаком в грудь. Вацлав даже не шелохнулся. Только разочарованно вздохнул. Я придвинула чашку, сделала большой глоток кофе и закашлялась: какой горячий!

– Это моя, – запоздало подсказал Аристарх. – Обожглась?

Я с укоризной взглянула на него сквозь слезы, набежавшие на глаза. Мог бы и предупредить! Кофе в моей чашке давно остыл, а дед пил из чашки, сделанной из нержавейки. Ее еще очень любил Глеб за то, что она долго сохраняла напитки горячими. Я и не заметила, как перепутала чашки, ведь снаружи термокружка всегда оставалась холодной.

– Не понимаю, – сказал Вацлав, не замечая моих страданий по случаю обожженного нёба. – Я же видел, как ты тогда размозжила одному из прихвостней Жана голову флаконом духов. И Глеб клялся, что ты из него чуть душу не вытрясла!

– Я была вне себя от злости тогда, – ответила я на вопрос и машинально стиснула чашку, которую так и держала в руках, когда перед глазами пронеслись те события. В глазах полыхнуло – словно ненависть тех прошедших событий снова ослепила меня. Откуда-то издалека донесся встревоженный вскрик. Я очнулась и с недоумением посмотрела на Аристарха, некстати раскричавшегося.

– Ты что?

Он кивком указал на стол. Я опустила глаза, и мне стало плохо. Намертво стиснутый кулак сжимал искореженную железку, в которой я с трудом узнала любимую кружку Глеба. Выплеснувшийся из чашки кипяток черными брызгами окрасил серебряное солнышко на запястье и ожег кожу до волдырей. Меня затошнило от жуткого зрелища, но не от боли. Ее я не чувствовала. Я с криком разжала ладонь; смятая, словно прессом, чашка с дребезжанием прокатилась по столу, расплескивая остатки кофе, и упала на пол.

– Вот все и прояснилось, – прозвучал спокойный голос Вацлава. – Силу тебе придает ненависть, которую со своей кровью вложил в тебя Жан. А Слеза избавляет от боли и наделяет знаниями об оружии противника. Очевидно, чтобы ты сама могла воспользоваться им.

– Логично, – кивнул все еще ошарашенный демонстрацией моих способностей Аристарх. – В рукопашной от тебя толку мало, особенно против нескольких противников, а вот с пистолетом есть шансы на победу.

– Я бы тебе дал свой, – вмешался Вацлав, – да тебя все равно обыщут при входе. Так что при первой возможности разоружай охрану и действуй.

– Хотите сказать, что я теперь стрелять умею? – потрясение спросила я.

– Руку на отсечение даю, – убежденно ответил Вацлав. – Причем не только умеешь, но и никогда не промахиваешься.

Здание фабрики выглядело черной дырой на фоне отдаленных огней микрорайона. Темное, пустынное, зловещее, оно лежало на заснеженном пустыре, словно спящий циклоп. Сравнение с одноглазым великаном не зря пришло мне в голову – в здании светилось одно окно, в углу под самой крышей.

Микроавтобус Гончих припарковался у обочины, слившись с тьмой. Я быстро клюнула в щеку Аристарха, наказав ему в случае чего не бросать Маркизу, кивнула ребятам и выпрыгнула из машины.

Мобильный завибрировал, когда я была на полпути к фабрике.

– Mon amour, – попенял мне голос Жана, – ты привела с собой хвост.

– Я принесла с собой Серебряную Слезу, – зло возразила я. – Неужели ты думал, что старейшины отпустят меня с ней без охраны?

– Иного я и не предполагал, – ухмыльнулся вампир.

– Так какого черта ты выделываешься?! – рявкнула я, сворачивая к главному входу с заржавевшей стальной дверью.

– Дикая кошка, – рассмеялся Жан. – Я жду тебя.

Я подошла к двери и шибанула по ней кулаком. Кулак вошел в сталь, как в пластилин, не встретив сопротивления. Спасибо тебе, Жан, ты выбрал правильные слова для приветствия, с мрачным удовлетворением подумала я, но тут же обругала себя за неосторожность. Только бы его гориллы не увидели вмятину на двери!

Дверь со скрежетом открылась, пропуская меня внутрь. Я проморгалась, привыкая к

кромешной темноте после тусклого уличного фонаря, и удивленно присвистнула.

– Надо же, какой почетный прием! Двенадцать человек эскорта на меня одну – это крайне лестно.

Крепкие охранники, полукругом выстроившиеся у входа, не проронили ни звука.

– А, ну да, вы же французы. Бонжур, месье!

Из центра вооруженной до зубов дюжины (у некоторых за плащами было по два пистолета) выступил главный головорез.

– Только без глупостей, мадемуазель. Мне поручено обыскать вас.

Я, паясничая, подняла руки. Парень не думал шутить: он тщательно и деловито, без всякого мужского интереса, ощупал все мои выпуклости. Даже обидно, черт возьми!

– Проходите, – дал добро он, и его молодцы молча расступились, освобождая проход к лестнице. – На верхний этаж и налево до конца.

– Мерси. – Я издевательски изобразила книксен и не отказала себе в удовольствии: сделав вид, что оступилась, вильнула в сторону и вонзила шпильку сапожка в нос ближайшего черного ботинка. Приглушенный вопль не заставил себя ждать. Вот и первая потеря вражеской стороны.

– Пардон! – лучезарно улыбнулась я и взбежала вверх по лестнице.

Все пролеты я пролетела на одном дыхании. У входа на последний этаж едва сдержала испуганный вздох, когда от стены отделились несколько силуэтов. Жан серьезно позаботился об охране и на последнем этаже выставил еще шестерку своих людей. Охранники не стали чинить мне преград и молча пропустили на этаж, указав направление.

– Спасибо, я не блондинка и знаю, где находится лево, – ядовито процедила я, ступая в темноту неосвещенного коридора. Тут же наткнулась на какую-то железную коробку и чертыхнулась. Что за баррикады они сюда натащили?

Пройдя несколько метров, я поняла, что это постарались еще бомжи, заставившие коридор всяким хламом вроде сломанного дивана и кучи тряпья. Конечно же у Жана не было времени сделать евроремонт и провести генеральную уборку. Поэтому все железяки и коробки просто сдвинули к стене, и сейчас я шла мимо кладбища старых вещей к полоске света в конце коридора, впервые не жалея замшевых итальянских сапог и отбрасывая мыском металлические рейки и проволоку с пола.

С грохотом отмаршировав по этажу, я пинком открыла каким-то чудом уцелевшую дверь. Дверь едва не слетела с петель, но послушно растворилась, явив моему взору Жана, разодетого как на свадьбу. Белая рубашка, дорогой черный костюм, бутоньерка в лацкане пиджака. Романтический облик жениха портил только… ствол автомата, направленный прямо на меня.

– Ну здравствуй! – спокойно сказал Жан и спустил курок.

По всей фабрике эхом пронесся гром. Дверь, закрывшаяся за моей спиной, разлетелась в щепки. За секунду до этого я успела молнией метнуться в сторону и упасть на пол. Вампир кинул автомат на пол, удовлетворенно расхохотался и подал мне руку.

Я в бешенстве отбросила его ладонь и поднялась на ноги, отфыркиваясь от пыли.

– Что ты творишь, мать твою?! – Мой голос эхом прокатился по полупустой комнате и вылетел в разбитую форточку.

– Проверяю, не обманываешь ли ты меня, mon amour, – усмехнулся он.

– Какого черта?! Ты меня чуть не застрелил! – прорычала я, оглядывая декорации, которые чуть не стали моим последним пристанищем.

Когда-то здесь находился кабинет. Сейчас от него остался лишь громоздкий стол, который уцелел только благодаря своим габаритам: его невозможно было вынести ни в дверь, ни через окно. Другой мебели не было. В центре стола лежало серебряное блюдо, в котором тускло мерцали серебряные украшения – легендарные Слезы. Освещение создавали два больших напольных фонаря, которые лежали в разных углах кабинета. Бабушки и Саши здесь не было, но я заметила дверь в стене, ведущую в смежную с кабинетом комнату.

– Я должен был убедиться, что ты принесла настоящую Слезу, а не ее копию, –

спокойно, без капли раскаяния в голосе сказал вампир.

– Ты совсем свихнулся? – опешила я. – Это Слеза Силы, а не Слеза Бессмертия!

– А ты не знала об этом ее свойстве, mon amour? – Жан с превосходством выгнул бровь и тоном лектора сообщил: – Сила этой Слезы не только в том, что она наделяет владельца превосходством над противником, но и в том, что она делает его практически неуязвимым для ножа и пули.

– Ты, наверное, и ножи метательные заготовил для нашего свидания тет-а-тет? – холодно поинтересовалась я. – Давай сразу проверим, чтобы тебя не томить.

– Ты сильно расстроилась, что мы не одни? – иронически протянул вампир. – Ну прости, mon amour, я должен был позаботиться, чтобы нам никто не мешал. Но, надеюсь, ты оценила место, которое я выбрал для нашего рандеву?

– Откуда ты знаешь, что я была здесь в тот вечер? – огрызнулась я.

– Я много чего о тебе знаю теперь, – охотно сообщил Жан, присаживаясь на край стола. – Перед отлетом в Париж я успел отдать кое-какие распоряжения. Должен же я был иметь представление, что за девчонка якобы случайно встретилась мне и якобы случайно сделалась вампиром с помощью моей крови. Слишком много совпадений, ты так не считаешь, mon amour?

– И что же ты подумал? Что это тщательно подготовленный план? А я – лучшая ученица Джеймса Бонда? И что моя секретная миссия – проникнуть в логово вампиров? Хотя нет, тебе-то что до того… Наверное, ты решил, что моя цель ты?

– Я, знаешь ли, не последний человек в нашем сообществе. И врагов у меня достаточно, – подтвердил мои догадки вампир. – А ты – совершенное оружие против меня самого.

– Зачем ты мне это говоришь? – Я покосилась на него с недоумением.

– Ты же не собираешься отдать мне Слезу добровольно? – ухмыльнулся Жан.

– Почему бы нет?

– Я бы не отдал. А ты – это я в женском обличье. У нас даже имена одинаковые, символично, не так ли?

– Ничего символичного, – фыркнула я. – Меня назвали в честь актрисы Жанны Моро.

– Даже так? – Вампир насмешливо вздернул бровь. – А ты говоришь – ничего символичного. Жанна была моей женщиной на протяжении трех лет.

– Завидное постоянство, – в растерянности огрызнулась я. Вот уж не ожидала обнаружить подобную связь!

– Знаешь, чем больше я о тебе узнавал после той нашей встречи, тем больше убеждался, что нас свела сама судьба. Если бы мы познакомились раньше, я бы не смог удержаться от соблазна заполучить тебя в вечные подружки. И мы бы с тобой вполне могли придумать хитроумный план, представив дело так, что я заразил тебя *случайно*.

– Ну да, – кивнула я, – одно неловкое движение – и ты вампир.

– Именно! – Жан довольно расхохотался. – Но ты сделала это сама, это просто гениально. Жанна, ты такая одна на миллион!

– Бери выше, на миллиард, – сварливо поправила я. – Или ты думаешь, в одной Москве живут еще четырнадцать таких, как я?

Вампир спрыгнул со стола и по-кошачьи двинулся ко мне, как-то подозрительно на меня поглядывая. Больших сил стоило не вздрогнуть и не отшатнуться, когда он схватил меня за локти и привлек к себе, словно намереваясь поцеловать. Ноздри защекотал пряный аромат дорогого парфюма, и я едва не чихнула.

– Согласен, ты такая одна на всей планете, – с восхищением прошептал он, развернул мою руку, чтобы разглядеть серебряное солнышко, и потрясенно вскрикнул: – Mon amour, где же ты так?!

Вид обожженной кожи привел вампира в оторопь, дав мне несколько секунд преимущества и предоставляя шанс сделать то, ради чего я терпела его ненавистную близость. Одним движением другой руки я выхватила пистолет у него из-за пояса и ткнула

ствол в бок.

В глазах Жана мелькнуло неподдельное удивление: он был уверен, что пистолет надежно замаскирован пиджаком и я о нем не догадываюсь.

– Ну здравствуй, – усмехнулась я. – Теперь мой черед проверить тебя на прочность.

– Ты этого не сделаешь. – Он облизнул губы. Удивление в его глазах сменилось восхищением. – А знаешь, с тобой еще интереснее, чем я мог представить.

– Где бабушка и Саша? – почти ласково спросила я.

– Угадай с трех раз, – совсем овладев собой, промурлыкал он и с силой обхватил меня за талию.

В ответ я еще сильнее вдавила пистолет в его бок и с напускной нежностью прошептала:

– Надеюсь, пули серебряные?

– А ты бы предпочла золотые с бриллиантами? Или, может, с сапфирами? Они больше подойдут к твоим глазам. Все, что скажешь, mon amour, – пылко прошептал он мне на ухо. – У меня достаточно денег, чтобы удовлетворить любые твои капризы.

– Может, тогда сдохнешь сам? – предложила я.

– Какая ты жестокая, mon amour! – почти с восторгом прошептал он.

– Вся в тебя, – призналась я и прикрикнула: – Руки!

Вампир поднял руки и, повинуясь пистолету в моей ладони, отступил на шаг.

– Они там? – Я кивнула в сторону двери.

Он повел плечом:

– Проверь.

– Тронешься с места – пристрелю, – пообещала я, пятясь.

– Ты этого не сделаешь, – убежденно ответил Жан.

– Увидишь. – Я подобрала с пола брошенный автомат и направила на него уже оба ствола.

Превосходство было на моей стороне. Оружия у Жана не осталось, и надеяться он мог только на своих головорезов за дверьми.

– Не сделаешь, – уверенно повторил он. – А знаешь почему? Потому что я тебе нужен.

– Похоже, у тебя мания величия, – насмешливо сказала я, не сводя с него прицела и продолжая двигаться назад.

– Подумай сама. Ни один мужчина в мире не удовлетворит твоих запросов. Ни один мужчина в мире не поймет тебя так, как я. И ни один мужчина в мире не сможет посмотреть тебе в глаза без страха. Тебе нужен достойный спутник, а не рохля, каким был твой Глеб.

– Заткнись! – прорычала я.

– Ты все еще плачешь о нем? – Вампир удивленно вздернул бровь. – Я думал, ты уже утешилась в объятиях Вацлава. Как ты меня огорчила своим выбором… – Он поцокал языком.

– Тебя это не касается, – процедила я.

– Неужели ты не понимаешь, глупенькая? Он видит в тебе только мою преемницу, машину для убийства, ты сама по себе ему неинтересна.

Стиснув зубы, я толкнула дверь и сразу же уткнулась в знакомые лица. У стены на деревянной скамейке сидели Саша с бабушкой. Целые и невредимые. Связанные по рукам и ногам и чем-то одурманенные – на мое появление они даже не отреагировали.

– Какого?.. – Я в бешенстве обернулась к Жану, и в спину мне уткнулся ствол пистолета.

– Топай вперед, курица! – велел истерически звенящий женский голос.

Я застонала от собственной глупости и позволила разоружить себя. И Слеза не помогла: увидев бабушку с Сашей, я забыла обо всем на свете.

Незнакомка обошла меня спереди, держа на прицеле, и я с удивлением узнала в ней девушку с шарфом на шее, которая была в тот роковой вечер с Жаном. Тот подошел к красотке сзади и жестом собственника обнял за талию, одновременно отбирая автомат.

– Молодец, Элен! Ну, что скажешь, все при ней?

Элен прищурилась, оглядывая меня, и на ее лице отразилось удивление, словно она увидела что-то такое, чего не ожидала увидеть.

– О да, все при ней. Полный комплект, – с каким-то злорадством ответила она и нервно добавила: – Но учти, я слышала все, что ты говорил этой вешалке.

– Я заговаривал ей зубы, глупышка, – раздраженно сказал Жан.

– Ты называл эту выдру mon amour, – ревниво укорила его она.

– Элен, не будь дурой! – поморщился вампир.

– Он говорил, что мы созданы друг для друга, – подначила ее я. – И что я одна на миллиард!

Зря я это сказала. Потому что ревнивая Элен спустила курок, и защитная сила Слезы бросила меня на пол. Из глаз полетели искры, над головой пронесся рокот выстрелов, женский крик, снова грохот, и в комнате стало оглушающе тихо.

– Ты в порядке? – Жан с беспокойством склонился надо мной.

Я машинально дала ему руку и тут же отшатнулась, когда встала на ноги.

– Куда ушла эта истеричка? – Я потерла глаза, перед которыми плясали разноцветные точки, и испуганно вскрикнула.

Элен никуда не ушла. Она лежала на полу с простреленной грудью и навеки остекленевшими глазами смотрела в потолок. На ее лице застыло выражение безграничного удивления и детской обиды. Такого предательства от любимого человека она не ожидала.

– Зачем ты ее убил? – с дрожью спросила я.

– Иначе она бы убила тебя, – спокойно ответил вампир, поигрывая автоматом. Пистолет он уже успел убрать за пояс, но его нахождение не стало для меня тайной.

К счастью, тайной для Жана оставались мои мысли. Я напрасно боялась, что он раскроет меня с первой минуты и узнает про Тринадцатую Слезу. Читать мои мысли, как тогда, во время нашей первой встречи, он уже не мог. Благодаря кровной связи он чувствовал меня, он понимал меня, но он не мог проникнуть в мои мысли, как это без труда делали другие опытные вампиры, Вацлав и Инесса, бывшие даже моложе его.

– Слеза спасла бы меня, – напомнила я, прикидывая, как бы добраться до оружия.

– Сегодня – да, а потом ее бы никто не остановил. Ты разве не видишь, она совсем крейзи.

– Вот и сдал бы ее в психушку. Убивать-то зачем?

Жан с интересом взглянул на меня:

– Милосердие? Интересно. Разве моя кровь не избавила тебя от этой дурной привычки?

– Ты переоцениваешь свою черную кровь, – процедила я.

– Милосердие – плохой помощник в долголетии, – назидательно сказал вампир, воздев автомат. – Если хочешь прожить двести лет, забудь о нем.

– Спасибо за совет, – не сдержалась я. – Очень мило с твоей стороны рассуждать о долголетии над телом твоей любовницы.

Жан и не думал обижаться.

– Я все равно собирался от нее избавиться, – обронил он. – Ревнивая дура! Но ясновидящая отменная.

– Ясновидящая? – Я непонимающе подняла глаза.

– Она помогла мне найти Слезы, разбросанные по всему миру, – поделился Жан, присаживаясь на край стола и выуживая из горсти серебра блестящий ободок браслета. – Знаешь, я ведь ищу их много лет. Не я первый – многие искали до меня, еще в Средние века легенда о Серебряных Слезах будоражила умы вампиров. Но за пять веков никому не удалось собрать их. Что в общем-то неудивительно. Сама представь то время – ни газет, ни телевидения, ни Интернета. А Слезы расползлись по всему свету. – Голос Жана приобрел особенную глубину и завораживающую интонацию. В речи появилась несвойственная вампиру эпичность, напевность. История лилась из его уст легко и непринужденно, слова складывались в красивые фразы, ласкали слух, рисовали в воображении картины прошлого.

Казалось, даже лицо рассказчика озарилось особым светом. Да это же Слеза Красноречия у него в руках, поняла я. Поэтому я и слушаю его развесив уши и даже не пытаюсь перебить, подколоть, высмеять.

– За век вампира и половины не успеешь объехать, – продолжил Жан, вдохновленный моим вниманием. – Поэтому некоторые объединялись в дюжины, по числу Слез, и колесили по закрепленным за ними странам, расспрашивая, прислушиваясь, приглядываясь. В надежде, что поодиночке им удастся разыскать амулеты, а потом встретиться и соединить их. Одной группе в конце позапрошлого века это почти удалось. По слухам, они собрали половину Слез, после чего истребили друг друга, намереваясь завладеть чужими амулетами. Поэтому я к своим поискам никого не привлекал. Только Элен, которой не было никакого дела до могущества над вампирами.

– А как же твои головорезы? Которых ты прислал за нами в Таиланд? – Я с трудом, но все-таки нашла в себе силы перебить Жана, и это стало для него сюрпризом.

Он осекся на полуслове и сухо сказал:

– Они преданные мне люди и не задают лишних вопросов.

– Хочешь сказать, что они не знали, за чем ты их отправил? – не поверила я.

– Они искали серебряное украшение моей покойной матушки, которое дорого мне как память, – усмехнулся Жан.

– Да они у тебя совсем гоблины, – не удержалась я. – А та кровавая бойня в Африке, когда погибла Ева Фиери? Тогда они искали серебряную подвеску твоей любимой бабушки?

– Их там не было. Я ездил туда один, – огорошил меня вампир.

Я оцепенела. В голове не укладывается: гора трупов – дело рук одного Жана? Да он еще более безумный, чем о нем думает Вацлав.

– Не пугайся так, mon amour, – качнул головой Жан, – я Еву не убивал. И остальных тоже. Мне тогда тоже досталось – еще месяц зализывал раны. Меня же тоже тогда убили. Вместе со всеми.

– Так это были террористы?

– Террористы, бунтовщики, революционеры, – Жан нервно повел плечом, – какая разница? Я в эти тонкости не вникаю. Только налетели всем скопом, и через пять минут в живых не осталось никого. С Евой я даже поговорить толком не успел. Окажись я там хотя бы часом раньше, Ева бы, возможно, сама отдала мне серебро, покорившись Слезе Красноречия. А так мы полегли там вместе, и Слезу я снял уже с трупа. Хорошо еще Элен побоялась долгого перелета и осталась во Франции, а то как бы я без нее?

Он почти с нежностью посмотрел на мертвую любовницу.

– За две сотни лет до встречи с Элен мне удалось собрать только четыре Слезы, – признался он. – Элен помогла мне найти оставшиеся меньше чем за год. – Он почти с благоговением опустил серебряный ободок на горстку других Слез.

– Хорошо же ты ее отблагодарил, – оторопело пробормотала я.

– Сама виновата, – поморщился он и пожаловался: – Замучила меня своей ревностью, а я никогда не страдал верностью. Ради того чтобы получить амулеты, пришлось почти год вести жизнь праведника, отказывать себе во всех соблазнах, питаться только ее кровью и донорскими подачками. Иначе она грозилась перестать заниматься поисками Слез.

– Бедный, как же ты страдал, – с отвращением прошептала я. Больше всего вампир сейчас напоминал брюзжащего старикана, все недостатки характера которого обострились к старости.

Не зная о моих мыслях, Жан насмешливо фыркнул, перегнулся через стол и дулом автомата придвинул к себе чашу с Серебряными Слезами.

– Как же я ждал этого дня, когда все Слезы окажутся в моих руках и я смогу наконец избавиться от той зависимости, в которую она меня поставила.

Он зачерпнул ладонью серебряные украшения и пропустил их между пальцами, пересчитывая. Всего Слез было десять. Получается, еще одну он держит при себе? Или я неправильно посчитала?

– Не будем медлить, – поторопил меня вампир. – Отдай мне то, что принесла.

Я не тронулась с места.

– Пожалуйста, – нежно попросил он, направляя на меня ствол автомата.

– Сначала отпусти заложников, – потребовала я.

– Хорошо, – после паузы кивнул он. – Ты можешь освободить их.

Я бегом кинулась в комнатушку и, не тратя времени на распутывание узлов, просто разорвала веревки, до крови расцарапав руки. Саша и бабушка пребывали в каком-то трансе.

– Саша, – тихо позвала я.

Подруга подняла голову и, мне показалось, узнала меня.

– Саш, возьми бабушку и спускайтесь вниз. За воротами завода стоит черный микроавтобус. Там тебя встретит Ирвинг.

При упоминании любимого Сашкино лицо прояснилось, а глаза сверкнули, как весеннее солнышко. Словно во сне, она поднялась с места, размяла затекшие ноги. Мы вместе помогли встать бабуле, и я проводила пленниц до двери. Дальше Саша повела бабушку сама. Я повернулась к Жану, с трудом скрывая торжество в глазах. Теперь меня ничто не заставит соблюдать этикет.

– Сразимся? – с азартом предложил он, удивив меня. – Я уже говорил, что не верю, что ты отдашь Слезу добровольно. Я бы на твоем месте не отдал. Видишь, я даже отпустил заложников. Они были нужны лишь как гарантия того, что ты придешь сюда и принесешь подлинник, а не подделку. Ты бы не стала драться в полную силу, если бы боялась за их жизнь. Теперь им ничто не угрожает, и ты можешь показать все, на что ты способна.

– Зачем тебе понадобилось двое заложников? – ощетинилась я. – Недостаточно было одного?

– Знаешь, когда я увез мадам Лизон, то подумал: а как бы я сам поступил на твоем месте? Ведь мы так похожи… И мне пришло в голову, что я вполне мог бы пожертвовать жизнью любимой, но уже отжившей свое бабушки ради тех двух веков молодости, которые ждали впереди меня. А вот ради лучшего друга я бы, пожалуй, мог рискнуть своей жизнью.

– Ошибаешься, – прошептала я, стиснув кулаки. – Я бы не бросила бабушку. А ты не способен пожертвовать собой ради друзей.

– Ну давай же, mon amour, ударь меня! – азартно попросил Жан.

– Боюсь тебя разочаровать… – Я облизнула губы, прикидывая, как бы завладеть автоматом. – Я не черепашка Ниндзя и не ангел Чарли. Я не владею боевыми искусствами и вряд ли смогу тебя удивить.

– У тебя есть Слеза Силы, и ты уже показала, на что она способна. Я предлагаю честный бой. Вижу, оружием ты владеешь хорошо, поэтому уравняем шансы. – Вампир распахнул дребезжащую раму и выбросил за окно автомат.

Я побледнела. Хорошо еще он не знает, что мне известно о пистолете. Тогда у меня есть шанс подобраться к нему во время рукопашной и разоружить. Сейчас нечестность Жана даже была мне на руку.

Однако Жан меня удивил. Вопреки своей репутации он решил играть по-честному.

– Ах, чуть не забыл! – Уже сделав шаг по направлению ко мне, он вернулся к окну и вынул из-за пояса пистолет.

Я с едва скрываемым ужасом проследила, как летит на землю мое единственное преимущество.

– Теперь все. Ну не тяни, mon amour. Совсем скоро здесь появятся твои друзья. Увидев, что я отпустил заложников, они не будут отсиживаться в своем микроавтобусе и захотят вызволить тебя из лап людоеда. А у меня не так много времени убедить тебя в том, что мы созданы друг для друга и ты должна отдать мне Слезу прежде, чем они нам помешают, – дурашливо сказал вампир. – Они должны ворваться сюда не раньше, чем я воссоздам чашу.

– Тебе нужна публика? – усмехнулась я.

– Мне нужны доказательства действия чаши. Если мне покорятся Гончие, то мне покорится весь мир.

– Но только не я, – пообещала я.

– Ты станешь моей самой сладкой победой, mon amour. – И он стремительно бросился ко мне, сгреб в охапку и наклонился к моей шее, явно намереваясь выдрать кусок с мясом.

Перед глазами все помутилось от ненависти. Извернувшись ужом, я выскользнула из его рук и наугад выбросила руку и ногу. Мои слепые удары неожиданно попали в цель.

Вампир охнул и согнулся пополам. Когда он выпрямился, на его губах играла улыбка.

– Неплохо для начала, ангелок.

Он снова напал, и снова мне удалось уклониться от его кулаков и нанести несколько болезненных ударов в грудь и в живот. Он нападал – я защищалась. Ногами, зубами, кулаками – как могла. Откуда только взялись во мне эти умения – понятия не имею. Только Жан со все нарастающим уважением поглядывал на меня и не оставлял попыток одержать надо мной победу. Он нападал – я защищалась. Не всегда это удавалось хорошо, и я получила несколько ощутимых толчков, которые наверняка синяками впечатались в тело. Спасибо Слезе – я не чувствовала боли.

– Ангелок, ты еще не устала?

– Вот тебе «ангелок»! – Удар по касательной по скуле, казалось, значительно подпортил голливудскую улыбку моего визави.

– Нет, это уже из другого кино, – осклабился он, вытирая кровь в уголке рта белоснежной манжетой.

– Ты о чем? – насторожилась я.

– Да ты используешь приемы из знаменитых боевиков, – с усмешкой сообщил вампир. – Дерешься, как ангелы Чарли и Беатрикс Кидо, уворачиваешься от ударов, как Нео из «Матрицы».

Неужели? Так вот откуда что берется. Спасибо тебе, Слеза. Спасибо, Голливуд! Спасибо, братья Вачовски и Квентин Тарантино.

Окрыленная этим знанием и пылая ненавистью Тринадцатой Слезы, я бросилась на Жана. Теперь уже я нападала, а защищался он. К чести Жана надо признать, он был достойным противником и владел единоборствами не хуже киношных персонажей, которых я непроизвольно копировала, так что скоро я изрядно выдохлась.

– Сдавайся, – прошептал он, в конце концов прижав меня к стене. – Увлекательно было сразиться с достойным соперником, но согласись – я сильнее. Я изучал единоборства в Китае, Таиланде и Корее. Я не хочу причинять тебе боли. Я ведь тебя почти люблю.

Я вдруг почувствовала, как сила стремительно уходит из меня и на меня накатывают страшная усталость и желание покориться Жану.

– Ты любишь только себя, – прошипела я, безнадежно пытаясь сопротивляться.

– Я готов полюбить тебя.

Я застонала, почти ощутимо чувствуя, как его слова лишают меня последних сил.

Я забилась в его руках, в надежде ответить ему с той фантастической силой, которой когда-то так испугался Глеб, которая вчера смяла железную кружку и сегодня погнула сталь входной двери. Но силы не было. Разрушительная сила, которой меня прежде питал сам Жан, ушла. С тех пор как я вошла сюда и вампир убедился в подлинности Слезы, спасшей меня от пули, он пытался заполучить меня в союзники, защитил от Элен, пел комплименты, демонстрировал по отношению ко мне свое дружелюбие, а сейчас и вовсе почти признался в любви, похоже, тем самым обезопасив себя и лишив меня сверхъестественной силы. Интересно, он это нарочно? Ненависть, которую усиливала Тринадцатая Слеза, бурлила в моей крови, Слеза Силы делала меня невосприимчивой к боли, давала преимущество во владении оружием и вызывала в памяти навыки боя, которые я видела в кино. Но сейчас, без подпитки силой Жана, я могла рассчитывать только на собственные физические возможности. То есть была совершенно беспомощна.

С первого этажа донеслись крики и выстрелы.

– Вот и твои друзья на подходе, mon amour, – вампир погладил меня по щеке, – пора.

Его рука сорвала с запястья Слезу Силы – шнурок, державший ее, ослаб во время драки

и поддался без труда. Серебряное солнышко блеснуло в последний раз и исчезло в стиснутом кулаке вампира. Тут же ко мне вернулась боль: засаднили разодранные в кровь ладони, заныл ожог, заломило все тело, резкая боль пронзила ребро – так сильно, что я не устояла бы на ногах, если бы меня не удержал Жан.

Вампир, однако, по-своему расценил мой стон и мою слабость.

– Сложно расставаться со Слезкой? А теперь отдай мне вторую.

Я оцепенела от этих слов. Откуда он знает про Тринадцатую Слезу? Он не может ее видеть – она спрятана под воротом джемпера. Он не может про нее знать, про нее не знает никто, кроме старейшин и Вацлава…

Но он знает.

Знает, с ужасом поняла я, вспомнив его вопрос к Элен и ее ответ. «Да, все при ней, – сказала ясновидящая, глядя на меня. – Полный комплект». Но Тринадцатая Слеза не должна попасть к Жану, иначе случится катастрофа и к власти придет полностью сумасшедший правитель…

– Какую еще вторую? – хрипло прошептала я, не желая сдаваться.

– Ту, с которой все началось, – плотоядно улыбнулся Жан. – Ту, которая сделала тебя подобной мне.

– О чем ты говоришь?

– Я говорю о Слезе Привлекательности, которой ты владеешь, – ошарашил меня Жан. – Именно ее я искал в ту ночь в окрестностях твоего дома. Именно она заставила меня остановить тебя в той подворотне. Я потом долго думал: как же так получилось? Я ведь не был голоден, Элен подставляла мне свое горло по первому требованию. Незадолго до нашей встречи я как раз подкрепился. И тем не менее, когда я увидел тебя, то не смог пройти мимо. Почему?

– Почему? – эхом повторила я.

– Потому что у тебя было то, что я искал.

– Ты бредишь, – неуверенно возразила я, вспомнив, при каких обстоятельствах я получила серебряное кольцо, которое впоследствии переплавила в пирсинг.

Его подарил свихнувшийся на старинных кладах бой-френд Федор, утверждавший, что оно – часть древнего сокровища. Федор был отнюдь не похож на Индиану Джонса или на других широкоплечих и мужественных голливудских кладоискателей. Он был худым, как жертва тайских таблеток, невзрачным, как эпизодический персонаж в блокбастере, и прыщавым, как парень из рекламы «Клерасила» в начале ролика. У него были вечно сальные патлы до плеч и единственные джинсы с китайского рынка, застиранные до дыр. Даже терпимая Сашка не скрывала своего неодобрения нашего союза и недоумевала, как я в здравом уме могла обратить внимание на это «ископаемое». А меня приводили в восторг его длинные артистические пальцы, на которых он не снимая носил старинное серебряное кольцо, и его блестящие глаза, и его греческий профиль… «Приворожил он тебя, что ли?» – в сердцах говаривала Саша. Такую же версию высказала впоследствии и мама. А соседка Настя и вовсе однажды сдала Федора милиции. Она видела, как Федор открывал дверь моим ключом, и приняла его за вороватого бомжа. Моя влюбленность в Федора прошла в тот миг, когда он снял с пальца серебряное кольцо, с которым никогда не расставался, и подарил его мне. Я отчетливо помню, как с глаз моих словно спала пелена. Я увидела перед собой тощего, щуплого, потного юношу неопределенного возраста, в котором с трудом узнала своего романтичного кладоискателя…

– Говорят, ты носишь ее здесь. – Рука Жана коснулась моего живота, нащупала горошинку пирсинга.

Я дернулась, как от удара током, и огрызнулась:

– Что же ты не взял ее тогда?

Кольцо, которое подарил мне Федор, – легендарная Слеза? В голове не укладывается. Но в таком случае, как он мог так легко с ним расстаться? Впрочем, легко ли? Я помнила, как долго втолковывала непонятливому Федору о своем желании носить на пальце колечко.

Правда, я намекала на «Булгари» и «Тиффани», но Федор посчитал, что кольцо, которое так дорого ему, станет для меня лучшим подарком. Выходит, его любовь ко мне оказалась сильнее магии вампирского серебра. Получается, нелепый Федор любил меня больше, чем Ева Фиери своего Дина?

– Я недооценил силу Слезы, – ответил на мой вопрос Жан. – Она окружает своего владельца такими чарами, что, увидев тебя, я забыл, зачем очутился в этом районе в тот вечер.

Получается, неспроста, стоило мне надеть пирсинг, на дорогах выстраивались пробки из иномарок, владельцы которых жаждали со мной познакомиться, и даже женатые коллеги, которых было трудно заподозрить в страсти к адюльтерам, начинали приставать с оскорбительными предложениями. И только на Однорога вампирская магия не действовала. Ну да он у нас вообще уникум!

– А Элен? – спросила я. – Она тоже забыла, зачем тогда там очутилась?

– Элен – ревнивая дура, – с нескрываемой злостью сказал Жан. – В тот вечер мы с ней больше часа бродили по окрестностям, искали дом, в котором хранится Слеза. Она водила меня вокруг да около, говорила, что Слезы сейчас нет на месте. Описывала мне эту фабрику, по которой ты в тот момент шлялась. Владельца Слезы она видеть не могла, только ее нахождение. Я устал, шел дождь, Элен водила меня кругами. Я психанул. Элен, желая мне угодить, попросила подождать ее под козырьком подъезда. А сама решила еще раз обойти дом, в котором ей чудилось мерцание Слезы. Кстати, она ошиблась тогда. Это был не твой дом, а соседний. Я стоял, ждал ее, из подъезда вышла девушка с болонкой. Увидела меня – и попыталась завести разговор.

– Она что, самоубийца? – хмуро спросила я.

– Понравился я ей, – буркнул Жан. – Как мужчина. А тут Элен вернулась и как стала кричать, истеричка, что меня одного на минуту оставить нельзя, что я специально девушку чарами из дома выманил, что по доброй воле ни одна дура в такую погоду собаку выгуливать не пойдет. Девушка с болонкой быстро домой слиняла. А мы с Элен поругались страшно, и я ушел.

– Она потом искала тебя, – вспомнила я. – Видно, ей уже не до Слез было, когда она меня встретила, раз она амулет проглядела.

– Или она специально это сделала, что вероятней. – Вампир выругался. – Чем меньше Слез оставалось найти, тем с меньшей охотой она их искала.

– Похоже, предчувствовала, твою благодарность, вот и не торопилась… Так, значит, моя Слеза – заключительная в твоей коллекции? – стараясь не выдать волнения, уточнила я.

– С твоей будет ровно дюжина, – подтвердил Жан.

– А как же Тринадцатая Слеза? – по возможности небрежно спросила я.

– Тринадцатая Слеза – выдумка, – убежденно ответил вампир. – Элен точно сказала, что никакой Тринадцатой Слезы на свете нет.

«Спасибо тебе, Элен, – мысленно поблагодарила я. – Конечно, ты руководствовалась личными мотивами. Ты знала, что, когда у Жана наберется полный комплект, он захочет избавиться от тебя. Ты же была ясновидящей. Хотя до последнего момента влюбленное сердце отказывалось верить в это, поэтому на твоем лице посмертной маской застыло удивление. А пока на свете существует последняя Слеза, ты могла бы быть ему полезной, могла держать его при себе. Ты ведь его по-настоящему любила. Любила так, что даже обрадовалась, увидев на мне Тринадцатую Слезу. Забыла о собственной безопасности и порадовалась за любимого, мечта которого осуществится. Вот только тебе в этой мечте места уже не было…»

Со стороны лестницы донеслись выстрелы, и вампир стиснул мои плечи.

– Ты отдашь мне Слезу?

– Возьми сам, – мстительно сказала я, предчувствуя, что он долго провозится с мудреной застежкой. А там, может, и Вацлав с ребятами подоспеют.

Издалека донесся грохот шагов. Сейчас стреляли уже ближе.

– Похоже, что уже нет времени.

Жан сгреб меня в охапку, швырнул на стол, стиснул над головой руки железным кулаком, придавил ноги своим телом. Я завертелась, пытаясь сбросить его с себя. Но вампир держал крепко – Слеза Силы теперь служила ему.

Шаги грохотали уже на этаже.

Жан задрал мой свитер, обнажив полоску живота с пирсингом, схватил блюдо с Серебряными Слезами со стола и, опрокинув амулеты мне на живот, отбросил ненужное блюдо в сторону и накрыл Слезы ладонями, как куполом. Я взвыла от боли: пирсинг словно мощным магнитом потянуло к остальным Слезам и выдрало с кожей. Я почувствовала обжигающее тепло крови, а потом леденящий холод серебра, которое жидким металлом растеклось по животу.

В тот же миг в кабинет ворвались последние люди Жана, следом за ними появились Гончие. Головорезы держались до конца, закрывая спинами хозяина и меня. Оглушенная болью, я словно издалека слышала крики и звуки ударов. Видела, как сражаются Вацлав и Ирвинг, пытаясь пробиться ко мне. Как плечом к плечу с ними бьется Аристарх, не жалея себя.

Тем временем Жан зачерпнул жидкое серебро в ладони, до последней капли собрав его с моей кожи, и оно воронкой закрутилось в воздухе, складываясь в силуэт чаши. В тот же миг Вацлав с разбега налетел на Жана, сдернув его с меня, и они покатились по полу. Чаша, соткавшаяся из капель, но еще не успевшая затвердеть, отлетела в сторону и вновь рассыпалась серебристыми брызгами, которые повисли в воздухе над головами боровшихся Жана и Вацлава. Несколько секунд – и капли вновь сложились в силуэт чаши, и она, озарив тусклую комнату ослепительным серебристым сиянием, тяжело качнувшись, упала вниз.

Прямо в протянутую руку Жана, которого подмял под себя глава Гончих.

Все в кабинете оцепенели. Вацлав, почти одержавший верх над Жаном, разжал руки и едва ли не с почтением помог вампиру подняться. Остальные Гончие замерли на месте и смотрели на Жана с таким видом, с каким раньше взирали на Вацлава в ожидании приказов. Аристарх безвольно опустил руку со своим пистолетом с серебряными пулями. Еще мгновение – и она разжалась совсем, уронив оружие на пол.

Я тихонько сползла со стола, одергивая джемпер. Кажется, только я одна благодаря Тринадцатой Слезе продолжала смотреть на Жана с ненавистью. Странно, почему Слеза Ненависти, оказавшись в такой близости к остальным амулетам, не притянулась к ним, не выплавилась в жидкое серебро? Видимо, она и впрямь сама по себе. Единственный порок среди добродетелей последнего лорда, вылившихся в Серебряные Слезы. Амулет, о существовании которого спорили долгие годы, но так и не пришли к однозначным выводам. Осколочек серебра, всегда державшийся особняком и не захотевший вновь слиться с другими. Я машинально прижала руку к Слезе, спрятанной под высоким воротом, и с воплем отдернула обожженную ладонь, амулет раскалился так, что прожег дыру в джемпере. Жан, держа в руках чашу, в удивлении обернулся ко мне. Повинуясь какому-то неведомому порыву и превозмогая боль, я сорвала кулон с груди и, выбросив ладонь, молнией метнулась к нему, чтобы впечатать Тринадцатую Слезу в лацкан с пижонской бутоньеркой.

Туда, где сердце.

Кулон прожег бутоньерку, пиджак и рубашку и свинцом вошел в грудь.

Запахло паленой кожей и жженой пластмассой – это оплавилась веточка бутоньерки. Вампир смертельно побледнел, покачнулся и стал заваливаться на меня. Краем глаза я увидела, как перекосились лица Гончих и как со страшным криком кинулся ко мне Вацлав, чтобы растерзать ту, кто посмела поднять руку на его властелина. Стальной кулак сомкнулся на моем горле, не давая вздохнуть. В тот же миг чаша выскользнула из немеющих рук Жана, и я механически поймала ее, уже приготовившись к смерти. Гончие подхватили тело Жана и замерли, обернувшись ко мне. Железные тиски ослабили горло, и у меня подкосились колени. Я бы упала, но Вацлав, мгновение назад душивший меня, теперь заботливо поддержал за плечи. Его люди уже без всякого почтения положили Жана на грязный пол и

потеряли к нему интерес. Теперь их внимание было сосредоточено на мне.

Я обвела взглядом обращенные ко мне лица и содрогнулась. Вацлав, Ирвинг, Аристарх и еще двое Гончих, чьих имен я не потрудилась запомнить, смотрели на меня, как зомби. Как там говорил Жан: если мне покорятся Гончие, мне покорится весь мир? Вот уж спасибо, на такой мир лучше смотреть в американских ужастиках, а не в обычной жизни. Что же мне делать с тобой, проклятая чаша?

– Отойдите, – тихо сказала я, и все послушно отступили на несколько шагов.

Не выпуская чашу из рук, я опустилась на корточки перед Жаном. Вампир был мертв – Тринадцатая Слеза убила его. То ли проклятие последнего лорда через века настигло безумца, решившего стать властелином вампиров, то ли его сгубила сила моей ненависти, которую впитало серебро за последние несколько часов.

Надеюсь, еще удастся заставить ее сослужить последнюю службу.

Задержав дыхание, стараясь не вдыхать тошнотворного запаха горелой плоти и не смотреть на нее, я погрузила пальцы в центр раны на груди Жана и, ухватившись за еще раскаленный кулон, выдернула его наружу. А затем, ни на мгновение не усомнившись, бросила в чашу. Серебро треснуло, словно стекло, и чаша рассыпалась осколками-Слезами. Кучка браслетов, колец, кулонов упала сверху на Тринадцатую Слезу и с шипением стала плавиться в бесформенный ком, от которого бенгальским огнем брызнули серебристые искры.

Вампиры словно очнулись от гипноза и бросились ко мне, возбужденно голося. Аристарх попытался выхватить из огня какую-то из Слез, но обжегся и с криком отдернул руку. Мне вдруг сделалось невыносимо душно и тесно в этих стенах, и я бросилась вон – прочь от лежащего на полу мертвого Жана, от растерянных и виноватых глаз Гончих, тяжело переживавших свою минутную слабость, от такого чужого деда, который, вместо того чтобы обнять меня в знак окончания этого кошмара, пытался спасти одну из плавящихся Слез.

Во дворе фабрики нас осталось трое – я, Вацлав и Аристарх, который с фонариком рыскал по сугробам, что-то выискивая. Саша и бабушка вместе с парнями Вацлава ждали нас в микроавтобусе.

Пока Аристарх раскапывал сугробы, Вацлав рассказал, что появление бабушки произвело на всех Гончих неизгладимое впечатление: оказалось, они в свое время сбились с ног, разыскивая пожилую даму, свеженаписанный портрет которой нашли в студии Эльзы в ночь убийства. Гончие надеялись через портрет выйти на самого убийцу. Но теперь, когда виновность Инессы не подлежала сомнению, к бабушке остался только один вопрос: откуда она знает Эльзу? Разгадку этой тайны мне только предстояло узнать. Но пока меня больше волновало, как быть с Сашей и бабушкой.

– Насчет подруги не беспокойся, – кашлянул Вацлав. – Ирвинг проводит ее домой и позаботится, чтобы воспоминания о похищении исчезли из ее памяти. Она будет уверена, что провела эти две ночи с ним, а ты прикрыла ее перед мамой.

– А бабушка? Жан рассказал ей все о нас.

– Прошу, доверь это мне, – подал голос Аристарх, выныривая из темноты и подходя к нам. – Я сотру из памяти Лиз все опасные воспоминания, и ваши отношения останутся прежними, ничего не изменится. Только, умоляю, дай мне время до рассвета. Я хочу поговорить с ней начистоту, без масок, прежде чем она навсегда забудет о том, кто я на самом деле.

Мгновение поколебавшись, я согласно кивнула. Утром бабуля все равно ничего не вспомнит. Пусть у них будет хотя бы несколько часов до рассвета. Я понимала, как это важно для них обоих.

– Осталось решить последний на сегодня вопрос жизни и смерти, – промолвил Аристарх.

– Даже так? – Я в удивлении подняла брови.

– Дай руку, – попросил он, вытягивая кулак.

– Не буду, – из вредности заартачилась я.

– Пожалуйста, – произнес он и разжал ладонь.

Ему не надо было и просить об этом. Как только я увидела чуть оплавившийся серебристый кусочек, рука сама потянулась к нему. Серебро легло в ладонь, словно недостающий элемент, и меня будто окунули в солнечный водопад умиротворения и благодати.

– Это Слеза Милосердия, которой владела Ева Фиери, – пояснил Аристарх. – Я узнал ее по фотографиям.

– Но как она сохранилась? – с волнением прошептала я, сжимая ладонь, словно боясь выпустить из пальцев хоть капельку этого чудесного тепла.

– Мне удалось выхватить ее из магического огня и бросить в снег за окном, – ответил Аристарх. – Я сам удивлен, что ее удалось спасти.

Я вспомнила огонь, жадно набросившийся на Слезы, вспомнила, как Аристарх бросился к плавящимся амулетам и с криком отдернул руку. Сильный, выдержанный Аристарх, который, стиснув зубы, дрался наравне с Гончими, не смог удержаться от крика. А ведь с первой попытки он Слезу не вытащил, значит, была еще и вторая. А может, и несколько… И я еще заподозрила его в алчности, в желании присвоить Слезу!

– А ну покажи другую руку, – тихо велела я.

Дед не шелохнулся, не вынул руки, которую по-прежнему прятал в кармане пальто.

– Руку! – с нажимом сказала я.

Аристарх словно окаменел.

– Так ты покажешь или я сама? – не выдержала я.

Он нехотя вынул руку из кармана. Я ахнула, Вацлав чертыхнулся. Даже в тусклом свете уличного фонаря было видно, что кожа на правой кисти сожжена до мышц.

– Пустяки, – оборвал меня дед.

– Ты сумасшедший! – вскрикнула я. – С какой попытки ты ее вытащил?! Это же какой-то колдовской огонь, увечья могут остаться навсегда…

Я осеклась, только сейчас сознавая, на какой поступок ради меня решился Аристарх. Аристарх, стонавший из-за крошечного прыщика. Аристарх, подмечавший малейшую погрешность во внешности. Аристарх, так стремившийся к совершенству и так гордившийся своей красотой. Теперь его кисть может остаться покалеченной навеки, но, кажется, ему все равно.

– Я ни о чем не жалею, – сердито сказал он, пряча руку обратно в карман куртки. – Зато у тебя есть оберег от влияния крови Жана. Слеза должна полностью нейтрализовать его влияние. Пока ты ее носишь, ты будешь сама собой. Но если понадобится защищаться или проучить кого-нибудь, ты можешь ее снять и вновь сделаться супердевчонкой.

Я потрясенно молчала, сжимая в руке Слезу.

– Кстати, в нашей команде освободилось одно место, – вставил Вацлав. – Буду рад, если ты к нам присоединишься.

Я в растерянности перевела взгляд с Аристарха на Вацлава. Эти двое мужчин сейчас представляли два полюса, два мира. Семья и одиночество. Спокойные будни и бесконечное приключение. Нега и адреналин. Благополучие и хаос. Чего из этого хочу для себя я?

– Прости, – сказала я Вацлаву, глядя ему в глаза. Сейчас они были черными-черными, как сама бездна. – Такая жизнь не для меня.

Вацлав не выдал своего разочарования, не попытался переубедить. Он отступил назад, склонив голову и соглашаясь с моим выбором. Аристарх порывисто обнял меня и повел прочь.

– Я не прощаюсь, – донесся вслед негромкий голос Вацлава. – Я буду ждать.

– Не дождешься, – беззлобно огрызнулся Аристарх и сжал мои плечи. – Правда?

– Поживем – увидим, – задумчиво ответила я, сжимая в ладони Серебряную Слезу последнего лорда.

За нашей спиной разгоралось пламя. Вацлав действовал согласно инструкциям. Никто

из людей не должен узнать о том, что случилось сегодня ночью на заброшенной фабрике. Пусть для них это будут очередные бандитские разборки. Ведь вампиры живут только в кино, боятся чеснока и не плачут серебром.